

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

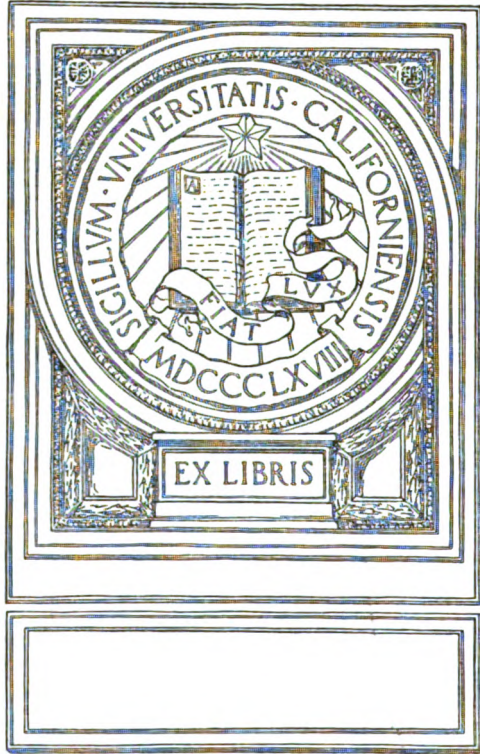
UC-NRLF

B 2 958 636

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

ANTHROPOLOGY LIBRARY

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ
СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

Russkoe

—
ВЫПУСКЪ II.
—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭДУАРДА ПРАЦА.
1854.

ГО УПРД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

GN2
№ 78
v. 2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 14 апрѣля
1854 года.**

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

СОБРАНИЕ
МѢСТНЫХЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЙ
РОССІИ.

Въ предисловіи къ первому выпуску Этнографическаго Сборника былъ изложенъ съ подробностію планъ этого изданія. Географическое Общество, имѣя въ распоряженіи своемъ значительное число этнографическихъ матеріаловъ, предположило печатать ихъ въ двухъ видахъ :

Во-первыхъ : лучшія изъ доставленныхъ частными лицами мѣстныхъ описаній помѣстить въ Сборникѣ цѣликомъ, преимущественно для ознакомленія читателей съ характеромъ и достоинствами этнографическихъ статей, въ такомъ изобиліи присылаемыхъ Обществу изъ всѣхъ концовъ Россіи.

Во-вторыхъ : изъ всѣхъ остальныхъ, доставленныхъ въ Общество матеріаловъ составить систематическіе своды, по предметамъ и мѣстностямъ.

Оба первые выпуска Этнографическаго Сборника содержатъ въ себѣ преимущественно статьи перваго рода. Цѣль, съ которою предположено было ихъ напечатать, нынѣ, какъ кажется, уже вполне достигнута. Читатели имѣютъ передъ собою достаточно данныхъ, чтобъ судить о содержаніи, достоинствахъ и недостаткахъ матеріаловъ,

находящихся въ распоряженіи Общества. Посему будущіе выпуски Сборника предполагается уже составлять главнѣйше изъ статей систематически изложенныхъ и болѣе или менѣе ученымъ образомъ обработанныхъ.

Помѣщаемыя въ предлагаемомъ выпускѣ статьи были предварительно напечатаны въ издаваемомъ отъ Общества Вѣстникѣ. Редакцію ихъ занимался Дѣйствительный Членъ Общества К. Д. Кавелинъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОГО ВЫПУСКА.

	Стр.
Село <i>Давшино</i> , Ярославской губернии Пошехонскаго уѣзда (Священника А. Архангельскаго)	1
Село <i>Лилицы</i> и его окрестности, Тульской губернии Кашир- скаго уѣзда (Священника П. Троицкаго).	81
Село <i>Голушь</i> и <i>Новомихайловское</i> , Тульской губернии Ново- сильскаго уѣзда (Священника А. Руднева)	98
✓ Бытъ <i>Бѣлорусскихъ</i> крестьянъ	111

СЕЛО ДАВШИНО (*)

ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ, ПОШЕХОНСКАГО УЪЗДА.

Священника А. Архангельскаго.

(Написано в севраль 1849 года)

НАРУЖНОСТЬ.

Наружность крестьянъ Давшинскаго прихода и ихъ сосельцев не представляетъ никакихъ замѣчательныхъ особенностей: они болѣею частію роста средняго, имѣютъ русые волосы, сѣрые глаза, правильныя черты лица и всѣ члены тѣла правильно расположенные. Большая часть крестьянъ крѣпкаго тѣлосложенія, и только нѣмногіе подвержены разнымъ болѣзнямъ; но рѣдкіе также доживаютъ до ста лѣтъ.

(*) Село Давшино на картѣ Шуберта показано въ юго-западной части Пошехонскаго уѣзда, не въ далекомъ разстояніи отъ границы, отдѣляющей этотъ уѣздъ отъ Мологскаго уѣзда, той же губерніи. Село Давшино лежитъ почти прямо на западъ отъ Пошехони, на р. Конгорѣ, впадающей въ Шексну.

Прим. ред.

Болезни здѣшнихъ жителей происходятъ болѣею частію отъ простуды. Объ этомъ будетъ подробно сказано ниже, при изображеніи домашняго быта.

Почти всѣ крестьяне здѣшняго округа умѣютъ во все внимать и скоро понимаютъ то, чему учатся или что хотятъ узнать; они также очень трудолюбивы и проворны: всякое дѣло, всякая работа, домашняя и напольная, идетъ у нихъ въ свое время, по порядку, одна за другою, хотя болѣшая часть крестьянъ, кромѣ своихъ дѣлъ, отиравляютъ и господскія работы по три дня въ недѣлю. Здѣсь всѣ довольны своимъ состояніемъ, живутъ спокойно и весело, и никто не жалуется на бѣдность.

ЯЗЫКЪ.

Здѣшнее нарѣчіе вообще довольно правильно, просто и ясно. Уклоненія отъ общеупотребительнаго языка, сколько я могъ замѣтить, состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Въ именахъ собственныхъ:

а) Начальная буква А произносится какъ О, на примѣръ: *Абрамъ, Онтипа, Онтонида*, вмѣсто: *Абрамъ, Антина, Антонина*.

б) Конечный слогъ *ій* замѣняется слогомъ *ей* и, наоборотъ, *ей* выговаривается какъ *ій*, на примѣръ: *Тимоеій, Елисей, Мосій, Досій*, вмѣсто *Тимоеей, Елисей, и т. д.*; *Игнатей, Панкратей, Лаврентей, Терентей*, вмѣсто *Игнатій, Панкратій и т. д.*

в) Начальная буква Н замѣняется буквою М и, наоборотъ, *Микита, Микулай, Микиферъ*, вмѣсто *Никита, Николай, Никифоръ*; *Нефѣдъ* вмѣсто *Мефодій*; *Маръ* вмѣсто *Марко*.

г) Въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ гласныя *о* и *и* послѣ буквы *к* измѣняются въ *у*, на примѣръ: *Кузма, Окулива*, вмѣсто *Косма, Акилина*.

д) Нѣкоторыя собственные имѣна сокращаются, на прим.: *Иштѣръ, Везъ*, вмѣсто *Санктпетербургъ, Везьогонскъ*; *Мартль, Шилать*, вмѣсто *Мартельль, Теофилакть*. Въ нѣкоторыя собственные имена вставляются лишнія буквы, на примѣръ: *Леванъ, Левонтей*, вмѣсто *Левъ*; *Климантей*, вм. *Климентъ*; *Лупанъ*, вм. *Лупъ*; *Лаврушь*, или *Лавѣръ*, вмѣсто *Лавръ*, и т. п.

е) Въ нѣкоторыхъ нарицательныхъ именахъ буква *к* замѣняется буквою *л*, напримѣръ: *кграфъ*, вмѣсто *кравъ*.

Такихъ искаженій собственныхъ именъ здѣсь безчисленное множество.

2. Въ именахъ существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименіяхъ и причастіяхъ :

а) Послѣ предлоговъ *съ*, *за*, *подъ*, *предъ*, *надъ*, требующихъ творительнаго падежа, ставятъ, во множественномъ числѣ, дательный. Напримѣръ: *вонъ идётъ оны съ новыми вѣстями. Я пріѣхалъ съ приликажъ, веретѣнамъ, игламъ и со всякими мелочамъ. За вамъ* остается не много должку. У васъ *подъ спинамъ* есть ходъ? Я *передъ вамъ* только што пришло. Съ *стемъ подлымъ* людьми не надо бы знатца. *Подъ еловымъ деревомъ* я набралъ грибовъ. Пойдемъ *съ намъ*, батюшко, въ лѣсъ *за мыкамъ*. Наоборотъ, послѣ предлоговъ *къ*, *ко*, требующихъ дательнаго падежа, ставятъ существительное, прилагательное или мѣстоимѣніе въ творительномъ. Напримѣръ: жалуйте *къ нами* въ гости. Просимъ пожаловать *къ нашими ко дворами*; бражка есъ: *тѣмъ* Богъ послалъ, *тѣмъ* и угостимъ.

Примѣчаніе. Иногда дательный употребляется вмѣсто творительнаго и безъ предлога, напримѣръ: *давай сминяемъ конамъ-тъ*; иногда же, наоборотъ, употребляется творительный вмѣсто дательнаго, напримѣръ: *развѣ вами* показать эту вещь? Между жителями описываемаго округа даже считается вѣжливостью и учтивостью, вмѣсто дательнаго съ предлогомъ или безъ предлога, употребить творительный.

Здѣсь будетъ кстати сказать и объ языкѣ той мѣстности, гдѣ я родился, верстъ за 25 отъ Давшинскаго прихода, по дорогѣ къ Череповской границѣ. Тамъ, сверхъ показанныхъ выше неправильностей, замѣчаются еще слѣдующія :

1) Въ нѣкоторыхъ словахъ (въ именахъ, въ неокончательномъ склоненіи глаголовъ и въ нарѣчіяхъ), оканчивающихся на *ать*, *ясть*, *ать*, *аться*, *яться*, *ясться*, буква *а* или *я* измѣняется въ букву *ь*. Примѣры: *я тѣ далъ пѣть рублѣвъ*, *а ты мнѣ слай двадцѣть пѣть копѣекъ*. Опльть ты здумалъ што-то

(*) Весьма желательно, чтобъ почтенный авторъ этой статьи доставилъ въ Императорское Русское Географическое Общество обширный списокъ искаженныхъ мѣстнымъ произношеніемъ собственныхъ именъ, а также и другихъ неправильныхъ мѣстныхъ рѣченій. *Прим. ред.*

хвастать. Стоять намъ надой за своё. Полно, братанъ, вальтца-то, ставай скоріе. Вотъ! я тія ему уважьтъ! Имѣтъ ли ефотгъ лёнь прѣсться? Вамъ, робя, надой своево держьтца слова. Слншнѣмъ ко те, братцы, ружьямъ-те.

Примѣчаніе. Къ глаголамъ, а иногда и къ именамъ существительнымъ, крестьяне очень часто приставляютъ въ разговорѣ частицы: *ко, те* или обѣ вмѣстѣ, также *то, бишь, ста* и другія. Примѣры: Поомъ-*ко-те*, робятушка, пора намъ въ лѣсъ. Когда обращаются съ рѣчью къ одному лицу, то къ глаголу прибавляется частица *ко*, напримѣръ: станѣмъ-*ко*, пролубъ, бать, чистить; на насъ съ тобой итакъ ужъ бабы больно ворчатъ. Што-*бишь* я тибѣ смолвилъ давича? Какое ему-*ста* дѣло до миня? А тибѣ што-*ста* за дѣло? Очевидно (?), частица *ста* употребляется вмѣсто существительнаго глагола.

Частица *те* также употребляется при существительныхъ именахъ, поставленныхъ въ предложномъ падежѣ, напримѣръ: на печѣ-*те*, въ углѣ-*те*, и всего чаще слышится въ разговорѣ женщинъ, особливо въ Ростовскомъ уѣздѣ (*).

2) Въ именахъ существительныхъ, прилагательныхъ и въ глаголахъ буква *ь* часто замѣняется буквою *и*, напримѣръ: свити свитліе Олѣксѣй. Свича-та худо горить начинаѣтъ, вишь свитильня погасаѣтъ. Полно-те смотреть на бездилицы-те.

3) Къ личному мѣстоименію *онъ* въ началѣ прибавляется полугласная *й*: *йонъ*, или *іонъ*. Въ мѣстоименіяхъ *ты* и *себя*, въ родительномъ, дательномъ и винительномъ падежахъ, буква *е* измѣняется въ *и*; также согласная *б* нерѣдко вовсе не выговаривается. Такимъ-образомъ говорятъ: *тибя, себя, тибѣ, сибѣ*, или *тіа, сіа, тів, сів*. Замѣна буквы *е* буквою *и* примѣняется также и къ косвеннымъ падежамъ мѣстоименія *я*, напримѣръ: *миня, минѣ*. Вмѣсто *мнѣ*, говорятъ *менѣ*.

Въ мѣстоименіяхъ вопросительныхъ *кто, что* и въ неопредѣленныхъ *кто-либо, что-либо* буква *к* произносится

(*) Эти частицы, которыми русскій языкъ такъ обилень, предметъ весьма любопытный и, къ сожалѣнію, очень мало изслѣдованный. Въ юридическихъ памятникахъ XVII вѣка встрѣчается частичка *су*, которую доселѣ можно услышать въ разговорахъ крестьянъ Тульской губерніи Вѣлевскаго уѣзда; есть поводъ думать, что эта частичка есть сокращеніе слова *сударь*. Значеніе многихъ частицъ и теперь еще понятно: *вишь, вѣтъ, вѣдь — вѣдай, знай; бишь — башь, говоришь; вишь — виднѣшь; молъ — малъ, скажи.*

какъ *х*, иногда какъ *ф*, а ч какъ *ш* или какъ *щ*, напримѣръ: *кто, фто, кто-либо, фто-либо; што, що, што-либо, що-либо, што-небудь, що-нибудь.*

4) Въ именахъ существительныхъ сочетаніе согласныхъ буквъ *к* и *в* (*ка*) не терпится, но или обѣ буквы замѣняются буквою *ф*, или же одно *к* измѣняется въ *х*, напримѣръ: *фартальной, фарталь, фатера; брюхва, хвась.* Въ нѣкоторыхъ словахъ буква *к* замѣняется буквою *ц*, напримѣръ: *брусница, поляница, ежевица, земляница, костяница, голубица, черница.* Наконецъ, нѣкоторые измѣняютъ въ приведенныхъ словахъ конечную букву *а* въ *я*, напримѣръ, *брусница, земляница, и проч.*

Всѣ эти неправильности слышатся въ разговорѣ крестьянъ Череповскаго и смежныхъ съ нимъ частей уѣздовъ Вологодскаго, Пошехонскаго и Мологскаго. Кромѣ того, въ означенномъ краю встрѣчаются, тамъ и сямъ, особенныя слова и выраженія. Миѣ они мало извѣстны. Вотъ нѣкоторыя, удержавшіяся у меня въ памяти:

Баловѣть — шалить.

Баловѣнка — шалунъ, иногда — распутным, негодяй.

Баловень — см. баловенька.

Бать — братъ.

Баять — говорить.

Божа — см. божатка.

Божатка — крестная мать.

Божатко — воспріимникъ.

Боженька — см. божатка.

Вахой (бранное слово) — нерасторопный, неопратный.

Вѣснусъ — прошлую весну.

Вица — пруть, или витвинка, которою сѣкутъ дѣтей.

Востракъ — острый, перенчивый во всемъ.

Галинѣ — неприличный смѣхъ.

Галить — смѣшить.

Галуха — кто смѣшитъ; смѣхъ.

Гамить — непомѣрно кричать.

Гаркать — чрезвычайно кричать.

Глумиться — бѣситься.

Голчить — говорить.

Дикариться — бѣситься.

Догъ — полъ.

- Дуродво — порякомъ, хорошо.
Дубецъ — пруть, чѣмъ сѣкутъ дѣтей.
Закутывать — затворять.
Затетѣха — толстая женщина.
Зѣвограи — зѣвака, оплошный, невнимательный ко всему.
Зѣворотои — разинувшій ротъ.
Зимусь — прошлой-зимой.
Злыдня — самая незначущая вещь.
Зобенька — корзинка, въ которую собираютъ ягоды или грибы.
Зыбыть какую-нибудь вещь — отдать, изстратить.
Кашеть — неприличная шалость, заставляющая громко смѣяться.
Ководнѣ — въ который день?
Коробка — сундукъ.
Ксхить — крестить.
Кувалда — неопрятная женщина.
Кудесить — бездѣльничать
Кудесъ — бездѣльникъ, пустой человекъ.
Кукшинъ — кубышка для масла.
Кутасы — женскій нарядъ, а можетъ-быть, и тѣ кузовки или корзинки, въ которыхъ онъ хранится.
Лавейка — калитка.
Лонись — до прошедшаго года.
Лѣтось — прошедшаго лѣта.
Мостина — плѣтушка, въ которой носятъ кормъ для скота.
Мость — сѣни.
Мусланъ (насмѣшливое и ругательное слово) — грубый мужикъ.
Невѣдра — человекъ слабый, подверженный болѣзнямъ.
Обноковенно — обыкновенно.
Оглушь — печальная болѣзнь у лошадей.
Окоёмъ — обманщикъ, негодий.
Окутывать — покрывать.
Оммень (бранное слово) — такъ бранятъ людей самыхъ негодныхъ: кажется, оно выражаетъ, что бранимый не похожъ на человекъ.
Ономьясь }
Ономедни } на сихъ дняхъ.
Осенесь — прошлую осень.
Охабень — юбка деревенской бабы, домашней работы.
Повить — сѣноваль.

Поглѹмъ — какая-то печальная болѣзнь у скота.

Подолъ — низменное, болотное мѣсто.

Поропецка — кораина.

Родникъ — колодезь.

Рученька — красная ведрка которую берутъ въ поле съ квасомъ.

Седни — сегодня.

Сивникъ — клѣтъ.

Сипакъ (бранное слово) — простой мужикъ.

Сшевѹтъ листьё — щипать, срывать.

Стромить — со злостью бранить, быть чрезвычайно строгимъ.

Толмачить — изъяснять.

Умора — кто смѣшить.

Успленё — успеніе.

Фатюй — см. валлюй.

Цолонда — въ домѣ: здравствуй хозяинъ!

Шумаркать — говорить громко.

Независимо отъ того есть и другія различія въ нарѣчій тамошнихъ крестьянъ и нашихъ, а именно:

а) Во многихъ существительныхъ именахъ и глаголахъ то выпускаютъ, то перемѣняютъ буквы, напримѣръ: *поомъ, робл, купатца*, вмѣсто пойдемъ, ребята, купаться.

б) Нѣкоторымъ словамъ придаютъ особенное значеніе или употребляютъ слова, у насъ неизвѣстныя, напримѣръ: *имѣмъте*, братцы, *въ кости* играть, вмѣсто станемъ въ кости (въ бабки) играть.

в) Окончаніе глаголовъ на *тсѧ* измѣняютъ въ *тцы*, *лсѧ* въ *лсы*, напримѣръ: *Йонъ принимаетцы* за дильцо-то дорожно. *Юнъ займуетцы* мной. Ты *занелсы* не путемъ вного.

г) Окончаніе дѣепричастія прошедшаго времени на *пѧши* и *пѧшисѧ* измѣняютъ въ *пѧши* и *пѧшисѧ*, если настоящее время изъявительнаго склоненія въ первомъ лицѣ оканчивается на *мъ* и *пю*, напримѣръ: онъ пришолъ ко мнѣ *попѧши*, или *пѧшисѧ*, *спотѧши*, и проч.

д) Нарѣчія: *когда? куда? откуда? сюда, туда, тогда, оттуда, отсюда* произносятся: *когда? куды? откуда? сюды, туды, тогда, оттуды, отсюды*; а иногда: *ковды? тогды, откудова, отсюдова, оттудова*; также: *покуды, покудова*..

е) Въ нарѣчіяхъ : *столько , сколько , только , нѣсколько , столько ,* измѣняютъ конечную гласную *о* въ *и* : *стольки , скольки ,* и проч.

ж) Букву *ч* почти всегда замѣняютъ буквою *ц* , а въ глаголахъ конечный слогъ *ся* измѣняютъ въ *ця* . Также замѣняютъ букву *а* буквою *я* , когда ей предшествуетъ буква *ц* . Наконецъ , Череповцы измѣняютъ *ся* въ *цы* , на примѣръ : *іонъ* принимает*ця* *цитатъ* писм*ецю* . *Іонъ* берет*цы* за топоръ . *Цяпъ* *цярапъ* о земь . *Цю*ствую твою хлѣбъ-соль , родимой . Вотъ какъ *цясы*-то цюкають .

Примъчаніе . Описанное здѣсь нарѣчіе принадлежитъ собственно жителямъ Череповскаго уѣзда и нѣкоторымъ смежнымъ съ ними приходамъ на правомъ берегу рѣки Шексны въ Мологскомъ уѣздѣ .

Очень сходно съ этимъ говорятъ и ближайшіе къ нимъ жители Вологодскаго уѣзда и части Пошехонскаго въ Мусорѣ и по рѣкѣ Югу въ нѣсколькихъ приходохъ . Разница состоитъ только въ томъ , что послѣдніе въ нѣкоторыхъ словахъ замѣняютъ букву *ц* буквою *ч* , на примѣръ : *чарь* , *черква* , *чапля* , *молодечъ* , *молодича* , *чиганъ* ; а букву *ч* измѣняютъ въ букву *ц* , на примѣръ : *цаловѣкъ* , *цюбукъ* , *цюдо* , и т. д. ; буквы *чт* на *ц* , и наоборотъ — *ц* въ *шт* , на примѣръ , *що* вмѣсто *что* , *сшто* вмѣсто *еще* , *шти* вмѣсто *щи* , *штавель* , *штетиньское* , вмѣсто *щавель* , *щетинское* .

Нарѣчіе названныхъ мѣстностей мнѣ совершенно извѣстно , потому-что я нерѣдко бывалъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ , а въ Череповскомъ уѣздѣ и нынѣ часто бываю ; жители Мологскаго уѣзда , сосѣдніе съ Череповскимъ уѣздомъ , у насъ плотничаютъ , а Югожане и Вологжане зимою катають теплые сапоги .

ДОМАШНІЙ БЫТЬ .

ЖИЛИЩА .

А) *Узжиточныхъ крестьянъ* .

Расположеніе жилищъ или домовъ нашихъ зажиточныхъ крестьянъ заслуживаетъ вниманія . Надобно , во-первыхъ , замѣтить , что всѣ крестьянскіе дома расположеніемъ своимъ весьма схожи между собою . Различіе заключается только въ

размѣрахъ и въ нѣкоторыхъ пристройкахъ для домашняго хозяйства, зависящихъ отъ достатка или состоянія каждаго хозяина. И потому мы возьмемъ здѣсь для образца расположе- ніе и величину домовъ средніе.

Домъ зажиточнаго крестьянина имѣеть въ длину восемь или девять печатныхъ сажень и ставится лицевой стороной на улицу, что называется *связною лицевою*. Части этой связни суть: двѣ жилыя избы, а по срединѣ между ними сѣни, одинаковой длины съ каждою изъ избъ.

Внутренность дома. Одна изъ жилыхъ избъ занимаетъ мѣсто *кухни*; въ ней крестьяне живутъ почти всегда, особливо въ зимнее время, и здѣсь же хозяйка сушатъ свою обмокшую одежду. Эта изба постоянно бываетъ *черная* и называется такъ потому, что во время топки печи дымъ не вдругъ выбирается въ трубу; въ слѣдствіе того, верхъ этой избы, по самымъ окна, всегда бываетъ закопѣлый отъ дыму.

По правую сторону отъ двери (рѣдко по лѣвую) находится печь съ *гольцемъ*, подъ которымъ входъ въ подполье, — мѣсто храненія състныхъ припасовъ зимою отъ мороза и стужи; отсюда же устроенъ ходъ въ такъ называемую *подъизбицу*, куда ставится мелкій скотъ, какъ-то: овцы съ ягнятами и телята, также для предохраненія отъ стужи.

Полъ въ избахъ всегда бываетъ безъ накатовъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда внизу устроена *зимовка*.

На одной линіи съ печью ставится *переборка*; впрочемъ, она бываетъ не во всѣхъ домахъ; гдѣ переборки нѣтъ, тамъ крестьяне вѣшаютъ занавѣсъ домашней работы или ситцевый, служащій вмѣсто ширмъ; эта переборка, или занавѣсъ, служить кажется, для того, чтобъ посторонніе люди не могли видѣть, что приготовляетъ хозяйка для кушанья; въ тѣхъ же домахъ, гдѣ другая изба не топится, — для того, чтобъ не было видно, какъ женщины убираются послѣ утренняго ухода за скотомъ и послѣ домашнихъ приготовленій. За переборкою непременно есть одно окно, умывальница, прилавокъ и шкафъ, куда кладутъ посуду и все, что относится къ занятіямъ хозяйки дома — есть всѣ принадлежности стряпни. По обѣимъ стѣнамъ чулана, или переборки, устроены бываютъ *поллицы*, на которыя кладутся пирожныя доски и прочія кухонныя принадлежности. Кромѣ того, гдѣ нѣтъ подполья при входѣ въ избу, тамъ оно

вспрѣмѣнно находится за переборкою, между печью и заднею стѣною.

Въ переднемъ углу избы стоитъ или большая кіота, или такъ называемая полка съ иконами. Въ избу продѣланы три окна, по стѣнамъ два *половочника* для поклажи шапокъ, платковъ, рукавицъ и кушаковъ. Книги, у кого онѣ есть, хранятся тутъ же. Параллельно съ печью и голбцомъ до самой передней стѣны гнутся *полати*, для отдохновенія хозяевъ.

Полы въ избахъ б ѣльшею частію моются еженедѣльно, а у нѣкоторыхъ они моются только подъ праздники.

Въ такъ называемыхъ *чистыхъ* избахъ, гдѣ хозяева живутъ только по-временамъ или которыя они натапливаютъ только для принятія гостей, всегда бываетъ опрятно и чисто; эти избы б ѣльшею частію *бѣлыя*. Расположеніе ихъ и принадлежности тѣ же самыя, какія и въ черныхъ избахъ.

Въ каждой избѣ, въ переднемъ углу, противъ кіота, между двумя окошками, ставится столъ б ѣльшаго или мѣньшаго размѣра, смотря по семейству.

Въ сѣняхъ иногда бываютъ чуланы, или такъ называемые *мушники*, гдѣ хранится мука и прочія принадлежности кухни. Если въ сѣни ходъ сдѣланъ снизу, то въ мушникѣ дѣлается одно или два окна; если же ходъ въ сѣни сверху, т.-е. съ крыльца, то въ немъ устраивается одна *калитка* (дверь).

Наружный видъ дома. Крыша на цѣлой связѣ обыкновенно бываетъ соломенная, конемъ крытая, рѣдко тесовая и крытая колпакомъ. У всѣхъ оконъ, которыхъ бываетъ отъ осьми до десяти, есть наличники, съ простыми рамами въ восемь стеколъ; у иныхъ къ окнамъ придѣлываются створныя ставни, у другихъ щитки, а у третьихъ окна безъ щитковъ. Противъ сѣней, внизу, устраиваются ворота на дворъ; съ той или съ другой стороны, смотря по удобству, стоитъ *рондукъ*, отъ котораго подымается до балкона или до крыльца досчатая лѣстница, а самое крыльцо (часто и лѣстница) бываетъ покрыто тѣсомъ; на крыльцѣ устраиваются лавки и перила, б ѣльшею частію простыя, иногда же, хотя и весьма рѣдко, съ рѣзьбою. Въ сѣни ведетъ *калитка* съ *запиркою*; если же крыльцо *глухое*, т.-е. забранное съ боковъ тесомъ, то и на рондукѣ привѣшивается дверь, которая на ночь запирается.

Внѣшній видъ двора. Скотныя дворы бываютъ рубленые и

ставятся у насъ параллельно съ связнею и почти уголь къ углу. Длина двора всегда бываетъ равна длинѣ самой связни, а ширина его соразмѣряется съ количествомъ скота и бываетъ отъ пяти до девяти печатныхъ сажень, — обыкновенно же до семи сажень. Всѣ дворы покрываются соломою. Въ одной изъ трехъ стѣнъ, смотря по удобству, дѣлаются ворота и въѣздъ на повѣть, для провоза туда корма.

Внутреннее расположение двора. На повѣти отводится особливо отхожее мѣсто. У нѣкоторыхъ хозяевъ въ одномъ изъ угловъ ставится клѣтъ, или такъ называемый *синникъ*, или *горѣнка*, гдѣ хранится всякая домашняя рухлядь и збура или упряжка. Въ этихъ клѣткахъ дѣлается маленькое окно съ рамою и желѣзною рѣшоткою. Внутри каждой клѣтки есть глухая переборка, съ небольшою дверью и вѣрнымъ или висячимъ замкомъ, гдѣ хранится хозяйскій нарядъ и все лучшее въ домѣ: это мѣсто называется *глухимъ чуланомъ*, или *кладовымъ*. Впрочемъ, такихъ клѣтей ставятъ иногда по нѣскольку, смотря по пространству двора и по достатку хозяевъ.

Въ остальныхъ мѣстахъ повѣти кладется зимою кормъ для скота; сверху, подъ самую крышею, хранится запасный тѣсъ и всѣ вещи, приготовленныя для саней, дровней, косуль, боронъ и для всѣхъ крестьянскихъ рабочихъ принадлежностей. На дворъ ведутъ двой ворота, почти всегда устроенныя въ противоположныхъ стѣнахъ, одни противъ другихъ: такъ дѣлается, чтобъ удобно было провозить на дворъ солому на постилку скоту и вывозить удобреніе въ поля и въ загороды. По обѣимъ сторонамъ двора устроено по нѣскольку хлѣвовъ, большихъ или меньшихъ, смотря по числу скота. Хлѣвы у однихъ хозяевъ бываютъ теплые, у другихъ же холодные — не мшоные. Въ хлѣвахъ дѣлаются перегородки, для удобнѣйшей разстановки скота, и въ каждой разгородкѣ дѣлаются особыя ясли; у нѣкоторыхъ хозяевъ есть и колоды, чтобъ поить скотъ.

Обыкновенная вышина двора до повѣти четыре аршина, а отъ повѣти до начала кровли три аршина съ половиною.

Б) *У крестьянъ средняго состоянія и бѣдныхъ.*

Жилища бѣдныхъ крестьянъ или весьма похожи на описанныя выше, но только ветхи, или новы, но совсѣмъ не

похожи на жилища богатыхъ, или наконецъ полу-обветшалы и весьма неудобны для жительства и для поправленія разстроеннаго состоянія хозяевъ; впрочемъ, такихъ очень у насъ мало. Поэтому я избираю для описанія и этого разряда среднюю, или жилища у людей средняго состоянія.

У крестьянина, не очень богатаго и не слишкомъ бѣднаго, у котораго достаетъ хлѣба на годъ и денегъ на нужду, или, какъ говорится, сходятся концы съ концами, домъ занимаетъ вполонину менѣ пространства, чѣмъ домъ богатыхъ крестьянъ. Виѣшнее и внутреннее расположеніе его точно такое же; только устройство другое. Правда, и эти дома часто состоятъ изъ двухъ избъ, но онѣ меньше и ниже; убранство тоже сходно, но домашняя рухлядь скуднѣе. И здѣсь также устроены небольшія сѣнцы между двумя избами, или между одною избюю и клѣткою: только эти сѣни безъ чулана, съ одними *спичниками*, гдѣ хозяйка вѣшаютъ всю упряжь, и *полицами*, на которыя хозяйки становятся *крички*, порожнія или съ молокомъ. Снаружи такія же подѣланы крыльца съ перилами, покрытыя тѣсомъ или соломою, или же ничѣмъ не покрытыя. Съ лицевой части дома подъ крыльцомъ ворота, а сзади ворота на дворъ, или въѣздъ на повѣть, тоже смотря по удобству мѣста и по устройству дома. Длина двора точно также одинакова съ длиною самой связи, а ширина—отъ трехъ до пяти печатныхъ сажень, смотря по семейству и количеству скота. Внутри двора не болѣе двухъ или трехъ хлѣбовъ, а въ одномъ изъ угловъ — стойло для лошади. Повѣть въ описываемыхъ домахъ никогда не бываетъ выше трехъ аршинъ отъ земли. На повѣти ставится *сѣнникъ*, или *кльтушка*, въ которой хранится все домашнее имущество, какъ-то: нарядъ и необходимый запасъ для продовольствія. Въ прочемъ устройство точно такое же, какъ и у зажиточныхъ крестьянъ.

Разныя принадлежности крестьянскаго дома. Загороды у всѣхъ крестьянъ соразмѣрны съ пространствомъ усадебъ и съ количествомъ владѣемой ими по числу тяголъ земли въ поляхъ. Надобно замѣтить, что во всемъ моемъ приходѣ никто не терпитъ недостатка въ усадебной землѣ; поэтому всѣ имѣютъ достаточныя загороды для овощей и гусенники для уборки хлѣба и корма.

Погребъ для храненія въ лѣтнее время молока и прочихъ

съѣстныхъ припасовъ имѣются у всякаго хозяина. Они ставятся или близъ дворовъ, или близъ загородовъ, смотря также по мѣстному удобству.

Паровыя бани имѣють немногіе хозяева, можетъ-быть, потому, что въ лѣтнее время крестьяне здѣшнихъ селеній, расположенныхъ на самомъ берегу рѣчки Конгоры, моются въ рѣкѣ, а зимою парятся въ печахъ.

Гуменная постройка. У богатыхъ крестьянъ *овинъ* для сушки хлѣба устроенъ съ крытымъ гумномъ: сверхъ-того, они имѣють по нѣсколько *сараявъ* для уборки полевого сѣна и яровой соломы. Между сараями дѣлаются крытые *сѣтсы*, или такъ называемые *промежутки*, куда складывается ржаная солома для сохраненія отъ сырой погоды и сбереженія отъ гнилости. У бѣдныхъ овины бываютъ съ некрытыми гумнами и ставится небольшой сарай и *млякинница*; для сохраненія мякины отъ гніенія.

Для сохраненія хлѣба ставятся между гуменниками и селеніями *житницы*. Каждый хозяинъ имѣеть одну или двѣ такихъ житницы, смотря по количеству хлѣба и бережливости хозяина. У нѣкоторыхъ хозяевъ житницы бываютъ двухъ-этажныя, величиною и устройствомъ не одинакія, но всѣ со врѣзными и висячими замками.

Примѣчаніе. Крестьяне, владѣющіе запольными, довольно обширными сѣнокосными нивами, ставятъ на нихъ сарай для уборки высушеннаго сѣна; здѣсь оно и хранится, пока въ немъ нѣтъ надобности.

Таково устройство крестьянскихъ жилищъ не только въ моемъ приходѣ, но и въ сосѣдствѣ на дальнее разстояніе, въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

ЗАНЯТІЯ И ПРОМЫСЛЫ.

Хлѣбопашество.

Первый, главнѣйшій и любимый промыслъ здѣшнихъ жителей есть хлѣбопашество. Кромѣ полей, хорошо удобренныхъ и обработанныхъ, каждое семейство имѣеть три и болѣе довольно пространныхъ *нивъ* (*), точно такъ же хорошо обрабо-

(*) Нива — маленькое поле, принадлежащее одному хозяину, который его вычистилъ, хорошо удобрилъ и обработалъ.

танныхъ и удобренныхъ, какъ и поля. На этихъ нивахъ вы-сѣвается болѣе сѣмянъ, чѣмъ въ поляхъ; но на нихъ сѣютъ тотъ же хлѣбъ, какой и въ поляхъ, и растутъ онъ такъ же хорошо, какъ и тамъ, а иногда и лучше.

Здѣшніе жители сѣютъ также яровой хлѣбъ и по наволокамъ, по берегу рѣки Конгоры, и тутъ онъ растетъ такъ же хорошо, какъ и въ поляхъ и на нивахъ.

Сѣнаго покосу у каждаго семейства довольно. Всякій имѣетъ въ сѣнномъ угодьи множество *нивъ*, довольно обширныхъ, съ которыхъ накашиваютъ сѣна не только на свой скотъ, но и на продажу. Продажа сѣна происходитъ или на дому, цѣлыми стогами, или въ городахъ Пошехонн, Рыбинскѣ и Мологѣ. Отъ продажи сѣна здѣшніе хозяева выручаютъ довольно денегъ на уплату господскаго оброка и всѣхъ казенныхъ повинностей. Продають также много хлѣба, болѣею частию овса и ячменю. Нуждающіеся продають по мѣрѣ надобности, а зажиточные выжидаютъ дорогихъ цѣнъ на хлѣбъ и на сѣно, и тогда продають.

Примѣчаніе. Должно замѣтить, что самые бѣдные изъ здѣшнихъ крестьянъ имѣютъ каждый по одной или по двѣ лошади, отъ трехъ до пяти коровъ и шесть или болѣе овецъ; крестьяне болѣе зажиточные держатъ по осьми овецъ, до десяти коровъ и по три лошади; самые же лучшіе хозяева имѣютъ по десяти и болѣе овецъ, отъ пятнадцати до двадцати коровъ и отъ пяти до десяти лошадей. Бѣдные намолачивають всякаго хлѣба отъ тридцати до сорока четвертей, средніе — отъ шестидесяти до осмидесяти четвертей, а самые зажиточные и семейные—отъ ста-шестидесяти до двухъ-сотъ-шестидесяти четвертей, смотря по урожаю и по посѣву хлѣба. Сѣна накашиваютъ: бѣдные—отъ шестидесяти до семидесяти возовъ, средняго состоянія — до ста возовъ, а богатые — до двухъ-сотъ и болѣе.

Рубка лѣса.

Другое любимое занятіе здѣшнихъ жителей есть рубка лѣса. Оно было у нихъ любимѣйшимъ и самымъ выгоднымъ, пока имъ не было еще запрещено владѣльцами рубить лѣсъ въ ихъ дачахъ. Когда они рубили свой лѣсъ на воду и поставляли дровами лѣсъ въ Ярославль, а остальной въ Рыбинскъ, они выработывали въ зиму до четырехъ-сотъ рублей на топорь.

Нынѣ, со времени запрещенія рубки, это занятіе пришло въ упадокъ; ибо хотя большая часть здѣшнихъ жителей и доселѣ продолжаетъ этимъ заниматься, однако, оно доставляетъ меньше выгодъ, потому что за вырубаемый лѣсъ они платятъ владѣльцамъ значительную кортому. Лѣсъ рубятъ они на дрова и гоняютъ по Шекснѣ и Волгѣ въ Ярославль, а бревенчатый лѣсъ, *копани* (*) для барокъ, *лопастникъ*, *жерди* и весь *слань* гоняютъ въ Рыбинскъ и тамъ продаютъ; послѣдніе три сорта лѣса употребляются на подкладни подъ кулье.

Прим. Весною крестьяне надираютъ ивовой коры, которую называютъ *корьемъ*, и продаютъ кожевникамъ по 50—70 копеекъ за пудъ. Дерутъ также *скалу* на деготь и подъ тесовую крышу. Впрочемъ, этотъ промыслъ менѣе выгоденъ, нежели первый, и притомъ не всякій имъ занимается. Подъ осень набираютъ клюкву и бруснику, также морошку, полянику, гонобобель, чернику, малину и смородину, смотря потому, на какія ягоды бываетъ урожай.

Звѣриная, птичья и рыбная ловля.

Большая часть молодыхъ крестьянъ, хотя и не всѣ, занимаются охотою. Самая удачная отрасль этого промысла есть ловля зайцевъ, которыхъ въ нашихъ лѣсахъ безчисленное множество. Ихъ ловятъ всегда зимою, *сжимами*, или капканами: каждый охотникъ имѣетъ отъ двадцати до тридцати сжимовъ. Особливо зимою въ 1848 году ловъ былъ наилучшій: на каждые десять сжимовъ попадало въ сутки отъ пяти до семи зайцевъ. Такой удачный ловъ объясняется, кажется, тѣмъ, что предшествовавшая зима была безснѣжна, и потому вовсе не было лова зайцевъ, а въ два года они могли расплодиться вдвое болѣе противъ прежняго; къ тому же зима 1848 года была очень морозная, а въ морозы всегда бываетъ лучшій ловъ зайцевъ.

Медвѣдей и волковъ въ нашихъ лѣсахъ довольно, и каждый годъ бываетъ отъ нихъ вредъ здѣшнему скоту; но здѣшніе жители ихъ не ловятъ, или по неспособности къ тому, или по недостатку хорошихъ собакъ и происходящей отъ того непривычки къ такой ловлѣ. Лисицъ попадаетъ здѣсь очень

(*) *Копани* служатъ основою для барокъ, плывущихъ съ грузомъ вверхъ по Волгѣ, отъ Рыбинской пристани.

мало; куницъ, выхухолей, хорьковъ, горбостаевъ ловятъ довольно, а бѣлокъ—очень мало. Другихъ звѣрей въ нашихъ лѣсахъ нѣтъ.

Изъ птицъ здѣшніе крестьяне болѣе всего бьютъ тетеревей, моховыхъ и полевыхъ, сверхъ-того рябчиковъ, куропатокъ, утокъ и куликовъ. Другихъ птицъ, хотя ихъ тоже здѣсь довольно, не бьютъ, — потому ли, что не находятъ, или потому, что не знаютъ ихъ употребленія, миѣ неизвѣстно.

Рыбы ловятъ довольно въ рѣчкѣ Конгорѣ, особливо весною, во время подъема и разлитія Шексны; но эта ловля не приноситъ здѣшнимъ жителямъ никакой выгоды, потому что они сушатъ и солятъ пойманную рыбу только для домашняго обихода.

Выгоднѣе рыбная ловля для крестьянъ, живущихъ по рѣчкѣ Шекси: тамъ ловятъ для продажи самую лучшую рыбу, какъ-то: стерлядь мелкую и крупную, бѣлую рыбицу, лещей, язей, головлей, судаковъ, — словомъ, всякую, какая только водится въ рѣчкѣ.

Нѣкоторые хозяева (впрочемъ, очень немногіе) держатъ и ульи.

Другіе промыслы и занятія.

Крестьяне, незанимающіеся никакимъ промысломъ, кромѣ хлѣбопашества, держатъ много лошадей и все лѣто, а иные только до сѣнокоса, ходятъ тянуть суда отъ Рыбинской пристани по рѣчкѣ Шекси до Крохина; зимою же вѣзятъ съ кладью въ разныя стороны. Оба эти промысла иногда бываютъ удачны, иногда же пополамъ съ накладомъ; ибо нерѣдко случается, что отъ нихъ пропадаетъ нѣсколько лошадей, особливо во время заразы. Нѣкоторые крестьяне, изъ числа занимающихся однимъ хлѣбопашествомъ, суть вмѣстѣ *портные мастера* и ходятъ для работы въ разныя стороны съ 10 октября до весны или до 29 іюня.

Мужскія ремесла.

Здѣшніе мужики ремесленностию не отличаются. Все нужное въ хозяйственномъ быту они могутъ сдѣлать сами, напримѣръ: дровни, пошевни, простыя телѣги для возки сѣна, соломы, мѣшковъ, сноповъ, и проч., но дѣлаютъ только для себя, а не на продажу; дѣлаютъ также бороны, косули и всѣ прочія хозяйственныя принадлежности.

Женское рукодѣлье.

То же должно сказать и о рукодѣльи женщинъ : онѣ занимаются пряжею льна и кудели, тканьемъ и шитьемъ, но только для себя, а на продажу мало работаютъ.

ОДЕЖДА.

а) мужчинъ.

Обыкновенная зимняя. Зимомъ крестьянинъ надѣваетъ обыкновенно слѣдующее верхнее платье : для въ лѣсъ — штаны изъ домашняго сѣраго сукна, лапти съ теплыми чулками домашней работы, которые поверху обвертываются суконками; на шеѣ—теплый платокъ, домашняго приготовленія или купленный ; овчинный полшубокъ, а сверху сѣрый армякъ, домашней же работы, или полсуконный понитокъ ; кушакъ, шапку и рукавицы. Отправляясь куда-либо, но не въ лѣсъ, крестьянинъ надѣваетъ катаные теплые сапоги, полшубокъ и армякъ или тулупъ ; къ сосѣду же идетъ въ одномъ полшубкѣ или армякѣ.

Зимняя праздничная. Старики и пожилые и въ праздники носятъ почти ту же одежду, что и въ простые дни ; но молодежь, въ-особенности холостые, одѣваются чище. Собираясь куда-нибудь идти, молодой крестьянинъ надѣваетъ кожаные сапоги, съ наборами на голенищахъ, плюсовые или нанковые шаровары, а если нѣтъ и нанковыхъ, то пестрядинные порты. Рубашки носятъ, смотря по состоянію, изъ александрійской пестряди или ситцевыя, или полубумажныя пестрядинныя, домашней работы ; въ большіе же праздники у всѣхъ рубашки первыхъ двухъ разборовъ. На шеяхъ шолковые платки, шерстяные вязаные шарфы или платки бумажные и холстинковые : жилеты болшею частію суконныя, *подболочки* суконныя или нанковыя ; на головахъ картузы или шапочки съ бѣличьимъ околышемъ ; на рукахъ перчатки или рукавицы бараньи разныхъ цвѣтовъ : черныя, зеленыя или бѣлыя и т. под. Когда же отправляются далеко въ гости, то надѣваютъ тулупы, покрытые сукномъ или нанкою, или новые овчинные, или армяки сивяго сукна, сверху теплыхъ подболочекъ ; кушаки шолковые, или сырцовые, даже шерстяные разныхъ цвѣтовъ : красные, зеленые или голубые.

Обыкновенная лѣтняя. Лѣтомъ на работу крестьяне надѣваютъ лапти, только съ портяными онучами и безъ чулковъ; вмѣсто штановъ порты синіе или бѣлые; понитокъ съ кушачкомъ домашняго издѣлія; на шею домашняго же приготовления галстухъ; шляпенку изъ коровьей шерсти, а молодые, — спитую изъ лоскутковъ или копакъ. Отправляясь куда-нибудь подальше, надѣваютъ, вмѣсто понитка, сѣрый армякъ, гарусный кушакъ, поярковую шляпу и рукавицы, а молодежь, вмѣсто шляпъ, картузы.

Лѣтняя праздничная. Праздничная лѣтняя одежда стариковъ болѣею частію бываетъ тоже домашняго издѣлія, исключая зажиточныхъ крестьянъ. Послѣдніе надѣваютъ пестрядинныя полубумажныя рубашки съ пестрядинными же портами, кожаные сапоги, синій поношенный армякъ, поярковую шляпу и кушакъ шерстяной. Молодежь щеголяетъ въ такой же одеждѣ, какъ и зимою; только тулупы, шапки и рукавицы замѣняются легкими суконными подболочками, легкими картузами и перчатками.

б) женщинъ.

Зимняя обыкновенная. Женщины надѣваютъ на рубашки синіе или набойчатые сарафаны домашней работы; когда ходить за скотиною, обуваются въ лаптишки, а когда сидятъ дома или куда выходятъ, въ шерстяные катаные или кожаные сапоги и въ чулки; на голову надѣваютъ домашній или ситцевый платокъ, а въ сильные морозы — два и три такихъ платка, овчинный полушубокъ и, когда куда-либо отправляются, рукавицы.

Зимняя праздничная. Старухи такъ же одѣваются въ праздники, какъ и въ простые дни. Но молодыя женщины надѣваютъ на рубашку ситцевый сарафанъ, ситцевый или каленкоровый фартукъ, теплые сапоги, или башмаки съ чулками и ситцевый или шолоховый платокъ или коленкоровую косынку. Нѣкоторыя носятъ на шеѣ разныя снизки, наприм., лантарныя, или такъ называемыя чернаго цвѣта; серебряныя позолоченныя серьги, съ такими же подвѣсками или безъ подвѣсокъ, одно или нѣсколько колець, сборникъ, а по сборнику шолоховый платокъ, завязанный концами назадъ; шаль драдедамовую, терно, или какая случится; длинную шубу, суконную или навовую. Зажиточныя женщины въ церковь и на гулянье надѣ-

ваютъ шелковыя, парчевыя, штофныя или гранатовыя юбки, такія же шубеечки, на мѣху, обложенныя золотымъ позументомъ, и шелковые или кисейные фартуки; на голову—вязаныя, шелковыя косынки, а сверхъ нихъ повязываютъ по ушамъ косынки бѣлаго каленкора; отправляясь изъ дому, накидываютъ на головы шали, а на шею, подъ воротники длинныхъ суконныхъ шубъ подвязываютъ шарфы или теплыя полшальки. Точно также одѣваются и дѣвушки; только онѣ никогда кромѣ Святокъ не надѣваютъ женскихъ сборниковъ.

Лѣтняя праздничная. Такая же, какъ и зимою; не надѣваются только шубы, теплыя шали и теплые сапоги. Кромѣ того, лѣтомъ женщины носятъ вязныя нитяныя перчатки, нитяные чулки, козловые или тафляные башмаки и парчевыя коротенькія душегрѣйки сверхъ юбокъ.

Лѣтняя обыкновенная. Та же, что и обыкновенная зимняя; не надѣваютъ только теплыхъ сапоговъ, полшубковъ и теплыхъ платковъ.

ПИЩА.

Постная обыкновенная. Ржаной хлѣбъ, овсяные блины, щи изъ сѣрой капусты съ ячною крупкою; рѣдька, горохъ, грибы, если имъ урожай; картофель, поджаренный въ маслѣ, и похлебка изъ него; также капуста и свекловица, у кого есть.

Постная праздничная. Кромѣ обыкновенной, показанной выше: пироги пшеничные съ пшеномъ или рыбой, кашница соковая изъ коноплянаго сѣмяни, каша пшенная или гречневая, рыба какая случится; пирогъ круглый съ блинами, куда кладется овсяная крупа или пшено съ масломъ.

Скоромная обыкновенная. Пироги ржаные или пшеничные съ творогомъ или крупкою, приготовленною на сметанѣ; щи съ говядиной или бараниной; кашница крупяная со свиною; молоко проквашеное и прѣсное.

Скоромная праздничная. Сверхъ обыкновенной скоромной: пироги круглые, такъ называемые блинники, куда кладутся пшеничные блины въ пересыпку съ яйцами и масломъ; пироги круглые съ птицею или свиною; масляные блины на сковородѣ, пшеничные; пряженцы, алады и маленькіе пирожки съ яйцами, пряженые; супъ съ свиною или курами; сальникъ—одно изъ любимыхъ и здѣшнихъ кушаньевъ, которое крестьяне готовятъ и въ простые дни. Сальникъ готовится изъ яч-

менной или овсяной крупы, сала, какого бы то ни было, котораго кладутъ весьма много въ круняпой горшокъ, и изрубленнаго намелко говяжьяго или бараньяго потроха. Наконецъ, каша пшенная или гречневая съ масломъ; жаркое, какое случится, съ картофелемъ и прѣсное молоко.

ОБРЯДЫ и ОБЫЧАИ.

При крещеніи.

Родители новорожденнаго, съ согласія священника, назначаютъ младенцу имя и восприемниковъ. Когда родится первенецъ— мужскаго или женскаго пола, все равно— священнику дарятъ полотенце. Во время крещенія отецъ дитяти выходитъ изъ церкви. Съ чего взять этотъ повсемѣстный, странный обычай, мнѣ неизвѣстно.

Кумъ съ кумою дарятъ другъ друга: первый чѣмъ случится, а послѣдняя отдариваетъ полотенцемъ; кромѣ того, какъ кумъ, такъ и кума дарятъ новорожденнаго: первый деньгами, что у нихъ называется на *крестикъ*, а послѣдняя новиною — на *ризку*.

Примѣчаніе. Женщины одного селенія съ родильницей, какъ только узнаютъ о рожденіи дитяти, приходятъ къ ней, принося съ собой что-нибудь съѣстное, и желаютъ ей скораго выздоровленія, а отца поздравляютъ съ новорожденнымъ.

При бракахъ.

Когда помѣщикъ или управляющій вотчиною староста (казенныхъ крестьянъ заѣсъ почти нѣтъ) позволитъ парню жениться на избранной имъ невѣстѣ, между родителями жениха и невѣсты заключается условіе и назначается съ благословенія мѣстнаго священника время брака; такое назначеніе времени брака у здѣшнихъ жителей называется *рукобитьемъ*, или *сговорами*. Рукобитье почти всегда бываетъ въ домѣ жениха и называется такъ потому, что свать, который держитъ сторону жениха и невѣсты, взявъ руки двухъ нареченныхъ сватовъ — отцовъ жениха и невѣсты — соединяетъ ихъ, трижды переводитъ пирогъ черезъ ихъ руки, потомъ переламываетъ его пополамъ и одну половину даетъ отцу жениха, а другую — отцу невѣсты. Послѣ этого обряда, общепринятаго во всей здѣш-

ней мѣстности , невѣста подноситъ дары жениху и женихову семейству : свекру и свекрови новину на двѣ рубашки , а прочимъ что случится — полотенца , платки или что другое. Женихъ одариваетъ невѣсту своими подарками , смотря по своему состоянію : чулками , башмаками , зеркаломъ , гребнемъ , бѣлилами , румянами , помадою , пряниками и другими , для того приготовленными вещами. Послѣ этого происходитъ поздравленіе и ужинъ.

На рукобитье съѣзжается вся ближайшая родня невѣсты.

Наканунѣ брака непремѣнно бываетъ *дѣвичникъ* , на который созываются въ домъ невѣсты всѣ ея подруги-дѣвицы. Онѣ поютъ свадебныя пѣсни , припѣвая въ каждой имя жениха , и въ то же время шьютъ на невѣсту что еще недокончено изъ ея приданаго. Поютъ сверхъ-того какія-то печальныя пѣсни , во время которыхъ выльница , вмѣстѣ съ невѣстою , воетъ на-голосъ , дѣлая всѣмъ тѣломъ странное и смѣшное тѣлодвиженіе и какъ-будто качаясь изъ стороны въ сторону. Подъ-вечеръ невѣста угощаетъ всѣхъ участвующихъ въ тоскѣ жениховыми подарками , а ночью происходитъ ужинъ , послѣ котораго всѣ уходятъ домой.

Въ день брака всѣ гости съ жениховой стороны съѣзжаются въ домъ жениха , а съ невѣстиной — къ невѣстѣ , при чемъ лошадиная сбруя у поѣзжанъ бываетъ убрана лентами , а на дуги привѣшено по два и по три валдайскихъ колокольчика. Всѣ гости ѣдутъ одинъ за другимъ къ невѣстину отцу , за невѣстою. Приѣхавъ къ дому его , гдѣ невѣста сидитъ , уже готовая къ вѣнцу , они посылаютъ предварительно дружку въ домъ — спросить хозяина , не угодно ли ему будетъ принять къ себѣ новыхъ и жданныхъ гостей. За дружкою при этомъ несутъ ковригу хлѣба , пирогъ , боченокъ съ пивомъ и пряженцевъ. Войдя въ домъ и трижды сотворивъ громко молитву : « Господи Иисусе Христе Боже нашъ , помилуй насъ ! » , дружка дѣлаетъ поклонъ всѣмъ присутствующимъ , а потомъ отдаетъ хозяину дома такой привѣтъ : « здравствуй , хозяинушко-батюшко со хозяйшкою и со всѣмъ милымъ дѣтушками ! » ; потомъ спрашиваетъ хозяина : « Што , хозяинушко-батюшко , ждалъ ли ты севодня гостей къ себѣ ? » Тотъ ему отвѣчаетъ : « жлалъ , друженька любезной , ждалъ ! » Послѣ отвѣта , дружка вводитъ съ собою жениха и весь красный поѣздъ въ домъ къ хозяи-

ну, гдѣ подлѣ невѣсты, на жениховомъ мѣстѣ, сидитъ человекъ, называемый здѣсь продавцемъ невѣсты; дружка съ полу дружѣмъ долженъ у него выкупить невѣсту загадкою загадокъ или деньгами.

По этому поводу между дружкой и продавцемъ невѣсты происходитъ такой разговоръ :

Дружка (*къ продавцу невѣсты, громко*). Доброй молодецъ! скажи-ко мнѣ, чѣмъ ты торгуешь? Куницамъ али лисицамъ? отласомъ, али бархатомъ?

Продавецъ. Торгую я не куницамъ, не лисицамъ, не отласомъ и не бархатомъ, но дѣвчьею красотою. Што, друженька, голубчикъ! ты скажи-ко мнѣ, зачѣмъ сюда прѣхалъ? за куницамъ али лисицамъ, за атласомъ али бархатомъ?

Дружка. Нѣтъ, любезной доброй молодецъ! я прѣхалъ не за отласомъ и бархатомъ, а за дѣвчьею красотою: пожалуй мнѣ невѣсту и уступи это мѣсто! (*Указываетъ на мѣсто, гдѣ тотъ сидитъ.*)

Продавецъ. Друженька голубчикъ! я тебѣ такъ не уступлю мѣста и даромъ не отдамъ невѣсты, а коль хочешь — купи! Какъ ты у меня будешь торговать? на загадки идѣшь али на золоту казну?

Если дружка не умѣетъ отгадывать загадокъ, то отвѣчаетъ продавцу: «иду на золоту казну», и вслѣдъ затѣмъ даетъ ему денегъ, рубль, два, иногда до десяти рублей, изъ жениховыхъ денегъ, смотря по усердію женихова отца и по его состоянію. Но если дружку извѣстны загадки и какъ ихъ разгадывать, то онъ отвѣчаетъ продавцу: «иду на загадки».

Продавецъ. Какая стрѣча попала тебѣ первая, когда ты входилъ сюда?

Дружка, вмѣсто отвѣта, крестится.

Продавецъ. Почему ты христіанинъ называешься?

Дружка. Потому, што я вѣрую въ Господа нашего Іисуса Христа и содержу Его Святой Законъ.

Продавецъ. Друженька! дай ты мнѣ море съ берегамъ равно, и штобъ дѣньшшко посеребрено.

Дружка, вмѣсто отвѣта, налиываетъ цѣлый ковшъ пива и на дно опускаетъ какую-нибудь монету; продавецъ вынимаетъ все до дна и беретъ монету, которую послѣ отдаютъ невѣстѣ.

Продавецъ. Друженька! дай намъ поле, одно ржаное, другое яровое!

Дружка отдаетъ ему принесенные пироги и хлѣбъ.

Продавецъ. Скажи-ко мнѣ, друженька! я видяль, летѣли утки, поджаренные пупки.

Дружка, отдаетъ ему привезенные съ собою пряженцы.

Продавецъ. Дай ты мнѣ краше краснова солнышка и свѣтлѣ свѣтлова мѣсяца?

Дружка отдаетъ ему святую икону.

Продавецъ. Друженька! что такое: самъ нагъ, а рубашка въ пазухѣ?

Дружка, вмѣсто отвѣта, подаетъ ему свѣчу.

Продавецъ. Дай ты мнѣ, чего у здѣшняго хозяина нѣтъ въ домѣ.

Дружка подводитъ къ нему жениха, которому продавецъ уступаетъ мѣсто и отходитъ прочь.

Тогда хозяинъ проситъ гостей сѣсть за столъ, и всѣ садятся.

Продавецъ (*отходя съ мѣста и держа въ руцѣ блюдо*). Друженька! положи сюда то, што бы любо было всѣмъ краснымъ дѣвушкамъ.

Дружка кладетъ денегъ, сколько ему разсудится; дѣвицы, принявъ ихъ и поклонившись всѣмъ гостямъ, выходятъ на улицу, а гости вскорѣ послѣ того, взявъ невѣсту, уѣзжаютъ къ вѣнцу.

Невѣсту привозятъ къ вѣнцу покрытую большимъ платкомъ или шалью; лицо ея открывается только въ то время, когда священникъ возлагаетъ на главу ея вѣнецъ; по смятїи вѣнца, сваха опять покрываетъ ей голову тѣмъ же платкомъ и уже раскрываетъ вновь не прежде, какъ когда станетъ появлять ея платкомъ по сборнику или кокошнику, или, по-здѣшнему, когда станетъ *крутить молодуху*. Во время перваго стола молодая сидитъ тоже закрытая; но поутру, на другой день брака, ее уже не закрываютъ.

Во время вѣчанїя соблюдается еще слѣдующїй смѣшной обычай: когда священникъ подводитъ брачующихся ближе къ наалю, на то мѣсто, гдѣ разостланъ для нихъ подножникъ, обѣ свахи, и женихова и невѣстина, крайне заботятся, каждая съ своей стороны, чтобъ женихъ или невѣста прежде ступили

на: подножникъ. Этотъ старинный обычай и доселѣ существуетъ ненарушимо, потому что крестьяне думаютъ, что кто изъ брачующихся первый вступитъ на подножникъ, тотъ и будетъ властвовать надъ другимъ.

Прочіе свадебные обычаи и обряды, соблюдаемые въ здѣшности, какъ я думаю, общи всѣмъ смежнымъ съ Ярославскою губерніямъ, а потому я ихъ и не описываю.

При похоронахъ и поминкахъ.

Когда кто, заболѣвъ, умретъ, родственники его приглашаютъ кого-нибудь изъ причетниковъ читать по усопшемъ Псалтырь до самаго дня погребенія. Передъ погребеніемъ и литургією (если она будетъ заказана) приглашаютъ священника и причетъ къ выносу. По окончаніи литіи на дому, кладутъ тѣло въ приготовленный гробъ, куда, вмѣсто постели, насыпаютъ нащипанные изъ вѣтчиковъ листья; разстилаютъ *савань*, сшитый, наживую-нитку, въ два полотнища, изъ новины; подъ голову усопшаго кладутъ подушку; потомъ выносятъ тѣло изъ дому, въ сопровожденіи церковнаго причта, съ пѣніемъ: «Святый Боже». Всѣ жители селенія провожаютъ усопшаго до церкви и до самой могилы, а кому нѣтъ времени проводить, тѣ прощаются съ нимъ при выносѣ. Кто жалѣетъ объ усопшемъ, плачетъ; особливо женщины и всѣ близкіе родственники плачутъ съ рыданіемъ и воплемъ, прибавляя слова, какія приходятъ въ голову,— разумѣется, въ похвалу покойнаго; слова эти выражаютъ горестъ и тугу разлуки.

Примѣчаніе. Покойнаго обуваютъ въ лапти и бѣлыя ненюшвенныя онучи, въ бѣлую новинную рубашку и порты; въ гробъ кладутъ, какъ выше сказано, на саванъ и покрываютъ новинной. Иные же кладутъ въ гробъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ; впрочемъ, это дѣлаютъ одни лишь очень старые люди, придерживающіеся многихъ нелѣпныхъ предрасудковъ, — люди суевѣрные или чрезвычайно пристрастившіеся къ деньгамъ; они думаютъ, что и въ вѣчности будутъ нужны деньги, и что усопшаго будутъ перевозить черезъ какую-то рѣку, не иначе, какъ за деньги.

При поминаніи усопшихъ нѣтъ никакихъ обрядовъ и обычаевъ; послѣ панихиды родственники ходятъ только плакать на могилу. На поминки сзываютъ всѣхъ живущихъ въ селе-

вин и даже изъ другихъ деревень. Но у насъ на поминки не запасаютъ ни водки, ни пива, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Прежде въ нѣкоторыхъ домахъ въ поминокъ сороковаго дня клали ложку на первомъ мѣстѣ. Когда я замѣчалъ хозяевамъ, что эта ложка лишняя, то они мнѣ отвѣчали, что она положена для покойнаго, но комъ чинится поминовение, такъ какъ онъ у нихъ обѣдаетъ въ послѣдній разъ и болѣе уже не будетъ никогда кушать. Нынѣ, благодаря Бога, лишнихъ ложекъ въ сороковой день, по-крайней-мѣрѣ при мнѣ, уже не кладутъ, а подаютъ ихъ сколько нужно.

Другихъ обрядовъ и обычаевъ при погребеніи и поминовении усопшихъ я не замѣчалъ.

При помочахъ.

Дѣлать *помочи* хозяину здѣсь не такъ-то выгодно. Хорошая помочь, напримѣръ человѣкъ на 50, станетъ по-крайней-мѣрѣ въ 60 руб. асс. и болѣе. Нужно купить вина ведра два, поставить пива ведеръ тридцать-пять, что стоитъ не менѣе пятнадцати рублей; остальные 24 рубля израсходуются на говядину, пшеничную муку, хлѣбъ и прочія приготовленія къ помочамъ. (Мука покупается для этого случая крупчатая втораго достоинства; ибо крупчатка отъ насъ только въ пяти верстахъ, при устьѣ р. Конгоры, впадающей въ р. Шексну.) Слѣдовательно, каждый работникъ обойдется хозяину на помочахъ въ 1 руб. 20 коп., не говоря уже о томъ, что каждый работникъ вечеромъ «надоѣтъ хуже собаки или горькой рѣдьки». Вотъ почему здѣсь обыкновенно нанимаютъ работниковъ и работницъ или на цѣлое лѣто, или на полъ-лѣта, или понедѣльно, или даже по-дневно, — послѣднихъ по 1 р. въ день; помочи же дѣлаютъ только въ случаѣ крайней необходимости, а именно, когда весь хлѣбъ поспѣетъ въ одно время, а къ тому же и сѣнокосъ еще не конченъ, или когда лѣто бываетъ не очень ведряное, съ дождемъ, какъ, напримѣръ, въ 1847 году. Въ это лѣто жнѣ платили въ день по 1 руб. 50 коп., да и то только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; въ простые же дни жнѣй не находили, потому-что всѣ занимались своими работами.

Призванные на помочь, минутные работники, поработавъ мало, любятъ хорошо поѣсть и весело погулять. Кажется,

здѣшній народъ ходитъ на помочи не столько для вспоможенія хозяевамъ въ работѣ, сколько для гульбы и пьянства. Да и хозяева, у которыхъ нужно поработать, зовутъ ихъ не работать, а какъ бы заманиваютъ хлѣбомъ-солю, винцомъ и пивцомъ. Вотъ какъ приглашаютъ здѣсь cadaго на помочь: «пожалуйте къ намъ купать хлѣба-соли; винца и пивца для гостей будетъ довольно; только, сдѣлайте милость, не оставьте просьбы нашей: помогите намъ сравняться съ прочими православными въ работахъ нашихъ». Такое приглашеніе я не разъ слыхалъ отъ самихъ помочлянъ, которые безъ стыда говорятъ хозяевамъ: «мы вить пришли къ вамъ не столько для работы, сколько для гулянья.» Да и въ самомъ дѣлѣ такъ бываетъ; ибо я часто видалъ, что днемъ, во время работы, помочляне, когда нѣтъ при нихъ хозяина, играютъ; время обѣда придетъ — долго прообѣдаютъ; тутъ, смотришь, туча нагриветъ и дождь или помѣху сдѣлаетъ рабочимъ, или, что часто случается, прогонитъ ихъ домой. Когда же наступитъ вечеръ, всѣ идутъ къ хозяину въ домъ на угощеніе, нарядные и съ пѣснями. Тутъ они наиваются еще до ужина. Пѣсни, пляска (скачка), шумный говоръ, крикъ, часто драка и ссора подлаживаютъ подъ гуль ихъ гармоній и балаласкъ. Короче, пошелъ дымъ коромысломъ; а хозяева — хоть бѣги вонъ изъ дома: помочляне ихъ не слушаютъ и не хотятъ унять! Таковы гости! Потомъ, когда многіе уже начнутъ дремать, а другіе успѣютъ порядкомъ и выспаться, начинается ужинъ. За ужиномъ идетъ угощеніе, какое бываетъ только о праздникахъ, это самымъ лучшимъ гостямъ; да и припасы илистряппа такая же, что о праздникахъ, только въ несравненно большемъ количествѣ. Впрочемъ, гости не столько ѣдятъ и пьютъ, сколько льютъ и валятъ подъ столъ. Послѣ ужина опять тотъ же крикъ и шумъ, та же скачка, до тѣхъ поръ, пока всѣ не узыблются и каждый не повалится на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ.

Помочляне, которые не пьютъ (а такихъ очень мало), следовательно крѣпко скучаютъ колобродить съ пьянымъ народомъ, тотчасъ ужинаютъ въ особомъ мѣстѣ и, немного посидя, скромно уходятъ къ себѣ домой.

На другой день поутру хозяева встаютъ рано и, приготовивъ завтракъ изъ крохъ, оставшихся отъ вчерашняго ужина, идутъ звать дорогихъ своихъ гостей на похмѣлье. Гости, едва ро-

тирая глаза и едва приподнимая голову, полуокостенѣлымъ языкомъ , какъ-будто пораженнымъ отъ паралича , чувствительно благодарятъ зовущихъ за вчерашнее угощеніе и сквозь слезы, съ великимъ стenanіемъ, жалуются на похмѣльную болѣзнь ; но едва только приглашающіе переступятъ за порогъ, больные тотчасъ же хватаютъ одѣженку, какая попадется, безъ разбору, небрежно накидываютъ ее на плечи , обуваются нерѣдко въ разные сапожонки и , почти не умывшись , бредутъ, безъ всякаго стыда, на старое мѣсто, рассуждая такъ: кто насъ испортилъ, тотъ пусть и вылечитъ. А хозяинъ , обойдя избы всѣхъ бывшихъ гостей своихъ и прійдя къ себѣ въ домъ, находитъ его уже наполненнымъ ждаными посѣтителеми, совершенно непохожими на вчерашнихъ ; кланяется имъ и благодаритъ за вчерашнюю работу, что пожали и покосили, а о томъ, что много разбили посуды, ни слова; предлагаетъ имъ послѣднія крохи вчерашней хлѣбъ-соли и послѣднія капли вина и пива. Прибравъ все , гости идутъ отдыхать , и отдыхаютъ сколько имъ угодно , то-есть пока совершенно не вытрезвятся.

При пожарахъ.

При пожарахъ у насъ не происходитъ ничего особенно замѣчательнаго. На звонъ колокола сбѣгаются всѣ кто можетъ, и мужчины и женщины , почти со всего прихода. Иные поспѣваютъ тогда уже, когда пламень потухнетъ и народъ расходится по домамъ. Здѣшній приходъ на разстояніи четырехъ верстъ въ длину, и каждая деревня стоитъ при рѣчкѣ , одна отъ другой разстояніемъ съ версту. При пожарѣ какъ мужчины, такъ и женщины обнаруживаютъ отличную дѣятельность. Первые стараются раскатить горящее строеніе , а послѣднія весьма скоро приготавливаютъ воду. Зимомъ пожаръ закидываютъ однимъ снѣгомъ. Впрочемъ, въ-продолженіе четырнадцати лѣтъ, во всю бытность мою здѣсь , мнѣ , благодаря Бога, никогда не случалось видѣть большихъ пожаровъ.

При неурожаяхъ хлѣба.

При такихъ несчастіяхъ въ здѣшнихъ жителяхъ не замѣтно ни малодушія , ни унынія , хотя небесный гнѣвъ часто постигалъ наши мѣста то морозами , то засухою , то излишнею мокротою на яровой хлѣбъ ; на ржапой хлѣбъ , съ тѣхъ поръ,

что я здѣсь, четыре раза нападалъ червь. При неурожаѣ хлѣба всѣ жители прибѣгаютъ къ покаянію, чувствуя, что ихъ караетъ десница Всевышняго; приходятъ въ храмъ Божій для молитвы, просятъ совершить крестные ходы и отслужить молебны, съ водоосвященіемъ, во всѣхъ поляхъ.

При падежахъ скота.

При падежахъ скота, кромѣ утѣшеній вѣры, описанныхъ выше, прибѣгаютъ и къ слѣдующимъ средствамъ: гасятъ огонь во всемъ селеніи, гдѣ случится зараза; изъ дерева, посредствомъ тренія, вздуваютъ новый огонь и, разложивъ его на дорогѣ, прогоняютъ чрезъ него весь скотъ. Потомъ, когда язва утихнетъ, ежегодно празднуютъ тому святому, въ день котораго, во время заразы, вытирали огонь и служили молебны (*).

При повальныхъ болѣзняхъ.

При этихъ болѣзняхъ, кромѣ молебствія по деревнямъ и домамъ, прибѣгаютъ къ слѣдующимъ средствамъ: 1) стараются поддерживать испарину и избѣгать простуды; 2) наблюдаютъ возможную чистоту тѣла,купаются, выполаскивая ротъ, часто перемѣняя бѣлье и платье; 3) заботятся о чистотѣ комнаты, пользуются свободнымъ воздухомъ и дѣлаютъ движеніе; 4) съ больнымъ недолго сидятъ, не ходятъ къ нему натошакъ, а всегда нѣсколько поѣвши.

Примѣчаніе. Многіе, во время холеры, пили водку, настоящую перцемъ, и, кромѣ-того, натошакъ никуда не выходили; втирали въ тѣло чистый деготь и намазывали его на платье, для предостереженія отъ заразы, а въ пищу употребляли лукъ. Другіе же натирали все тѣло деревяннымъ масломъ и употребляли его верѣдко въ пищу, или пили понемногу натошакъ.

(* Въ 1843 году, въ селѣ Давшинѣ, во время падежа, кромѣ описанныхъ средствъ, прибѣгали еще къ слѣдующему: убили змѣю, выпустили изъ нея кровь, влили кровь въ кувшинъ, налили туда дегтю со смолою и, закупоривъ сосудъ, вскипятили. Этою смѣсью мазали на всѣхъ воротахъ. Вскорѣ послѣ того зараза утихла. Если это средство помогло, то конечно, не отъ змѣиной крови, а отъ смолы и дегтя.

При обыкновенныхъ болѣзняхъ.

Когда кто тяжко заболѣетъ, то прежде всего призываютъ, для напутствования, священника. Если послѣ того больной почувствуетъ нѣкоторое облегченіе, но все еще боленъ, то, по совѣту духовнаго своего врача, не отрекается и отъ лекарствъ и принимаетъ ихъ и изъ аптеки, по рецепту медика, если болѣзнь опасна, и даже отъ какихъ-нибудь деревенскихъ шарлатановъ, стариковъ и старухъ, если увѣренъ въ ихъ искусство.

Скажемъ здѣсь о самыхъ обыкновенныхъ между здѣшними жителями болѣзняхъ и о способахъ ихъ леченія.

Болѣзни здѣсь бываютъ большею частію простудныя: лихорадки, воспалительная горячка, жаба, кашель, поносъ, запоръ, грудная боль, головная боль, колотье въ боку, удушье, зубная боль и многія другія.

1) *Лихорадки.*

Отъ лихорадокъ обыкновенно принимаютъ хинный порошокъ, какъ вѣрнѣйшее и многими испытанное средство; иногда же употребляютъ чернѣй перецъ, принимая нѣсколько разъ въ день по нѣсколькѣ зеренъ; употребляютъ также дубовую кору въ отварѣ, въ малыхъ пріемахъ и въ соединеніи съ какими-нибудь пряностями.

Другіе въ тѣхъ же болѣзняхъ пользуются иногда цвѣтами ромашки, прибавляя къ нимъ меду, и это часто приноситъ облегченіе. Иногда же съ успѣхомъ пьютъ сокъ мачихи.

Отъ осеннихъ лихорадокъ лечатся чеснокомъ; сначала съѣдаютъ его по одной головкѣ, потомъ по двѣ и т. д. до пяти головокъ; когда же лихорадка оставитъ больного, то онъ нѣсколько недѣль сряду ѣстъ по двѣ или по одной головкѣ чеснока.

Другіе, не довѣряя этимъ испытаннымъ и хорошо пользующимъ средствамъ и руководствуясь суевѣріемъ, поручаютъ себя такъ называемымъ знахарямъ или ворожеямъ, прославившимся успѣшнымъ леченіемъ наудачу; берутъ отъ нихъ какія-то записки, навѣшиваютъ ихъ на себя и никому не даютъ ихъ читать, даже не показываютъ ихъ, храня на груди какъ бы какой таинственный и волшебный талисманъ. Эти пагубные лекари, къ несчастію больныхъ, имъ ввѣрившихся, навсегда лишаютъ больныхъ здоровья, а часто и самой жизни; нынѣ число ихъ примѣтно уменьшается.

2) *Воспалительная горячка.*

Для излеченія этой болѣзни прибѣгаютъ къ совѣтамъ людей благоразумныхъ и лечатся иногда по совѣту медика, болѣею частію діетою. Впрочемъ, крестьяне и сами вымечиваются отъ воспалительной горячки нѣкоторыми простыми, домашними средствами, а именно: квасомъ, клюквою, брусникою; пьютъ простую рѣчную воду, пахтанье, сыворотку, всегда тепловатія, сначала понемногу, а потомъ въ большемъ количествѣ. Иногда ѣдятъ для излеченія отъ этой болѣзни свѣжую малину, если случится; также съ успѣхомъ пользуются черносливнымъ отваромъ.

3) *Жаба.*

Если воспаленіе легко и есть слѣдствіе простуды, то ограничиваются содержаніемъ себя въ умѣренной теплотѣ, ложатся въ теплую постель, окутываютъ шею теплымъ платкомъ и пьютъ какой-нибудь чай съ нѣсколькими каплями крѣпкой водки: этого достаточно для излеченія жабы; я самъ на себѣ испыталъ это средство. Иногда лечатъ эту болѣзнь настоемъ сухой малины, прикладывая вокругъ шеи кашлицу изъ ржаной муки съ дрожжами и полоща горло разными полосканьями, съ прибавленіемъ небольшого количества нашатыря. Когда же воспаленіе такъ сильно, что больной не можетъ глотать даже слюны, то кладутъ ему въ ротъ соль и перецъ или квасцы, истолченные въ порошокъ, и заставляютъ держать на языкѣ до тѣхъ поръ, пока распухнетъ, и потомъ велеть проглотить; это повторяютъ нѣсколько разъ въ день.

4) *Кашель.*

Отъ кашля лечатся корнемъ травы девятисила, который употребляется въ видѣ порошка; также отваромъ или наливкою льняныхъ сѣмянъ, прибавляя къ нему сахара или меда; яичнымъ желткомъ, сбитымъ съ сахаромъ; другіе же лечатся солотковымъ корнемъ.

5) *Поносъ.*

Отъ поноса и вѣтровъ ѣдятъ хлѣбные сухари, а въ лѣтнее время — много ягодъ черемухи. Употребляютъ также съ пользою отваръ льняныхъ сѣмянъ съ сахаромъ или медомъ. Также ѣдятъ сухія груши въ большемъ количествѣ.

6) *Запоръ.*

Отъ этой болѣзни весьма успѣшно пользуются огуречнымъ рассоломъ, выпивая по стакану заразъ; другіе съ такимъ же успѣхомъ употребляютъ деревянное масло, черносливъ, отваръ свекольныхъ корней и листьевъ и льняное масло.

7) *Грудная боль.*

Отъ боли въ груди принимаютъ внутрь льняное масло и натираютъ имъ грудь; также принимаютъ въ порошокъ корень травы девятисила, иные же и солодковый корень въ настойкѣ.

8) *Головная боль.*

Если боль въ головѣ не есть слѣдствіе другихъ болѣзней, то прикладываютъ ко лбу уксусъ съ кислымъ тестомъ или свеклу.

9) *Колотье въ боку.*

Для излеченія отъ этой боли употребляютъ отваръ льняныхъ сѣмянъ, прибавляя меду или льнянаго масла.

10) *Удушье.*

Отъ мокротнаго удушья употребляютъ корень травы девятисила въ порошокъ, или мяту, или траву подбѣль, въ видѣ чая.

11) *Зубная боль.*

Эту болѣзнь вымечиваютъ нашатыремъ, смоченнымъ лимоннымъ сокомъ и намоченнымъ на хлопчатую бумагу, которую прикладываютъ къ больному зубу; иногда прикладываютъ такимъ же образомъ каплю крѣпкой водки. Очень успѣшно пользуется отъ этой болѣзни гвоздичное масло.

12) Въ прочихъ болѣзняхъ пользуются слѣдующими средствами:

При трудномъ теченіи мочи — отваромъ льняныхъ сѣмянъ съ медомъ или сахаромъ.

При колотье въ груди и кровохарканіи — льнянымъ масломъ.

При трудныхъ родахъ женщинъ, при спрассливаніи выхлостовъ и при очищеніи ранъ — деревяннымъ масломъ, намазывая его на страждущія части.

При ранахъ и ожогахъ деревянное масло служитъ вмѣсто мази.

Глисты уничтожаютъ клистиромъ изъ сока чеснока; весною же выгоняютъ ихъ сосновымъ сокомъ; также умерщвляютъ глистовъ приемами льнянаго или коноплянаго масла внутрь.

Лишай, шелуди и даже *бородавки* намазываютъ сокомъ чеснока и этимъ ихъ совершенно истребляютъ.

Молочницу у дѣтей и *язвы во рту* вымечиваютъ водянымъ настоемъ шалфея съ медомъ или впрыскиваніемъ въ ротъ раствора сахара; иногда же рѣпною водою, подслащенною медомъ.

При *слабости желудка* и *трудномъ пищевареніи* съ пользою принимаютъ понемногу полынной наливки; иногда же пьютъ мяту въ настоѣ и прикладываютъ припарки изъ нея къ предсердію.

Трещины на грудныхъ соскахъ у женщинъ заживляютъ, присыпая тертымъ сахаръ.

Отъ *желтухи* съ пользою употребляютъ сокъ одуванчиковъ, сваренный съ молочной сывороткою.

Отъ *золотухи* пользуются мазью, составленною изъ порошка корня одуванчиковъ на свиномъ салѣ.

Теченіе изъ ушей у дѣтей вымечиваютъ впрыскиваніемъ въ ухо сахарнаго раствора.

Отъ *цынги* пользуются полынною настойкою на винѣ или на пивѣ.

Простуду лечатъ чаемъ изъ цвѣтовъ ромашки. Этотъ чай употребляютъ съ пользою также родильницы и беременныя женщины.

При *бользненномъ мѣсячномъ очищеніи* употребляютъ тотъ же чай изъ ромашки.

Гнилыя язвы съ успѣхомъ присыпаютъ порошкомъ изъ цвѣтовъ ромашки.

Мокрыя *бородавки* натираютъ нашатыремъ, отъ котораго онѣ скоро исчезаютъ.

Чесотку, лишай, паршивость и *язвы* вымечиваютъ чистымъ мыломъ, омывая бользненные части по нѣскольку разъ въ сутки, и прибѣгаютъ для ихъ излеченія къ внутреннимъ лекарствамъ, на примѣръ: отвару цвѣтовъ одуванчиковъ.

Къ *опухоли*, особливо когда опухаютъ груди, прикладываютъ теплую овсяную кашицу съ медомъ; также прикладываютъ къ больному мѣсту мѣшечки изъ тонкой холстины съ ржанною мукою. Это средство употребляютъ съ пользою и отъ *рожи*.

Отъ *ушибовъ*, *вывиховъ*, *опухолей* и *засоренныхъ ранъ* съ успѣхомъ пользуются мыльнымъ растворомъ въ водѣ.

Осиплость и *потерю голоса* вылечиваютъ иногда настоемъ солотковаго корня или солотковымъ чаемъ.

Головныя шелуди сперва размягчаются коровьимъ масломъ, потомъ къ нимъ прикладываютъ смолу, которая уничтожаетъ струпы и заживляетъ язвинки. То же самое дѣйствіе имѣетъ и одно деревянное масло.

Кровотеченіе изъ носа и *десень* часто прекращаются отъ укуса.

Отъ *ушибовъ* лечатъ такъ: примачиваютъ къ ушибенному мѣсту холодную воду съ уксусомъ, растворяя въ ней немного нашатыря.

Къ *нарыву* прикладываютъ мякишъ ржанаго хлѣба или овсяную кашу съ молокомъ, перемѣняя ее, какъ скоро она простынетъ. Когда нарывъ созрѣетъ и прорвется, прикладываютъ на рану мазь изъ свѣжаго яичнаго желтка, льнянаго масла и чистаго меду, смѣшанныхъ по равнымъ частямъ. Точно также вылечиваютъ и *вередъ*.

Ломоту въ рукахъ или ногахъ пользуютъ летучей мазью; или смѣшиваютъ горчицу, истолченную въ порошокъ, съ кислымъ тѣстомъ и прикладываютъ его на страдающія части; иногда лечатся теплыми припарками изъ ромашки и льняной муки, взятыхъ по равной части и сваренныхъ вмѣстѣ.

При *ногтопдѣ* больной палецъ обкладываютъ красною гущею либо овсяною теплою кашею съ коровьимъ масломъ, перемѣняя ее, когда простынетъ. Рану же отъ ногтя заживляютъ мазью изъ свѣжаго яичнаго желтка, льнянаго масла и чистаго меду, смѣшанныхъ между собою по равнымъ частямъ.

При *ожогахъ* прикладываютъ тотчасъ къ больному мѣсту ледъ, также хлопчатую бумагу; когда же оно распухнетъ и сдѣлается подобно рожѣ и появятся на немъ волдыри, то употребляютъ молоко, всѣ масла, прохлаждающія листья растеній, мыльную пѣну и медъ.

При *ознобленіи* какого-нибудь члена тотчасъ натираютъ его свѣгомъ или ставятъ въ холодную воду, въ которой держатъ, пока не разовьются въ немъ натуральная теплота и чувствительность; это дѣлаютъ въ холодномъ мѣстѣ. Образующіяся при этомъ вокругъ члена лдяныя корки осторожно отпи-

мають; потомъ вынимають отмороженный членъ изъ воды и натирають снѣгомъ и солью, а затѣмъ покрываютъ мягкой холстинной тряпкой, смоченной чистымъ березовымъ дегтемъ. Это повторяютъ до тѣхъ поръ, пока движеніе и чувствительность не возвратятся.

Означенными средствами здѣшніе жители съ успѣхомъ пользуются въ названныхъ нами болѣзняхъ. Если отъ нѣкоторыхъ болѣзней они и не получаютъ облегченія, какъ-то: отъ лихорадокъ и горячекъ, то это должно приписать тому, что они не угадываютъ причины этихъ болѣзней, иногда не угадываютъ даже и рода болѣзней или не соблюдаютъ необходимой при леченіи діеты.

НАРОДНОЕ ВЕСЕЛЬЕ.

а) ВЕСНОЮ.

Весною, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, начиная со дня Пасхи до недѣли Всѣхъ Святыхъ, послѣ обѣда, здѣшніе жители собираются въ одно мѣсто, на берегу рѣчки Конгоры. Тутъ собираются не только молодежь и дѣвѣцы, но и пожилые мужчины и женщины — смотрѣть, какъ молодежь и малыя дѣти играютъ въ кости, въ мячикъ, въ карты, а дѣвушки поютъ пѣсни или катаютъ мячикомъ въ яйца. Если погода худа или на улицѣ очень холодно, то всѣ партіями собираются въ разныя избы; здѣсь дѣвѣцы проигрываютъ въ карты своимъ подругамъ яйца, а молодежь — свои бабки, или кости; за это нерѣдко бываютъ немалая ссора и побранка. Такимъ-образомъ, они проводятъ всѣ весенніе праздники то въ гулянья, то въ ссорѣ за карты, до самыхъ Петровокъ. Съ Петровокъ же ни въ какой праздничный день не бываетъ гулянья, и не увидишь на улицѣ никого изъ молодежи и ни одной дѣвушки. Первые большею частію ходятъ удить рыбу, а послѣднія занимаются вышиваніемъ какихъ-нибудь узоровъ или шитьемъ бѣлья. Впрочемъ, и тѣмъ и другимъ нерѣдко случается бывать на помочахъ.

б) въ храмовые праздники.

Въ приходѣ нерѣдко бываютъ *храмовые* и такъ называемые *обѣщаннныя* праздники, на которые здѣшніе жители ждутъ

своихъ родныхъ гостей , варятъ пиво и покупаютъ вино ; эти праздники называются у крестьянъ *веселыми* ; на нихъ , какъ говорятъ , и «старикъ со старухою помолодѣли».

Храмовые праздники продолжаются отъ трехъ до пяти дней въ цѣломъ приходѣ и со всею возможною для поселянъ роскошью; обѣщанные празднуются только одинъ день, и то только съ своими прихожанами-сосѣдями.

На храмовые праздники собираются не только жданные гости, родные, но и нежданные, пришедшіе сами собою изъ сосѣднихъ приходоѡвъ, для того только, чтобы попить, поѣсть и погулять сколько душа хочетъ. Къ этимъ праздникамъ ивые покупаютъ ведро, другіе полведра, третья только четверть ведра вина ; пива запасаютъ на пять дней , отъ пяти до пятнадцати изварь ; или отъ двадцати до шестидесяти ведеръ , смотря по состоянію и по числу мѣстныхъ гостей. Мужчины и пьющія женщины пьютъ на этихъ праздникахъ вина и пива безъ мѣры; или , какъ здѣсь говорятъ , *ломомъ ломаютъ* ; для нихъ нѣтъ больше веселья , какъ только по-временамъ безъ складу кричатъ во все горло пѣсни и послѣ сна порядкомъ опохмѣлваться , то-есть напиться по-вчерашнему. Иной только и увидитъ праздникъ , пока стоитъ въ церкви за литургіею ; послѣ же обѣдни зайдетъ въ домъ, другой, третій, а можетъ-быть, и въ пятый, и такъ напьется пивомъ и виномъ , что забудетъ и свой домъ , и домашній праздникъ , и дорогихъ гостей , которые съ часу на часъ ожидаютъ хозяина и безпрестанно глядятъ на дорогу къ селу, неидетъ ли онъ. А хозяинъ прибредетъ или ночью, или уже поутру, на другой день праздника.

Вся молодежь сходится послѣ обѣда на гулянье , гдѣ уже находятся и всѣ дѣвицы , хозяева и гости. Тутъ начинаютъ разныя игры и хороводы, съ приличными пѣснями. Когда же первымъ понадоѣстъ неперестанно кричать , кружиться и вертѣться , то они идутъ для веселья другъ къ кругу по домамъ, поздравлять съ праздникомъ. Напоздравлявшись до-сыта , съ шумомъ выходятъ изъ послѣдняго дома на улицу, въ припляску, съ балалайками , скрипками и гармоніями , и становятся на обширномъ мѣстѣ въ круговеньку. Тутъ происходитъ сначна и пляска продолжительная. Потомъ начинаютъ борьбу и продолжаютъ ее до самаго вечера. Ввечеру же, во время зимнихъ праздниковъ, бредутъ на посидѣнки къ дѣвушкамъ, гдѣ

бываетъ такая же ломка ребрамъ и бокамъ , какъ и днемъ ; а кто постепеннѣе , ноютъ съ дѣвицами пѣсни , какія прійдутъ въ голову. Повеселившись почти до утра , спать до обѣда , а послѣ обѣда принимаются опять за то же ; такъ проходитъ и третій день. На четвертый же и на пятый день праздника многіе изъ хозяевъ и даже изъ молодежи , а именно тѣ , кто по соловѣе къ вину и пиву , горюють по праздничномъ угощеньи , какъ обитатели болота во время засухи , когда вся вода уберется въ землю.

Въ обѣщанные праздники бываетъ такое же точно веселье , какъ въ храмовые праздники ; только гульбище продолжается всего одинъ день , и въ тотъ же день всѣ расходятся по домамъ ; останутся ночевать развѣ тѣ только , которымъ необходимо на-утро опохмѣлиться и нечего дѣлать дома. На другой день у каждаго бываютъ только свои родные гости , но и тѣ скоро расходятся по домамъ ; ибо эти праздники бываютъ въ лѣтнее время , когда нельзя гостить долго и всякій спѣшитъ на свои домашнія работы.

Кромѣ этихъ есть и другіе народныя праздники , а именно : о Святкахъ и Масляницѣ , отъ Рождества Христова до 5 января и во всю Сырную недѣлю. Мы ихъ опишемъ особо. Скажемъ порознь о каждомъ изъ этихъ празднествъ.

Святки.

Какое бываетъ здѣсь веселье во время Святыхъ дней , съ 26 декабря по 5 января , нельзя описать : надобно быть въ нашихъ краяхъ самому лично , и притомъ во всѣхъ мѣстахъ , чтобъ составить себѣ о немъ ясное понятіе. Я скажу только то , что слышалъ отъ другихъ , участвующихъ каждый годъ въ этомъ весельи.

Во время Святковъ каждый вечеръ раздаются въ томъ домѣ , гдѣ бываетъ посидѣнка дѣвицъ , громкій смѣхъ , крикъ , шумъ , пѣсни , идетъ скачка , т.-е. пляска. Въ этомъ проходитъ цѣлый вечеръ , безъ умолку , до четырехъ часовъ за полночь. При крикѣ свадебныхъ пѣсень , при стукѣ и топотѣ скачущихъ , молодежь обоюга пола переряживается : женщины и дѣвушки—въ мужчинъ , мужчины—въ женщинъ , и разыгрываются свадьбы , въ которыхъ молодець женится на дѣвицѣ или женщицѣ , а нерѣдко женщины и дѣвицы между собою или на молод-

цахъ. Затѣмъ перереженная, неугомонная молодежь и дѣвицы ходятъ не только по своему селенію, но и по сосѣднимъ деревнямъ, чтобы и тамъ показать свою удалъ. И какъ инымъ прійдетъ въ голову нарядиться! Многіе даже боятся глядѣть на ряженныхъ. Кто надѣнетъ страшную маску, а на подболочку— бѣлую, длинную, съ длинными рукавами рубашку; другіе принимаютъ видъ разныхъ животныхъ: барановъ, козъ, медвѣдей, волковъ, обезьянъ, лисицъ, журавлей. Эти мнимыя животныя, особенно медвѣди, катаютъ по испачканному полу нарядныхъ дѣвушекъ и, растеревъ обгорѣлыя на свѣтцѣ лучины съ грязью, пачкаютъ всѣхъ, кого попало. Послѣ приходитъ мельница и закидываетъ всѣхъ снѣгомъ, не щадя и самыхъ хозяевъ дома. Бываетъ и то: принесутъ на посидѣнку мнимаго покойника, плачутъ по немъ какъ по настоящемъ и отпѣваютъ — пѣснями. Тамъ видѣнъ сбитенщикъ, тамъ саечникъ, тутъ разнощикъ съ мелочами.

Эти забавы бываютъ не только ночью, но и днемъ. Всѣ дѣвицы и молодые мужчины, холостые и женатые, наряжаются Цыганами и Цыганками, ходятъ въ селѣ по всѣмъ домамъ ворожить на ладони и собирать яйца; или наряжаются въ красныя мужскія рубашки, возьмутъ косы и грабли и отправляются, съ пѣснями, по сосѣднимъ деревнямъ, какъ-будто во время сѣнокоса. Словомъ, Святки дѣвушкамъ не для пряжи, а для гулянья и веселья.... Святки пройдутъ, а у нихъ начесанный лёнъ остался не пряденъ, цѣлехонекъ!

Скажу и о другихъ затѣяхъ нашихъ дѣвушекъ. Каждая изъ нихъ хочетъ во время Сятокъ видѣть суженаго. Чего онѣ для этого не дѣлаютъ! ночью ходятъ слушать по подоконью, особливо на перекресткѣ, гдѣ одна дорога пересѣкаетъ другую, задумываютъ и выслушиваютъ; солому въ потолокъ втыкаютъ, куделю зажигаютъ, изъ прорубей вынимаютъ камень и нивѣсть чего не затѣваютъ! также подходятъ къ житницамъ, къ замкамъ и прикладываютъ къ нимъ ухо; бросаютъ башмакъ свой за ворота, чулокъ на ногу надѣваютъ, когда ложатся спать; колодцы изъ лучины строятъ, гребень въ головы кладутъ; на мѣсяцъ смотрятъ; когда всѣ лягутъ спать, смотрятъ въ зеркало цѣлый часъ, не мигая.

Въ Святки же, именно 30 декабря, мальчишечки и подростки и дѣвочки до пятнадцати лѣтъ, которыя побѣдише, подхо-

дать въ селѣ къ каждому дому и подѣ окномъ поютъ *Каледу* слѣдующую пѣсню :

Калета, калета!
Выходила калета
Изъ Новгорода;
Какъ искала калета
Государева двора!
Нашла калета
Государевъ дворъ.
Государевъ дворъ
Не малъ, не великъ, (2)
На семьдесятъ столбахъ, (2)
На семьдесятъ верстахъ;
На всякомъ столбѣ
По жемчужникѣ горить.
Здравствуй, хозяинъ съ хозяйшкюю!
На полицѣ есть пирокъ;
Ты не рѣжь, не ломай, (2)
Лучше весь отдавай!
Хто подастъ пирога,
Тому двирь бы скота!
Девяносто бы быковъ,
Полтора ста бы коровъ;
Онѣ масломъ бы цидили
И смѣтаной бы доили.
А какъ на пролубъ пойдуть,
Пусть погрывають;
А какъ съ пролуби пойдуть,
Пусть погрывають.
Здравствуй же, хозяинъ съ хозяйшкюю
И со всѣмъ твоимъ малютками!

Послѣ этой пѣсни хозяинъ или хозяйка выносятъ всему хору цѣлый пирогъ, или половину пирога, или только конецъ, смотря по усердію. Кто ничего не подастъ, по скупости или потому, что не терпитъ этой пѣсни, тому прибавляютъ слѣдующій куплетъ :

Не подашь пирога,
Такъ и нѣтъ живота;
Хоть и есть, такъ не въ честь:
Пусть дегтемъ же доятъ
И смолою вамъ пьютъ!

Масляница.

Масляница — праздникъ самый общепринятый, самый разгульный. Она справляется во всѣхъ краяхъ и всѣми: и старшій и малшій равно въ ней участвуютъ. Кого изъ здѣшнихъ жителей не встрѣтишь, всякій непременно тотчасъ поздравитъ съ «широкою и веселою» и даже съ «честною» Масляницею, какъ лучшимъ въ году праздникомъ, и пожелаетъ провести этотъ праздникъ со всякимъ удовольствіемъ и веселостію.

Масляница, съ приготовленіями и проходами, длится здѣсь съ недѣлю. Для пожилыхъ мужчинъ день девять, а для молодежи два четыре бываетъ самое веселое разгулье. Въ первые три дня Сырной недѣли, до четверга, дѣлаются приготовленія къ празднику, т.-е. запасается пиво, вино и съѣстные припасы; молодежь приготовляетъ упряжку для лошадей, чиститъ и украшаетъ лентами, а если нѣтъ своей упряжки, то промышляетъ у другихъ лишнюю, чтобы было на чемъ выѣхать безъ стыда; дѣвцы готовятъ искусственныя горы, лодки, санки, на чемъ кататься. Молодежь готовитъ также шесты, съ которыхъ катаются парами на ногахъ, и качели. Эта потѣха опасная, ибо можетъ изувѣчить. Но что дѣлать! «Охота вить тѣшить, не бѣда платить!» Иной такъ удачно скатится, что и ребра затрепчатъ; другой, не такъ-то удачно скатившись съ шестовъ, идетъ изъ-подъ горы съ кислымъ лицомъ и разбитымъ носомъ; другой поправляетъ руку; иной похрамываетъ обѣими ногами, а другой лежитъ и не встаетъ. Качели не лучше шестовъ для здоровья: и онѣ многихъ изувѣчиваютъ.

Первые два дни Великаго поста, понедѣльникъ и вторникъ, состоятъ въ проходахъ честной Масляницы, т.-е. въ опорожненіи посуды, стеклянной и дубовой, отъ оставшагося вина и пива. Такъ и гоститъ у насъ Масляница девять дней. Весьма многіе (разумѣется, изъ пожилыхъ) расстаются съ нею не раньше девяти дней; и многіе встрѣчаютъ ее съ радостію, съ восторгомъ, какъ лучшую гостью, а провожаютъ съ уныніемъ и вздохами.

Въ четвергъ на Сырной недѣлѣ, лишь только покажется свѣтъ, хозяйки во всѣхъ домахъ тотчасъ принимаются за свою работу, чтобы въ этотъ день удовлетворить свой желудокъ какъ можно лучше; поспѣшно затопляютъ печи и начинаютъ стряпню: варятъ и жарятъ рыбу въ плоскахъ и на сковородахъ;

дѣлають пироги, готовятъ для прѣзентовъ тѣсто и, когда придетъ время, прѣзять ихъ въ маслѣ или пустые, или съ яйцами, или съ ягодами и рыбою. До полудня работы имъ по горло; потомъ садятся обѣдать. Тутъ всего вдоволь, всего по горло. Отобѣдавъ, всѣ идутъ на гулянье, гдѣ устроена гора и шести или качели; тамъ катаются на чемъ попало, качаются и на качеляхъ; иные долго ѣздить взадъ и впередъ по улицамъ, человѣкъ по пяти въ однѣхъ саняхъ. Поѣздивъ въ своемъ селѣ, отправляются въ другое, въ третье, и такимъ образомъ ѣздить до вечера; наконецъ возвращаются домой шагомъ; лошадь съ понижею головою и вся въ мылѣ привозитъ хозяйна. Здѣсь дорожные принимаются за ужинъ: садятся за столъ и ѣдятъ всего по-горло, такъ-что къ завтраму ничего не остается.

Само-собою-разумѣется, что тѣ, которые катаются съ горы и на шестахъ или качаются на качеляхъ, громко поютъ веселыя пѣсни. Иногда поютъ и плясовыя пѣсни и въ такомъ случаѣ подъ звуки гармоній и балалаекъ непремѣнно бываетъ скачка, т.-е. пляска, съ хлопаньемъ въ ладоши и громкими кликами.

То же происходитъ въ пятницу, въ субботу и въ воскресенье. Это время самаго разгульнаго веселья: молодежь наряжается точно такъ же, какъ въ Святки, и также проказничаетъ. Рядятся, напимѣрь, Цыганами и мѣняются между собою лошадьми, такъ искусно, что со-стороны-непремѣнно примешь ихъ за природныхъ Цыганъ. Рядятся и Масляницею, слѣдующимъ образомъ: запрягаютъ десять лошадей и болѣе въ нарочно для того приготовленную большую повозку, своего рукодѣля; лошади впрягаются гусемъ одна за другою; на каждую изъ нихъ сажаютъ вершника, въ рубищѣ, разодранномъ съ ногъ до головы, всего выпачканнаго сажею; одинъ вершникъ держитъ большой кнутъ своего издѣлїя, другой—метлу; вездѣ и даже на свои шеи навѣшиваютъ коровьи колокольчики и всякія погремушки; рогожаную кибитку, всю запачканную, увѣшиваютъ вѣшниками, какъ-будто унизируютъ жемчугомъ, и сажаютъ въ нее пьянаго человѣка, тоже испачканнаго сажею и въ разодранномъ рубищѣ, облитомъ пивомъ; подлѣ него стоитъ боченокъ съ пивомъ, противъ него—раскрытый сундукъ съ съѣстными припасами,—пирогами, рыбою, яйцами, аладь-

ями и пряженцами; по другую сторону ставят штофъ вина, а въ руки даютъ ему большой бокаль, наполненный виномъ. Этотъ пьяница пьетъ и ѣстъ напрапалую. Весь этотъ поѣздъ означаетъ, что *Масляница ѣдетъ домой*. Нѣкоторые, искренне желая удержать Масляницу хоть на нѣсколько еще времени, остававливають пьяницу и упрашиваютъ погостить еще хоть денекъ; но онъ не соглашается, отговариваясь тѣмъ, что ему непремѣнно нужно наскоро ѣхать въ Ростовъ на ярмарку, и уѣзжаетъ въ другое селеніе.

Въ 1849 году поѣздъ Масляницы совершался у насъ въ другомъ видѣ. Связали вмѣстѣ нѣсколько креселъ, такъ, чтобъ они не могли развинуться; прикрѣпили, по срединѣ ихъ и къ нимъ перпендикулярно, длинную слѣгу, будто мачту; нижній ярусъ обвертѣли рогожамн, конусообразно, наподобіе пирамиды, а на верхнемъ ярусѣ, какъ-то посредствомъ веревокъ, прикрѣпили надѣтое на мачту колесо, чтобъ оно не могло опуститься внизъ на рогожаную пирамиду, и покрыли его женскимъ сарафаномъ, также конусообразно; на самомъ же верху мачты выставили флагъ бѣлый и красный—изъ новины и какой-нибудь матеріи. Въ этотъ чудный поѣздъ впрягли лошадей двадцать; на каждую посадили по вершнику, въ маскѣ и въ однообразной шутовской одеждѣ. Чтобы пирамида стояла крѣпче, не качалась въ ухабахъ и не упала на бокъ, поставили на кресла у подошвы ея, кругомъ мачты, самыхъ здоровыхъ мужчинъ. На колесо протянули веревочную лѣстницу, и на него посадили самага ловкаго шалуна, одѣтаго въ женское платье, съ большимъ кокошникомъ на головѣ и въ маскѣ. Впереди ѣхало нѣсколько всадниковъ, тоже наряженныхъ въ шутовское платье—Цыганами. Какъ-только шалунъ, вертящійся на колесѣ, подобно обезьянѣ, подалъ сигналъ къ отъѣзду, всадники тотчасъ же во весь опоръ поскакали по дорогѣ въ другое селеніе, а за ними двинулся съ мѣста весь поѣздъ, съ шумомъ и крикомъ, и потянулся по дорогѣ, куда поскакали верховые, только не такъ поспѣшно, а въ трусрянку.

Во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ проѣзжалъ этотъ поѣздъ, его угощали за эту комедію такъ обильно, что поѣзжане возвратились домой съ изодранными масками.

Между-тѣмъ пожилой народъ и старики, которые еще могутъ брести изъ улицы въ улицу, любя сивуху или полугаръ,

домашнее пиво или бражку, не обращают никакого вниманія ни на проѣзжающихъ мимо ихъ нарядныхъ молодыхъ, ни на искусственную гору, ни на тѣхъ, которые ее окружаютъ, ни на пѣсни, скачку и пляску и ни на какое веселье, а помаленьку, не торопясь бредутъ изъ дому въ домъ и поздравляютъ другъ друга съ честною, веселою и широкою Масляницею. Если кто изъ нихъ и зазѣвается на удалыхъ весельчаковъ, то другіе, взявъ зѣваку за руку, скоро оттаскиваютъ его отъ шумной и веселой толпы, увѣщевая такъ: «Эхъ, братецъ! какой ты зѣво-«грай! стоишь розиня ротъ; развѣ тутъ невидаль какая! Ну, «посуди ты, братецъ, годится ли старику прильнуть къ моло-«дымъ робятамъ! Ступай-знай въ свое мѣсто безъ оглядки. «Лучше гдѣ-нибудь въ избѣ побалагуримъ, а съ молодымъ «робятамъ намъ нечо и связыватца. Бывали и мы молодцамъ-«то дотолѣчи; и мы также шалили и баловали, какъ юнчи «балуютъ наши дѣти и внучата.»

Встрѣтивъ кого на пути, съ вѣжливостію зовутъ сосѣда съ собою въ артель, и если тотъ станетъ отказываться итти съ ними въ компанію, то говорятъ ему: «Эхъ, братецъ, какой «ты упрямой! пойдешь, пожалуйста, съ намъ виѣсть; rozdѣли «же, пріятель, нашу компанію: не на вѣкъ вѣтъ Масленица-та «намъ досталась; што припасено, выпьемъ и съѣдимъ все! не «къ посту-жо беречи припасы-те, братецъ! куда-жо дѣвать «пиво съ виномъ, али въ постъ станѣмъ пить? въ постъ-отъ «ужь не дадутъ! да и оборони Богъ отъ ептова грѣха насъ «вногогрѣшныхъ! дадутъ-то въ постъ только рѣдьки хвостъ, «да и гложи сво знай! Вотъ дѣло-то, братъ, какое! Пойдемъ-те, «братаны! нечо мѣшкать; болого зовутъ, такъ не отговари-«вайся!»

Такъ всякій зоветъ къ себѣ встрѣтившагося съ нимъ сосѣда, и одинъ по одному столько ихъ наберется, что куда ни придутъ, тамъ вся посуда отъ нихъ застонетъ; всѣ пьютъ и ѣдятъ на-славу.

Наконецъ, послѣ такихъ проводовъ Масляницы, любимаго праздника, что остается дѣлать гулякамъ до чистаго понедѣльника? За работы приняться не хочется, голова болитъ съ перехмѣлья. Ну и давай опять за то же: дай остановимъ Масляницу хоть на денечекъ! Такъ и дѣлаютъ наши мужики. Въ понедѣльникъ первой недѣли поста, еще ни-свѣтъ-ни-заря, а они

принимаются за оставшееся вино и пиво — «немножко пополо-скать во рту». Потомъ принимаются въ-плотную очищать всю посуду, до послѣдней капли, переходя артелью изъ дома въ домъ, и наконецъ, подъ вечеръ, до того напьются, что иной едва ноги переставляетъ. Во вторникъ, поутру, опять принимаются за то же, только не такъ ужъ проворно и не съ такою охотою, а съ тоскою и уныніемъ; въ вечеру же окончательно прощаются съ честной Масляницей.

Молодой народъ совсѣмъ не такъ прощается съ этимъ праздникомъ и гораздо прежде стариковъ. Въ воскресенье Сырной недѣли, когда уже смеркнется, часовъ около четырехъ вечера, всѣ собираются партіями, и каждый беретъ по снопу соломы, насмолятъ ихъ, воткнуть каждый снопъ на особый шесть, поставятъ эти шести и укрѣпятъ ихъ перпендикулярно къ землѣ, около дороги, въ дальномъ разстояніи отъ селенія; зажигаютъ ихъ и дѣлаютъ порядочную сельскую иллюминацію и фейерверкъ; снопы замѣняютъ мѣсто ракетъ и гранатокъ. Жгутъ также смоляныя и дехтярныя бочки, разохшіяся и уже ни къ чему негодныя. Такимъ образомъ наша молодежь въ ночь на чистый понедѣльникъ Масляницу совершенно сожигаетъ. И подѣломъ! она того достойна.

РАСЧЕТЪ ЖИЗНЕННЫХЪ СРЕДСТВЪ.

Доходы здѣшнихъ жителей неодинаковы, потому-что промыслы у нихъ разные. Главный ихъ промыселъ — хлѣбопашество — доставляетъ неравный доходъ, а соразмѣрный съ трудолюбіемъ каждаго. Есть крестьяне, которые не занимаются ничѣмъ другимъ, кромѣ земледѣлія, и самое земледѣшество приводятъ въ упадокъ; впрочемъ, такихъ здѣсь немного. Упомяну здѣсь только о тѣхъ, которыхъ приходъ всегда превышаетъ расходы, или хотя приходъ и великъ, но расходъ почти равенъ приходу. Къ первымъ относятся большесемейные, у которыхъ есть и рабочіе люди; къ послѣднимъ — большесемейные, но нанимающіе рабочихъ людей, т. е. хозяева, у которыхъ семейство большое, но состоитъ преимущественно изъ малолѣтнихъ дѣтей и стариковъ.

Предлагаю здѣсь слѣдующее обозрѣніе прихода и расхода здѣшнихъ хозяевъ того и другаго разряда :

А. Приходъ и расходъ хозяевъ *перваго* разряда, т.-е. большесемейныхъ, нанимающихъ рабочихъ людей.

1) *Приходъ.*

Хозяева этого разряда высѣвають ежегодно: ржи 3 четв., овса 40 четв., пшеницы 10 четв., ячменю 5 четв.

Въ обыкновенный хорошій урожайный годъ каждый такой хозяинъ получить съ этого посѣва: ржи 48 четв. (самъ-16-ть), овса 160 четв. (самъ-4-ть), пшеницы 40 четв. (самъ-4-ть), ячменю 20 четв. (самъ-4-ть).

Если привести собираемый такимъ образомъ хлѣбъ, за исключеніемъ необходимыхъ сѣмянъ для посѣва, на здѣшнія среднія денежные цѣны, то получатся слѣдующія цифры: 45 четвертей ржи стоятъ 577 руб.; (*) 120 четв. овса 600 руб.; 30 четв. пшеницы 360 руб.; 15 четв. ячменю 105 руб.

Сверхъ-того семья получить дохода: отъ продажи корма 200 руб., въ лѣсу заработаетъ 200 руб., отъ коневодства 500 руб., отъ корья, скалы, ягодъ и масла 105 руб.

Такимъ-образомъ доходъ большесемейнаго хозяина, нанимающаго рабочихъ людей, простирается въ обыкновенный хорошій урожайный годъ, среднимъ числомъ, до 2,647 рублей, въ томъ числѣ отъ одного хлѣба 1,642 руб. Но въ самый лучший урожайный годъ доходъ отъ хлѣба можетъ быть гораздо значительнѣе; ибо въ такіе годы рожь родится сама-20-ть и болѣе; ячмень, посѣянный на пару, если не вылежитъ, самъ-10-ть и болѣе; овесъ самъ-6-ть; пшеница самъ-5-ть. Но если и не принимать въ расчетъ дохода отъ хлѣба и корма, то однѣ прочія статьи принесутъ въ годъ 805 руб.

2) *Расходъ.*

Хлѣба выйдетъ въ годъ на домашнее употребленіе: ржи на 168 руб., овса на 240 руб., пшеницы на 120 руб., ячменю на 70 руб., всего на 598 руб. Слѣдовательно, отъ этой статьи дохода останется, по среднимъ цѣнамъ, на 1,044 руб. На уплату казенныхъ повинностей должно быть употреблено 20 руб., на уплату оброка владѣльцу 240 руб., на разные мелочные расходы 50 руб., на церковь и поминовеніе родителей 50 руб., на хозяйственные домашніе расходы 150 руб., вина въ праздники и для помочей на 84 руб., на щегольство, одежду и обувь 120 руб., всего 714 руб., а вмѣстѣ съ расходомъ хлѣба на 1,312 руб.

(*) Весь этотъ и слѣдующій расчетъ сдѣланъ на ассигнаціи

Итакъ, хорошіе хозяева, не продавая хлѣба и корма, отъ однихъ остальныхъ статей дохода, за всѣми издержками, имѣютъ ежегодной прибыли на 91 руб.; при продажѣ одного корма на 291 руб., а при продажѣ и хлѣба на 1,335 руб.

Б. Приходъ и расходъ хозяевъ *второго* разряда, т.-е. большесемейныхъ, не нанимающихъ рабочихъ людей.

1) Приходъ.

Хозяева этого разряда высѣвають ежегодно: ржи 2 четв., овса 25 четв., пшеницы 5 четв., ячменю 5 четв.

Въ обыкновенный хорошій урожайный годъ отъ такого посѣва получается: ржи 32 четв. (самъ-16-ть), овса 100 четв. (самъ-4-ть), пшеницы 20 четв. (самъ-4-ть), ячменю 20 четв. (самъ-4-ть).

Если привести собираемый такимъ образомъ хлѣбъ, за исключеніемъ необходимыхъ сѣмянъ для посѣва, на здѣшнія среднія денежныя цѣны, то получатся слѣдующія цифры: 30 четв. ржи стоятъ 336 руб.; 75 четв. овса — 375 руб., 15 четв. пшеницы — 180 руб., 15 четв. ячменю — 105 руб., всего 996 руб. Сверхъ-того семья этого разряда получить дохода: отъ продажи корма 200 руб., заработка въ лѣсу 100 руб., отъ охоты осенью и зимою 100 руб., отъ корья, скалы, ягодъ и масла 140 руб., — всего отъ этихъ статей 540 руб.

Такимъ-образомъ доходъ большесемейнаго хозяина, который не держитъ наемныхъ рабочихъ людей, простирается въ обыкновенный урожайный годъ, среднимъ числомъ, до 1,536 рублей.

2) Расходъ.

Хлѣба выйдетъ въ годъ на домашнее употребленіе: ржи 112 руб., овса на 120 руб., пшеницы на 120 руб., ячменю на 70 руб., — всего на 422 руб. Слѣдовательно, рассчитывая по среднимъ цѣнамъ, отъ этой статьи дохода останется 574 руб. На уплату казенныхъ повинностей должно быть употреблено 13 руб. 50 коп., на уплату оброка владѣльцу 1 руб. 60 коп., на разные мелочные расходы 50 руб., на церковь и поминовеніе родителей 25 руб., на хозяйственные домашніе расходы 135 руб., вина въ праздники и для помочей на 84 руб., на одежду, обувь и щегольство 72 руб., всего 539 руб. 50 коп., а вмѣстѣ съ расходомъ хлѣба на 961 руб. 50 коп.

Итакъ, хорошіе хозяева этого разряда непременно должны продать или корму, или хлѣба на 200 руб., чтобъ покрыть всѣ необходимыя въ-теченіе года издержки; иначе имъ недостанетъ этой суммы и они должны ее занять. Съ продажею же корма и всего хлѣба, остающагося за расходомъ, они получаютъ въ годъ чистой прибыли, за всѣми издержками, 574 р. 50 коп.

Въ-заключеніе замѣчу слѣдующее :

1) Иногда у тѣхъ и другихъ хозяевъ остатокъ бываетъ болѣе положеннаго здѣсь примѣрно; нельзя положительно опредѣлить ни прихода, ни расхода, ибо цѣна, приходъ и расходъ бываютъ неодинаковы.

2) На щегольство и наряды здѣшніе жители тогда только употребляютъ деньги, когда продается хлѣбъ или кормъ; а безъ того о щегольствѣ они и не думаютъ.

3) У прочихъ жителей здѣшней мѣстности, одинокихъ, безсемейныхъ, приходъ съ расходомъ всегда равенъ, а потому о нихъ нечего и говорить. Скажу только, что при появленіи расходовъ они продаютъ кормъ и хлѣбъ часто за половинную цѣну. Зато у такихъ крестьянъ и хлѣба въ остаткѣ никогда не бываетъ; нерѣдко случается даже, что они на сѣмяна занимаютъ у богатыхъ. Поэтому, хотя они тоже занимаются промыслами, подобно первымъ, но, не имѣя капитала на покрытие необходимыхъ расходовъ, много теряютъ въ домашней экономіи.

УМСТВЕННЫЯ И ПРАВСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ.

Здѣшніе крестьяне не такъ образованы, какъ въ другихъ мѣстахъ, наприм.: въ уѣздахъ Ярославскомъ, Углицкомъ, Романовскомъ, Борисоглѣбскомъ и Рыбинскомъ, потому-что они по большей части проживаютъ дома и ѣздятъ въ Пошехонь, Мологу и Рыбинскъ только по своимъ надобностямъ. Впрочемъ, несмотря на необразованность, они одарены хорошими умственными способностями. Что они понятливы и имѣютъ хорошую память, видно изъ того, что весьма хорошо понимаютъ сказанныя поученія и долго ихъ помнятъ, какого бы они рода ни были — догматическія или практическія. Вообще должно замѣтить, что здѣшній народъ внимателенъ ко всему; найдитъ предметъ, особенно новый, занимаетъ его, и потому онъ обра-

щаетъ на него все свое вниманіе. Кромѣ-того, здѣшній народъ весьма дѣятеленъ и трудолюбивъ, такъ-что безъ какого-нибудь дѣла, хотя бы самаго неважнаго, не можетъ пробыть даже въ воскресные дни. Поэтому послѣ каждаго праздника онъ очень скучаетъ о томъ, что нѣсколько дней сряду былъ въ праздности и бездѣйствіи. Память, вниманіе и понятливость здѣшняго народа доказываются еще и тѣмъ, что молодые люди очень скоро перенимаютъ незнакомыя имъ пѣсни, и старые очень хорошо помнятъ тѣ, которыя часто пѣлись во время ихъ молодости. Смѣтливость здѣшнихъ жителей видна изъ того, что они мастера считать, и считаютъ быстро, даже безъ счетовъ. Они смѣшлены: всѣ почти здѣшніе крестьяне сдѣлаютъ все, что ни увидать, не хуже мастера, только бы имъ узнать, какъ, какимъ образомъ и какимъ инструментомъ что дѣлается. Въ этомъ отношеніи женщины не уступаютъ мужчинамъ.

Разсудительность здѣшнихъ жителей видна въ ихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, въ сношеніяхъ съ сосѣдями и въ наказаніи дѣтей за шалости. Каждое сложное семейство винуется одному хозяину (по-здѣшнему—большаку), а женщины, кромѣ хозяйна, еще и хозяйкѣ (старшей изъ нихъ — большухѣ). Всѣ въ семействѣ твердо знаютъ и опытомъ научены, что для счастья семейства необходимо, чтобы всѣ повиновались одному старшему, умнѣйшему и опытнѣйшему въ семействѣ, отъ котораго бы зависѣли всѣ хозяйственныя распоряженія. Поэтому гдѣ нѣтъ отца, тамъ, съ общаго согласія членовъ семейства, выбираются въ большаки или дядя, или одинъ изъ братьевъ, смотря по разуму, опытности и расторопности, такъ-что иногда младшій лѣтами беретъ преимущество надъ старшими, безъ обиды для нихъ. То же должно замѣтить и о женщинахъ.

Въ сношеніяхъ здѣшнихъ крестьянъ съ сосѣдями видны большое благоразуміе и доброжелательство. Если у одного нѣтъ какой-либо необходимо нужной вещи, то другой ссужаетъ ее, помня, что и у него можетъ не случиться того или другаго, что, слѣдовательно, и онъ также можетъ имѣть надобность въ своемъ сосѣдѣ. Кромѣ-того, въ случаѣ нужды, здѣшніе жители охотно педаютъ другъ другу полезныя и необходимыя совѣты; утѣшаютъ другъ друга въ несчастія, совѣтуя переносить горе терпѣливо и великодушно; съ плачущими пла-

чуть, съ веселыми радуются : словомъ сказать , помогаютъ ближнему не словомъ только , но и дѣломъ. Замѣтивъ въ дѣтахъ какую-нибудь шалость или порокъ , не наказываютъ ихъ тотчасъ же , но сперва разыскиваютъ причину, побудившую дѣтей къ шалости или къ пороку, и уже потомъ , когда признають дѣтей своихъ виновными , наказываютъ , смотря по винѣ. И тутъ, впрочемъ, они различають : если шалость произошла только вслѣдствіе побужденія случайнаго , внѣшняго, а не по внутреннему влеченію , то прощаютъ до времени, съ увѣщаніемъ, чтобъ они впредь того не дѣлали, не слѣдовали худому совѣту или примѣру и избѣгали ихъ.

Господствующихъ порочныхъ наклонностей и страстей я въ здѣшнихъ жителяхъ не замѣчалъ. Можно было бы упрекнуть ихъ за то , что они иногда предаются пьянству ; но это случается весьма рѣдко, и то только въ праздники, на свадьбахъ и на помочахъ.

Главный порокъ женщинъ есть страсть къ пересудамъ, между собою , дурныхъ поступковъ ближняго, страсть дѣлать сплетни на-счетъ другихъ, а себя и свои дѣйствія выхвалять и выставять на-показъ, въ выгодномъ свѣтѣ. Эти два порока происходятъ отъ глупой гордости, но еще болѣе, кажется, отъ того, что женщины очень любятъ поговорить кой-о-чемъ и выбираютъ для разговора такой предметъ, какой прежде всего попадаетъ на языкъ ; самый же первый и близкій ихъ сердцу предметъ : это — пересуды ближняго въ чемъ бы то ни было, въ худомъ или хорошемъ ; хорошее , разумѣется , онѣ толкуютъ криво, вовсе его не понимая. Тотъ же недостатокъ замѣтенъ и во многихъ здѣшнихъ крестьянахъ. Источникъ этихъ пересудовъ и сплетенъ не злоба, не коварство , не желаніе вреда ближнему, а одна лишь привычка и простота, которую здѣшніе жители наслѣдовали отъ предковъ своихъ и старшихъ.

Наконецъ, нѣкоторые суевѣрны ; но суевѣріе ихъ тотчасъ исчезаетъ, какъ только обличишь и осмѣешь легковѣріе суевѣрныхъ и малосмысленныхъ людей.

Добрыя качества здѣшнихъ жителей суть : набожность, благотворительность и гостепрѣимство.

Набожность выражается въ усердіи ко храму Божію. Здѣшній народъ любитъ часто ходить въ церковь для молитвы и испремѣнно бываетъ у службы по воскресеньямъ и праздни-

камъ ; не приходятъ только отсутствующіе изъ селенія и больные. Приходи въ церковь, всегда ставятъ свѣчи многимъ святымъ иконамъ, и это же дѣлаютъ у себя дома, когда молятся; такъ, наприм., по утру или ввечеру затепливаютъ персѣ домашними иконами свѣчу или двѣ, или лампаду съ деревяннымъ масломъ, а въ праздникъ передъ каждою иконою ставятъ по свѣчѣ. На дому и особенно въ храмахъ Божіихъ молятся усердно и съ благоговѣіемъ, стоятъ въ церкви съ благочестіемъ ; часто служатъ молебны Спасителю, Божіей Матери и многимъ угодникамъ, которыхъ часто призываютъ на помощь. Оказываютъ усердіе и расположеніе къ служителямъ церковнымъ, особенно къ священнику. Служатъ молебны при домахъ ; въ дѣтнее время во всѣ деревни поднимаютъ св. иконы, и въ обѣщанныя праздники просятъ совершить крестные ходы. Свято соблюдаютъ посты. Въ Великій постъ и на Страстной недѣлѣ ходятъ въ церковь молиться, исповѣдаются и приобщаются св. Тайнъ. Соблюдаютъ также постъ по средамъ и пятницамъ и всѣ древніе посты : Петровъ, Успенскій и Рождественскій. Сверхъ-того, многія женщины налагаютъ на себя произвольные посты, наприм., по понедѣльникамъ, а другія вовсе не ѣдятъ мяса и рыбы. Здѣшній народъ, особливо женщины, любятъ также приносить въ храмъ Божій дары, какъ-то : новины, свѣчи, ладонъ, масло, навѣшиваютъ на иконы полотенца, платы шолковые, разные ткани и другія вещи. Наконецъ набожность здѣшняго народа видна и въ томъ, что онъ часто поминаетъ своихъ родителей, или во время проскомидіи, или въ извѣстные дни ; заказываетъ обѣды по усопшимъ, особенно по тѣмъ изъ нихъ, которые умерли недавно; ходитъ для молитвы, хотя и не въ дальнемъ разстояніи, къ явленнымъ и чудотворнымъ иконамъ и въ ближайшіе монастыри.

Благотворительность обнаруживается въ готовности помочь ближнему и совѣтомъ и дѣломъ, ссудить его нужнымъ, также въ милосердіи къ бѣднымъ, въ подаяніяхъ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ жителей погребаютъ на свой счетъ умершихъ въ крайней нищетѣ и дѣлаютъ иногда по нимъ поминки.

Гостепріимство выражается въ томъ, что во время праздниковъ здѣшніе жители угощаютъ всѣхъ гостей, какъ родныхъ, такъ и чужихъ, и даже часто такихъ, которыхъ не

знають по имени; впрочемъ, они даже и не заботятся узнать ихъ имена. Если такіе гости стануть извиняться предъ ними, что, не будучи прежде знакомы, осмѣлились прийти, то они говорятъ имъ только: «Ну, братцы! попали въ артель, такъ погостите на доброе здоровье, чѣмъ Богъ спослалъ; мы рады празднику, стало-быть рады и гостямъ; «можетъ-быть случится и намъ побывать у васъ когда-нибудь, нельзя отречься отъ этого». Тоже бываетъ и на свадьбахъ: угощаютъ не только родныхъ, но и сосѣдей. Вообще здѣсь всякій хозяинъ охотно принимаетъ къ себѣ въ домъ своихъ, такъ называемыхъ, «хлѣбосоловъ», старается угостить какъ-будто ближайшихъ родственниковъ и любить завести большое знакомство съ людьми хорошими. Всякій хозяинъ ласково и охотно принимаетъ къ себѣ въ домъ прохожихъ людей, какъ знакомыхъ, такъ и незнакомыхъ, особливо бѣдныхъ, которые просятъ ночевать; угощаетъ ихъ ужиномъ и завтракомъ и ничего не беретъ ни за пищу, ни за покой; даже съ торговыхъ людей и разнощиковъ съ мелочами не берутъ ничего.

ЧИСЛО ГРАМОТНЫХЪ.

Въ здѣшнемъ приходѣ число мужчинъ, умѣющихъ читать и писать, простирается до 90, женщинъ до 5-ти; женщинъ, умѣющихъ только читать, всего 17. Всѣ они учились или дома, у родныхъ, или у причта церковнаго. Всѣхъ грамотныхъ 112 человекъ, неграмотныхъ же 711.

ПРАЗДНИКИ.

Здѣшніе жители въ иные праздники непременно начинаютъ какое-нибудь дѣло, въ другіе же, напротивъ, ни за что не начнутъ никакого дѣла. Въ эти же праздники они гадаютъ.

Подобныхъ праздниковъ здѣсь довольно, въ-особенности у женщинъ. Представимъ ихъ перечень по порядку, начавъ съ Нового года.

Новый годъ, или *Васильевъ вечеръ*. Этотъ вечеръ для всѣхъ женщинъ есть какъ бы зеркало будущей ихъ судьбы, то-есть жизни, здоровья и счастья. Поэтому онѣ (разумѣется, самыя легковѣрныя и суевѣрныя) въ Васильевъ вечеръ ходятъ слу-

шать подъ окна каждаго дома , что тамъ говорятъ : если сначала услышать что-нибудь веселое , то съ радостію бѣгутъ домой , въ надеждѣ прожить годъ благополучно и весело ; если же сначала услышать плачь , то заключаютъ , что не пережить имъ года ; если услышать о ворахъ , значить ихъ обокрадутъ ; если ссору и большой крикъ , то имъ придется жить цѣлый годъ въ ссорѣ съ домашними или съ кѣмъ-нибудь другимъ , и т. п.

Дѣвицы заслушиваютъ , разумѣется , о замужствѣ : что выслушаютъ , того и ожидаютъ въ будущемъ . Но если онѣ услышатъ разговоръ о покойникахъ , то думаютъ , что имъ никогда не бывать замужемъ . Дѣвицы гадаютъ не только въ Васильевъ вечеръ , но и во всѣ вечера Святोकъ , съ Рождества Христова до 5-го января , какъ уже было сказано выше .

Богоявление Господне. Этотъ праздникъ служитъ для душевнаго и тѣлеснаго очищенія и омытія тѣхъ , кто слишкомъ усердно веселился на *Святкахъ* . Въ этотъ день нагрѣваютъ въ сосудахъ воду , и ею омываются . Другіе же окачиваются даже одною холодною водою , принесенною съ проруби . Многіе считаютъ за грѣхъ итти въ церковь къ богослуженію , не исполнивъ этого обряда .

Срътеніе Господне. Въ этотъ день , по замѣчанію здѣшнихъ жителей , зима встрѣчается съ весною , и потому всѣ здѣсь думаютъ , что какова будетъ въ этотъ день погода , такъ она должна быть и вся весна .

Масляница. Какой день на этой недѣлѣ будетъ красный и ведряный , въ тотъ и должно весною сѣять пшеницу .

Евдокеинъ день , 1-е марта . Если въ этотъ день подуетъ сѣверный , холодный вѣтеръ , то весною придется кормить скотъ лишнія двѣ или три недѣли ; поэтому съ Евдокеина дня ожидаютъ вздорожанья корма .

Вербная недѣля вся. Если эта недѣля простоятъ съ холодными утренниками и ведряная , то яровая пашня будетъ хорошая и ведряная .

Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы. Въ какой день придется этотъ праздникъ , въ тотъ не начинаютъ никакого дѣла въ-продолженіе всего года . Причина , вѣроятно , та , что и ласточка , какъ говорятъ , въ этотъ праздникъ не вьетъ гнѣзда .

Великій Четвергъ. Съ этимъ днемъ соединены здѣсь слѣдующія примѣты : если въ этотъ день подуетъ холодный вѣтеръ , то вся весна до седьмой недѣли будетъ холодная ; если пойдетъ дождь , то вся весна будетъ мокрая ; если теплый и ведряный , то и весна будетъ теплая и ведряная. Нѣкоторые зашиваютъ весною хлѣбъ съ высушеною и въ порошокъ стертою просвирою , освященною за литургіею въ Великій Четвергъ.

Второй день Пасхи. Кто въ этотъ день проснитъ заутреню и не придетъ въ церковь , того послѣ заутрени купаютъ въ рѣкѣ.

Недѣля жене Мученицы. Въ этотъ день всѣ женщины ходятъ къ обѣднѣ съ яйцами и послѣ обѣдни христосуются съ священно и церковнослужителями и ихъ женами.

Егорьевъ день , 23-го апрѣля. Въ этотъ празникъ хозяева выгоняютъ весь свой скотъ въ поле и изъ большаго сосуда окачиваютъ водою пастуха , чтобъ онъ , въ продолженіе всего лѣта , бдительно смотрѣлъ за своимъ стадомъ и не дремалъ. Въ этотъ же день рядятъ работниковъ и работницъ.

Вознесеніе Господне. Завиваютъ березки , чтобы замѣтить , проживетъ ли цѣлый годъ тотъ , на кого березка завита ; если березка не завянетъ до Пятидесятницы , то думаютъ , что онъ проживетъ благополучно. Дѣвица завиваетъ березку для того , чтобы узнать , выдадутъ ли ее въ тотъ годъ замужь.

Сшествіе Святаго Духа на Апостоловъ. Послѣ обѣда ходятъ развивать березки и , развивши , кидаютъ ихъ въ воду : чья потонетъ , тому , на кого завита была березка , не прожить года.

Въ ночи на Рождество Іоанна Предтечи нѣкоторые , особливо женщины , ищутъ разныхъ травъ , для снадобьевъ и ворожбы , или же лекарственныхъ. Впрочемъ , это дѣлается не въ здѣшнемъ приходѣ , а во многихъ приходахъ Мологскаго уѣзда , на правомъ берегу рѣки Шексны , ближе къ Череновской границѣ. Тамъ много ворожей такого рода.

Спасовъ день первый , 1-го августа. Послѣ освященія воды на рѣкѣ , всѣ идутъ купаться въ одеждѣ , для здоровья.

Спасовъ день второй — Преображеніе Господне. До этого дня никто не употребляетъ въ пищу огородныхъ овощей , кромѣ огурцовъ.

Покровъ Пресвятой Богородицы. Въ этотъ день загоняють скотину на дворъ и закармливають ее сначала овсянымъ снопомъ *пожинальнымъ*, то-есть тѣмъ, который нажатъ послѣ всѣхъ и хранится до этого дня; послѣ того лажтъ скотинѣ мякны, пополамъ съ овсомъ, и сѣна. Если скотина можетъ еще и послѣ того ходить на поле, то, покормивъ ее, опять выгоняють; только съ этого дня, до самой зимы, скотъ выгоняють въ поле не иначе, какъ накормивъ его до-сыта на дворѣ.

День Козмы и Даміана, 1-го ноября, справляется весело и разгульно. Приготавливаются къ этому празднику такъ: во всѣхъ селеніяхъ, всѣ пожилые мужчины и женщины, хозяева дома, каждый у себя на дому, варятъ пиво и покупаютъ вина, чтобы на вечерину было довольно; а молодежь, изъ мужчинъ, дѣлаетъ складчину, или *братчину*, по чемъ съ cadaго положить; собираютъ такимъ-образомъ солоду, хмѣлю и денегъ на вино, варятъ пиво въ одномъ какомъ-либо домѣ, и въ вечеру 1-го ноября все тутъ и выпиваютъ, такъ-что на похмѣлье ничего не остается. То же дѣлаютъ и дѣвицы-невѣсты, только, разумѣется; у нихъ не бываетъ вина. Наконецъ то же дѣлаютъ и малолѣтніе мальчики и дѣвочки, отдѣльно, и также безъ вина. Сами же хозяева, съ хозяйками, подъ вечеръ ходятъ, для пированья, изъ дома въ домъ, начиная со старшаго и оканчивая послѣднимъ бѣднякомъ, и гуляютъ до тѣхъ поръ, пока не обойдутъ всего селенія, такъ-что и утра прихватятъ. Потомъ, когда проспятся, мужчины ходятъ другъ къ другу опохмѣлиться и очищать все оставшееся вино и пиво. Такимъ-образомъ этотъ праздникъ справляется почти двоимъ сутки, не смотря на то, что онъ собственно нездѣшній. Нынѣ такіе пиры въ этотъ день мало-по-малу приходятъ въ упадокъ.

24-го декабря, *первый Сочельникъ*. Въ этотъ день только гадаютъ. Замѣчаютъ, что если ночь на 24-е декабря очень ясная и звѣздная, то лѣтомъ много народится всякаго рода ягодъ.

5-го января, *второй Сочельникъ*. Если ночь на второй сочельникъ звѣздная и ясная, то къ веснѣ народится много агнать.

ПРИМѢТЫ.

Если солнце по вечеру не сядетъ въ облако, то слѣдующій день будетъ красный и ведряный, а если въ облако, то ненастный либо пасмурный.

Если солнце, при захожденіи, красновато, то въ слѣдующій день ожидаютъ сильнаго вѣтра.

Если луна, вскорѣ по нарожденіи, представляется крутою и какъ будто съ загнутыми рогами — значить тотъ мѣсяцъ, въ зимнее время, весь будетъ холодный, а въ лѣтнее — ведряный.

Если вокругъ луны покажется красный кругъ, немного расширяющійся и вскорѣ потомъ исчезающій, то будетъ ясная и ведряная погода. Два такихъ круга или одинъ, но тусклый, предвѣщаютъ морозъ.

Если кругъ луны красенъ, будетъ вѣтеръ; если же онъ перерванъ, будетъ снѣгъ.

Во время новолунія не кажутъ пустаго кошелька мѣсячному свѣту, то-есть не вынимаютъ кошелька изъ кармана; иначе не будетъ ни копейки во весь мѣсяцъ.

Если луна блѣдна или мутновата, то будетъ дождь; если же чиста и ярка, то ведро.

Если около луны будетъ красный кругъ, то скоро будетъ дождь съ вѣтромъ.

При новомъ мѣсяцѣ почти всегда ожидаютъ переменны погоды, особливо сырой; также при ущербѣ и исходѣ луны.

Если луна въ бѣломъ кругу, то будетъ дождь.

Звѣзда падаетъ съ неба передъ вѣтромъ.

Сладкая роса предвѣщаетъ падежъ скота.

Если туманъ опускается внизъ и ложится на землю, то ожидаютъ хорошей погоды.

Если съ вечера туманъ отъ земли или отъ воды подымается кверху, то слѣдующій день будетъ жаркій.

Красныя облака передъ восхожденіемъ солнца предвѣщаютъ, что въ тотъ день будутъ сильные вѣтры; если же черныя и красныя, то дождь; но красныя облака передъ захожденіемъ солнца предвѣщаютъ на слѣдующій день ясную погоду.

Когда облака идутъ низко — ожидаютъ стужи.

Если нѣсколько дней сряду видны поутру бѣлыя облака, то будетъ стужа съ дождями; темныя и черныя — дождь.

Дождь съ большими пузырями предвѣщаетъ, что мокрая и ненастная погода продолжится.

Дождевая лужа со многими пузырями предвѣщаетъ дождь.

Радуга высокая и крутая предвѣщаетъ хорошую и ведравую погоду; а пологая и низкая — ненастную.

Если радуга ярка, будетъ ненастье.

Если радуга видна и послѣ дождя, то будетъ хорошая погода.

Чѣмъ зеленѣе радуга, тѣмъ больше должно быть дождя.

Если въ радугѣ больше краснаго цвѣта, то будетъ вѣтеръ.

Если радуга видна къ вечеру, то будетъ хорошая погода, а поутру — дождь.

Если услышится въ первый разъ громъ въ полуденной сторонѣ, то будетъ грозное лѣто.

Если зимою загремѣтъ громъ, то будутъ сильныя вѣтры.

Если зимою сверкаетъ молнія — быть бурѣ.

Громъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ предвѣщаетъ осень теплую и продолжительную.

Иней и бугры снѣга, а также и глубоко промерзшая земля предвѣщаютъ хлѣбородіе.

Если зимою на рѣкѣ вода вдругъ выступитъ на ледъ безъ всякой оттепели, то или будетъ дождь, или, по-крайней-мѣрѣ, большое тепло.

Волки, ищущіе корма около селеній, предвѣщаютъ голодъ и дороговизну хлѣба.

Если воютъ волки, то будетъ или моровая язва, или война.

Если заяцъ кому перебѣжитъ дорогу, то случится съ тѣмъ человѣкомъ какое-нибудь несчастіе.

Если въ бредень сначала попадетъ ёршъ, то въ тотъ день ловъ будетъ самый неудачный.

Рыбы много ловится — будетъ хорошій урожай хлѣба.

Рыбы выплываютъ на поверхность воды — будетъ падежъ скота.

Рыба передъ дождемъ лучше ловится, а передъ вѣтромъ не ловится.

Поймаютъ весною жука и примѣчаютъ: если у него дѣти въ переднихъ ногахъ, то лучшая пашня и хлѣбъ — ранніе; если они въ среднихъ, то лучший сѣвъ и хлѣбъ — средней пашни; если же въ заднихъ, то удачнѣе будетъ послѣдній сѣвъ.

Когда, въ лѣтнее время, появятся муравьи съ крыльями — уже время сѣять рожь.

Раки выходятъ на берегъ передъ ненастьемъ.

Если въ рыболовныя снасти попадется много раковъ, то будетъ хорошій ловъ рыбы.

Муха попадетъ въ похлебку или питье — передъ подаркомъ.

Если сорока кричит на кровлѣ дома, гдѣ находится больной, то ему выздоровѣть; другіе полагаютъ, что въ томъ домѣ будутъ гости.

Когда воробьи вьютъ гнѣздо или летаютъ во множествѣ — знакъ, что погода будетъ ясная и шдрная.

Если кукушка весной замучаетъ голоднаго, то ему не нужно осенью закармливать скотину; иначе она всю зиму будетъ голодна.

Спрашиваютъ весной у кукушки, много ли лѣтъ тому-то жить: сколько разъ она прокукуетъ, столько годовъ тому и жить. Но если кукушка, послѣ вопроса, будетъ молчать, тому человѣку не прожить и года.

Филинъ кричитъ долго и не вдалекѣ отъ селенія — будетъ въ томъ селеніи большое несчастье или пожаръ.

Лѣшій (такъ называютъ здѣсь какую-то ночную птицу, можетъ-быть, филина) всю ночь кричитъ разными голосами, а весь ма страшно — признакъ, что будетъ большой пожаръ, или кто-нибудь потонетъ въ рѣкѣ, или случится какое-нибудь другое несчастье въ томъ селеніи, близъ котораго происходитъ крикъ.

Лебеди летятъ съ сѣвера на югъ очень поздно, напримѣръ въ концѣ сентября — осень будетъ продолжительная и теплая.

Ласточки низко летаютъ — къ дождю и вѣтру.

Если на дубу много желудей, то будетъ жестокая зима и плодородное лѣто.

Когда кто икаетъ или чихаетъ, значить того человѣка кто-нибудь поминаетъ.

Когда звенить въ правомъ ухѣ, значить, что о томъ человѣкѣ, у кого звенить, говорятъ хорошо, а когда въ лѣвомъ, то худо.

У кого чешется голова, долженъ беречься брани.

У кого голова слишкомъ свербить и онъ ее чешетъ, тотъ жди себѣ брани или побоевъ.

Уши чешутся — къ вѣстямъ.

Лѣвый глазъ чешется — передъ слезами, а правый — передъ радостью.

Если бровь чешется, то придется съ кѣмъ-нибудь каиниться.

Ноздря чешется — попасть на родину, а конецъ носа чешется — къ выпивкѣ.

Щоки чешутся — передъ слезами.

Усъ чешется — передъ гостинцами.

Шея чешется — быть гдѣ-нибудь на пирушкѣ; по-другишъ — быть колочену въ тотъ день.

Лѣвая рука чешется — передъ расходомъ денегъ, а правая — къ полученію денегъ.

На ногтяхъ есть бѣлыя пятна — будетъ у того человѣка обновы.

Если кто, идя домой, споткнется и упадетъ, значить, что домашніе его ссорятся между собою; если кто, изъ дому идя, упадетъ на правый бокъ, то это хорошій знакъ, если же на лѣвый, то это признакъ неудачи.

Если отсутствующаго чѣмъ-нибудь часто поминуютъ, особенно если обманываютъ другихъ, что онъ пришелъ или пріѣхалъ, то онъ воротится домой очень сердитъ и гнѣвнъ.

Кто ночью нечаянно увидитъ въ домѣ своемъ свѣтъ, тому будетъ счастье, а больному — здоровье.

Если выходящій изъ трубы дымъ бьетъ къ землѣ, когда совѣтъ итъ вѣтра, то вскорѣ послѣ того зимою долженъ быть свѣгъ, а лѣтомъ дождь.

Если дымъ поднимается прямо вверхъ, даже и во время ненастья, но безъ вѣтру, то скоро послѣ того должно быть ведро (*).

Загнета разшарается (разгорится) въ горну — къ морозу.

Оковницы, или рамы оконъ въ стужу плачутъ (т. е. потѣютъ) къ теплу, а лѣтомъ — къ сырой погодѣ и ненастью.

Полюно съ напыльника упадетъ — къ гостямъ.

Уголь отъ горящей лучины тянется и рѣдко упадетъ на полъ — къ теплу.

Огонь, гори на лучинѣ, клопочетъ — къ сильнымъ вѣтрамъ.

Кто не перекрестясь садится за обѣдъ, съ тѣмъ ѣсть и пить нечистая сила.

Скатертью не утираютъ рукъ для того, чтобы не пристала заусеница.

Если ложка останется на столѣ послѣ обѣда или послѣ ужина — будетъ гость.

Цѣлаго хлѣба за ужиномъ не починаютъ, потому что если почнуть, хлѣбъ будетъ *неспоръ* (**). Но если непремѣнно нужно почать хлѣбъ, то первую отрѣзанную краюху не ѣдятъ, а послѣ ужина, опять прикладываютъ ее къ початому хлѣбу.

Если за ужиномъ похлебку съѣдать всю до-чиста, такъ что горшки останутся порожніе — завтра будетъ ведро.

(*) Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній иногда сбываются на самомъ дѣлѣ. Такъ, я самъ однажды убѣдился въ справедливости двухъ послѣднихъ примѣтъ.

(**) *Неспоръ* — значить: скоро будетъ съѣденъ. *Одинъ у кашн неспоръ* — значить: одинъ нескоро съѣстъ кашу; *одинъ работникъ нескоро кончитъ свою работу — неспоръ у дѣла*.

Если зимою, въ сильные морозы, вымытое и вывѣшенное бѣлье не вымерзаетъ и не дѣлается сухимъ на вольномъ воздухѣ, то на слѣдующее лѣто будетъ сухой лѣнь.

У кого подола загнетса, быть тому пьяному или битому.

Когда цыплята собираются въ какое-нибудь закрытое мѣсто или подъ свою матку, то погода будетъ сырая.

Если ночью всѣ курицы вдругъ слетать съ насеста, то дому приключится какое-нибудь несчастіе.

Курицы или другія птицы часто и продолжительно ошпываются — будетъ ненастная погода.

Кладлива курица, которая постоянно поетъ вмѣстѣ и непрерывъ съ пѣтухами: она каждый день можетъ нести яйца.

Пѣтухъ поетъ очень рано, т.-е. до полуночи — знакъ, что онъ видитъ дьявола и хочетъ прогнать его своимъ пѣніемъ.

Иные, по раннему пѣнію пѣтуховъ въ сильные морозы, ожидаютъ теплой и умѣренной погоды.

Если въ теплое время пѣтухи поютъ весьма часто и не вовремя — знакъ, что въ томъ селеніи будетъ покойникъ.

Курицы дерутся — къ гостямъ.

Пѣтухъ въ стужу запоетъ ранѣе обыкновеннаго — будетъ теплая погода.

Когда утки плещутся и кричатъ въ водѣ, то непременно будетъ дождь; когда же утки тихи, то значитъ, что скоро будетъ громъ.

Гуси моются — передъ дождемъ.

Если хозяйкѣ хочется, чтобы стельная ея корова принесла телку, то доить ее въ послѣдній разъ не идетъ пѣшкомъ, но ѣдетъ на сковородникѣ, а, подомвъ, прѣзжаетъ со двора въ избу на томъ же сковородникѣ, а не приходитъ пѣшкомъ.

Если красная корова идетъ домой съ пастбища первая, то слѣдующій день будетъ красный; если же черная, то ненастный.

Ковы ржутъ — знакъ хорошей вѣсти.

Когда кошка моется, будутъ гости изъ той стороны, куда она наклоняетъ голову.

Кошка тянется на кого — будетъ тому обновы.

Кошка ложится на шестокъ печи — скоро будетъ морозъ.

Кошка около печи жметса или лежитъ свернувшись — къ стужѣ.

Кошки царапаютъ ногтями двери, или столъ, или что-нибудь въ избѣ — къ вѣтрамъ и снѣгу.

Кому собака перебѣжитъ дорогу, тотъ долженъ ворогиться назадъ; иначе онъ сходитъ понустому.

По собачьему вою заключаютъ, что въ селеніи случится несчастіе, особливо пожаръ.

Собаки катаются — зимою къ снѣгу, а лѣтомъ къ дождю.

Здѣшніе крестьяне, отужинавъ, не оставляютъ на столѣ скатерти съ кусками и крошками; иначе, если мыши наѣдятся крошекъ, то у отужинавшихъ хозяевъ будутъ гнить зубы.

Если мыши ѣдятъ въ амбарахъ много хлѣба, то онъ подорожаетъ.

Если мыши вьютъ гнѣзда на верху суслоновъ или копѣнъ, то осень будетъ мокрая и продолжительная; если же въ копцахъ снизу и на полосахъ въ землѣ, то будетъ сухая весна.

Если мыши вьютъ гнѣзда сверху несжатаго хлѣба—съ августа будутъ обильные дожди и ненастная осень.

Если на полосахъ появится много мышей и лягушекъ и онѣ станутъ тратить неубранный хлѣбъ, то на хлѣбъ будетъ дорогая цѣна.

Для беременныхъ женщинъ выдергиваютъ съ корнемъ траву *лукушкины слѣзы*. Если на корнѣ ея два отростела, то женщина родитъ дѣвочку; а если три, то мальчика.

Если беременная женщина въ первые три мѣсяца не чувствуетъ никакой тягости, то родитъ мальчика; а если первые три мѣсяца для нея тягостнѣе шести послѣднихъ, то родитъ дѣвочку.

Спрашиваютъ у беременной женщины, кого она родитъ—мальчика или дѣвочку, и замѣчаютъ: если она, при вопросѣ, покраснѣетъ, то родитъ дѣвочку, а если нѣтъ — мальчика.

Если беременная женщина ощущаетъ ребенка въ правой сторонѣ и хорошо ѣстъ всякую пищу, или, сидя на мѣстѣ, протягиваетъ правую ногу далѣе лѣвой, то у ней родится мальчикъ; если же она охотно слушаетъ пѣсни и смотритъ на пляску, а сидя протягиваетъ лѣвую ногу далѣе правой, или замѣчаетъ, что ребенокъ лежитъ болѣе въ лѣвомъ боку, то у нея родится дѣвочка.

Кладутъ беременной женщинѣ подъ изголовье, когда она спитъ, соли, такъ, однако, чтобы она не могла этого примѣтить; если, проснувшись, она произнесетъ мужское имя, то родитъ мальчика, если женское — дѣвочку.

Не велятъ беременной женщинѣ ѣсть рыбьихъ головъ, чтобы у ея ребенка ротъ не сдѣлался востеръ и высокъ.

Ребенка ребенку не даютъ цаловать, чтобы они не остались пѣлыми.

Ребенку не дають смотрѣться въ зеркало, чтобы онъ не пугался.

Если маленькая дѣвочка часто моется и всегда чешетъ голову и задеваетъ себѣ косу, то она будетъ или хорошая хозяйка, или щеголяха.

Если дѣвица набираетъ въ корзинку ягоды, какія бы то ни было, чистыя, безъ всякаго сора, то у ней и мужъ будетъ нешадровитъ и опрятенъ.

Если дѣвица часто ходитъ съ моврыми подоломъ, то мужъ у ней будетъ горькая пьяница или очень неопрятенъ и простъ.

У женщины, которая опрятно держитъ шестокъ у печки, и дѣти не будутъ олюноваты, а опрятны.

Кто рано и легко встанетъ поутру въ Великій Четвергъ, тотъ легко будетъ вставать круглый годъ. Въ этотъ день кладутъ можуху въ кринки и ею парятъ ихъ, для того, чтобы на молокъ былъ хорошій верхъ.

Въ пятокъ не кладутъ яицъ моль курицу, чтобы высиживные пывлата не перемерли или не были похищены кошками или птицами.

Женщины не оставляютъ нитокъ на веретенѣ въ воскресный или праздничный день, для того, чтобы нитки не рвались. Подъ праздники и въ самые праздники онѣ сматываютъ ихъ, для того, чтобы въ простой день болѣе заняться пряжею: прять въ воскресный или праздничный день онѣ считаютъ за неотомленный грѣхъ; сматывать же нитки, сучить ихъ, что-нибудь шить, пахтать сметану, пересудить ного-нибудь, посмѣяться, пѣть пѣсни, въ карты поиграть или что-нибудь другое хуже этого сдѣлать за грѣхъ не считаютъ.

Если рожь посѣять и созрѣть до Ильина дня, то она для посява лучше старой, т. е. прошлогодней или другой какой; а если посѣять не ранѣе 1-го августа, то худъ.

Въ Егорей морозъ, такъ будетъ и подъ нустокъ овесъ.

Какова Вербница, такова будетъ и желѣзница, т. е., если будетъ шестая недѣля Поста съ утревниками и ведраяя, то и весенняя пашня будетъ ведраяя и удачная, и наоборотъ.

Если ягоды растутъ на старомъ малинникѣ, то сѣять удачнѣе старой рожью; если же на молодомъ, то лучше сѣять рожью того года, свѣжею.

Если на нивахъ остаются облетки сѣна отъ двухъ или болѣе лѣтъ, то въ слѣдующемъ году будетъ дороговизна корма.

Однажды увидѣлъ я, что ѣдетъ по улицѣ нашего села мужикъ и, взглянувъ на окно одного дома, гдѣ двѣ женщины пря-

ли лезъ, тотчасъ же поворотилъ свою лошадь назадъ и возвратилъ въ другую улицу. Я спросилъ его: «для чего ты воротился, почтенный?» — Я обернулся — отвѣчалъ съ усмѣшкою крестьянинъ — вонъ для тѣхъ бабешокъ, воѣ наскоро теребить куделю въ окошкѣ-те вонетѣхъ (указывая на тотъ домъ, гдѣ женщины дѣйствительно пряди), потому-што со мной не разъ случались бѣды, когда я видалъ, проѣздомъ, прядущаѣ бабъ подъ окошкомъ. Этотъ крестьянинъ былъ назъ Матковской волости, разстояніемъ верстахъ въ тридцати отъ нашего селенія.

Если дѣвица, прядя лезъ, туго и правильно вьетъ на веретено нитки, то будетъ хорошо жить съ своимъ мужемъ

Если дѣвица худо вьетъ свою пряду на веретено и крестами, то будетъ худо жить и съ мужемъ.

Если дѣвица слабо вьетъ пряду на веретено, то оба, и мужъ и жена, будутъ жить нехорошо, или мужъ будетъ дурить собою.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

Ангель въ правдѣ помогаётъ, а бѣсъ ложью подстрекаётъ.

Атаманомъ артиль крѣпка.

Баба што шѣшокъ: што помозать, тѣ несетъ.

Батюшко хитлѣкъ не свою волю берётъ.

Безъ денекъ вездѣ худенекъ.

Безъ словъ и рѣчей — худая бесѣда.

Безъ снасти и в . . . не убьешь.

Безъ соли, безъ хлѣба — половина обѣда.

Берева—неугрова: гдѣ стоитъ, гуть шумить.

Богатъсвомъ не спасешься.

Брань не въ запасъ, а безъ нег не на часъ.

Братъ мой, а умъ у него свой.

Брюхомъ назъ міру добра не вынесешь.

Быль молодцу не укора.

Быть такъ, кола помѣтль дьякъ.

Бьется што слѣпой козелъ объ асав.

Бѣда бѣду родить.

Бѣда деньги родить.

Бѣда ходить не по лѣсу, а по людямъ.

Бѣлъ лицемъ, да худъ отцомъ.

Бѣлыя руки чужіе труды любить.

Вашѣ дѣло отаѣтное, какъ сыръ въ маслѣ катанся, а нашѣ дѣло—кланяйся да урочай.

Велякъ тѣломъ, да малъ дѣломъ.

Взяли ходины—не будутъ ли родины?

Взялъ бы корольки, да животы коротки.

Вишь онъ какъ муха къ меду льнетъ.

Вишь іонъ какъ розсерчалъ — изъ копыля вонъ-нанн по-
лѣзъ!

Видно золото и на грязи.

Воля добру жѣну портить.

• Воля собакѣ и на владыку лаять.

Вора помиловать, доброга погубить.

Ворона съ мѣста, такъ соколъ на мѣсте

Воронъ ворону глаза не выключётъ.

Воръ у вора дубинку укралъ.

Впередъ наука—не ходи баушка за внука.

Времена шатки, береги шапки.

Всякое сѣмя знаетъ свое время.

Всякой попляшетъ, да не какъ скоморохъ.

Всякой старецъ имѣетъ свой ставецъ.

Всякому свое счастье.

Всѣ горшки прибиты.

Всѣ люди какъ люди, а мы какъ мыслете.

Въ брюхѣ хоть солома, да кафтанъ съ заломомъ.

Въ городѣ царство, а въ деревнѣ рай.

Въ куть пошла безъ дѣла, а изъ куты — спотѣла.

Въ людяхъ Онанья, а дома не найдешь.

Въ рукахъ было, да по пальцамъ сплыло.

Въ чужое счастье не впасть мухой.

Вы люди натурательные, до всево дотошные, а мы—простые,
неученые.

Вѣдая недруга, не пошто рѣ пиръ.

Вѣренъ рабъ—и господинъ ему радъ.

Гдѣ любовь, тамъ и Богъ.

Гдѣ сердце лежитъ, тутъ и глазъ нашъ бѣжитъ.

Глаза какъ ложки, а не видятъ ни крошки.

Голодной волкъ и завертки рвѣтъ.

Голосъ какъ въ теремѣ, а душа што въ вѣнникѣ.

Горбатаго справитъ могила, а упрямаго — дубина.

Горшокъ котлу завидуетъ, а оба чѣрны.

Гости выпиваютъ, а хозяевъ вонъ не выживаютъ.

Гости-то выпиваютъ, а хозяйна не потчуютъ.

Гости ѣдятъ и пьютъ, а съ хозяйна шкуру дерутъ.

Гости попьютъ, погуляють, да и домой увѣзжаютъ.

Гость гости, а пошелъ — прости.
Гость невного гостить, да вного видать.
Грѣха любезны, да доводить до бездны.
Грязью играть, руки марать.
Дашь грошъ, такъ и будешь хорошъ.
Два разъ лѣто не живеть.
Два чирѣнка, тотъ же утѣнокъ.
Ден-еть хоть темень, да ночь бы свѣтла.
Деньги да таварь — важивная бѣда.
Десятая вода на кисель
Дитя семи нянекъ всегда безъ приврѣнья.
Дитя съ игрушкамъ, а старикъ съ подушкамъ.
Дитя хоть худенько, да отцу, матерѣ миленько.
Для друга семь верстъ не омолоца.
Для чего же отецъ, коли самъ молодець!
Для шей люди женятся, для добрыхъ женъ постригаются.
Добро тому пить, хто хмѣль можетъ скрыть.
Дожилъ до лыка.
Дожилъ до мату, што ни хлѣба, ни табаку.
Дожилъ до-нельзя-вплоть.
Дожилъ до-нѣта-вплоть.
Долженъ вѣкъ, а платѣжу нѣтъ.
Дома да въ людяхъ, до нови будетъ.
Дома какъ хочю, а въ людяхъ какъ велать.
Домъ какъ зачей ломъ.
Дорога милостива во время скудости.
Дорога хлѣбъ, коли денегъ нѣтъ.
Дошелъ до грязи.
Друга нищи, а вашедъ береги.
Другъ мой дорогой, выпьемъ по другой.
Другъ узнавается при ратѣ да при бѣдѣ.
Дураковъ не сѣютъ, ни орютъ, а сами рожатся.
Дѣвичей стыдъ до порогу: какъ переступила, такъ и за-
была.
Дѣвушка гулай, а дѣлцо своё помни.
Дѣтей носить не вѣтъя ломить.
Его милѣ нѣтъ, когда онъ уидеть.
Ему тутъ попалась кока съ сокомъ.
Если бы на горохъ да не морозъ, онъ бы черезъ тынь пере-
росъ.
Есть нѣта лучше.

Есть, такъ въ тюрьмѣ зорота, а мѣтъ, такъ дурачанинъ (*).
Жаль друга, да не какъ себя.
Жаль дѣвки, такъ потеряешь парня.
Жаль кулаковъ, да бьютъ дураковъ.
Жалѣть коня — истомить себя.
Жалѣть мѣшка — не завести дружка.
Жона мужа бьетъ, а подъ свой *брабъ* ведетъ.
Жену учи до дѣтей, а дѣтей безъ людей.
Живи ни шатко, ни валко, ни на сторону.
Живому не безъ мѣста, а мертвому не безъ могилы.
Живучи на погостѣ, не всѣкъ же оплакать.
Живыхъ въ воду (при таинствѣ крещенія), а мертвыхъ въ могилу.
Жилъ не крѣстьянинъ, а умеръ не родитель.
Жить въ обидахъ—што со львомъ во рѣчкахъ.
Жить тихо, да отъ людей лихо.
За хвостъ не удержаться, коли гриву опустили.
Заварилъ, братъ, кашу, такъ не жалѣй и масла.
За скусъ не божусь, а горяченько сдѣлаю.
За вѣтромъ въ полѣ не угонаться.
За мухой — не съ обухомъ.
За ночью, што за городомъ.
Запросъ въ карманъ не лезѣтъ.
За сиротою Богъ съ казною.
За стыдъ голова гинетъ.
За ученова двухъ неученыхъ дають, да и тутъ не берутъ.
Замучили бурку крутыя горки.
Злова любить, себя лишь губить.
Злой нравъ не дѣлаетъ благъ.
Змѣй умираетъ, а вѣлье хватаетъ.
Змѣя своихъ черешъ не ѣстъ.
И глупъ молвить слово въ-задъ.
Иванъ быль въ Москвѣ, а Марья вѣсти слыываеъ.
И комары кусаютъ до поры.
И несладно, да жалобно.
Избаловалась овца не хуже козы.
Изжилъ вѣкъ за холщовой мѣхъ.
Изжилъ вѣкъ не какъ человѣкъ.

(* То же, что мягкой съѣлъ, такъ черствой цѣлъ; или: когда густо, а иногда и пусто, т.-е. есть, такъ все готовить для стола, а когда уже и хлѣба нѣтъ, тогда пекутъ его пополамъ съ дурандою или выбойкою изъ льнянаго сѣмени.

Изъ двухъ золь выберай меньшой.

Изъ одново рта и тепло и холодно.

Изъ короба не лѣзеть, въ коробѣ не лѣзеть и короба не отдаеть.

Изъ пустова терему либо сычъ, иль сова, либо самъ сотона.

Изъ спасиба не шуба вить сшить.

Али сѣна клокъ, али вилы въ бокъ.

Иногда горшокъ съ горшкомъ столкнется.

Иногда и отъ доброва отца уродится бѣшана овца.

Испуганный звѣрь далече бѣжить.

Испустя лѣто въ лѣсъ по малину пошелъ.

Какова плѣна, такова и цѣна.

Какова псу кормля, такова отъ него и ловля.

Каковъ Сава, такова ему и слава.

Какъ будетъ рожь, такъ будетъ и шѣра.

Какъ водится, такъ и модится.

Какъ волка ни корми, а волкъ къ лѣсу бѣжить.

Какъ волкъ овцу любить.

Какъ дружитья, такъ чуръ не браниться.

Какъ не ворочай, одно другова короче.

Какъ не побраниться, такъ и не помириться.

Какъ оса лѣзётъ въ глаза.

Какъ тепло на улицѣ, такъ и наши бѣгають курицы.

Какъ тонеть, топоръ сулить, а вытащилъ, такъ и топорича жаль.

Какъ тутъ говорить, гдѣ и рта не дадутъ отворить.

Клянъ плотнику большой брать.

Кой Богъ вымочилъ, тотъ и высушить.

Кой день прошолъ, тотъ до насъ дошолъ.

Коли есть въ мошнѣ, такъ и будетъ въ квашнѣ.

Коли орать, такъ въ дуду не играть.

Коли хлѣба край, такъ и подъ елью рай.

Конь о четырёхъ ногахъ, да и тотъ спотыкается.

Кость тѣло наживеть.

Кошка скребеть на свой хребеть.

Красива пава перьемъ, а славна жена мужемъ.

Крупинка за крупинкой бѣгаетъ съ дубинкой.

Крѣпка тюрьма, да охотника нѣтъ.

Хто малымъ недоволенъ, тотъ большова недостоенъ.

Хто много грозить, тотъ мало вредить.

Хто на морѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ.

Хто не милъ тѣломъ, тотъ не удружить дѣломъ.

Хто нужды не видалъ, тотъ счастья не знаетъ.
Хто позао пришелъ, тому кости глотать.
Хто родился волкомъ, тому лисой не бывать.
Хто скоро скучить, тотъ скоро научить.
Хто украсть, у того одинъ грѣхъ; а у кого пропазо, у того
семь грѣховъ.

Хто хочеть много знать, тому мало надо спать.
Куда ворона летить, туда она и глядитъ.
Куда иголка, туда и ниточка тается.
Кучился—кучился, а упросилъ, такъ и бросилъ.
Къ капустѣ какъ припустать.
Лакома овца къ солѣ, а коза—къ волѣ.
Лавъ быстра, не коню сестра.
Ласковое телятко двѣ матки сосѣтъ, а бодливо и одной не уви-
дитъ.

Лгать, такъ людей отбѣгать.
Летаетъ хорошо, а садиться не умѣтъ.
Любо въ сукъ, любо въ тетерю.
Любо полонъ дворъ, любо корень конъ.
Лисей хвостъ, да волчей ротъ.
Личникомъ бѣленька, да разуму маленько.
Лошадка въ хомутѣ везеть по-могутѣ.
Лошадь верога, а собака другъ.
Линь мужа не кормить, только портить.
Лѣто собираетъ, а зима подбираетъ.
Лѣсъ сѣчь, не жалѣтъ плечъ.
Любить тепло, и дымъ терпѣтъ.
Люди молотить, а они замки колотить.
Люди пьютъ, такъ честь да хвала, а мы пьяны, тамъ стыль
да бѣда.

Мало ли чего хочѣтся, да не всё сможѣтся.
Мало ли што говорить, да не все лихъ перемятъ.
Малой подарокъ не накладъ.
Мелка рѣка, да круты берега.
Меньше говори, больше услышишь.
Много ума, да конъ не лѣзетъ.
Молодца хватило съ-дѣло.
Мудрено на людей покупать калачей.
Мудрѣно тому вышнить, кому не подносить.
Мудрому совѣтъ всякой полезень.
Мужикъ богатой, какъ быкъ рогатой.
Мужикъ на мужика осилъ надѣваетъ, а Богъ своё содѣваетъ.

Мужикъ пьявой прослылъ буяномъ.

Мужикъ сѣръ, да умъ у него никто съѣлъ.

Мужъ жону любить здоровую, а братъ — сестру богатую.

Мыло сѣро, да моётъ бѣло.

Мысли за горами, а смерть за плечами.

Мѣра — всякому дѣлу вѣра.

Мѣсяць бы свѣтилъ, а звѣзды можно и кольемъ спехать.

Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, проживешь вѣкъ съ весельемъ.

На брань слово купится.

На вдовой дворъ хоть щепку брось.

На гнилой товаръ, да слѣпой купецъ.

На добрава кова бываетъ потычька велика.

На крѣпкой сукъ вострой топоръ.

На Машку бываетъ промашка.

На обухъ рожь молотить, а зерна не проронить.

На што намъ спѣсь, коли смѣлось есь.

На што кладъ, коли въ семьѣ ладъ.

На чѣмъ мѣскѣ ѣдешь, ту и пѣсенку поѣшь.

На чужой ротокъ не накинешь платокъ.

На чужой хлѣбъ не бросайся, а поранѣ вставай да свой наживай.

Напился бѣдами, а охмѣлился слезами.

Научили по своей жѣ дудочкѣ плясать.

Наша мельница мелѣтъ, а посыпать не умѣтъ.

Наша невѣстка все трескаѣтъ и мѣдъ такъ жрѣтъ.

Наши охотники шкуру-то пропили, а медвѣдя и въ глазъ не видали.

Нашъ баранъ пыхъ по горамъ.

Нашъ Митрошка не слышитъ ни крошки.

Нашъ Обросимъ вѣтъ — не просить, а дашь — не броситъ.

Не все коту Масленица, булѣтъ и Великой пось.

Не все то перенять, чему учать.

Не все то перенять, што въ рѣкѣ плывѣтъ.

Не всегда воръ крадетъ, а всегда берегнись.

Не всякая собака кусаѣтъ, которая лаѣтъ.

Не всякое слово въ строку ставь.

Не всякому по Якову.

Не гребень голову гладить — время.

Не дери глазъ на чужой квасъ: ранѣ вставай да свой наживай.

Не до поросять, коли матку палать.

Не жито — не вѣдано, а пѣжито — отвѣдано.

Не кола, не двора, не милова живота.
Не красиво, да скажешь спасибо.
Не къ мастѣ тузѣ (или козырь).
Не осуди въ лаптяхъ: сапоги въ саняхъ.
Не отгово наши дома раззорились, што сладко или да пили,
а отгово, што худо работали.
Не полосы кормятъ людей, а загоны.
Не посла, не весла.
Не рой надъ другомъ ямы: самъ попадешь.
Не рука Макару коровъ донть.
Не свой ножъ — нелюбой и кусъ.
Не солово хлѣбать, што немилыхъ цѣловать.
Не смога въ кобылу, да хлесь по оглоблямъ.
Не смога въ корову, да хлесь по дойнику.
Не смѣйся, овсяникъ: не быть калачемъ.
Не смотри начала, а смотри конца.
Не споя, не скормя, и ворота не выдаешьъ.
Не съ чѣмъ перожокъ.
Не только свѣту, што въ окошкѣ.
Не узнаешь пива на суслѣ.
Не умѣла песья нога на блюдѣ лежать.
Не хвались родителями, хвались добродителями.
Не хвастай горохъ, не лучше грибовъ.
Не хлѣба, не соли, не кислыхъ щей.
Нежданный гость лучше жданныхъ двухъ.
Ненастью бы быть, да дождь помѣшалъ.
Нищѣва ограбить — сумою пахнѣтъ.
Нищѣму гордость какъ коровѣ сѣдло.
Нось съ локоть, а ума съ ноготь.
Ночная кокушка денную перекокуеть.
Начуй, свать: вотъ твоя шапка и рукавицы! Нѣтъ, свать,
хоть всю ночь проширую, да не начую
О комъ хвалился, отъ того и повалился.
О кумѣ не жить, а безъ кума не быть
Обидны въ полѣ горохъ да рѣпа, а въ мирѣ—вдова да дѣвка.
Обуль онъ меня изъ сапоговъ въ лапотки.
Одинъ глазъ на печь, а другой въ Галечъ.
Одинъ глазъ на полицу, а другой во солоницу.
Одинъ глупой камень въ омутъ бросить, а сто умныхъ невы-
нуть.
Одинъ говорить красно, а два—пестро.

Одинъ сынъ не сынъ, два сына — полъ-сына, три сына — сынъ.

Одинъ, такъ и у каши неспоръ.

Одной матки, да не одинъ дѣтки.

Около костра хорошо щены собирать.

Олень быстръ бываетъ, да отъ смерти не убѣгаётъ.

Онъ взялъ барапка въ бумашкѣ.

Онъ въ долгу какъ червь въ шелку.

Онъ городить ровно плетень къ огороду.

Онъ захвастался, да и ухристался.

Онъ пошелъ черезъ Югъ (*) на Маткому.

Останная копейка ребромъ стоитъ.

Отсѣки ту руку по локоть прочь, коя себѣ не жаляетъ добра.

Отъ бѣды убѣжалъ, да въ пропасть попалъ.

Отъ души жаляютъ, да руки поджимаютъ.

Отъ порожку да королю въ ножи.

Отъ щелчка доходить до кулачка.

Очи ушей вѣрняя.

Павлинь красивъ, да тѣмъ несчастливъ, што ноги худы.

Пало теля, миновалося племя.

Паршивая овца всё стадо портить.

Пей звай: душа — мѣра.

Пей изъ ковша: мѣра — душа.

Пей-ко по-пей-ко — на днѣ-то копейка, ишо попьёшь, такъ и грошъ найдешь.

Пивца хорошо начуёмъ.

Пили, да ума не повредили.

Пить до дна, не видать добра.

Пить противно, какъ нищему гривна.

Пишутъ въ три пера, а денежка неспора.

По берду глядя, не видно ли близёвъ.

По-латынѣ два алтына, а по-русски шесть копеекъ.

Помаленьку и ольху согнешь, а вдругъ, такъ и вязъ переломишь.

По-невогѣ къ полю, коли лѣсу нѣтъ.

По сажѣ хошь гладь, хошь бей, всегда будёшь черёнъ отъ ней.

(*) Рѣчка Югъ протекаетъ изъ Вологодской губерніи въ Череповскій уѣздъ, а Маткома—рѣчка въ Пошехонскомъ уѣздѣ; слѣдовательно, первая отъ череповской дороги, идущей въ Пошехонь, будетъ въ правой сторонѣ, а вторая эту дорогу пересѣкаетъ. Итакъ, черезъ Югъ итти будетъ дальше.

По смерть бы ты посылать
По тѣмъ же ранамъ да тѣмъ же саломъ.
По што бы жениться, коли рожь не родится.
По шерсть собакъ и имя дано.
Платить легко изъ чужова мѣшка.
Поганое судно и въ богатомъ дому неосудно.
Погнался за ломтѣмъ, да хлѣбъ потерялъ.
Подъ лѣсомъ видѣшь, а подъ носомъ не слышишь.
Подъ силу бѣда со смѣхами, а не въ-ночь—со слѣзамн.
Пойти въ драку не жалѣть волосовъ.
Попалъ, да и пропалъ.
Попалъ изъ кобылъ да въ клячи.
Попалъ изъ огня да въ полымѣ.
Попили, поѣли, пора и домой.
Посадили соловья на мекину.
Послалъ бы ево въ монастырь—поучить псалтырь.
Пословица говорится: за всякова не побожиться.
Потопъ караблямъ, песокъ журавлямъ.
Пошѣлъ дымъ короыслоу, всякой сдѣлался со смысломъ.
Пошѣлъ по канунъ, да и самъ потонулъ.
Помеховской уѣздъ прибавку любить.
Пошла битка въ конь.
Пошла по бочкамъ, быть попойгѣ.
Пошла потѣха, заиграла, а баушна заплесала.
Пошла стряпня, рукава страхня.
Поѣшь овсяничка на мѣсто пряничка.
Правда краше солнца.
При дорогѣ жить, всѣхъ не угостить.
При парѣ, при бражнѣ много друзей, а при горѣ да при кру-
чинѣ нѣтъ никою.
Привыкай корова ко ржаной солодѣ.
Пригнала вужа къ поганой лужѣ.
Пришелъ втушикъ, што некуда ступить.
Пролитой полно не живѣть.
Проворны Варвары на чужіе карманы.
Птичка маленька, а носокъ востерѣ.
Пчёлка летаётъ на красной цвѣтокъ.
Пьянова ричи, а трезова мысли.
Пьянъ—роспьянъ — для всѣхъ буянь.
Разума много, да денегъ нѣтъ.
Ракъ клешию, а богатой мошню.

Ранняя пташечка носокъ почищаетъ, а поздняя — крылышка поправляетъ.

Ремесла за плечами не носить, а съ нимъ добро.

Ржа съѣдаётъ желѣзо, а печаль — сердце.

Рожею подирасилъ, да умомъ не дошёлъ.

Рожь чужу вѣять — глаза порошить.

Руби дерево по-себѣ.

Рѣдкое свиданье — пріятный гость.

Самъ-отъ наѣлся, да глаза-то несыты.

Самъ семи печей хлѣбы вѣдалъ.

Своя кровля течеть, а чужую покрываетъ.

Своя рука — владыка.

Семи-овчинное брюхо.

Семьёю и горохъ молотятъ.

Серантая собака — волку корысть.

Сердце соколье, а смѣльство воронье.

Сила живеть, только небо копотить, а ума не накопить.

Силёнъ чѣртъ въ болотѣ, да воли ему нѣтъ.

Скоро, да нездорово.

Скрипучее древо скрипитъ да стоять, а здоровоё съ корнемъ вонь.

Слово не стрѣла, а къ сердцу льнеть.

Слушай ухомъ, а не брюхомъ.

Снявъ голову, надъ волосами не плачуть.

Со всего свѣту не обратъ цвѣту.

Со жи люди не мрутъ, да впредь нивъ вѣры неимуть.

Собаки законъ не писанъ.

Совокъ, да неловокъ.

Сокозь-воронье-перье.

Солнышко за глѣсъ — казачья радость.

Спасиба въ карманъ не кладуть.

Спроси-ка гуся, не забуть ли ноги.

Спѣшливъ, да смѣшливъ.

Старая любовь долго помнится.

Старому жениться — и ночь коротка.

Старой долъгъ вмѣсто находки.

Стужа да вужа, нѣтъ ее хуже.

Стриженная дѣвка не успеетъ носы заплести, какъ это уже и сдѣлается.

Съ-молоду прорѣшка, подъ старость дыра.

Съ одново волка по двѣ кожи не деруть.

Съ сыномъ бранись, за печку держись, а съ вятѣмъ бранись
за скобку держись.

Съ чѣмъ зародится, тѣмъ и заразитса.

Счастіе дороже богатства.

Сынъ отца умнѣе — радость, а братъ брата умнѣе — за-
висть.

Сытова гостя полдѣла потчивать.

Сытое ухо къ ученью глухо.

Сытой голодному не вѣрить.

Сыщи на орлѣ, на правомъ крылѣ.

Сѣм-ка попьѣмъ, повидимъ,—дослѣ насъ хоть трава не рости.

Та не бѣда, што на деньги пошла.

Такъ вить и чирей не сядеть

Таланецъ — братецъ, жеребѣкъ — батюшко.

Твой приговоръ, да тебѣ бы во дворъ.

Тѣля умерло, хлѣба прибыло.

Тереть нилою, гнутса спиною.

Тить! пойдемъ молотить! нѣтъ, братъ: голова болить. Тить!
пойдемъ ниво пить! а вотъ оболokusь да за тобой же поволо-
кусъ.

Тихо поѣдешъ, такъ дальше уѣдешъ.

То не овца, коя съ волкомъ пошла.

Товаръ полюбитса — и умъ разступитса

Толстъ домотъ въ чужихъ рукахъ.

Торговать — барыши получать.

Тоть же Савка, на тѣхъ же сѣнкахъ

Тоть тужи, у кого ремѣнные гужи: лыко да мочало, туда же
помчало.

Треску бояться, и въ лѣсъ не ходить

Ты въ людяхъ Илья, а дома свинья.

Тѣмъ люди не играютъ, отъ чево умирають.

Тяпъ да ляпъ, и сдѣлалъ карапъ.

У всякаго Павла своя правда.

У ково во рту жолчь, у тово всё горько.

У ково денегъ вного, тотъ заведи мельницу, таъ всё про-
мельѣтъ; а у ково хлѣба вного, тотъ заведи свиней, таъ весь по-
жрутъ.

У матери дитя, у кошки котя—такое же дитя.

У нашова Фадьки однѣ лишь ухватки—попить да пожрать, да
друзей всѣхъ созвать.

У прѣзника не безъ бражника.

У сердитаго губа толще, да въ брюхѣ тоньше.

У старца въ кельѣ чѣмъ Богъ послалъ.
У Тита было попито.
У Ёмки пили, да Ёмку и били.
Убытокъ умнымъ дѣлаетъ.
Удалось лягушкѣ скочить съ горушки.
Ударить въ бобра, не видать добра.
Удастся голубецъ, не надо и дубецъ.
Умомъ торговать, а безъ ума горѣвать.
Умъ добро, а два лучше того.
Утро вечера мудренѣе; кобыла мерина удалѣе.
Ученьё.— свѣтъ, а неученьё — тьма.
Учи дитятка, пока поперекъ лавки лежитъ ; а коли ляжётъ
вдоль, то ужь некогда учить.
Хвалить чужу сторону, а самъ не по ногу.
Хватился въ карманѣ, анъ блоха на арканѣ.
Хватился Малахъ, какъ кулъ въ головахъ.
Хватъ въ карманъ, анъ дыра въ горсти.
Хватъ мужъ за рюмку, а жена за стаканъ.
Хвастливое слово всегда гвило.
Хлѣбъ въ пути не тяжёкъ.
Хлѣбъ мѣшку не порча.
Хорошая вѣсть, когда время намъ ѣсть.
Хороша дочь Аннушка, какъ хвалить матушка и бабушка.
Хороши, да не наши.
Хорошій товаръ самъ себя хвалить.
Хорошо тово учить, хто послушается.
Хорошъ бы парень, да губка съ дырой.
Хоть есть што слушать, да нечево кушать.
Хоть криво впрякъ, да поѣхалъ такъ.
Хошь холодно, да неоводно (*).
Хошь яловая, да телися
Хрѣнъ рѣдки не слаще, а чортъ дьявола не лучше.
Худо жить чужимъ умомъ.
Худо овцамъ, гдѣ волкъ воевода.
Худой мужъ въ могилу, а хорошая жена по подѣ-оконью.
Худъ домъ, да быть въ немъ.
Свѣты (цвѣты) надо собирать, а не выбирать.
Чей дворъ, тово и хоромы.
Чеснова мужа знала и мужа.

(*) Оводъ здѣсь то же, что паутъ, которыхъ весьма много бываетъ лѣтомъ въ жары.

Честь добра, да с(ъ)ѣсть нельзя.
Честь умъ родить, а безчестьё и того лишить.
Чево еще болѣе, какъ дураку дана воля.
Чево глазомъ не досмотришь, то кошнёю доплатишь.
Чево стыдимся, тово таишь.
Што въ людяхъ ведется, то и насъ не минется.
Што въ серацѣ варится, на лицѣ не утаится.
Што вылило, то выинито.
Што кому до насъ, коли правдичевъ у насъ.
Што на яву бредится, то и во снѣ гревится.
Што намолотишь, то и въ засѣкъ положишь.
Што не началъ, тово не кончишь.
Што не родится, то и не сгодится.
Што пожуешь, то и поживешь.
Што про то ужъ говорить, што нельзя сварить.
Што слѣпой по праслу бродить.
Што смѣшно, то и грѣшно.
Што ты, Зиня, ходишь розиня?
Што хвалить не умѣешь, тово не хуль.
Чужое отдать, не бѣда заплатитъ.
Чужой ротъ не хлѣвъ: не затворишь.
Чужой хлѣбъ невнусѣвъ.
Чья душа въ грѣхѣ, та и въ отвѣтѣ.
Чья корова мычитъ, а твоя пусть молчитъ.
Чѣмъ бѣсъ не глумится: и рѣдька въ торгѣ.
Чѣмъ чаще по тропинкѣ, тѣмъ она торнѣе.
Шапка въ рубль. да щи безъ крупъ.
Шиломъ воды не нагрѣешь.
Шутки шутить, надо многихъ смутить.
Щеголь собака, што день, то рубаха, а порткамъ и смѣны
нѣтъ.
Щука умерла, да зубы живы.
Бздиль не по што, привезъ ничево.
Бмъ, а дѣла не вѣмъ.
Бсть калачи—не смѣтъ на печи.
Бхаль дорогою, да верть цѣликомъ.
Бшь больше, а говори мевше.
Бшь не ѣшь, а за обѣдъ почтуть.
Бшь пирогъ съ грибамъ, а языкъ дѣржи за зубамъ.
Экой ти Екинъ-простота.
Эта ворона намъ не оборона.
Эго нести впору и доброму вору.

Этотъ кусъ не твоихъ усть.
Этотъ носъ—черезъ Волгу мость.
Югъ вѣетъ — старова грѣетъ.
Я ево выручилъ, а онъ меня выучилъ.
Явись только овцой, то и волки готовы.
Ясли за коровой не ходять.
Ящерна маленька, да зубы востры.
Ома плачетъ, а жена сначетъ.

ПРОСТОНАРДНЫЯ ЗАГАДКИ.

Звѣзды.

Выгляни въ окошко:
Стоитъ рѣпъ лукошко.

Звѣзды на небѣ.

Катилися каточки
По липову мосточку;
Увидѣли зорю, пошлв въ воду.

Звѣзды.

Разсыпался горохъ
На двѣнадцать луговъ.

Годъ.

На двѣнадцать роговъ
Разсыпался горохъ.

Годъ, мѣсяцъ, недѣля.

Лежитъ брусь
Розо всю Русь;
Двѣнадцать гнѣздышковъ въ немъ,
Въ каждомъ гнѣздѣ по четыре яичка.

Ледъ.

Чистъ и ясенъ какъ алмазь,
Отъ матери рождѣнъ
И самъ ее раждаю.

Роса.

Красная дѣвица по полю ходила,
Ключи хоронила;
Мѣсяцъ видѣлъ,
Солнце сирало.

Лучъ.

Што въ избѣ не запрешъ?

Лень.

Голову вѣдять,
Кожу носить :
А мяса и собаки не вѣдять.

Розсадникъ.

Что съ году на годъ воду пьётъ ?

Морковь.

Сестрица сидитъ въ темницѣ,
Коса же ея — наверху.

Огурцы въ кадкѣ.

Полное корыто
Бѣлья намыто.

Репейникъ.

Стоитъ древо — панъ-древо ;
На этомъ дрѣвѣ
Листья шемаханскіе,
Трости бухарскія,
Когти супостатскія.

Пчела.

Летитъ звѣрокъ
Черезъ Божей домокъ,
Самъ себѣ говорить
• Тутъ моя сила лежитъ •

Блоха.

Маленько, черненько, махнатенько.

Черный тараканъ.

Воронъ, да не конь,
Рогатъ, да не быкъ,
Шесть ногъ безъ копытъ.

Яйцо.

Подъ лёдкомъ, лёдкомъ
Стоитъ чашечка съ медкомъ.

Цыпленокъ.

Кто два раза родился,
Ни однажды не крестился ?

Серьги въ ушахъ.

Подъ лѣсомъ, лѣсомъ
Колѣса вѣснуть.

Съмь въ огурць, или зубы во рту.

Что — полное подполье бѣлыхъ лебедей?

Языкѣ.

Среди болота

Лежить колода,

Не гниётъ, не тропнётъ.

Глаза и носѣ.

Два яблочка въ моху

Да морковка наверху.

Пальцы у пряхи.

Пять-пять овечёкъ

Стожокъ подщипали;

Пять-пять овечёкъ

Прочь отбѣжали.

Дверь.

Два лежать,

Два стоять,

Пятой ходить,

Шестой водить.

Ноги у стола.

Четыре брата стоять всё подъ одной шляпой.

Сито.

Въ лѣсу тапъ-тапъ-тапъ,

Дома ляпъ-ляпъ-ляпъ,

Около тнущенька,

Въ середкахъ тпу (*).

Заслонка у печи.

День корпить,

Ночь корпить,

Одно утро спать.

Помело въ подпольи.

Подъ поломъ подъ середой,

Стоитъ барова съ бородой.

Рукомойникъ и полотенце.

Стану я рано,

Пойду къ барану,

Къ толстой головѣ,

Къ широкой бородѣ.

(*) Чтобы понять эту загадку, нужно знать, что ободъ, или коробка сита дѣлается изъ осинового дерева и обшивается телячьей шкурой, а полотно, или самое сито плетется изъ конского волоса.

Огородъ полевой и озимъ.

Криво-лукаво дѣ лѣсу бѣжало,
Зелено-кудряво спрашивало:
Криво-лукаво, куда ты бѣжишь?
Криво-лукаво такъ отвѣчало:
Зелено-кудряво, тебя стережи!

Жаравецъ у колодца.

Стоить Орина,
Выше овина;
Клонится —
Не переломится.

Серпъ.

Маленькой, горбатенькой
Всё поле перешошь,
Всѣ загоны перечѣшь.

Овинъ съ открытымъ окошкомъ.

Стоить Фроль и ротъ полъ.

Молотила.

Летятъ гуськи,
Дубовые носки,
Шейки кожанья.

Молотъба ржи.

Шель мимо попоскова,
Увидѣлъ тѣла таюскія:
Головы разбиты,
А брюха распороты.

Водная мельница.

Сидитъ куликъ на болотѣ,
Не жвѣтъ, не молотитъ,
А только за хлѣбъ
Денежки волатитъ.

Покось.

Прилетѣлъ тѣнь
На Петровъ день:
Сѣлъ тѣнь на пень,
Сталъ тѣнь планать,
Волосы вянутъ,
Дуброва шумить (*).

(*) Тѣнь — коса, Петровъ день — время покоса; косы на цыпкъ рас-
клепываютъ косы; коса, сръбывая траву, шумитъ, будто мачетъ; сръ-
занная трава вянетъ.

Бдутъ за стномъ и везуть вили.

Бѣгутъ бѣгунчики,
Везуть рогатинку, —
Колоть пуватинку.

Поспѣвъ озимый.

Загану загадку,
Перекину черезъ грядку;
Въ годъ пушу,
Головникъ возьму.

Перо.

Голову срѣжу,
Сердце выну,
Дамъ пить,

Такъ и будетъ говорить.

Письма.

Въ Питерѣ рубить, сюда щепки метать.

Равнаго себѣ.

Царь видитъ рѣлко,
Мужикъ завсегда,
А Богъ никогда.

Дорога.

Кабы сталъ,
Та бы до неба досталъ;
Кабы руки, да и ноги,
Та бы вора я связалъ;
Кабы ротъ да глаза,
Такъ и всё бы рассказалъ.

Мертвецъ.

Обулся не такъ,
Оболокся не такъ,
И заѣхалъ я въ ухабъ,
Што не выѣзти никакъ.

ЗАДАЧИ.

Летѣло стадо гусей, попадается ему на-встрѣчу гусь и говоритъ: «Здравствуйте, сто гусей!» они ему отвѣчаютъ: «насъ не сто гусей, а какъ было бы еще столько, да полстолька, да четверть столько, да ты бы, гусь, то и было бы насъ сто гусей.» Спрашивается: сколько ихъ летѣло? Отвѣтъ: 36 гусей.

Одинъ молодецъ подошелъ къ лавкѣ пряничной и говоритъ продавцу: дай мнѣ на 10 копеекъ пряниковъ четырехъ сортовъ, именно: двухъ-копеечныхъ, копеечныхъ, полукопеечныхъ и четверть-копеечныхъ, такъ, чтобы и пряниковъ было 10 ровно. По скольку пряниковъ каждаго сорта дать нужно? Отв. 1-го сорта 3, 2-го — 2, 3-го — 3, 4-го — 2 = 10.

Бздилъ мужикъ на югъ,
Купилъ вѣшниковъ на рубль,
Каждое сто по 3 деньги шло,
А послѣднее сто за копейку купилъ.
Много ли онъ вѣшниковъ привезъ?
6,700 вѣшниковъ.

Стояло 40 столбовъ, у каждаго столба по 40 колецовъ, у каждаго кольца по 40 жеребцовъ. Много ли было жеребцовъ?
64,000 жеребцовъ.

Шло 7 стариковъ, каждый старикъ несъ по 7-ми костьюей, на каждомъ костьюѣ по 7-ми рогалей, на каждомъ рогалѣ по 7-ми кошелей, въ каждомъ кошелѣ по 7-ми пироговъ, въ каждомъ пирогѣ по 7-ми воробьевъ. Сколько было воробьевъ? Отв. 117,159 воробьевъ.

Шли вмѣстѣ братъ съ сестрой, мужъ съ женой и шурина съ зятемъ. Много ли ихъ шло? Отв. трое.

Купила баба куровъ
На 5 рублей:
Каждой куръ 3 копейки,
А послѣднiй двѣ.
Сто шестьдесятъ-семь куръ.

СЕЛО ЛИПЦЫ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ (*).

Тульской губернии, Коширского уезда.

Священника П. Троицкого.

(Написано въ декабрѣ мѣсяцѣ 1849 года.)

Въ осмидесяти-пяти верстахъ отъ Тулы и въ осьми верстахъ отъ Серпухова, въ Коширскомъ уездѣ, на старой московской дорогѣ, на высокомъ склонѣ праваго берега Оки, стоитъ довольно большое село Липцы, принадлежавшее нѣкогда графу Головкину, потомъ Измайлову, а нынѣ малолѣтнимъ гг. Майлевскимъ. Названіе Липецъ произошло, кажется, отъ множества липъ, окружающихъ господскій садъ, который поперечникомъ примыкаетъ къ большой дорогѣ. Здѣсь

(*) На картѣ Шуберта село Липцы показано въ сѣверо-западномъ углу Коширскаго уезда, деревня Михайловка—на сѣверѣ отъ этого села, а д. Банино—на юго-западѣ; прочія деревни: Вечерей, Сельна (или Сельна) и Мешерина, на картѣ нѣтъ.

Прим. ред.

была прежде вольная почтовая станція, и народъ издавна привыкъ къ почтовой гоньбѣ; хотя теперь новая большая дорога проложена верстахъ въ трехъ отъ Липицъ, однако здѣшніе крестьяне не могли оставить своего любимаго занятія: и нынѣ липицкіе ямщики занимаютъ первую почтовую станцію отъ Серпухова къ Тулѣ, до Новосѣлокъ.

Въ окрестностяхъ Липицъ находятся слѣдующія деревни: Михайловка, Баннино, Вечери, Селина и Мещерино. Всѣ эти деревни, принадлежавшія прежде къ имѣнію графа Головкина, носятъ на себѣ почти одинъ характеръ съ Липицами, и потому, говоря о нихъ, мы будемъ говорить вмѣстѣ и объ этихъ деревняхъ, упоминая, гдѣ нужно, объ ихъ особенностяхъ.

Наружность жителей.

Здѣшній народъ довольно свѣжъ, рослъ и силенъ, особенно ямщики и занимающіеся извозами. Жаль, что въ нынѣшнее время здѣсь стали день ото дня болѣе заниматься ткачествомъ: сидячій образъ жизни замѣтно вредитъ здоровью и портитъ свѣжесть лица. Ткачествомъ занимаются преимущественно женщины и дѣвушки. Земледѣіе, кажется, потому только составляетъ занятіе здѣшнихъ жителей, что оно необходимо для сельскаго быта; но имъ занимаютъ безъ особенной охоты и, кажется, не съ большимъ удовольствіемъ. Крестьянинъ, воздѣлавъ одну пашню, рѣдко переѣдетъ на другую, хотя бы и время и силы ему позволяли, но отправляется домой на отдыхъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда онъ ѣдетъ на тройкѣ: на это онъ и довокъ, и проворень, и силенъ, и отваженъ.

Цвѣтъ волосъ у здѣшнихъ жителей болѣею частью свѣтло-русый. Болѣзнямъ они подвергаются преимущественно простуднымъ.

Языкъ.

Въ языкѣ здѣшнихъ крестьянъ немного уклоненій отъ языка общепотребительнаго въ другихъ классахъ общества; потому-то жителей отдаленныхъ уѣздовъ губерніи, говорящихъ неправильнымъ, часто даже уродливымъ нарѣчіемъ, здѣсь называютъ *степными*. Есть, впрочемъ, и въ здѣшнемъ говорѣ своего рода неправильности, напримѣръ: вмѣсто *еще* здѣсь говорятъ *ишто*, вмѣсто *когда* — *када*, а нѣкоторые — *кали*; вмѣсто *кого* — *каго*; вмѣсто *хотя* — *хаша*; вмѣсто *видишь* — *идишь*;

вмѣсто *идь* — *идь*. Въ глаголахъ третье лицо настоящаго времени въ единственномъ и множественномъ числѣ также оканчивается неправильно, напримѣръ: вмѣсто *можетъ*, говорятъ *можитъ*, вмѣсто *идеть*—*идѣтъ*, вмѣсто *идуть*—*идуть*, и т. п. Вмѣсто *хитрый* говорятъ *хитрай*.

Домашній бытъ.

Село Липицы, заключающее въ себѣ около семидесяти слишкомъ дворовъ, построено на двѣ слободы, по направленію большой дороги. Позади обѣихъ слободъ Липицы окружены оврагами, въ которыхъ много прекрасныхъ ключевыхъ источниковъ. Дома обращены на улицу одною только стѣною жилой избы, и въ этой стѣнѣ почти всегда три красныхъ окна. Въ слѣдствіе неоднократныхъ пожаровъ, дома раздѣлены частыми переулками. Вообще Липицы построены какъ строивались въ старинные годы всѣ придорожныя селенія. Послѣ нѣсколькихъ сильныхъ пожаровъ, это село утратило свою прежнюю значительность; съ перемѣною направленія большой дороги оно стало менѣе извѣстно. Но, не смотря на то, и до сихъ поръ замѣтны въ немъ слѣды прежней зажиточности.

Отъ невыгоднаго расположенія жилищъ, многіе здѣшніе крестьяне имѣютъ по одной только избѣ, въ которую входъ со двора; дворъ, часто грязный, будучи соединенъ съ жилыми избами, портитъ въ нихъ воздухъ и иѣшаетъ опрятности. Если бы строенія были обращены всѣмъ фасадомъ на улицу, и между двумя избами, соединенными стѣнами, находилось крыльцо или просто дверь и стѣны, и вездѣ было намощено досками, то вліяніе дворовыхъ нечистотъ, вѣроятно, менѣе бы оказывало вліянія на здоровье крестьянъ. Даже если бы у крестьянина была одна только изба, но она, при порядочныхъ стѣнахъ, была обращена входомъ на улицу, то и тогда гораздо легче было бы соблюсти чистоту и опрятность въ жилищахъ. Нѣкоторые на зиму обставляютъ свои избы, по ихъ ветхости, кольями и защищаютъ соломой.

Внутренность жилищъ у нѣкоторыхъ порядочныхъ хозяевъ чиста, у большей же части неопрятна. Въ переднемъ углу обыкновенно находится *божница*, и передъ святыми иконами виситъ мѣдная, стеклянная или фарфоровая лампадка, въ которой, по праздникамъ, теплится свѣтильня на деревянномъ

маслѣ. Отъ передняго угла по стѣнамъ тянутся двѣ лавки, а въ углу треугольника, ими образуемаго, стоитъ столъ. Въ противоположномъ углу находится печка, почти ведаѣ съ кирпичною трубою. Отъ печки вдоль по стѣнѣ утверждается нѣсколько полоковъ для посуды. Отъ столба, соединеннаго съ печью, близъ трубы, идетъ, четверти на три отъ потолка, параллельно съ дверною стѣною, деревянный брусь, на которомъ утверждаются палати, гдѣ крестьяне спятъ въ зимнее время; лѣтомъ же они дѣлаютъ кровати на дворѣ, въ небольшихъ клѣткахъ, заплетенныхъ хворостомъ и обмазанныхъ глиною. Въ жилыхъ избахъ хранится обыкновенное, будничное платье, а праздничное—въ противоположныхъ горницахъ, или клѣткахъ. Дворы обыкновенно состоятъ изъ навѣсовъ, мѣстами худо прикрытыхъ, особенно при недостаткѣ въ соломѣ и при сильныхъ буряхъ, какія были въ 1849 году; съ вѣшней стороны дворы большею частію ограждаются плетнями *голыми*, т.-е. незащищенными соломою, какъ въ другихъ мѣстахъ, и потому въ зимнее время на такихъ дворахъ скотъ часто страдаетъ отъ холода и мятелей. Подъ навѣсами дѣлаются *закуты*, или хлѣвы, для отдѣленія одного скота отъ другаго; у нѣкоторыхъ есть для овецъ особые *амшеники*, но обыкновенно овцы съ молодыми ягнятами и телятами содержатся зимой въ жилыхъ избахъ. За дворами находятся крестьянскія усадьбы, засаженные у многихъ яблонями, крыжовникомъ и смородиною. Между рядами деревьевъ и кустарниковъ сажаютъ разные домашніе овощи, какъ-то: лукъ, картофель, свеклу, рѣдьку, морковь и огурцы. Далѣе за садомъ сѣется конопля. Посреди усадьбы, поперекъ ея или къ сторонѣ, ваются плетневые сараи для уборки сѣна и хлѣба, который здѣсь вовсе не складывается въ *адонь*, или *кладушки*, потому что въ осеннее время, по безлѣсью, вѣчѣмъ оградить ихъ отъ скота, ходящаго въ это время обыкновенно на волѣ. Къ концу усадьбы ставятся овины, или *риги*, для сушки хлѣба, а противъ нихъ дѣлается гумно, или токъ. Наконецъ, на самомъ концѣ усадьбы; къ скату овраговъ, по которымъ струятся, позади обѣихъ слободъ, ручьи, сажаютъ капусту. Для нея есть, впрочемъ, особенныя мѣста, или огороды, подъ горою, на которой стоитъ село. Эти огороды удобряются, въ полуку воду, при разливіи рѣки, иломъ и, кромѣ того, почти ежегодно, навозомъ и оро-

шаются потоками, текущими изъ овраговъ, которые окружаютъ село. На одномъ изъ этихъ ручьевъ, слывущемъ подъ именемъ рѣчки Вшивки; устроено нѣсколько небольшихъ мельницъ, или колотовокъ, изъ которыхъ лучшія смалываютъ до осьми мѣръ въ сутки. Нѣсколько дворовъ владѣютъ собща одной колотовкой, и одинъ изъ крестьянъ, посвящающіе въ мельничномъ дѣлѣ, имѣетъ за нею надзоръ, почему ему и даются лишніе дни въ очереди. Впрочемъ, колотовокъ, принадлежащихъ собственно Липицамъ, теперь очень немного; онѣ болѣею частію принадлежатъ одновотчиннымъ крестьянамъ деревни Баниной, которая находится въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Липицъ и стоитъ на Вшивкѣ. Конечно, этихъ колотовокъ недостаточно для того, чтобы намолоть хлѣба на всѣхъ жителей; но, по-крайней-мѣрѣ, владѣльцы ихъ не имѣютъ нужды въ чужихъ мельницахъ, не совсѣмъ исправно устроенныхъ и всегда почти завозныхъ, а въ нужное время обмалываютъ еще и своихъ сосѣдей.

Не однѣ Липицы пользуются ручьями, текущими изъ ключевыхъ источниковъ: подобныя ручьи протекаютъ во всѣхъ названныхъ выше деревняхъ и орошаютъ ихъ огороды. Въ двухъ деревняхъ, кромѣ Банина, а именно въ Вечеряхъ и Селинѣ, на такихъ ручьяхъ устроено также по нѣскольку колотовокъ.

Одежда липицкихъ жителей, особенно женщинъ и дѣвицъ, отличается такою чистотою, опрятностью и даже изысканностью, какую, смѣло можно сказать, рѣдко найти въ другихъ уѣздахъ губерніи. Любо смотрѣть, когда онѣ, въ лѣтнее время, идутъ въ церковь, или въ праздникъ, послѣ обѣда, выйдутъ прогуляться. Яркія краски головныхъ платковъ, бумажныхъ и шолоковыхъ, пестрота ситцевъ и кисей, изъ которыхъ шьются ихъ безрукавыя шубки и передники, — все это, при разнообразіи въ-частности, составляетъ что-то стройное въ цѣломъ и невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Здѣшнія женщины и дѣвушки, болѣею часть года свободныя отъ сельскихъ работъ, имѣютъ довольно времени и средствъ, чтобы нарядиться.

Надобно замѣтить, что щегольство началось здѣсь съ небольшимъ лѣтъ за тридцать тому назадъ. Разъ Императору Александру Павловичу, въ проѣздѣ чрезъ Липицы, угодно

было здѣсь остановиться, и Онъ, подойдя къ собравшемуся народу, увидалъ женщину, одѣтую, по тогдашнему обыкновенію, весьма неопратно и державшую на рукахъ красиваго ребенка. Приласкавъ малютку, Монархъ изъяснилъ неудовольствіе за неприглядность матери; особенно Ему не понравилась распашная панѣва. Съ тѣхъ поръ липицкія женщины стали оставлять старину и заниматься своимъ народомъ. Въ настоящее время распашныя панѣвы почти вовсе вышли изъ употребленія; очень рѣдко увидишь ее на какой-нибудь бережливой старухѣ. Простыхъ кичекъ не осталось и слѣда; лапти и самыя коты замѣнились бѣльшимъ босовиками и полуботинками, опущъ почти совсѣмъ не видно, развѣ только на нивыхъ старикахъ: онѣ замѣнились чулками русскими и нѣмецкими.

Обыкновенная одежда липицкихъ мужчинъ: зимою—полушубокъ и армякъ, а лѣтомъ — поддѣвка и халатъ изъ домашнего сукна или изъ фабричнаго, смотря по состоянію и возрасту. Кушаки также у однихъ суконныя, у другихъ бумажныя. Крестьяне, проживающіе въ столицахъ и пріѣзжающіе домой бѣльшимъ частію къ Свѣтлой Недѣлѣ, одѣваются какъ купцы или ремесленники, смотря по тому, какимъ промысломъ занимаются. Женщины и дѣвушки въ будни ходятъ въ китайчатыхъ, стеганыхъ на ватѣ или просто овчинныхъ корсетахъ—весьма короткой одеждѣ, прикрывающей только грудь и часть живота, и которая шьется съ рукавами и съ перехватомъ по срединѣ. Обыкновенныя будничныя шубки или сарафаны шьются изъ домашней холстины, окрашенной въ синюю краску, или изъ ситца. Въ зимнее время обыкновенная одежда дѣвушекъ и женщинъ есть простая нагольная шуба; въ праздники же бѣльшимъ частію надѣваются шубы китайчатыя, на простомъ валъчемъ мѣху, съ сборами назадъ и съ обшлагами и лацканами штофными или изъ другой матеріи.

Ежедневная пища готовится изъ домашнихъ припасовъ, а именно: въ постныя дни—изъ капусты, огурцовъ, картофеля, свеклы, рѣпки и луку, съ приправою изъ масла; подается также каша ячменная или гречичная. Въ скоромныя дни ѣдятъ молоко, яйца, а иные, сверхъ-того, солонину, баранину и свинину. Въ праздники пища бываетъ лучше и разнообразнѣе, а именно: пироги у многихъ пекутся не изъ простой ржаной муки, а изъ домашней пшеничной; изъ этой же

муки или изъ купленой пшеничной варится лапша мясная или молочная, и мясная похлебка, въ которую прибавляется ишено и картофель. Каша бываетъ молочная гречишная, съ масломъ. Холодное, которое, впрочемъ, бываетъ не у всѣхъ, состоитъ изъ студня съ огурцами и хрѣномъ. Къ горячему непременно подается часть какого-нибудь мяса, которое раздѣляютъ на куски и либо кладутъ въ общую чашу, либо ѣдятъ послѣ горячаго. Въ постные праздники, вые покупаютъ свѣжую и соленую рыбу, а другіе готовятъ, изъ домашнихъ же припасовъ, что-либо особенное — лапшу или похлебку.

Здѣшніе жители, вопреки общему обыкновению русскаго народа, неохотники ѣздить въ окрестныя села и деревни на праздники, а оттого и у нихъ на праздникъ почти никто изъ чужихъ не прѣзжаетъ. Здѣсь также совсѣмъ не въ употребленіи любимый крестьянскій домашній напитокъ — пиво, или брага, которымъ такъ наслаждались наши дѣды; здѣсь его совсѣмъ не умѣютъ готовить. Пиво, если и употребляется, то кабацкое. Главная же потребность здѣшняго народа есть чай. Нѣкоторые крестьяне имѣютъ свои самовары съ чайными приборами, а у кого нѣтъ, тѣ ходятъ въ харчевни. При всякой продажѣ или покупкѣ, хотя бы и незначительной, выговаривается чай; при встрѣчѣ съ пріятелемъ, въ праздникъ и въ свободный часъ, здѣшний житель спѣшитъ напиться чаю. Исключая очень немногихъ, давшихъ обѣщаніе не пить его, можетъ-быть, изъ уваженія къ стариннымъ обычаямъ, здѣсь не только взрослые, но почти каждый мальчикъ и дѣвочка знаютъ, какъ взяться за чашку; чтобы показать, что чай для нихъ не новость, даже дѣти искусно выплескиваютъ изъ чашки оставшійся на днѣ мелкій чай и, допивая послѣднюю чашку чаю съ блюдечка, опрокидываютъ ее на столъ, въ знакъ того, что больше не хотятъ.

Обычаи, соблюдаемые при *рожденіи* дѣтей, состоятъ въ приносѣ новорожденному на зубокъ чего-либо съѣстнаго — каши, пирога и т. п. Родившая отправляется въ баню, гдѣ живетъ цѣлую недѣлю; родственницы обязаны посѣщать ее, иногда даже ночевать тамъ съ нею; а мужъ ея угощаетъ ихъ виномъ или чаемъ. Родившая, если у ней есть мать, изъ бани отправляется къ матери, живетъ у ней до шести недѣль и уже послѣ того возвращается домой.

Отец новорожденного или ближайшій его родственникъ отправляется звать кума и куму, изъ которыхъ первый, а иногда и оба, приносятъ хлѣбъ и соль, завернутые въ платкѣ, какъ дары Божіи, необходимые для поддержанія жизни человѣка, и потому особенно уважаемые. Хлѣбъ и соль составляютъ необходимую принадлежность многихъ обрядовъ: противъ нихъ, какъ говорятъ, и самый врагъ оставляетъ свои злые замыслы. Кума обязана принести нѣсколько аршинъ холстины на *ризки* новорожденному, также рубашку и крестъ; впрочемъ, рубашка и крестъ, смотря по обстоятельствамъ, нерѣдко готовятся и самою матерью, а кума приноситъ рубашку уже послѣ. По совершеніи крещенія дѣлается обѣдъ, къ которому приглашаются родственники. Кума и куму сажаютъ рядомъ, на почетномъ мѣстѣ. Весь обѣдъ идетъ своимъ порядкомъ; наконецъ, когда дойдетъ очередь до каши, повивальная бабка выходитъ изъ-за стола и ставитъ ее на столъ въ горшкѣ, накрытомъ блюдомъ; въ это время зажигаютъ передъ иконою свѣчу и молятся Богу; потомъ бабка снимаетъ со стола кашу и оставляетъ на мѣстѣ ея пустое блюдо, которымъ каша была накрыта. Всѣ присутствующіе должны положить въ это блюдо сколько-нибудь денегъ; это называется *окупить кашу*. Бабка, приготовивъ кашу, ставитъ ее на столъ уже въ блюдѣ, а блюдо съ деньгами беретъ себѣ и начинаетъ угощать всѣхъ присутствующихъ виномъ или пивомъ. Нѣкоторые въ ложку отца кладутъ соли и заставляютъ его съѣсть ее вмѣстѣ съ кашею. Въ знакъ того, что обѣдъ кончился, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, кладутъ на столъ пирогъ или ставятъ стаканъ, наполненный какимъ-нибудь напиткомъ. Послѣ обѣда гости расходятся домой, а кума и куму снова сажаютъ за столъ и угощаютъ. Здѣсь они, въ знакъ родства, целуютъ другъ друга, кума даритъ своего кума платенцемъ или платкомъ, а онъ отдариваетъ ей деньгами. Послѣ того кумъ и кума отправляются въ баню навѣстить родильницу и поздравить ее съ новокрещенымъ и просятъ ее усерднѣе ходить за крестникомъ. Здѣсь имъ опять предлагается нѣкоторое угощеніе. Въ знакъ благодарности къ куму и кумѣ, родившая отправляется къ нимъ объ Масляницѣ и даетъ имъ какіе-нибудь подарки.

Всѣ эти обычаи, не-смотря на разнообразіе, не очень занимаютъ селянина: онъ уже, при самомъ рожденіи сына или

внука, мечтаетъ объ обрядахъ болѣе важныхъ — о его женьбѣ; и старикъ, кажется, хочетъ пережить свою старость, чтобы дождаться этого дня и насладиться этой невыразимой для него радостію. Время течетъ, и крестьянинъ-отецъ внимательно слѣдитъ за его теченіемъ. Наконецъ желаніе старца начинаетъ исполняться; его ожиданія приходятъ къ концу: внуку стукнуло 17 лѣтъ, и дѣдъ, въ утѣшеніе свое, спѣшитъ сосватать за него невѣсту. Отецъ и мать жениховы, подумавъ съ своими родственниками, изъ какого дома и какую взять за своего сына невѣсту, съ его согласія, засымаютъ въ тотъ домъ свата и сваху. Когда послѣдніе уладятъ дѣло, отецъ и мать жениховы, съ ближайшими родственниками, въ опредѣленный день отправляются въ домъ невѣсты, куда собираются и ея родные. Здѣсь, переговоры о предпринимаемомъ дѣлѣ и условившись на-счетъ *кляжи*, или *кладки*, какую женихъ долженъ дать невѣстѣ, молятся Богу, и родители жениха и невѣсты бьютъ по рукамъ, отчего и самый обрядъ называется *рукобитьемъ*. Послѣ того дѣлается родъ пирушки. Кляжа, или кладка, кромѣ верхней одежды для невѣсты, стирается отъ 10 до 25 рублей ассигнаціями. Эти деньги невѣста употребляетъ на дары для жениховыхъ родственникововъ. За нѣсколько недѣль до свадьбы, родственники жениха и невѣсты снова созываются въ домъ невѣсты, и здѣсь для нихъ готовится обѣдъ. Во время обѣда выводится невѣста и полноситъ стаканъ вина будущему своему свекру, кланяется и уходитъ, а ея мать даритъ женихову родню платенцами или платками. Этотъ обычай называется *винопитьемъ*. Въ праздники, какіе придутся между рукобитьемъ и днемъ свадьбы, женихова мать или ближайшая родственница носитъ невѣстѣ въ гостинецъ пирогъ или что-либо другое. Наканунѣ самаго дня свадьбы, въ домъ невѣсты дѣлается *дѣвичникъ*, на который приглашается нѣсколько жениховыхъ родственницъ и подружки невѣсты. Послѣднія своимъ весельемъ и пѣснями стараются утѣшить подругу передъ ея вступленіемъ въ новый періодъ жизни. Одна изъ жениховыхъ родственницъ приноситъ пирогъ, завернутый платенцемъ. Въ-заключеніе дѣлается ужинъ, во время котораго дѣвушки и невѣста хотя и сидятъ за столомъ, но имъ не кладется приборовъ, и онѣ только дружно кланяются, когда потчуютъ жениховыхъ родственницъ. Послѣ дѣвичника, дѣвушки, вмѣстѣ съ невѣстою, про-

вожаютъ жениховыхъ родственницъ, съ нѣснями, до двора женихова, а женихъ угощаетъ ихъ подлѣ воротъ краснымъ виномъ.

Для свадьбы назначаются: со стороны жениховой — *дружка* и *полудружье*, а съ невѣстной — *сваха*. Дружка и полудружье избираются изъ родственниковъ; они должны быть расторопны, чтобы своею тороватостію занять всю честную компанію, и сверхъ кушака опоясываются длинными платенцами и распускаютъ по бокамъ длинные концы ихъ. Обязанность дружка и полудружья — наблюдать за порядкомъ при поѣздѣ и за столомъ, а обязанность свахи — сопровождать невѣсту до церкви и внушать ей, какъ она должна себя держать. Передъ отъѣздомъ къ вѣнцу, жениха и невѣсту благословляютъ родители; послѣдняя разстается съ отеческимъ домомъ заливаясь горькими слезами. Поѣздъ начинается отъ жениха. Обыкновенно запрягается нѣсколько разубранныхъ троекъ; на одну изъ нихъ садится женихъ съ дружкомъ и полудружьемъ, на прочія — его родственники, и такимъ образомъ отправляются къ церкви. Прежде женихъ съ дружкомъ ѣзжали верхами, но нынѣ это оставлено. На пути иные стараются заградить поѣзданамъ дорогу, и за пропускъ ихъ угощаютъ виномъ. По приѣздѣ къ церкви, дружка отправляется на одной изъ троекъ за невѣстой. Въ это время вмѣсто невѣсты сажаютъ за столъ какую-нибудь другую дѣвочку и накрываютъ ее платкомъ, что называется *подмѣномъ невѣсты*. Дружка, замѣтивъ подмѣнъ, даетъ дѣвочкѣ нѣсколько денегъ, и она удаляется, а на мѣсто ея выводятъ настоящую невѣсту, которая отправляется въ церковь въ сопровожденіи свахи. Прежде было въ обыкновеніи, если невѣста одержима какою-нибудь болѣзнію, ударять въ колоколь. Во время вѣнчанія невѣста стоитъ съ распущенными волосами, накрытая платкомъ. Послѣ вѣнчанія переменяютъ головной уборъ новобрачной: заплетаютъ ей волосы на двѣ косы, повязываютъ и покрываютъ платкомъ, не завѣшивая глазъ. Нѣкоторые упрощаютъ священника проводить новобрачныхъ, въ вѣнцахъ, изъ церкви, до дома женихова; въ этомъ случаѣ новобрачнымъ дается икона Богоматери, и они идутъ изъ церкви, предшествуемые священникомъ. На пути передъ домомъ разстилаютъ холстъ или два. Новобрачныхъ встрѣчаютъ на дворѣ родители жениховы, отецъ съ

иконою, а мать съ хлѣбомъ и солью. Новобрачные прикладываются къ иконѣ и целуютъ хлѣбъ и соль, а отецъ, съ своей стороны, тоже прикладывается къ иконѣ, держимой новобрачными, целуетъ ихъ самихъ и поздравляетъ; потомъ отецъ беретъ хлѣбъ и соль, а мать — икону, и повторяется тотъ же обрядъ. При входѣ въ избу, кладутъ на порогъ шубу, вверхъ шерстью, и новобрачные должны идти черезъ нее, въ избѣжаніе, какъ говорятъ, волшебства! Войдя въ избу, просятъ отслужить молебенъ Богоматери, по окончаніи котораго священникъ снимаетъ вѣнцы съ новобрачныхъ, благословляетъ ихъ и удаляется.

Во все это время въ домѣ царствуютъ спокойствіе и тишина. Чтò бываетъ послѣ, того, кажется, нельзя и передать на бумагѣ; начинается прямая русская бесѣда, вино льется потоками, веселье и разгулъ продолжаются почти во всю ночь.

На другой день дѣлается *караваный*, или *княжій обѣдъ*, къ которому являются родители невѣсты съ своими родственниками, или, какъ говорятъ, *ранніе*. Послѣ обѣда, сваха, вмѣсто новобрачной, даритъ жениховыхъ родственниковъ платенцами или платками, а они отдариваютъ деньгами. Этимъ оканчиваются брачные обряды и веселье.

Но часы радости бываютъ рѣдко и проходятъ скоро. Одна безпечная молодость скоро забываетъ горе, и въ ея кругу чаще слышатся клики радости; отцу семейства и хозяйну дома больше приходится терпѣть и страдать, чѣмъ утѣшаться. Въ домѣ больной — для него забота; покойникъ — для него горе; не уродился хлѣбъ, выпалъ скотъ, пожаръ лишилъ всѣхъ пожитковъ, дѣва отняла близникъ сердцу — все это для него кресты, и кресты тяжкіе.

Посмотримъ на крестьянина, каковъ онъ въ этихъ обстоятельствахъ, какъ онъ и при нихъ придерживается изстари любимыхъ имъ обычаевъ.

Въ домѣ *покойникъ*, — и домашніе не метутъ избы, пока не вынесутъ его изъ дому, чтобы не вымести изъ избы и живыхъ. Съ тою же, кажется, цѣлью всѣ выходятъ изъ избы въ то время, когда вносятъ гробъ для покойника. Одежду и постель покойнаго выносятъ на дворъ подъ насѣсть, чтобы опѣли ихъ пѣтухи, и по прошествіи шести недѣль, какъ уже безвредныя, вносятъ въ домъ для употребленія. Въ окрестностяхъ

есть еще обычай вывозить въ поле солому, на которой лежалъ покойникъ, и посудину, изъ которой его обмывали. При выносѣ покойницы есть обычай давать священнику и діакону платенца или просто холстину, и они, повязавшись ими вмѣсто наушниковъ, провожаютъ умершую до церкви. Плачь по покойникѣ, общій всздѣ, смотря по обстоятельствамъ, бываетъ очень трогательнъ. Не могу забыть, какъ плакали, въ два голоса, двѣ молодыя женщины одного дома, въ самое короткое время лишившіяся супруговъ, которые умерли вдаль отъ нихъ и отъ родины. Вотъ начало ихъ плачевныхъ словъ, которое я могъ выслушать и запомнить: *отлетѣли наши соколы, отлетѣли наши ясныя на старонушку, на далекую* и пр. При самыхъ похоронахъ есть обычай выносить на могилу кутью и пироги, для поминовенія покойнаго. Послѣ похоронъ приглашаются въ домъ родственники, сосѣди и нищіе, для слушанія литіи, послѣ которой дѣлается обѣдъ. Въ сороковой день опять служится въ домѣ литія и повторяется въ воротахъ, гдѣ приготавлиются кисель и сыта, которыми поминуютъ покойника дѣти; это называется *проводами души покойнаго*. За обѣдомъ, который бываетъ въ это время, послѣ всего подаются также кисель и сыта, и поется: *со святыми упокой*. Въ день годовщинъ есть обычай во время литіи покрывать холстиною могилу умершаго, можетъ-быть, въ знакъ того, что молитвами церкви покрыты грѣхи его.

Во время *скотскаго* падежа придерживаются еще обычая опазивать селеніе, въ надеждѣ, что моръ изъ окрестныхъ мѣстъ не можетъ перейти за борозду, проложенную сохою. Иные кормятъ свой скотъ тестомъ, въ которое втирается растолченный порохъ, и утверждаютъ, что это средство, въромяно, запахомъ, предохраняетъ отъ заразы.

Крестьяне вѣрятъ цѣлебнымъ силамъ природы и потому, въ известное время (въ Ивановъ День), собираютъ травы, которыми пользуются въ болѣзняхъ; но употребленіе ихъ мало известно. Иные собираютъ въ тотъ же день росу и говорятъ, что она полезна отъ чахотки. Чтобъ избавиться отъ лихорадки, ищутъ на лоскуткахъ бумаги, что такого-то или такой-то вѣтъ дома, и въ свободный отъ лихорадки день приклеиваютъ эти лоскутки къ дверямъ и окнамъ дома.

Наиболѣе здѣсь любимыя *занятія* суть трючняя ѣзда, ткачество, огородничество и частію садоводство.

Трючняя ѣзда составляетъ промыселъ ямщиковъ, содержащихъ станцію и вольныхъ, а также извошниковъ.

Ткачествомъ занимаются какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ собственно для того устроенныхъ фабрикахъ. Ткутъ преимущественно миткаль и платки низшаго достоинства, а частію канифасъ и кисею. Нѣкоторые фабриканты имѣютъ до ста становъ, иные гораздо менѣе, особенно дѣвушки, которыя также содержатъ фабрики. Нѣкоторые ткачи неловко придумали способъ тнать обыкновенный холстъ самолетомъ. На первый разъ попытка ихъ выходить не совсѣмъ удачно. Правда, работа производится скоро и обходится не очень дорого—не болѣе шести копейекъ за аршинъ; но холстъ не имѣетъ того достоинства, какое вытканый обыкновеннымъ образомъ, и много проховеѣ. Вообще надобно замѣтить, что это занятіе изнурительно и не совсѣмъ выгодно. Конечно, фабриканты имѣютъ свои расчеты и прибыль, доставляя содержаніе своимъ фабричнымъ и пользуясь нѣсколькими рублями отъ каждой основы; но ткачъ, за содержаніемъ, едва ли выработаетъ 30 рублей серебромъ въ годъ.

Огородничествомъ занимаются въ самомъ селѣ Линицахъ, и въ—особенности въ окрестныхъ деревняхъ Михайловкѣ, Вечеряхъ, Селинѣ и Мещеринѣ. Этому занятію особенно благоприятствуютъ ключевые ручьи, протекающіе около огородовъ. Въ засуху воду изъ ручьевъ пропускаютъ на огороды, и такимъ образомъ орошаютъ гряды. Главный доходъ получается отъ рассады, огурцовъ и капусты. Нѣкоторые огородники, болѣе другихъ посвятившіе себя этому занятію, получаютъ годового дохода до 300 рублей серебромъ, прочіе — гораздо менѣе, смотря по величинѣ ихъ огородовъ.

Садоводство, кажется, издавна здѣсь было любимымъ занятіемъ, потому-что, не-смотря на несчастные годы для садоводовъ, остатки прежнихъ садовъ видны почти на каждой усадьбѣ. У нѣкоторыхъ крестьянъ есть свои школы или разсадники, въ которыхъ находится по нѣскольку сотъ прививковъ. Многіе вновь разводятъ сады, а иные пользуются доходами отъ прежнихъ, уцѣлѣвшихъ садовъ. Доходъ отъ садоводства, почти не препятствуя другимъ занятіямъ, прости-

рается отъ 10 до 100 рублей серебромъ. Разумѣется, ищущіе при садахъ свои школы могутъ получить и болѣе.

Народное веселье мужчинъ состоитъ здѣсь болѣею частію въ томъ, что собираются въ харчевни или въ питейный домъ, гдѣ, за самоваромъ или за чаркой вина, шируютъ, сколько имъ вздумается. Молодыя женщины и дѣвушки также собираются, водятъ хороводы, пляшутъ и поютъ пѣсни. Пѣніе ихъ довольно стройно и пріятно, а единственный ихъ музыкальный инструментъ есть гармонія. На Святой Недѣлѣ и на Троицынъ День вѣшаютъ качели, и около нихъ собирается молодежь, въ праздничномъ нарядѣ. На Троицынъ День завиваютъ вѣнки, а объ Масляницѣ катаются, только не на салазкахъ, а на тройкахъ лошадей.

Особенности общественнаго быта.

По отсутствію помѣщиковъ, надзоръ за крестьянами и управленіе ими въ Липицахъ предоставлено бурмистру, который, въ сомнительныхъ случаяхъ, созываетъ стариковъ и совѣтуется съ ними, какъ они присудятъ поступить въ томъ или другомъ дѣлѣ; мнѣніе ихъ нерѣдко уважается самою помѣщицею. Къ общественнымъ чинамъ относятся здѣсь также: 1) должность *мірскаго старосты*, обязанность котораго—сбирать и записывать оброчныя и подушныя деньги. Въ случаѣ неуплаты, понуждать крестьянъ обязанъ бурмистръ. Последній имѣетъ при себѣ двухъ денщиковъ для посылокъ. 2) Такъ называемые *вытчки* каждый годъ избираются въ селѣ по два, а также и въ деревняхъ—по одному или по два, смотря по количеству жителей. Обязанность вытчиковъ состоитъ въ томъ, чтобы сберегать луга и хлѣбъ отъ побоевъ. Въ награду за это, имъ даются отъ міра особенныя доли въ лугахъ, или вершины для сѣнокоса. Название вытчика, вѣроятно, произошло отъ того, что жители Липицъ пользуются богатыми заливыми лугами около рѣки Оки, и эти луга, передъ наступленіемъ сѣнокоса, дѣлятся на мелкія доли (смотря по числу тяголъ), изъ которыхъ самыя долги, по направленію къ Окѣ, называются *вытками* (*).

(* Приблизить къ этому должно, что *выть* значить доля, участокъ вообще; въ этомъ значеніи *выть* весьма часто и въ различныхъ значеніяхъ встрѣчается въ нашихъ юридическихъ памятникахъ XVII вѣка, и даже въ Уложеніи, во многихъ мѣстахъ. *Помыть* и *попытчикъ* происходятъ отъ того же корня, *Прим. ред.*

Замѣтимъ употребительный здѣсь особенный счетъ тяголь. Если въ домѣ находятся четыре брата или четыре чело-вѣка тягловыхъ, то говорятъ, что у нихъ *осмакъ*, а если два, то *поль-осьмака*. На этомъ основаніи, и пашни, и луговья доли называются *осьмачными* и *полуосьмачными*.

Человѣка, пойманнаго въ саду, здѣсь судятъ какъ вора и на будущее время оставляютъ его на замѣчаніи; но если чей скоть нещадно бьетъ хлѣбъ, то на это смотрятъ сквозь пальцы. Также когда дѣвки для вечеринокъ, какія у нихъ бывають въ осеннее время, крадутъ домашнихъ птицъ и другіе съѣстные припасы, то и это, какъ бы изъ уваженія къ обычаямъ старины, проходитъ имъ даромъ.

Крестьянина, въ домѣ котораго начался пожаръ, или который не хочетъ городить своей усадьбы или полосы земли съ бою, выселяютъ, по приговору міра, на край деревни.

При раздѣлѣ имѣній присутствуютъ вотчинный начальникъ и старики, чтобы кого-либо не задѣлили. Послѣ раздѣла дѣлается общій обѣдъ, въ знакъ того, что раздѣлившіеся не имѣютъ между собою вражды.

При продажѣ и покупкѣ вещей выговаривается чай; при покупкѣ лошади, ее отдають изъ полы и принимаютъ въ поду.

Умственныя и нравственныя способности и образованіе.

Липицкіе жители, находясь не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы—сердца Россіи и ея просвѣщенія—и какъ бы гордясь своими способностями и образованіемъ, называютъ себя *подмосковными*, а жителей другихъ уѣздовъ губерніи считаютъ *степными*, частію по ихъ неразвязности, частію по уродливому ихъ нарѣчію. Дѣйствительно, здѣшнимъ жителямъ нельзя не отдать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ преимущества. Такъ, здѣшній житель готовъ вступить въ разговоръ съ кѣмъ угодно и, если нужно, разсуждать о всякомъ предметѣ, непревышающемъ круга его познаній. Въ немъ есть и смѣтливость, потому-что онъ во-время умѣетъ молчать и во-время высказать что нужно; есть и разсудительность: отецъ или мать, желая пристроить сына къ какой-нибудь должности или ремеслу, заблаговременно стараются обучить его грамотѣ и избираютъ для него такое мѣсто, гдѣ бы, современемъ, кругъ его дѣятельности могъ сдѣлаться обширнѣе. Эта разсудительность приносить свои плоды. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ прихожанъ

приобрѣли въ столицахъ хорошее состояніе и сдѣлались известны своими пожертвованіями въ пользу родныхъ, бѣдныхъ, а также въ пользу церкви и ея служителей.

Къ чести здѣшняго народа, нельзя не упомянуть о его набожности. Кромѣ денегъ, они нерѣдко дѣлають и другія пожертвованія въ пользу церкви. Каждый взрослый покойникъ выносятся здѣсь къ обѣднѣ, а во всѣ такъ называемые *срочные* дни по немъ совершается литургія; по немъ также читается псалтирь, въ одномъ или въ нѣсколькихъ мѣстахъ, до шести недѣль.

Вообще говоря, нравственность липицкихъ жителей, сравнительно, выше, чѣмъ окрестныхъ деревень, хотя, въ частности, и они имѣють свои недостатки. Къ такимъ недостаткамъ можно отнести небрежность въ уплатѣ денежныхъ повинностей, при приверженности къ чаю и смѣльнымъ напиткамъ.

Изъ окрестныхъ деревень жители Михайловки и Силиной, сравнительно, менѣе нравственны.

Число *грамотныхъ* съ точностію опредѣлить трудно; впрочемъ, ихъ довольно, и больше изъ числа мужчинъ, чѣмъ изъ числа женщинъ. Грамотѣ обучаются большею частію въ домахъ священниковъ, хотя есть и такъ называемыя *мастерицы*. Въ домахъ священниковъ постоянно обучается до 10 или до 15 мальчиковъ. Любовь къ образованію болѣе и болѣе становится замѣтною, такъ-что, современемъ, кажется, необходимо будетъ устроить въ селѣ училище.

Народныя преданія и памятники.

Недолговременное мое пребываніе въ Липицахъ, можетъ-быть, причиною, что я не могъ приобрести достаточныхъ свѣдѣній по этому предмету, а можетъ-быть, преданій и памятниковъ старины и дѣйствительно здѣсь немного.

Какъ бы то ни было, но вотъ чѣмъ ограничиваются собранныя мною свѣдѣнія.

У здѣшнихъ жителей есть преданіе, что Преосвященный Платонъ, митрополитъ московскій, былъ уроженецъ липицкій, и что родитель его былъ причетникъ. Это подтверждается тѣмъ, что будто бы Преосвященнѣйшій, бывъ, проездомъ, въ Липицахъ, просилъ представить къ нему кого-либо изъ

причетниковъ постарше; ему представлена была одна старушка, въ-сопровожденіи которой онъ посѣтилъ мѣста, любимыя имъ въ дѣтствѣ и указалъ ей одну старую лозу, на которую нѣкогда взлѣзалъ.

Кромѣ того, въ памяти липицкихъ жителей сохранились нѣкоторыя преданія о кладахъ и разбойникахъ.

Въ Липицахъ на церковной землѣ есть островокъ, или небольшой курганъ, образовавшійся при соединеніи двухъ вершинъ. На этомъ островку — говоритъ преданіе — зарыто сокровище. Одинъ поселянинъ, руководствуясь преданіемъ, давно тому назадъ, пытался отыскать это сокровище, и слѣды его попытки и напрасныхъ трудовъ видны и доселѣ. На островкѣ видны канавы и много ямъ.

Ольховое болото, находящееся ниже Липицъ, служило, говорятъ, прежде кровомъ для людей злонамѣренныхъ.

Въ-заключеніе всего можно упомянуть и о томъ, что верстахъ въ четырехъ отъ Липицъ находилось нѣкогда село Саларево, обращенное нынѣ въ пустошь. По какому случаю оно уничтожено и что было тамъ особеннаго, неизвѣстно. Есть, впрочемъ, преданіе, что близъ Саларева, въ Поповомъ верху, найдена въ землѣ икона Тихвинской Божіей Матери, находящаяся нынѣ за престоломъ въ нашей Благовѣщенской церкви. На крестахъ нашей церкви и колокольни, теперь сломанной, находятся вѣнцы. Они повѣшены, по достовѣрному преданію, по желанію священника, во время перекрытія церкви.

СЕЛО ГОЛУНЬ И НОВОМИХАЙЛОВСКОЕ,
ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ, НОВОСИЛЬСКАГО УЪЗДА.

Свищенника А. Руднева.

Письмо въ декабрь 1849 года (*).

НАРУЖНОСТЬ.

Здѣшніе крестьяне благообразны. Ростъ ихъ исключительно средній, и главныя части тѣла довольно соразмѣрны съ ростомъ; голову имѣютъ средней величины, лобъ прямой, руки и ноги довольно короткія, глаза по большей части каріе; волосы, обыкновенно, темно-русые; тѣлосложеніе крѣпкое, грудь возвышенная, въ плечахъ довольно широки. Обыкновенно

(*) По картѣ Шуберта село Голунь называется иначе *Покровскимъ* и расположено почти въ срединѣ Новосильскаго уѣзда, на С.-С.-В. отъ уѣзднаго города, на рѣчкѣ Зушѣ, впадающей въ Оку, тамъ, гдѣ сходятся границы уѣздовъ Мценскаго и Болховскаго Орловской губернии и Бѣлевскаго и Чернскаго — Тульской. Въ Голуни 123 двора. Села Новомихайловскаго на картѣ Шуберта нѣтъ, а есть *Михайловское*, иначе *Мансурово* и *Архангельское (?)*, на Ю.-В. отъ Новосиля. Въ немъ значится 291 дворъ. Это ли село разумѣть авторъ статьи — трудно рѣшить.

Оба села, по свидѣтельству автора, населены одними помѣщичьими крестьянами.

Прим. ред.

венныхъ ихъ болѣзни суть: лихорадка; горячка, водянная болѣзнь и золотуха. Они одарены большой тѣлесной силой и расположены къ физическимъ трудамъ, преимущественно къ земледѣлю, но особенной ловкости и проворства не имѣютъ.

ЯЗЫКЪ.

Говоръ здѣшнихъ жителей уклоняется отъ языка, употребительнаго между образованными классами общества. Уклоненія, или особенности, замѣчаются въ слѣдующемъ:

1) *Въ произношеніи.* А охотно замѣняютъ буквою *е*: часовня вмѣсто часовня, честоколъ вмѣсто частоколъ, чепракъ вмѣсто чапракъ и т. п., и наоборотъ: букву *е* замѣняютъ буквою *а*: чалнокъ вмѣсто челнокъ, чашуа вмѣсто чешуя. Букву *а* замѣняютъ буквою *я*: палочка вмѣсто палочка, кадочка вмѣсто кадочка, завтра вмѣсто завтра, и наоборотъ: пакла вмѣсто пакля. Букву *е* замѣняютъ буквою *я*, напримѣръ: яго вмѣсто его, яребенокъ вмѣсто ребенокъ, ягонько вмѣсто легонько, ялпешка вмѣсто лепешка, и, наоборотъ, букву *я* буквою *е*: заецъ вмѣсто заяць, яредовый вмѣсто ярловой, яребина вмѣсто ярбина, ятегло вмѣсто тягло. Букву *о*, когда надъ ней нѣтъ ударенія, замѣняютъ буквою *а*, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Изъ согласныхъ любятъ замѣнять букву *з* буквою *с*, напримѣръ: польза вмѣсто польза; букву *к* буквою *х*, напримѣръ: хвитація вмѣсто кванція; букву *р* буквою *л*, напримѣръ: алхитекторъ вмѣсто архитекторъ; букву *ч* буквою *ш*: на што вмѣсто на что; говорятъ и *що* вмѣсто *что*. Букву *ф* любятъ замѣнять или одною буквою *х*: Хранцузъ вмѣсто Французъ, хабрика вмѣсто фабрика, хлигель вмѣсто флигель, — или съ примѣсю къ *х* буквы *в*: хвонарь вмѣсто фонарь, хвигура вмѣсто фигура, хворма вмѣсто форма.

2) *Въ словообразованіи.* Въ окончаніи словъ, при склоненіи именъ существительныхъ, напримѣръ: при дорогѣ вмѣсто при дорогѣ, на пороѣ вмѣсто на пороѣ, въ кабацѣ вмѣсто кабацѣ, потолоцѣ вмѣсто потолокъ, на версѣ вмѣсто на верхѣ; также при склоненіи личныхъ мѣстоимѣній: *саь* вмѣсто *себя*, *таь* вмѣсто *тебя*. Въ глаголахъ — вмѣсто перваго лица единственнаго числа не могу говорить не *могимъ*; вмѣсто третьяго лица настоящаго времени: *знаеть*, говорятъ *зная*, вмѣсто *любить* — *любя*, вмѣсто *видить* — *видя*.

3) *Въ оборотахъ рѣчи.* Обыкновенныя слова въ оборотахъ рѣчи употребляютъ вопреки общепринятымъ правиламъ, напримеръ: «возьмися продайся» вмѣсто продалъ; «возьмися поссорься» вмѣсто поссорился; «быть тому такъ, быть тому» вмѣсто непременно будетъ сдѣлано.

4) Въ употребленіи *общеупотребительныхъ словъ въ особенномъ смыслѣ.* Слово *стихъ* означаетъ линіи въ плетеныхъ лаптяхъ; такихъ стиховъ, или линій, бываетъ семь или девять. *Цаловальникъ* значитъ объѣздчикъ полей; это названіе употребляется въ этомъ смыслѣ только въ нашей мѣстности; съ чего оно взято — неизвѣстно (*). *Хвастаться* значитъ мыться, *шары* значитъ глаза.

5) Наконецъ, *въ словахъ мало извѣстныхъ или вовсе неизвѣстныхъ въ общеупотребительномъ языкѣ.* Къ нимъ можно отнести слѣдующія: *абилуха* — соломата, т.-е. замѣпанная на вару гречневая или ржаная мука; *брушати* — стрѣлять; *въстимо* — да, такъ; *газитъ* — ломить; *голомя* — давненько; *дручить* — о человѣкѣ: плакать, о скотѣ: ревѣть; *кастроми* — пукъ прутьевъ, которымъ наказываютъ, или батоги; *крутень* — каша, круто сваренная; *мѣрно* — облачно; *на пристыль* — въ сѣняхъ; *на угрунь* — итти бѣгомъ, изо всѣхъ силъ; *на услань* — на взволось; *панитокъ* — пасконная рубашка; *подъ услань* — подъ гору; *пондѣй* — поѣзжай скорѣе; *пунька* — особенная клѣтъ мужа и жены; *рѣвака* — ножъ; *стрелятьба* — астрелябія; *упритимъ* — въ замѣчаніи стало съ такого-то времени или оттого-то; *хиска* — см. пунька, *чумакъ* — винопродавецъ.

ДОМАШНІЙ БЫТЬ.

Здѣшній народъ не любитъ жить одиноко. Самое малое семейство состоитъ по-крайней-мѣрѣ изъ девяти душъ; но нѣкоторые заключаютъ въ себѣ до тридцати-пяти душъ обо-его пола. При посѣщеніи Божиемъ, когда свое семейство уменьшится, хозяинъ принимаетъ къ себѣ въ домъ чужихъ дѣтей изъ большихъ семействъ, для того только, чтобы быть

(*) Этимологія этого слова очевидна. *Цаловальниками* назывались у насъ въ старину всѣ должностныя лица низшаго управленія, которые присягали (цаловали крестъ), что будутъ добросовѣстно отправлять свою должность.

Прим. ред.

исправнымъ въ отпращеніи господскихъ и своихъ повинностей, и этотъ приемышъ заступаетъ иногда мѣсто хозяина, если того заслуживаетъ.

Такія семейства — и большое и малое — обыкновенно имѣютъ по двѣ избы, обѣ дубовыя или одну изъ кирпича, а другую деревянную, или же одну изъ дикаго камня, а другую деревянную. Семейство, у котораго есть изба изъ дикаго камня, живетъ въ ней только лѣтомъ, а на зиму переходитъ въ деревянную, потому-что при самыхъ небольшихъ морозахъ стѣны каменной избы сильно прозябаютъ, и оттого въ ней очень угарно. Всѣ такія избы наружнымъ фасадомъ выходятъ на улицу и ставятся по линіи, не всѣ сплошь, а такъ, чтобъ чрезъ каждые два двора оставался промежутокъ не менѣе осьми сажень. Наружное строеніе каждаго отдѣльнаго дома, обыкновенно, занимаетъ десять сажень. На этомъ пространствѣ ставятся двѣ избы въ осьмнадцать аршинъ, между ними — стѣны въ семь или восемь аршинъ; остальное пространство занимаетъ вѣздъ на дворъ. Наружная краса строенія состоитъ въ томъ, что избы располагаются по линіи, ставятся на фундаментъ, окна прорубаются въ извѣстной соразмѣрности, и разсаживаются передъ ними лозникъ. Внутреннее украшеніе избы составляютъ: два красныхъ окна на улицу и одно маленькое или *волковое* на дворъ, нѣсколько полокъ и лавокъ. Каждая изба раздѣляется внутри на двѣ половины; та, которая обращена къ улицѣ, имѣетъ земляной полъ. Въ ней, въ переднемъ углу, есть небольшая полочка для св. иконъ; отъ самой двери располагаются лавки, на три-четверти отъ пола, которыя продолжаютъ до печи; другая половина избы, обращенная на дворъ, имѣетъ печь и деревянный полъ, выше землянаго пола другой половины на двѣ-четверти; на этомъ полу тоже ставятся лавки, отъ двери до печи. Эта послѣдняя половина избы исключительно занимается дѣтьми, а въ зимнее время и женщинами, особенно послѣ родинъ, потому-что здѣсь бываетъ гораздо теплѣе. Особенныхъ перегородокъ не бываетъ.

Надворное строеніе — отъ пятнадцати до двадцати сажень въ длину; пространство это также раздѣляется на двѣ половины; въ половинѣ ближайшей къ домовому строенію одна сторона застроивается деревянными клѣтьми, которыхъ бываетъ столько,

сколько въ семействѣ женатыхъ людей ; другая раздѣляется на нѣсколько отдѣльных хлѣвцовъ , куда загоняютъ рогатый скотъ , овецъ и свиней ; въ другой же половинѣ устраивается хлѣвъ для лошадей , а остальное покрытое пространство служитъ для сбереженія домашней утвари , какъ-то : телѣгъ , сафей , сохъ , боронъ , кадокъ и т. п. Виѣшняя обстановка всего этого строенія , обыкновенно , каменная , но бываетъ и плетневая .

За надворнымъ строеніемъ , вдоль по усадьбѣ , въ двадцати саженьяхъ отъ строенія , ставится такъ называемый задворокъ , плетневый , для сѣна и мелкаго корма , съ рубленнымъ анбаромъ для ссыпки зерноваго хлѣба и муки . Далѣе по усадьбѣ , отступя сажень пятнадцать или двадцать , находится овинъ или (хотя рѣдко) рига , для молотбы хлѣба ; а хлѣбъ въ снопахъ складывается при концѣ усадьбы и обгораживается плетнемъ , или соломеннымъ валомъ .

Лѣтняя *одежда* мужчинъ : черный армякъ , а въ праздники — тоже черный , только съ плисовымъ воротникомъ , подбитый ситцемъ . Зимняя одежда — полущубокъ , всегдашній и праздничный , довольно чистый . Одежда женщинъ разнообразнѣе . Зимняя и лѣтняя , праздничная и всегдашняя , одежда ихъ имѣетъ свой покрой , отличающійся отъ покроя мужской одежды . Въ талии она довольно схвачена , отдѣлана кругомъ черными шелковыми спурками и въ передней полѣ до половины усажена мѣдными небольшими пуговицами . Головную повязку женщинъ составляетъ въ будни бумажный платокъ , а по праздникамъ — шелковый или шерстяной , разныхъ цвѣтовъ . На рубашку женщины надѣваютъ спереди такъ называемую *занавѣску* , праздничную изъ тонкой , а для всегдашняго употребленія изъ толстой холстины , съ рукавами , отдѣланными краснымъ кумачемъ и разными узорами . Кромѣ-того , женщины всегда носятъ такъ называемую *панѣву* , сотканную изъ очищенной шерсти , испещренную вдоль и поперекъ широкими полосами . Праздничная панѣва отдѣляется снизу на два вершка кругомъ мишурнымъ позументомъ .

Ежедневную *пищу* здѣшнихъ жителей составляютъ : рѣшетный кислый хлѣбъ , квасъ съ картофелемъ , рѣдкою или кислою капустою ; щи изъ капусты , въ постные дни припра-

вленные коноплянымъ сокомъ , а въ скоромные — свинымъ саломъ. Въ праздничные постные дни къ означенной пищѣ прибавляется ситный хлѣбъ , похлебка изъ картофеля или лапша и, наконецъ, негустая каша, а иногда гречневые блинцы; въ скоромные дни — студень говяжий, бараний или свиной съ квасомъ , щи также съ различнымъ наваромъ , молочная просыная каша, обжаренная часть говядины, даже гусь или индѣйка ; а въ заключеніе *каравай*, или крутая каша, получившая названіе отъ черепушки, въ которой ее варятъ. Такая пища готовится только въ особенно почитаемые праздники, какъ, напримѣръ, въ престольный праздникъ Покрова и т. п., или когда въ семействѣ бываетъ свадьба, крестины или поминовеніе по умершимъ. Своего бѣлаго, или пшеничнаго хлѣба у здѣшнихъ крестьянъ не бываетъ ; они рѣдко и покупаютъ его ; развѣ купятъ куличъ къ Свѣтлому Дню или нѣскольکو калачей для семейства, продавъ хлѣбъ въ городѣ.

По мнѣнію здѣшнихъ крестьянъ, счастливымъ можно быть только соблюдая всѣ завѣщанные предками обычаи.

Еще дитя не родилось, а ему уже усыпаютъ путь, по порогамъ избы, солью, чтобы оно явилось въ свѣтъ скорѣе и безъ большихъ страданій для матери. Новорожденнаго повивальная бабка не станетъ обмывать, если въ воду не положена кака-нибудь монета, серебряная или мѣдная; ее, говорятъ, кладутъ для того, чтобы младенецъ послѣ, въ жизни, былъ богатъ и доволенъ. Родные, посѣщая родильницу, поздравляютъ ее съ рожденіемъ дитяти и приносятъ ей хлѣбъ-соль, а дитяти сколько-нибудь денегъ. Три дни и болѣе послѣ родивъ мать не садится съ дитятею за общій столъ, хотя бы здоровье ей и позволяло, пока повивальная бабка не размочетъ ей и себѣ руки до трехъ разъ; этимъ омовеніемъ родильница освобождается отъ нечистоты, а повивальную бабку можно послѣ того пригласить на другія родины.

Когда ребенокъ выростетъ, родители собираются женить его. На-канунѣ свадьбы, свать — близкій родственникъ жениха — отправляется, съ немногими родными, въ домъ невѣсты, и угощаетъ ее родителей и родныхъ. Когда онъ соберется ѣхать назадъ, мать невѣсты посылаетъ съ нимъ жениху все нужное платье, въ которомъ онъ долженъ

вѣнчаться. Въ самый день свадьбы, по окончаніи обѣда родныхъ жениха и невѣсты, зажигаютъ свѣчу передъ образомъ, и женихъ, выходя изъ-за стола, проситъ благословенія, сперва у отца и матери: «Благослови мене — говоритъ онъ—родный батюшка, на судъ Божій пойти и Божью милость получить»; такія слова повторяетъ онъ не передъ однимъ отцомъ и матерью, а передъ всѣми родными. По окончаніи благословенія, свать или распорядитель свадьбы выводитъ жениха на дворъ, и здѣсь онъ, раскланиваясь на всѣ четыре стороны, садится въ повозку и ѣдетъ къ невѣстѣ. Въ домъ невѣсты въ это время ворота бывають заперты; свать долженъ постучать и отворившаго обязанъ напоить виномъ, послѣ чего вводитъ жениха въ домъ невѣсты. Невѣста въ это время сидитъ съ своими подругами за столомъ; съ одной стороны заграждаютъ ее подруги, а съ другой караулитъ ее маленькій мальчикъ, родной братъ невѣсты или близкій ей, держа въ рукѣ, въ горизонтальномъ положеніи, порядочный посохъ, и не пуская свата посадить жениха къ невѣстѣ, пока не выпроситъ себѣ чары вина и золотой гривны — пяти или десяти копеекъ. Затѣмъ начинается угощеніе родныхъ со стороны невѣсты, по окончаніи котораго невѣста выходитъ съ женихомъ изъ за-стола и также проситъ себѣ у отца, матери и у всѣхъ родныхъ благословенія: «Не желаю я — говоритъ она — отъ тебе, родной батюшка, ни золота, ни серебра, ни дорогихъ каменьевъ, а прошу у тебѣ, родной батюшка, въ судъ Божій пойти и Божью милость получить.» По окончаніи благословенія сажаютъ жениха и невѣсту на разныя повозки, и они, кланяясь при каждой встрѣчѣ и крестясь на всякомъ переулкѣ и перекресткѣ, отправляются въ церковь. По совершеніи бракосочетанія, сваха повязываетъ молодую какъ ходятъ женщины, и весь поѣздъ отправляется въ домъ жениха, гдѣ отецъ встрѣчаетъ новобрачныхъ съ образомъ, а мать, надѣвъ на-выворотъ шубу, съ хлѣбомъ и солью.

Когда настанетъ время раздавать дары отъ молодой, новобрачныхъ сажаютъ за столъ, вручая молодому штофъ вина, а молодой — рюмку и тарелку, накрытую платкомъ, на которой кладется соль и часть густого сыра; все это покрывается даромъ отъ молодой. Распорядитель свадьбы обязанъ каждого

роднаго, начиная съ отца и матери, вызывать по имени и отчеству къ молодымъ, и говорить: «Молодой князь съ молодой княгиней желаетъ тебе (такой-то) почтить винной чарой и дорогимъ даромъ, и просить винну чару выпивати, а дорогой даръ принимати, а молодаго князя съ молодой княгиней золотой гривной подарити; имъ на ново мѣсто много нада.» Родной, по призыву распорядителя, винную чару выпиваетъ, даромъ утирается, а молодыхъ отдариваетъ по состоянію.

Умершему кладутъ въ гробъ то мыло, которымъ его обмываютъ, и кидаютъ въ могилу мѣдную монету, какъ бы въ знакъ того, что умершій не даромъ занимаетъ мѣсто. Въ день, назначенный для погребенія, хозяинъ дома еще до разсвѣта собираетъ родныхъ и близкихъ покойника, ставитъ на столъ довольно большую кипу блиновъ, зажигаетъ свѣчу передъ образомъ, беретъ въ руки кадильницу и молча кадитъ всѣ углы избы, самого покойника и всѣхъ находящихся въ избѣ; потомъ начинаетъ молиться Богу со всѣми приглашенными. По окончаніи моленія, хозяинъ говоритъ: «Богъ благословитъ» и проситъ садиться посѣтившихъ его мужчинъ; старшій же изъ приглашенныхъ разламываетъ блинъ пополамъ и кладетъ на окно, какъ говорятъ, покойнику. Послѣ того начинается угощеніе однимъ виномъ и блинами, а женщины въ это время выходятъ на дворъ и плачутъ по покойникѣ, съ своими приговорами. Такой обрядъ бываетъ и въ нарочитые дни поминовенія всѣхъ родителей.

Въ отвращеніе повальной болѣзни скота въ полугорѣ или въ удобномъ мѣстѣ дѣлаютъ прокопъ сквозь землю, такъ чтобы человекъ и скотъ свободно могли въ него пройти; къ такому прокопу жители сгоняютъ весь скотъ, вытираютъ огонь изъ дерева и этимъ огнемъ зажигаютъ приготовленную въ прокопѣ кучу навоза, а потомъ прогоняютъ сквозь прокопъ скотъ, окуривая его дымомъ. То же самое дѣлаютъ и во время эпидеміи и на людей.

Любимое занятіе здѣшняго народа есть хлѣбопашество. Къ нему располагаетъ крестьянина, во-первыхъ, достаточное надѣленіе землею—по двѣ хозяйственной десятины на всякое тягло и подъ всякій хлѣбъ, не считая луговъ и конопляника, второе — обязанность обработать такое же коли-

чество господской земли, и третье — самый грунтъ земли, достаточно вознаграждающій тяжкіе труды земледѣльца. Въ свободное отъ полевыхъ работъ время онъ починиваетъ свои домашнія заведенія, заготовляетъ необходимое для зимы и лѣта, и то только для себя, а не на продажу; зимой занимается перевозомъ господскаго хлѣба на назначенную владѣльцемъ приставъ; остальное же время зимы посвящаетъ извозу. Чтобы извозъ былъ прибыленъ, нужно имѣть достаточное число лошадей и запасъ корма. Вотъ почему, если урожай хлѣба и конопли хорошъ и извозы выгодны, крестьянину остаются, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по дому, средства и на то, чтобъ повеселиться, особенно въ почитаемые имъ праздники. Особенныхъ игръ и музыкальныхъ инструментовъ здѣшніе жители не знаютъ.

Хозяинъ, распоряжающійся благоразумно, имѣетъ весьма достаточныя средства, чтобъ содержать въ-продолженіе года свой домъ и свое семейство, среднимъ числомъ состоящее изъ осьмнадцати душъ обоаго пола и имѣющее два съ половиною тягла. Такой хозяинъ, при такомъ числѣ тяголъ, очень легко получаетъ, по десяти-лѣтней сложности, шестьдесятъ рублей серебромъ ежегоднаго дохода, не включая сюда выручку отъ продажи лишняго хлѣба и скота. Съ двадцати-пяти сажень коноплянника онъ можетъ, за своимъ продовольствіемъ, продать еще десять четвертей конопли на двадцать-три рубля серебромъ, пятнадцать пудъ пеньки на пятнадцать рублей, вывѣзти извозами съ своимъ кормомъ двадцать-два рубля серебромъ. Изъ этой суммы, въ-продолженіе года, хозяинъ долженъ израсходовать на необходимые по дому потребности: на соль шесть рублей, на деготь три рубля, на колеса, серпы и косы десять рублей, на уплату столовыхъ полтора рубля, на шапки, шляпы и рукавицы для семейства пять рублей, на щегольство, какъ-то: сапоги и т. п., шесть рублей, на праздничное угощеніе пятнадцать рублей; слѣдовательно, всякій хозяинъ можетъ порядочно содержать свое семейство на сорокшесть рублей пятьдесятъ копеекъ серебромъ въ годъ; остальныя деньги онъ употребляетъ на покупку лошадей, если нужно, или бережетъ ихъ на свадьбу, если есть въ семействѣ же-

нихъ. Подушныя подати уплачиваются съ запашки земли, выдѣленной изъ мірской земли. Сбора земской денежной повинности не бываетъ. Женщины наряжаются отъ себя на свой счетъ, потому что съ нихъ не берется ни холста, ни талекъ; лишній холстъ и фунтовъ по двадцати-пяти пеньки, которую отдають въ пользу ихъ сами хозяева, онѣ продають, и выручаемой за все это суммы для нихъ очень достаточно на нарядъ, лакомства и даже на угощеніе, которое бываетъ между ними въ храмовой праздникъ, когда онѣ дѣлають между собой *складку* и, покупая вино, гуляють. У дѣвиць также бываютъ особливые дни веселья. Эти дни начинаются съ 1 октября и продолжаются до 25-го или 27-го того же мѣсяца. Дѣвицы всего селенія, особенно взрослые, собираются въ это время въ одну или въ двѣ избы, смотря по пространству; заготавливають, каждая, положенную пропорцію провизіи: хлѣба, крупъ, птицъ и масла. Днемъ онѣ занимаются работами, а ночью у нихъ идутъ сказки, пляски, пѣсни и подается ужинъ; родители ихъ или родные не могутъ, какъ говорятъ, отказать имъ въ выдачѣ продовольствія, потому что онѣ получаютъ свое за то, что пособляють въ рабочее время.

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННАГО ВЫТА.

Въ помѣщичьихъ селеніяхъ бываютъ мірскія сходки, на которыхъ происходитъ, во-первыхъ, раскладка тяголъ по мірскому присужденію, во-вторыхъ, выборъ начальниковъ, также съ согласія міра, и, въ-третьихъ, сужденіе о разныхъ предметахъ, какъ-то: о степени преступности когонибудь изъ провинившихся, о раздѣлѣ большихъ семействъ и т. п. Сельскіе начальники, выбираемые съ согласія міра, суть: *староста*, отвѣчающій за исправность пашни, за цѣлость господскихъ хлѣбовъ въ полѣ, въ скирдахъ, въ анбарахъ, и вмѣстѣ судья маловажныхъ исковъ между крестьянами; *цаловальникъ* — помощникъ старосты или смотритель при посѣвѣ, уборкѣ и молотбѣ хлѣба; *выборный* — распорядитель мелкими работами, наряда подводъ по требованію начальства, исправленія дорогъ и разныхъ по имѣнію потребностей; *лѣсникъ* — смотритель лѣсовъ; наконецъ *магазинщикъ*, наблюдающій за мірскимъ магазиномъ. По имѣнію крестьянъ, ничто такъ не-

предосудительно (разумѣется, кромѣ уголовныхъ преступленій), какъ воровство вообще, и въ особенности кража лошадей; иногда довольно одного подозрѣнія въ этомъ преступленіи для присужденія къ наказанію.

Раздѣлъ имѣетъ мѣсто въ такомъ только случаѣ, когда семейство расходуется по многочисленности. На раздѣлъ приглашаются почти всегда старички, уважаемые по лѣтамъ и по опытности; при ихъ посредничествѣ, все имущество раскладывается на части, и каждый изъ дѣлящихся получаетъ свою часть по жребію.

На приданое невѣстѣ хозяйинъ семейства ничего не трагитъ, даже если невѣста его дочь; купить развѣ только образъ для благословенія: все же приданое должна справлять мать, отъ себя. Зато жена, по обычаю, наследуетъ во всемъ имуществѣ мужа послѣ его смерти, хотя бы у него остались въ-живыхъ братья; дочь наследуетъ въ имуществѣ отца и матери послѣ ихъ кончины. Имущество обыкновенно состоитъ въ ношеномъ платьѣ умершихъ, въ холстѣ и т. под.

Повинности отправляются и деньгами и натурою. Деньгами взыскивается съ крестьянъ по пятидесяти копеекъ серебромъ съ тягла на отдачу рекрутъ (сумма, остающаяся отъ отдачи рекрутъ, обращается въ общественную кассу), и по сорокапяти копеекъ серебромъ ежегодно въ пользу помѣщика, въ замѣнъ слѣдующихъ ему съ крестьянъ холста, талекъ и живности. Подати уплачиваются съ особо для того назначенной земли, и оставшаяся отъ платежа подушныхъ денегъ сумма также обращается въ общественную казну и расходуется на конторскія потребности, какъ-то: на бумагу, сургучъ, на плату за пересылку конторскихъ бумагъ и на удовлетвореніе различныхъ взысканій съ имѣнія по суду. Натурою отправляются повинности рекрутскія и подводныя; послѣдняя имѣетъ мѣсто, кромѣ перевозки хлѣба, при проѣздѣ земской полиціи, при перевозкѣ полковыхъ вещей и т. п.

ПРАВСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ И ОБРАЗОВАНІЕ.

Здѣшній народъ имѣетъ добрыя качества. Его набожность въ простотѣ вѣры и гостепримство достойны подражанія. Не говоря о хожденіи въ церковь, объ усердномъ и

добровольномъ исполненіи христіанскихъ обязанностей — исповѣданіи и причастіи — набожность крестьянъ видна и въ ихъ частной жизни. Они не садутъ за столъ не помолясь, не начнутъ и не окончатъ никакого дѣла не перекрестясь; по окончаніи уборки хлѣба почти всякій старается выказать особенное усердіе и набожность, приглашая священника съ святыми иконами въ свой домъ, для возблагодаренія Господа Бога за всѣ Его милости. При такой набожности, ни у кого, по выраженію народному, не повернется языкъ отказать въ пріютъ нуждающемуся страннику или нищему. Лавку въ переднемъ углу и послѣдній кусъ хлѣба крестьянинъ всегда готовъ съ душевнымъ усердіемъ предоставить нищему. Это свойство крестьянъ особенно похвально потому, что бѣдные семейства, до какой бы крайности ни доходили, никогда не рѣшаются нищенствовать, но стараются или взять заимообразно, или пропитываться трудами рукъ своихъ, и изъ этого-то слезоваго куска они никогда не отказываютъ страннику-нищему.

Чтобы поднять сколько-нибудь образованіе крестьянъ, владѣлецъ имѣнія, съ 1846 года, завелъ сельское училище. Нынѣ болѣе тридцати мальчиковъ могутъ довольно четко читать книги гражданской и церковной печати. Между женщинами грамотныхъ нѣтъ.

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ.

Народныхъ преданій о временахъ прошедшихъ никакихъ здѣсь не сохранилось. Наши крестьяне съ трудомъ и неясно припоминаютъ даже случившееся въ лѣта ихъ дѣтства, а о давно прошедшемъ отъ нихъ и подавно ничего не узнаешь.

Къ остаткамъ старины можно отнести довольно глубокія ямы, вырытыя въ чащѣ лѣса, вѣроятно, во время набѣга Татаръ или Литвы, потому-что о набѣгахъ особенно Литвы и теперь въ народѣ сохранилось преданіе; говорятъ даже, будто бы многіе крестьяне остались въ плѣну у Литвы.

Преданій о кладахъ очень много. Къ числу ихъ можно отнести слѣдующій рассказъ жителей: между селомъ Михайловскимъ и селомъ Голунью есть оврагъ, извѣстный подъ названіемъ *Сыпучіе Пески*; въ немъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ

дѣла постоянное пристанище огромная шайка разбойниковъ, человѣкъ въ шестьдесятъ или семьдесятъ. Разсказываютъ, что всѣ сокровища, пограбленныя разбойниками, хранятся въ этомъ оврагѣ. Это доказываютъ жители тѣмъ, что многие ночью часто видятъ на этомъ мѣстѣ огонь и слышатъ по временамъ выстрѣлъ, подобный ружейному, а ночью огонь въ необитаемомъ мѣстѣ, по народной примѣтѣ, есть вѣрный признакъ скрытаго сокровища. Правда ли это — неизвѣстно. Видимый ночью огонь, быть-можетъ, не что иное, какъ свѣтящійся фосфоръ согнившихъ тѣлъ животныхъ, а выстрѣлъ — одно воображеніе жителей.

БЫТЬ БѢЛОРУССКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ (*).

Жители Витебской губерніи по наружному виду рѣзко между собою различаются. Главное, коренное бѣлорусское на-родонаселеніе сосредоточивается около Витебска и въ уѣздахъ Суражскомъ, Полоцкомъ, Лепельскомъ, Дризенскомъ. Крестья-

(*) О бѣлорусскихъ крестьянахъ доставлено въ Императорское Русское Географическое Общество въ 1848 и 1850 годахъ, въ двухъ тетрадахъ, весьма подробное, превосходное этнографическое описаніе отъ вольно-отпущеннаго челоуѣка помѣщика Павловичева, Н. Аннелле. Этотъ добросовѣстный и трудолюбивый собиратель свѣдѣній о Бѣлоруссахъ описалъ бытъ крестьянъ, живущихъ обаномъ почтовой дороги изъ Себежа въ Люцинъ, почти на тридцати-верстномъ разстояніи отъ Себежа, до границъ Люцинскаго уѣзда, на пространствѣ, примѣрно, тысячи квадратныхъ верстъ. Описанные имъ крестьяне суть частью православные, обращенные изъ Уніи, частью римско-католическаго исповѣданія.

Кромѣ этой статьи, въ Общество поступили еще слѣдующіе этнографическіе матеріалы относительно витебскихъ крестьянъ:

1) Собраніе пословицъ и нѣсколькихъ свадебныхъ пѣсень. Доставлено, въ 1848 году, отъ лепельскаго земскаго исправника.

яне (*) этой мѣстности имѣютъ черты лица правильныя и ростъ средній, малосильны, непрворны, лѣннывы, неопратны въ одеждѣ и въ жилищахъ, такъ-какъ страна, гдѣ они живутъ, мало доставляетъ имъ выгодъ, земля требуетъ тяжкаго труда, и часто не вознаграждаетъ усилій земледѣльца. Уѣзды Динабургскій, Люцинскій и Рѣжицкій населены большею частію Латышами, крѣпкаго сложенія, хотя и не очень рослыми, выносящими тяжкій трудъ и болѣе зажиточными. Они имѣютъ лучшія земли и уголья. Близость Риги, портоваго города, усиливаетъ между-ними промышленность и торговлю и тѣмъ много способствуетъ ихъ благосостоянію.

2) Собраніе простонародныхъ обычаевъ, повѣрій и т. п. Доставлено учителемъ М. Сырохновымъ, въ 1849 году, изъ села Вербилова, которое лежитъ въ с.-в. части Себежскаго уѣзда. Въ этомъ собраніи встрѣчается нѣсколько этнографическихъ данныхъ, относящихся къ Витебской губерніи.

3) Общія этнографическія замѣтки о крестьянахъ Витебской губерніи, помѣщика А. Родзевича. Доставлены въ 1849 году.

4) Описаніе крестьянъ казеннаго имѣнія Езеричъ (по картѣ Шуберта—Озеричъ), которое находится въ с.-в. половинѣ Городецкаго уѣзда, на сѣверъ отъ уѣзднаго города, на озерѣ Озеричѣ. Описаніе составлено, въ 1849 году, тамошнимъ священникомъ Ш. Пороменскимъ. Езериченскіе крестьяне возсоединены къ православному исповѣданію изъ Уни въ 1833 году.

5) Этнографическое описаніе крестьянъ имѣнія Сволны, принадлежащаго помѣщику де-Липпе-Липскому показаннаго на картѣ Шуберта въ Дрицкомъ уѣздѣ, на с.-в. отъ Дрицемъ, на с. отъ с. Гирейзы. Составлено въ 1850 году, и доставлено въ Общество дрицкихъ уѣздныхъ наблюдателей-лекарей І. Ивановскимъ.

6) Описаніе постовъ и праздниковъ, сопровождаемыхъ особенными обычаями и повѣрьями. Составлено, въ 1850 году, священникомъ села Вяжица-Шарипина, Лепельскаго уѣзда, Г. Клодницкимъ (этого села нельзя было найти на картѣ Шуберта).

Изъ всѣхъ этихъ описаній самое полное и подробное принадлежитъ Анимелле. Оно-то здѣсь и напечатано, съ дополненіями изъ прочихъ исчисленныхъ выше статей. При составленіи этихъ дополненій редакция приняла за правило не только не пропускать ни одного факта новаго, котораго нѣтъ въ описаніи Анимелле, но даже ни одного факта, разнорѣчащаго съ его описаніемъ. Всѣ дополненія означены въ самомъ текстѣ названіемъ уѣзда, въ которомъ они записаны.

Примѣч. ред.

(*) Г. Родзевичъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Грамотныхъ въ селѣ нѣтъ не такъ много.» Не называется ли онъ сѣтями крестьянъ? Слово это одно съ польскимъ кміеѣ.

Жители уѣздовъ Велижскаго , Невельскаго , Себежскаго также значительно различаются во всемъ отъ прочихъ : наружностію , бытомъ , одеждою . Не получая достаточныхъ выгодъ отъ своей земли , они промышляютъ заработками въ Новгородской и Санктпетербургской губерніяхъ , чрезъ это находятся въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ жителями великороссійскихъ губерній и усваиваютъ себѣ ихъ обычаи и одежду . Оттого въ быту крестьянъ этихъ уѣздовъ замѣтно преобладаніе русскаго элемента .

Означенныя различія отражаются и въ языкѣ . Бѣлорусское нарѣчіе , преобладающее въ уѣздахъ Витебскомъ , Суражскомъ , Городецкомъ , Полоцкомъ , Лепельскомъ и Дризенскомъ , есть русское съ примѣсю литовскаго и весьма не-пріятно для слуха .

Земледѣльческое населеніе Динабургскаго , Люцинскаго и Рѣжицкаго уѣздовъ , — Латыши , говорятъ на своемъ латышскомъ языкѣ и очень мало и весьма неправильно по-русски . Жители Люцинскаго уѣзда , ближе къ границамъ Островскаго уѣзда , Псковской губерніи , употребляютъ въ разговорѣ *ал* вмѣсто *ял*; *закладаю* , *даю* , вмѣсто *запрягаю* , *даю* , и т . п .

Жители Велижскаго и Невельскаго уѣздовъ говорятъ правильнѣмъ великороссійскимъ нарѣчіемъ . У тѣхъ изъ нихъ , которые имѣютъ сношенія съ Новгородскою губернію , слышно въ произношеніи о сѣверныхъ губерній ; а ходящіе для заработковъ въ Санктпетербургъ говорятъ правильнѣмъ русскимъ языкомъ .

Въ Себежскомъ уѣздѣ господствуетъ такъ - называемое *цоканье* : здѣсь говорятъ *цаго* вм . чего , *зацу* , вм . хочу , и т . п . Цоканье такъ здѣсь вкоренено между жителями , сосѣдними съ Псковскою губерніей , что не уступаетъ даже вліянію великороссійскаго нарѣчія .

Къ этому должно прибавить , что , по свѣдѣніямъ , доставленнымъ изъ Лепельскаго уѣзда , бѣлорусскимъ нарѣчіемъ говорятъ крестьяне не только Витебской , но и въ сосѣднихъ съ нею значительныхъ частяхъ губерній Могилевской , Минской , Виленской , а также частью и въ Гродненской губерніи .

Наружность.

Обыкновенный средній ростъ жителей описываемаго мѣстности 2 арш. и отъ 3 до 4 вершковъ; выше 2 аршинъ 7 и 8 вершковъ едва ли наберется пятидесятая часть всего народонаселенія.

Цвѣтъ волосъ и глазъ такъ различенъ, что никакой нельзя назвать господствующимъ; впрочемъ, чаще и обыкновеннѣе волосы русые и свѣтло-русые и гораздо рѣже совершенно черные и рыжіе.

Въ лицахъ здѣшнихъ крестьянъ римско-католическаго исповѣданія выражается какъ бы нѣкоторая глуповатость. Этотъ видъ придаютъ мужчинамъ неуклюжія ихъ шапки и шляпы — «брыли», а женщинамъ — ихъ головные уборы.

Болезни, которымъ здѣшніе жители наиболѣе подвергаются, суть: простудныя горячки, лихорадки и воспаленіе горла, по здѣшнему — «горлянка». Эпидемическій кровавый поносъ случается лѣтомъ, разъ въ три, четыре и пять лѣтъ. Холера 1831 года появлялась только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ описываемаго окологда, а въ 1848 году вовсе его не коснулась и не затронула даже ближайшихъ деревень по сю сторону Себежа, въ которомъ была холера. Какъ бы въ замѣнъ того, въ 1848 году почти половина жителей переболѣли лихорадкою, и никто изъ старожиловъ не запомнить, чтобъ она когда-либо свирѣпствовала такъ сильно. Совсѣмъ-тѣмъ отъ лихорадки никто не умеръ.

Охота къ физическимъ трудамъ чрезвычайно сильна у крестьянъ средняго состоянія и даже у бѣдныхъ. Въ лѣтнее время они спятъ не болѣе четырехъ часовъ въ сутки и трудятся во все остальное время.

Крестьяне Сволны, Дризенскаго уѣзда, тѣлосложенія довольно хорошаго, части тѣла имѣютъ между собою соразмѣрныя, роста такого же, какъ Себежане, волосы по большей части имѣютъ темно-русые, глаза сѣрые, лицо и тѣло бѣлое, здоровьемъ довольно крѣпки, по привычкѣ къ холоду и теплу, мокротѣ и влажности воздуха, и потому болѣею частию доживаютъ до 65 и 85-лѣтняго возраста и очень рѣдко до ста

лѣтъ. Господствующія болѣзни суть: глазныя и, смотря по времени года, воспалительныя и простудно-ревматическія, а также воспаленіе груди, печени (и) апоплексія отъ излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ; простудныя горячки, насморкъ, ломота въ ногахъ, гланды, въ-особенности у дѣтей, судорожный кашель, золотуха, кровавый поносъ, родовая горячка; опухоль ногъ, колтунъ, язвы и цынга. Въ 1831, 1832 и 1848 годахъ здѣсь была холера, а передъ нею и къ концу ея свирѣпствовали перемежающіяся лихорадки; въ концѣ 1848 и въ началѣ 1849 годовъ, дѣти умирали отъ кори; въ 1844 и въ началѣ 1845 года, отъ дождливаго лѣта, мокроты и нехорошаго созрѣванія хлѣба и вообще отъ неурожая, не только люди, но даже животныя страдали цынгою, а въ 1845 и 1846 году, вслѣдъ затѣмъ появились кровавые поносы и водяныя опухоли, нерѣдко оканчивавшіеся смертію.

Тѣлесная сила крестьянъ соразмѣрна съ ихъ тѣлосложеніемъ. Вообще они довольно-крѣпки, но не имѣютъ ловкости и снаровки, и съ трудомъ выучиваются работамъ и ремесламъ; но однажды выучившись, бываютъ хорошими работниками. Большой охоты къ физическимъ трудамъ не имѣютъ, и отличаются лѣнностью, беззаботливостью и вялостью во всемъ.

Почти то же самое должно сказать и о крестьянахъ с. Озерницъ, Городненскаго уѣзда, съ тою только разницею, что они имѣютъ глаза каріе, сложенія и здоровья слабѣе, малосильны и въ болѣзней подвергаются всего чаще чахоткѣ.

О языкѣ.

Языкъ поселянъ православныхъ и католиковъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разнится одинъ отъ другаго и оба представляютъ какую-то смѣсь русскаго съ польскимъ.

Вообще должно замѣтить, что буква *g* у себѣжскихъ крестьянъ православнаго исповѣданія выговаривается болѣею частію какъ польская буква *g*, у себѣжскихъ же поселянъ римско-католическаго исповѣданія и въ Ленпельскомъ уѣздѣ всегда, постоянно, какъ польское *h*. Буква *u*, когда употребляется вмѣсто нашихъ *ѳ* или *лѣ*, произносится протяжно,

какъ бы напѣвомъ. Въ Городецкомъ уѣздѣ буковою с'звѣ-
няютъ иногда букву ш; напр. харасо вм. хорошо. Въсто т и ч
употребляется буква ц: играть—играць, терпѣть—терпѣць, и
т. п.; вмѣсто ф—ке (хв?) : Филиппъ—Квианпѣ, и т. д.

Вотъ словарь мѣстныхъ словъ, употребительныхъ у здѣш-
ныхъ носелянъ православнаго и римско-католическаго исповѣ-
даній, съ переводомъ ихъ на языки русскій и польскій.

Русскій языкъ	Нарѣчіе Вѣлоруссовъ право- славныхъ.	Нарѣчіе Вѣлоруссовъ като- лическ.	Польскій языкъ.
А.			
Аль.		Пекла.	
Авбаръ.	Клець.	Свиряць.	Sviren.
Авгелъ.	Ангилъ.	Анѣль.	Anioł.
Ахъ.	Ахци.	Агеса.	Ach.
Б.			
Бабочка.		Митлянь.	
Барышнякъ.	Булыня.	Таргачъ.	
Барщина.		Призонъ (*).	
Батракъ.	Наймить.	Парабакъ.	Parobek.
Безчестіе.		Слывага.	
Благій.		Дурной: «Ахци какъ мнѣ стала блага.»	
Благомарю.	Спасиба.	Дякуй.	Dziękuję.
Болѣзнь.		Хвароба.	
Болриць, баринъ.		Паць.	
Бракъ.	Ванецъ	Шлюбъ.	Slubowiny.
Бранится.	Бранитца.	Сваритца.	
Бѣглець.		Валачага.	
Бѣдный мужикъ.		Нужнай мужикъ.	
В.			
Взореть.		Зааряць.	
Вкусъ; вкусно.		Смакъ, смачна, салѣтка.	
Верхомъ ѣздить.	Верхомъ ѣздиць.	Конна ѣздиць.	Konno jedzie.
Веселье и очень.	Дужа.	Бара.	Bardzo.
Винѣвать.	Винавать.	Винянь.	Winien.
Воздухъ.		Павѣтріе.	
Возражать.		Отказываць.	
Волшебникъ.		Варамбить, чаравникъ.	
Воспрещать.	Заарамбать.	Паречить.	Zaprzeczać.

(*) Вездѣ, гдѣ г выговаривается какъ польское g, поставлено г дуремомъ.

Встрѣчать.
Вѣдомость.
Важный.

Спѣшнѣе.
Вѣсь.
Паденный.

Галокъ.
Галка—птица.
Гибнуть.
Глазъ.
Глаза.
Глава.
Говорить.
Гордый.
Городаъ.
Господь Богъ.
Государь.

Нисурагъ.
Галница.
Прападаць.
Глазъ.
Глазы.
Баншъ.
Горадъ.
Госпоць Богъ.
Государь, Царь.

Бриллкъ.
Кавка.
Гинущъ.
Вока.
Вочъ.
Гинла.
Мовищъ.
Чаннаагай.
Мѣста.
Цанъ Букъ.
Манарка, Круаъ.

Brzydki.
Kawka.
Ginac.
Oko.
Osu.
Mówić.
Miasto.
Pan Bóg.
Monarcha.

Груда.
Грудь.
Грязь замерзшая.

Груда.
Грузина.

Бѣлая Царь, явной Богъ.
Куча.
Черса.
Груда.

Pferś.

Д.

Даромъ.
Давнуть.
Дворяншъ.
Деньги.
Дергать.
Держать.
Дерево.
Длинный.
Добреду.
Доброхотный.
Добродѣтель.
Должно.
Домой.
Дочь.
Драться.
Дѣла, дѣвица.

Дарма.
Сумушъ.
Шляцишъ.
Дезъши.
Дзаржаць.
Дзирива.
Долгай.
Чеснась.
Должна.
Дашой.
Дачна.
Дратца.
Дѣвка

Дарма.
Сумушъ.
Шляцишъ.
Гроши.
Цягаць, прваць.
Тримаяць.
Дреаа.
Довгий.
Давалакунь, длицунь.
Дабрахоцай.
Пачцивасць.
Треба.
Да лому.
Цурка.
Бѣтца.
Дзвечина.

Trzymać.
Drewo.
Długi.
Trzeba.
Do domu.
Córka.
Bić się.
Dziewczyna,
Panna Dziewica.

Дяля.
Едва.
Ежедневно.
Ей-Богу.

Дзаяька.
Насла.
Ий-Богу.

Дзаяька.
Е.
Ледва.
Шгодежня.
Дали-Богъ.
Да души.
Дали панъ.

Ledwie.
Dali-Bóg.

Ж.

Жасть.	Дампаць.	Чакаць.	Szekać.
Женихъ.	Жанхъ.	Кавалиръ.	Kawaler.
Женщина.	Маладзца.	Кабета.	Kobita.
Жестокосердый.	Нямласцывый	Налитасцывый.	Nielitoscivy.
Жидний.		Рѣдний.	

З.

Забывать.	Забываць.	Запамінаць.	Zapominać.
Зависть.	Завісь.	Заўздрасць.	Zazdrość.
Зачець.	Запалаць; заганаць (свѣчу передъ образомъ).		
Заяць.	Пазычыць.		
Запрещать.	Запрэцаць.	Цярачыць.	Zaprzeczać.
Засуха.		Сухъ.	
Зѣва.		Гадъ.	

И.

Извѣстять.		Дать вѣдаць.	
Издыхать.		Замыкаць.	
Искать.	Сачыць.	Шукаць.	Szukać.
Испортить.	Спаляць.	Сапсаваць	Zepsuć.
Исчезать.		Ныкнуць.	

К.

Капризный.		Натуральный.	
Картина.		Малаванья.	
Кисть.		Кистка.	
Кладбище.		Магилы.	
Клевещикъ.		Плѣтка.	
Кожа.		Скура.	
Кожевникъ.	Кашемяка.	Гарбёръ.	Garbarz.
Колесо.	Калесо.	Паноть.	Koło.
Колодезь.		Ключъ.	
Колыбель.	Зыбна.	Люлька, калыска.	Kołyska.
Комната.		Горница, святлица.	
Крестьянинъ.	Храстьянинъ, мушникъ.	Хлопъ.	Chłop, włościanin.
Кружиться.		Кругиться.	
Кузнецъ.		Кваць.	

Л.

Лавка съ товаромъ.		Крава.	
Лаеть.	Лавць.	Щапанць.	Szekać.
Лавочникъ.		Крамникъ, торгачъ.	
Ласточка—птица.	Ластавка, врасничокъ.	Яскула.	Jaskółka.

Ледеикъ.
Лекарство.
Лента.
Лице.
Луна.
Лыстоцъ.
Лыстять.
Любовыство.

Ладоця.
Зелья.
Встужка ; касникъ.
Лицо.
Мѣсницъ.
Падлизъ.
Падлымыватна.
Цыкавлясь.

Twarz.
Xięzyć.
Pochleboś.
Pochlebić.

М.

Мать.
Мелантъ.
Молькать.
Молнія.

Матка.
Марульницъ.
Мизаць.
Малыня.
Блыскавица.

Matka, Mamunia.
Błyskawica

Н.

Ненасъе.
Непорочность.

Непѣсаць.
Чесадыць, пачынаасць.

О.

Обла.
Обжгать.
Обманщикъ.
Обманъ.
Оброкъ.
Общій.
Общеть.
Ожидать.
Орудіе.
Отдохнуть.
Отдыхать.
Отпускная.
Остановить.
Охать.

Крыла.
Крыляць.
Плугата.
Абманъ.
Аброкъ.
Абцаць.
Дажылаць.
Атмыхецъ.
Астанавыць.
Вохачъ.
Крыла.
Крыляць.
Плугата.
Ашуканства.
Чыншъ.
Вѣстныі.
Абцаць, Чака-
раваць.
Чакаць.
Припасъ
Спыхнуць,
Атпачываць.
Вольная карта.
Затрымаць.
Стогнуць.

Oszukaństwo.
Szysz, Danina.
Obiecać, Dekla-
rować.
Czekać.

Oproszywać.
Zatrzymać.

П.

Пагуба.
ПасмурныѢ.
Паутина.
Печаль.
Пища.
Позабыть.
Полезно.
Помѣстье.
Портной.
Поскользнуться.
Послѣдъть.

Зуба.
Пекмурнай.
Павучина.
Пячаль.
Збыцца.
Вотчина.
Красецъ, швецъ.
Паслызнутца.
Паслѣдъць.

Smutek.
Zapomnieć.
Majątek, włosć.

Почитать.		Шанѣвъ.	
Праздникъ.		Сѣта.	
Презрѣніе.	Гребованіе.	Знѣга.	Pogarda.
Прекрасный.		Приукрашай.	
Привѣтствіе.	Здорованье.	Витанья.	Witanie się.
Приданое.		Носа.	
Проворный.		Праворай.	
Прогнѣваться.	Разсрдѣтца.	Розгнѣсатца.	Rozgniewać się.
Пѣтухъ.		Пѣтухъ.	

Р.

Радуга.		Висѣлка.	
Развратъ.		Распуста.	
Ребенокъ.	Рабѣнакъ.	Дѣшпа.	Dziecko, dziecko.
Родитель.		Татка.	
Роль.		Родка.	
Роптать.		Наряиць.	
Ругать.	Ругаць. бранить.	Сваритца.	Lajać, Szkalować, swarzyć się.

С.

Свадьба.	Свадьба.	Виселья.	Wesele.
Свирѣль.		Жалейка, хвистокъ.	
Село, гдѣ живётъ владѣлецъ — дворянинъ или мѣщанинъ.		Село, гдѣ живётъ владѣлецъ — дворянинъ или мѣщанинъ.	
Священный, освященный.	Пасьяцонай.	Свящцонай.	Święcony.
Серга.	Сярга.	Заушница.	Zausznicy, Ko- lezyki.
Скряда.		Стокъ.	
Скользять.		Слизгаться.	
Сказко.		Салодка, Смачна.	
Сластолюбецъ.		Сладкавѣшка.	
Совѣсть.	Совиць.	Сумненья.	Sumnienie.
Совѣтъ.	Савѣтъ.	Рада.	Rada.
Соединять.		Случаць.	
Спасать.	Спасаць.	Збавляць.	
Спаситель.	Спасиць.	Збавиць.	Zbawca.
Спрашивать.		Пытаць.	
Ссора, брань.	Нязгода.	Нязгола, сѣра.	
Ссориться.	Бранитца.	Сваритца.	
Стекло.		Німо.	
Сундукъ.		Сирня.	
Супругъ.		Жѣна.	
Супругъ.		Мужикъ.	
Сѣверъ.		Сѣверикъ.	
Сѣдня.		Сѣдня.	

Т.

Тащиться.		Цавутца.	
Теперь.	Таперь.	Цаперь.	Teraz.
Толковать.	Талкавать.	Ралениць.	Radzić.
Толпа.		Куча людей.	
Томить.		Мариць.	
Тошнить.		Блага мѣъ.	
Тотчасъ.	Татчасъ.	Заразь.	
Травить собаками.		Узаць собакамъ.	
Тропинка.		Слѣза, слѣдникъ.	
Трубка (для куренья)		Пипка.	

У.

Ужинъ.		Вачера.	
Укусъ.	Вуксаць.	Вопяць.	Oceł.
Управлять.		Урядникъ.	
Условіе.	Палагаць.	Умова.	Umowa warunk.
Усердіе.		Щираць.	
Условился.		Палажилися.	
Успѣхъ.		Наспѣхъ.	
Утоился.		Замарился.	
Ученикъ.		Научень.	
Учитель.	Учиць.	Дароцтарь.	

Ф.

Фанарь.		Ляхтаря.	
---------	--	----------	--

Х.

Хозяинъ.	Хазяинъ.	Гаспадарь.	Gospodarz.
Хорошо.	Харашо.	Добра.	Dobrze.

Ц.

Церковь.	Церква.	Касцёлъ.	Kościół.
----------	---------	----------	----------

Ч.

Чего.	Чаво.	Чаго.	Czego.
Чердакъ.		Сельникъ.	
Честность.	Чеснасць.	Паччивасць.	Pocziwość.

Ш.

Шить.		Ситьць.	
Шутить.		Жартаваць.	

Я.

Ялъ.		Атрута.	
------	--	---------	--

Въ заключеніе, вотъ нѣсколько словъ, сообщенныхъ изъ Дризенскаго уѣзда :

Воротникъ — кауверъ.

Когда — дыть.

Говорить — гукаць, зюкаць.

Посуда — судно, судзіона.

Дождь маленький идетъ — маргазиць.

Скотъ — статакъ.

Кобылица — кобылина.

Солдатъ — жауверъ.

Домашній бытъ.

Для примѣра, возьмемъ хозяина средняго состоянія, котораго семейство состоитъ изъ шести мужскаго и столькихъ же женскаго пола душъ, и изъ нихъ половина взрослые рабочіе, а остальные — недоросли, отъ 1 года до 14 лѣтъ.

Жилище крестьянъ.

Жилище крестьянъ состоитъ: 1) изъ одной *избы*, съ черною, изъ глинны сбитою печкою, безъ трубы (*), вмѣсто которой, для выхода дыму, сдѣлано надъ печкою, въ стѣнѣ, маленькое окошко; 2) изъ *сѣней* и *призбицы*, (*исцѣпки*, въ Дризенскомъ уѣздѣ—*истобки*), съ такою же печкою. Изба и исцѣпка ставятся одна противъ другой, а посреди ихъ—сѣни; входъ въ ту и другую устроенъ по небольшому крыльцу, черезъ сѣни. Этотъ передній фасъ обыкновенно обращенъ на югъ; позади же, на сѣверъ, стоятъ хлѣва (**), для рогатаго и мелкаго скота: овецъ, козъ и свиней. Хлѣвовъ бываетъ и два и три и четыре; промежутокъ въ 12 и болѣе квадратныхъ сажень, отдѣляющій хлѣва отъ избы съ сѣнями и исцѣпкою, соединенъ по концамъ съ избою и исцѣпкою невысокимъ заборомъ, который въ Дризенскомъ уѣздѣ называется *парканомъ*. Это пространство, оставляемое для прогулки скота, называется *задворкомъ*, а въ Дризенскомъ уѣздѣ—*дзенникомъ*, куда, хотя и рѣдко, однако случается заѣзжать и волкамъ, ночью, для поживы. Въ заборѣ задворка, около избы или

(*) Въ Дризенскомъ уѣздѣ молодые хозяева и вообще крестьяне, которые пообразованіе другихъ, кладутъ печи съ трубами, почему и избы ихъ чисты и свѣтлѣе; но старые хозяева упорно придерживаются курныхъ избъ.

(**) Въ Овернизахъ, Городненскаго уѣзда, хлѣва называются *скотниками* и приставляются къ двумъ избамъ и сѣнямъ.

исцѣпки, какъ удобіе, смотря по расположенію прочихъ строеній, находятся ворота для вгона скота.

Передъ фасомъ избы находится *дворъ* — площадка, пространствомъ отъ 20 до 30 квадратныхъ сажень. По краямъ двора, противъ избы и исцѣпки, поставлены одинъ или два анбара (*клевць*), для ссынка хлѣба и для храненія прочихъ хозяйственныхъ принадлежностей. Между анбарами, или у одного изъ нихъ, устроены маленькія сѣни — *вриклевць*. Тутъ же, при анбарахъ, стоитъ маленькій сарайчикъ — *павльць* (*) — обь двухъ или трехъ стѣнахъ, для укрѣгтія отъ дожда пѣвозокъ, саней и другихъ земледѣльческихъ орудій и для ихъ приготовленія и починки. На правой или лѣвой сторонѣ двора устроенъ хлѣвъ — *стайня*, гдѣ помѣщаются лошади, не болѣе, впрочемъ, трехъ или четырехъ. Промежутки между этими строеніями большею частію обгораживаются не заборомъ, а *тыномъ*, т.-е. мелкими бревнами, вершка два въ отрубѣ, длиною въ сажень, которыя вкапываются концами, вершковъ на шесть въ землю; верхи ихъ расщепляются, а для связи въ нихъ вщемляются обтесанныя жердочки. Въ этихъ изгородахъ устроены ворота изъ мелкихъ тесаныхъ дощечекъ, для въѣзда на дворъ. Впрочемъ, такая изгорода бываетъ только у порядочныхъ и средняго состоянія хозяевъ; обыкновенно же всѣ строенія стоятъ отдѣльно одно отъ другаго. Вообще всѣ строенія у крестьянъ называются *хоромами* (хоромина). Изъ нихъ избы и исцѣпки бываютъ отъ двухъ до трехъ сажень въ ширину и до трехъ, рѣдко до четырехъ сажень въ длину; сѣни такого же размѣра; хлѣвы отъ 1½ до трехъ сажень въ ширину и длину. Изба и сѣни обыкновенно намощены мелкими тесаными бревенками; въ исцѣпкахъ *мостовъ* не бываетъ, а насыпается земля. Въ избѣ и исцѣпкѣ *потолока* сдѣлана изъ тесаныхъ дощечекъ, покрытыхъ мхомъ и сверхъ мха насыпанныхъ землею. На чердакахъ — *спльникахъ* — избѣ и исцѣпокъ ставятся кублы съ праздничною одеждою и съ бѣльемъ. Кублы — маленькіе дощачики, въ аршинъ вышиною и въ поперечникѣ, съ крышею, сверхъ которой продѣвается палочка въ двѣ доски, выдаю-

(*) Въ Дризенскомъ уѣздѣ этотъ сарайчикъ называется *повѣткою* и есть нечто иное, какъ пространство между двумя клѣтками, соединенными навѣсомъ.

ціяся концами надъ краемъ кубла другъ противъ друга, какъ у шата; въ эту папочку вкладывается въ концѣ замокъ и замыкается, чтобъ ее нельзя было выдернуть и поднять крышу. Кублы служатъ крестьянамъ вмѣсто шкафовъ и сундуковъ, для храненія одежды, денегъ и прочихъ вещей (*). Вышина даба и исцѣнокъ немного болѣе сажени отъ моста до потолка. Иагъ напотолоченныхъ нѣкоторые очень низки, такъ, что и малаго роста человекъ долженъ въ нихъ стоять нагнувшись.

За дверомъ, противъ избы или позади ея, или же съ правой, или лѣвой стороны, на разстояніи отъ 20 до 30 сажень отъ жилого строенія, находится гумно—мѣсто, гдѣ расположены строенія для складки хлѣба въ солому, для обмолачивания его, также для складки сѣна, соломы и разнаго корма для скота. Строенія эти суть: овняъ (рей, въ Дризенскомъ уѣздѣ *опыръ*), 2 и 3 сажень въ ширину и длину. Близъ потолка ря кладутся на вѣдланые съ этою цѣлью три бревна жерди для сушки ржаныхъ и яровыхъ сноповъ, которыхъ высушивается въ такихъ рядахъ за одинъ разъ, въ одинъ сутки ржаныхъ отъ двухъ до трехъ сѣтъ, а яроваго хлѣба нѣсколько болѣе. Къ овняу, противъ двери, подъ одной съ нимъ крышей, пристроивается сарай—*топъ*, или *такавня*, обь трехъ стѣнахъ, забраный во вкопанные столбы мелкими бревенками. Этотъ сарай обыкновенно на $\frac{1}{2}$ сажени и до 1 сажени шире ря и имѣеть до 4 и болѣе сажень въ длину. Въ немъ устроены ворота для въѣзда на лошади съ повозкою, и противъ воротъ—палитка. Въ такавиѣ обмолачивается высушенный во рѣхъ хлѣбъ; чтобъ молотить было удобнѣе, такавня обыкновенно набивается глиною или вязкимъ чертоземомъ. Въ концѣ ея накладывается земолоченая рожь, чтобъ имѣть ее подъ руками для сушки—обычай нелѣпный, безразсудный и губельный, ибо если сторигъ рей (что жерѣдко случается), то спораеть вмѣстѣ съ нимъ почти весь хлѣбъ. Никакіе доказательства и совѣты не въ-силѣхъ измѣнять этой пагубной привычки. На все возреженія крестьяне твердятъ одно: «Наши бацьки и дяды такъ дѣлали, а хлѣбъ былъ лучши насъ.»

Такъ-какъ такавня шире ря, то между продолжными стѣнами того и другаго, съ правой или лѣвой стороны, остается

(*) Въ Дризенскомъ уѣздѣ ходъ на чердакъ изъ сѣней. На чердакѣ сушатся вѣянки, лапти и разнаго сорта дерево.

небольшой промежутокъ въ родѣ чуланчика, который называется *армунькомъ*, куда обыкновенно складываются остающіяся при вѣяніи и очисткѣ зеренъ охоботья — *скрепина* и мякина. (Жострецъ, который родится во ржи по низкимъ почвамъ, называется *гирса*.)

Саженьхъ въ пяти отъ рья, насупротивъ и по сторонамъ его, находится отъ 2 до 4 сараевъ — *пуней*, сажени въ двѣ въ ширину и отъ трехъ до четырехъ сажень въ длину, для складки, какъ сказано выше, необмолоченныхъ хлѣбовъ, соломы и сѣна. Промежутки между этими строеніями обыкновенно загораживаются какою-нибудь простою изгородью, т.-е. плетнѣмъ, или *чистаплѣтомъ* — тоненькими жердочками, которыя накладываются стоймя между продольными жердями, прикрѣпленными ко вбитымъ въ землю колыямъ, или наконецъ просто жердями. Означенныя строенія и изгороды образуютъ площадку — *гумница*, сажень въ 20 квадратныхъ и болѣе; для въѣзда на нее оставляются ворота. Гумнице служатъ для складки и просушки въ снопахъ недосушенныхъ въ полѣ хлѣбовъ, а иногда и для просушки сѣна. — Крыши на всѣхъ строеніяхъ, какъ жилыхъ, такъ и складочныхъ, обыкновенно бываютъ соломенные, рѣдко, и то только въ самыхъ лѣсистыхъ мѣстахъ, драничныя. Промежутки между строеніями жилымъ и гуменымъ занимаютъ подъ огороды, то-есть засѣваются огородными овощами.

Последнее строеніе крестьянъ есть *байня*, гдѣ они моются и парятся. Она бываетъ не больше двухъ сажень въ длину и ширину и имѣетъ очень низкую дверь, такъ-что входитъ туда надобно совсѣмъ согнувшись. Банная каменка, нагрѣваемая дровами для пара, складывается на землѣ изъ однихъ камней безъ глянъ и кирпича, отчего бани часто сгораютъ. Онѣ обыкновенно строятся безъ крышъ, съ однимъ потолкомъ. Нѣкоторые крестьяне, по недостатку лѣса, устраиваютъ бани изъ какихъ-нибудь деревянныхъ обрубковъ, въ землѣ; но говорятъ, что зимою въ нихъ угарно. Бани ставятся всегда поодаль отъ прочихъ строеній и поближе къ водѣ.

Деревни, состоящія изъ нѣсколькихъ крестьянскихъ хозяйствъ, расположены такъ разнообразно и неурядливо, что невозможно сказать объ этомъ что-нибудь определенное. Должно думать, что изстари хозяева отъ-времени-до-вре-

мени пристроивались вновь; каждый по своему произволу, не соблюдая никакихъ линий. Дворы разбросаны въ деревнѣ какъ попало и находятся одинъ къ другому и сзади, и спереди, и прямо, и наискось; притомъ всѣ дворы стоятъ между собою очень тѣсно. Расположеніе это неприятно для глазъ и гибельно въ случаѣ пожара.

Внутреннее убранство, дворовыя принадлежности и домашняя утварь.

Печь, съ деревяннымъ подпечникомъ, стоитъ въ избѣ обыкновенно возлѣ двери, по правую сторону въ углу; тутъ же, на краю печи, обращенномъ къ двери, виситъ небольшой чугунный котелъ, служащій для приготовленія на-скорую-руку какого-нибудь кушанья или для согрѣванія воды; а противъ котла, у угла печи, стоитъ лаханъ для домои. Возлѣ двери, по лѣвую отъ нея сторону, придѣланы къ стѣнѣ небольшія досчатая полки, на которыя ставятся мисы и прочія принадлежности стола. Въ лѣвой отъ двери стѣнѣ продѣланы два окна: одно—маленькое, противъ самой печи, другое побольше, близко отъ угла передней стѣны, въ которой также продѣланы два окна: одно—близъ того же угла, побольше, т.-е. такой же величины, какъ сосѣднее съ нимъ, нами описанное; а въ самомъ углу къ правой стѣнѣ — другое, маленькое. Въ маленькихъ окнахъ есть и рамочки, съ мелкими стекольцами, но непременно придѣланы къ нимъ также и досчатая задвижки. Въ большихъ окнахъ просвѣтъ не болѣе $\frac{3}{4}$ аршина въ ширину и высоту, а въ малыхъ—не болѣе пяти вершковъ въ ширину и осьми вершковъ въ высоту. Между большими окнами, въ такъ называемомъ *переднемъ углу*, стоитъ *божница* — деревянный шкафикъ, просто сдѣланный, куда ставится икона. Передъ иконою крестьяне молятся по утру и приступая къ трапезѣ, а въ воскресные и праздничные дни, во время утренней молитвы, зажигаютъ восковую свѣчу, прилѣпляя ее къ самой иконѣ. Около обѣихъ этѣхъ стѣнъ, т.-е. лѣвой отъ входа и передней, прямо противъ входа, подѣланы лавки (въ Дризенскомъ уѣздѣ — прилавни) для сидѣнія, т.-е. положены двѣ доски, шириною обѣ вмѣстѣ въ $\frac{3}{4}$ аршина, за которыми нерѣдко видны топоры, заложенные къ стѣнѣ остриемъ внизъ. Обычай затыкать топоры за лавку родилъ

между крестьянами такую поговорку: когда кто что украдетъ и говоритъ что нашелъ, крестьяне замѣчаютъ: «Нашолъ тапоръ за лавкой.» Въ переднемъ углу, противъ божницы, стоитъ столъ, длиною отъ 2 до 3 аршинъ, а возлѣ него—деревянная скамья соответствующей столу длины. Столъ служитъ для трапезы, послѣ которой отодвигается въ уголъ, къ той стѣнѣ, въ которой устроена дверь. Передній уголъ, или мѣсто, называется *посудами*; такъ напримѣръ говорятъ: «Садзись въ *посудахъ*, иди ближи къ *посудамъ*.» По правой отъ входа стѣнѣ, отъ передней стѣны до печки, также находится лавка, изъ нѣсколькихъ досокъ, шириною аршина въ полтора и болѣе. Эта лавка немного выше прочихъ и называется *кроватью* (*), потому—что въ зимнее время старшіе и гости здѣсь спятъ; тутъ лежатъ обыкновенно и больные, а также и женщины послѣ родовъ, завѣшенныя на нѣсколько дней холстомъ. Днемъ на этой кровати снятъ, играютъ и ѣдятъ дѣти. Весною сажаютъ подъ кровать гусей и другую домашнюю птицу на яйцы, для высиживания цыплятъ. Наконецъ, зимою, хозяева, неимѣющіе теплыхъ хлѣбовъ, обращаютъ мѣсто подъ кроватью въ хлѣвъ для овецъ и новорожденныхъ телятъ. У кровати въ зимнее время стоитъ нѣсколько (до четырехъ и болѣе) простыхъ деревянныхъ прялокъ со ввязаннымъ въ нихъ льномъ или паклю: ленъ и паклю бабы прядутъ на холстъ. Надъ кроватью, подъ самымъ потолкомъ, устроены изъ досокъ *палати*, куда лазятъ по печи и приступкамъ, къ ней приделаннымъ, спать или погрѣться съ холода. По среди избы, отъ палатей до лѣвой отъ входа стѣны, пониже потолка, идетъ доска въ родѣ полки (**), куда кладутъ курительныя трубки, *табашники*—горшки, въ которыхъ трутъ нюхательный табакъ, *ситко* для просѣванія табаку, *костыки*—железный инструментъ въ видѣ криваго долота, для плетенія лаптей; тамъ же кладутъ иногда и *копыль*, на которыхъ плетутъ лапти, и лапти—новые и ношенныя—для просушки; на ночь вѣшаютъ туда, съ тою же цѣлью, онучи и суконки; наконецъ, туда же бабы кладутъ иногда и свои веретена, съ пряжею и безъ пряжи.

(*) Въ описаніи Езеришъ, Городненскаго уѣзда, упоминается о *подпалатахъ*. Не кровать ли это?

(**) Въ Дризенскомъ уѣздѣ вмѣсто доски привѣшиваются двѣ или три жерди, для сушки, зимою, мокраго платья.

Вотъ и все убранство крестьянской избы. Скажемъ здѣсь кстати, что въ «посудахъ» на полкахъ стоятъ двѣ-три глиняныя либо деревянныя мисы собственной, топорной работы хозяевъ и лежить нѣсколько деревянныхъ ложекъ, такой же работы; тутъ же въ углу на лавкѣ стоятъ два-три глиняныхъ горшка (иногда въ числѣ ихъ и одинъ чугунный) и столько же деревянныхъ ведеръ, порожнихъ и съ водою; возлѣ печки—ухватъ и кочерга, вмѣсто желѣзной часто деревянная, помело, коромысло носить воду, вѣникъ, которымъ метутъ избу, и свѣтальникъ—*свѣцъ*, куда втыкается по вечерамъ лучина. Сверхъ того, надъ челомъ печи разбросана лучина и нѣсколько полѣнъ дровъ на поджогу, для просушки. Въ зимнее и весеннее время изба загромождена станками, на которыхъ бабы ткуть для себя холсты; ихъ бываетъ тамъ до трехъ, и иногда отъ нихъ такъ тѣсно, что лишнимъ пяти человѣкамъ и повернуться негдѣ. Тутъ же въ избѣ найдете и корыто, изъ котораго въ морозы кормятъ свиней. Въ-заключеніе должно замѣтить, что по наружной сторонѣ избы, подъ навѣсомъ крыши, какъ бы для украшенія, висятъ ряды вѣниковъ, гдѣ они и хранятся во весь годъ.

Въ сѣняхъ, по лѣвую сторону двери, въ углу, при входѣ въ избу, придѣлана лавочка, на которой стоятъ ведра, съ водою и порожня, и тамъ же, у стѣнъ, стоятъ двѣ или три кровати, сработанныя просто топоромъ, съ жердочками въ аршикъ вышиною по угламъ, для поддержанія *пологовъ*, — мѣшка изъ толстой холстины, защищающаго лѣтомъ спящихъ отъ мухъ; на зиму пологъ снимается. Постель кладется на дощечки, намощенные въ кровати, и есть не что иное, какъ мѣшокъ изъ толстой холстины, набитый соломой; въ изголовье кладется подушка — также мѣшокъ, набитый толчеными перьями, потому-что крестьянамъ скучать ихъ для себя некогда; покрываломъ служатъ кафтаны и шубы, въ которые крестьяне одѣваются. На этихъ кроватяхъ спятъ обыкновенно люди женатые, еще непожилые, съ женами. У кроватей стоятъ иногда два или три кубла съ платями, которыя не хотятъ снести на «сельники», т.-е. на чердакъ, и двѣ или три корзинки съ грязнымъ бѣльемъ. Изъ сѣней, противъ входа въ нихъ со двора, обыкновенно есть входъ или дверь на задворокъ.

Въ «исценкѣ», или приизбицѣ, бываетъ не болѣе двухъ исленькихъ окошекъ съ задвижками, и такой же величины, какъ въ избѣ — одно отъ входа по лѣвую сторону, а другое напротивъ дверей. Тамъ же печка, нѣсколько менѣе той, которая въ избѣ, и на столѣ—*подль*, прилѣянномъ къ стѣнѣ, въ переднемъ углу, стоитъ обыкновенно пара ручныхъ жернововъ, въ которыхъ бабы мѣлютъ муку на хлѣбъ и на прочія снадобы и дерутъ крупу (*). Тутъ же выкопана небольшая яма для храненія, зимою, *варива*, т.-е. нѣкоторыхъ огородныхъ овощей, боящихся мороза; стоитъ квасникъ съ квасомъ и одинъ, два или три *досчана* съ квашеною капустою; обыкновеннымъ и главнѣйшимъ крестьянскимъ кушаньемъ. Исценка протапливается только изрѣдка въ зимнее время, чтобы не слишкомъ промерзала капуста. Иногда есть тамъ и кроватъ съ пологомъ, какъ въ сѣняхъ. Здѣсь же хранится печеный хлѣбъ, холодный; заготовленные изготавленные кушанья, молоко; масло, сыры и прочее; ставится вся домашняя посуда, какъ-то: поддонники, горшки, молочные и для варки, квашня для квашенія теста на хлѣбъ, почевки, ражки, миски и латки, ступа, въ которой оталкиваютъ хлѣбныя зерна вмѣстѣ съ мякиною на хлѣбъ, рѣшета, деревянная лопата, на которой сажаютъ въ печь хлѣбныя бохоны, корзины съ грязнымъ бѣльемъ и разный мелкій домашній хламъ.

Въ анбарахъ, въ закромахъ (*засъкахъ*), хранится разный хлѣбъ въ зернѣ, а иногда и самыя мякины; лишняя верхняя одежда и обувь, какъ-то: шубы, кафтаны, рукавицы, сапоги и лапти, также ленъ, овечья шерсть и разная пряжа; кожа, лыки, сомя, а у него есть—и медъ; разныя мелочныя земледѣльческія орудія, какъ-то: лемеша, вавозныя вилы и крюки, желѣзныя лопаты, косы, серпы, долоты, буравцы, сѣчки, которыми рубятъ капусту; запасное желѣзо, если есть, и разный желѣзный хламъ.

Въ «приклѣдяхъ» (сѣняхъ анбаровъ) стоятъ сохи, косовищи, грабли, висятъ хомуты, разная ременная и веревочная

(*) Въ Дриазевскомъ уѣздѣ, тутъ же, при жерновахъ, находится ларь, или сярня, для ссыпки муки и крупы; также кублы, а иногда *лоши* — плетенныя изъ соломы корзины, въ которыя ссыпаютъ хлѣбъ въ зернѣ, для перемогу, и *осылки*—остатки разнаго зерноваго хлѣба, сберегаемые для скота и птицъ.

упряжь и прочій хламъ. Подъ повѣтью стоятъ сани, повозки телѣги (коламашки—въ Дризенскомъ уѣздѣ), лежатъ запасныя колеса и полозья, бороны, валяются старыя колеса и другой хламъ.

Въ «стайнѣ» (лошадиномъ хлѣвѣ) прикрѣплены къ стѣнѣ ясли для закладки сѣна и прочаго корма; а пониже ихъ стоитъ жолобъ, или корыто, въ которомъ дается лошадямъ по-временамъ кормъ съ пойломъ.

Въ прочихъ хлѣвахъ, гдѣ содержится рогатый скотъ, кромѣ яслей для закладки корма ничего нѣтъ.

Въ «такавнѣ», гдѣ молотится хлѣбъ, висятъ молотилки и лежатъ метлы; иногда внутри или снаружи подъ навѣсомъ стоятъ мялки, которыми мнется ленъ; тутъ же, подъ навѣсомъ, стоятъ у кого есть порожніе пчелиныя ульи.

Въ банѣ нѣтъ никакихъ вещей; она никогда не запирается. Все, что нужно для мытья, ведра и дощанчикъ, въ которомъ нагрѣваютъ воду раскаленными камнями, крестьяне приносятъ, когда бани топятся, и потомъ опять уносятъ съ собой.

Одежда.

Православныхъ поселянъ. Обыкновенную мужскую лѣтнюю одежду, кромѣ нижняго бѣлья, то-есть грубой холщевой рубахи, нерѣдко окрашенной въ черную краску, и портовъ изъ еще грубѣйшей холстины, составляютъ: холщевой халатъ, называемый въ Городецкомъ уѣздѣ—*носозъ*, а въ Дризенскомъ—*кизелъ*; или старенькій кафтанъ, или же *вертникъ*—другая грязная рубаха. Покрой суконныхъ кафтановъ и кашалоновъ, сшитыхъ изъ толстой холстины, вообще совершенно одинаковъ съ обыкновенными русскими армяками, съ тою только развѣ, у нѣкоторыхъ, разницею, что около шеи на груди дѣлается незначительная выемка, которой армяки не имѣютъ; притомъ, кафтаны и кашалоны нехороши покроємъ и оттого нѣсколько безобразны. На голову крестьяне надѣваютъ легкую суконную шапку, потѣртую, или такую же фуражку съ ломанымъ козырькомъ, либо войлочную собственнаго рукодѣлья шляпу,

а на руки—старенькія кожаныя рукавицы. Обувь обыкновенно составляютъ лапти и онучки, обвернутыя около ногъ и обвязанныя *витушками*—тоненькими веревочками. У зажиточныхъ крестьянъ вмѣсто *витушекъ* служатъ кожаные или сыромятные ремешки. *Поршни* носятъ здѣсь весьма немногіе.

Обыкновенная зимняя мужская одежда тѣмъ только отличается отъ лѣтней, что кастанонъ замѣняется кафтаномъ или шубой, такого же покроя, какъ и кафтанъ, или и кафтаномъ и шубой вмѣстѣ, а онучи — суконками. Опоясываются по рубашкѣ узенькимъ плетенымъ шерстянымъ, краснымъ или синимъ пояскомъ, а по кафтану или шубѣ—перѣдко пеньковою или льняною веревочкой. Нарядное мужское платье разнится отъ обыкновеннаго только тонкой бѣлой холщевой или крашевинной, синей (*) либо красной, рубахой и такими же портами, при чемъ воротъ бѣлой рубашки обшить какими-нибудь цвѣтными бумажными тесемками или же вышить узорами. Къ праздничному наряду принадлежатъ также: новый сѣрый суконный кафтанъ или армякъ и новая бѣлая шуба, новая суконная, синяго или зеленого цвѣта, шапка или фуражка, либо полуполрковая черная шляпа, красный гарусный или бумажный цвѣтной кушакъ и новыя рукавицы изъ красной кожи, либо шерстяныя перчатки съ цвѣтнымъ узоромъ, которыхъ сами крестьяне вязать не умѣютъ, а покупаютъ у сосѣдей Латышей и такъ-называемыхъ *Поляковъ*, т.-е. католиковъ; вмѣсто лаптей — сапоги, иногда нечерненые. Въ такую нарядную одежду крестьяне одѣваются и зимой и лѣтомъ; только въ самые сильные жары нѣкоторые изъ молодыхъ мужиковъ, вмѣсто суконнаго кафтана или армяка, надѣваютъ такой же формы кастанонъ изъ тонкаго бѣлаго холста, съ воротомъ или краями около шеи, до пояса обшитыми *кумакомъ*—красною бумажною матеріею.

Женская одежда: обыкновенная холщевая рубашка, бѣлая, иногда черная, у зажиточныхъ—крашевинная. Рукава и верхняя часть женской рубашки до пояса шьются изъ хол-

---

(*) Г. Родзевичъ замѣчаетъ, что холстъ синять въ Витебской губерніи особые мастера, сивельщики; что употребленіе синенаго холста есть нововведеніе, существующее не съ давнихъ временъ, но уже весьма распространено и составляетъ теперь предметъ необходимой потребности.

стины болѣе тонкой или изъ крашенины, а *подставка* — оставшая часть рубашки, отъ пояса до низу, даже у богатѣйшихъ крестьянокъ, изъ самой грубой мѣшечной холстины. Нарядныя рубашки бываютъ: или тонкія бѣлыя изъ домотканной холстины, съ широкими рукавами, съ цвѣтнымъ бумажнымъ шитьемъ на плечахъ, или со вставными кусками краснаго кумаку, съ обшитымъ цвѣтными тесѣмками воротомъ и съ такою же узорчатою обшивкою въ запястьяхъ; или бѣлыя каленкоровыя и цвѣтныя ситцевыя, а у бѣднѣйшихъ — и набойчатыя синія, съ воротомъ и запястьями, обшитыми цвѣтными тесѣмками, и съ цвѣтною ленточкою въ воротѣ для завязки.

Сарафаны носятъ здѣсь теперь почти такіе же, какъ около Петербурга простыя русскія бабы. (Въ Дризенскомъ уѣздѣ женщины носятъ *сподницы* — юбки.) Обыкновенный сарафанъ шьется изъ толстой мѣшечной холстины, бѣлой, черной, а иногда (впрочемъ, рѣдко) и синей (последняя тоньше). Опоясываются узенькимъ плетенымъ шерстянымъ пояскомъ, краснымъ или пестрымъ — краснаго и желтаго или краснаго и синяго цвѣтовъ. На пояскѣ всегда висятъ отъ двухъ до четырехъ ключей, прицѣпленныхъ на ремешкѣ или на желѣзной цѣпочкѣ съ мѣдными кольцами.

Нарядныя сарафаны обыкновенно бываютъ китайчатые — темно-синіе бумажные; *проймы*, то-есть наплечники и спинка, обшиваются разноцвѣтно-яркими бумажными тесѣмками или шелковыми ленточками; спереди, по срединѣ, во весь ростъ, отъ груди до ногъ, нашиваются узорчатые яркаго цвѣта бумажныя, шелковыя и мишурныя тесѣмки или ленты, въ два ряда одинъ возлѣ другаго; между лентами, во всю длину сарафана, насаживаются мѣдныя круглыя пуговицы и при нихъ петли изъ красныхъ гарусныхъ шнурковъ, какъ-будто бы полы сарафана застегивались; такіе же сарафаны, но очень рѣдко, шьются и изъ краснаго кумаку. Теперь начинаютъ шить сарафаны и изъ ситцевъ яркихъ цвѣтовъ, болѣею частію съ красными и желтыми отливами; *проймы* обшиваются также разноцвѣтными тесѣмками, но безъ нашивокъ и пуговицъ напередѣ. Самыя бѣдныя крестьянки шьютъ сарафаны изъ синей набойки, домотканнаго холста и бѣлой тонкой холстины. Въ сарафанахъ послѣдняго разбора, т.-е. изъ бѣлой тонкой холстины, спереди, по срединѣ груди до пояса, дѣлаются изъ

краснаго кумаку узорчатыхъ нашивки въ вершокъ ширины, и между ними нашивается рядъ шуговиць. По наряднымъ сарафанамъ крестьянки опоясываются узенькими плетеными цвѣтными поясками, шелковыми или гарусными, а нѣкоторыя—широкими мужскими цвѣтными бумажными поясами. Обыкновенные сарафаны изъ простаго холста называются *насовами*, а прочіе—по матеріи, изъ которой сшиты; напримѣръ: китайчатые — *китайшиками*, ситцевые — *картунками* (ситець здѣсь зовется *картуномъ*), и т. д.

Головной уборъ замужнихъ женщинъ состоитъ изъ *сороки*—шапочки, въ родѣ кокошника. Она такъ называется, вѣроятно, потому, что шьется изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ кусочковъ и другихъ, даже шелковыхъ, матерій, такъ что въ одной сорокѣ иногда два-три сорта матеріи, напримѣръ: передъ — красный, задъ — синій, а *прикрылки*, т. е. бока, которыми сорока привязывается къ головѣ—желтые; или: передъ—шелковый, задъ—бумажный, а бока—гарусную. Впрочемъ, сороки шьютъ также и изъ одной матеріи, болѣею частію красной, или изъ бѣлой холстины, но съ узорами изъ разноцвѣтной бумажной пряжи. Подъ сороку надѣваютъ на голову *накосникъ* — холцевой колпачекъ, къ которому пришиваютъ *кишечку*, пальца въ три толщиною и вершка въ четыре длиною, свернутую изъ холста въ нѣсколько рядовъ; подъ кишечку укладываютъ волоса, сплетенные въ двѣ косы на самомъ темени, для возвышенія въ томъ мѣстѣ головы, съ наклономъ ко лбу. Когда бываетъ холодно, сверхъ сороки, при обыкновенной одеждѣ, повязываютъ платокъ изъ холцевой набойки, синей, рѣдко бѣлой; края этого платка обшиваются пальца на три въ ширину краснымъ кумакомъ; при нарядной же, сверхъ сороки, по лбу повязываютъ такъ-называемую *перевязку* — кусокъ позумента, мишурнаго, а иногда и серебрянаго, шириною почти въ четыре вершка и длиною вершковъ въ восемь; къ нему пришиты концы изъ красной шелковой матеріи, длиною вершковъ въ восемь, которые на затылкѣ завязываются. Въ Дризенскомъ уѣздѣ этотъ уборъ называется *перевезью* и надѣвается только къ свадьбѣ. Пониже затылка на шеѣ привязываютъ такъ-называемый *подзатыльникъ* — тоже кусокъ мишуры, въ одинъ вершокъ шириною и въ четыре вершка длиною. Сверхъ-того, голову покрываютъ или ситцевымъ платкомъ, или краснымъ

кашемировымъ, а инныя и шелковымъ; такимъ же платкомъ покрываютъ и плечи.

При обыкновенной и нарядной одеждѣхъ, въ уши вдѣваютъ серьги мѣдныя или бронзовыя, украшенныя, вмѣсто камней, цвѣтными стеклянными глазиками разныхъ видовъ; серебряныя же серьги носятъ однѣ самыя зажиточныя крестьянки. Шею обыкновенно украшаютъ *пацярками* — разноцвѣтнымъ бисеромъ, или же *караллами* — настоящими красными кораллами. Пять коралловыхъ нитокъ, длиною въ толщину шеи, стоятъ на мѣстѣ, смотря по ихъ добротѣ, отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб серебромъ.

Когда холодно, крестьянки надѣваютъ, сверхъ сарафановъ, кафтаны или шубы, какіе носятъ мужчины: при нарядномъ платьѣ — новыя, а при обыкновенномъ — старыя.

Обыкновенную обувь женщинъ составляютъ лапти съ ошунцами, которыя обвертываются такъ-называемыми *оборами* — портяными или шерстяными черными грубыми тесьмами, пальца въ три шириною. При нарядномъ платьѣ надѣваютъ сапоги.

Одежда дѣвицъ отличается отъ наряда замужнихъ женщинъ только головнымъ уборомъ. Дѣвушки носятъ косу, въ конецъ которой вплетены обрѣзки разноцвѣтныхъ лентъ и матеріи, а при нарядномъ платьѣ — и порядочныя ленты, съ длинными висящими концами; или привязываютъ къ концу косы кисть изъ разноцвѣтнаго бисера, величиною въ куриное яйцо. Коса всегда свободно лежитъ на спинѣ. При обыкновенномъ платьѣ, въ теплое время, головы дѣвушекъ ничѣмъ не покрыты; въ холодное же онѣ повязываются небольшимъ холщевымъ бѣлымъ или синимъ платкомъ; при нарядномъ платьѣ повязываютъ на голову, закрывая почти весь лобъ, описанную нами выше позументную «перевязку», какую носятъ женщины, или, за неимѣніемъ перевязки, маленькій, яркаго цвѣта платочекъ, смотря по достатку, ситцевый или шелковый. Самыя бѣдныя дѣвушки повязываютъ около головы перевязку изъ бѣлаго тонкаго полотна, по краямъ и концамъ которой вышиты узоры разноцвѣтными шелками или бумажной пряжей. Перевязка завязывается концами напередъ.

Когда холодно, какъ женщины, такъ и дѣвицы носятъ, при нарядномъ платьѣ, шерстяныя узорчатые перчатки; а при обык-

новенномъ платьѣ . во время работы , женщины иной разъ надѣваютъ и рукавицы .

Женщины , а въ-особенности дѣвушки , надѣваютъ на пальцы два , три , четыре , и болѣе , *перстней* , обыкновенно мѣдныхъ , рѣдко серебряныхъ . Иногда и молодые парни , особенно холостые , носятъ на пальцахъ перстни , отнятые ими въ-шутку у дѣвушекъ .

Одежда поселянъ *римско-католическаго исповѣданія* шьется изъ такой же матеріи , какъ и у православныхъ крестьянъ , но покроемъ разнится во многомъ , — а именно : у мужчинъ рубашка — « кашуля » — шьется съ прямымъ , длиннымъ по срединѣ груди воротомъ и застегивается на шеѣ , подъ самымъ подбородкомъ , обыкновенно запонкою , т.-е. двойною пуговицею . Суконный кафтанъ — « сярмига » — или касталонъ , бываетъ холщевой и кроется несравненно неуклюжѣе , чѣмъ у православныхъ . Онъ шьется съ лацканами , или отворотами на воротѣ и съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ . Вообще кафтаны этихъ крестьянъ — бѣлаго сукна , тогда-какъ у православныхъ они бываютъ обыкновенно изъ сукна сѣраго . Въ-слѣдствіе этого , православные крестьяне держатъ овецъ , какія случатся , и бѣлыхъ , и сѣрыхъ , и черныхъ , а католики — только бѣлыхъ , хотя качество шерсти у тѣхъ и другихъ овецъ одинаково . Шубы носятъ эти крестьяне овчинныя нагольные , такого же неуклюжаго покрою , какъ и ихъ кафтаны . По кафтанамъ и шубамъ они рѣдко опоясываются кушаками , но болѣею частію кожаными черными ремнями , шириною до двухъ вершковъ ; къ этимъ ремнямъ прикрѣпляется желѣзная пряжка , покрытая квадратною бронзовою бляхою грубой работы , и нѣсколько шире ремня ; бляха лежитъ на самой срединѣ живота . Пожилые поселяне обыкновенно опоясываются по самому низу живота , что придаетъ имъ , особливо толстобрюхимъ , весьма неуклюжій видъ .

Кожаныя рукавицы употребляютъ крестьяне-католики лишь при тяжелыхъ работахъ топоромъ и т. под. , для защиты же отъ холода и для щегольства никогда ихъ не надѣваютъ ; вмѣсто рукавицъ , они носятъ вязаныя шерстяныя , съ разноцвѣтными узорами , перчатки , которыя дѣлаютъ крестьянскія женщины сами .

Вмѣсто черныхъ шляпъ и фуражекъ поселяне-католики

но бѣльшей части носятъ неуклюжія шапки, съ длинными, какъ бы ослиными, ушами, подшитыя овчинами, а также войлочные неуклюжія шляпы изъ бѣлой шерсти, собственной, довольно грубой работы.

Въ обуви православныхъ и католиковъ та только замѣтна разница, что первые плетутъ лапти получше видомъ.

Нарядная праздничная одежда католиковъ отличается отъ будничной только тѣмъ, что первая нова, а бѣлье—тоньше и чище. Сверхъ-того, нѣкоторые, наиболѣе достаточные поселане, вмѣсто кафтановъ — сярмягъ — носятъ сюртуки съ пуговицами, изъ такого же сукна, какъ и кафтаны. Эти сюртуки собственной работы и весьма неуклюжаго покроя и называются «капотами» (капота).

Одежда поселанокъ римско-католическаго исповѣданія еще разительнѣе разнится отъ платья православныхъ поселанокъ, чѣмъ одежда мужчинъ.

Верхняя одежда католичекъ, служащая для защиты отъ холода, а именно: шубы и кафтаны — такіе же, какъ и у мужчинъ. Головной уборъ замужнихъ женщинъ называется «чапцомъ» (чапецъ). Это — родъ дамскаго чепчика, вязанаго изъ обыкновенныхъ льняныхъ нитокъ и покрывающаго волосы только на самой маковкѣ; нижняя часть головы,—лобъ, виски и затылокъ обвязывается повязкою, подобною полотенцу, изъ бѣлаго тонкаго холста, концы которой протканы красными полосками и обшиты кружевами, вязаными изъ довольно толстыхъ льняныхъ нитокъ. Повязка завязывается на лбу; концы ея, довольно длинные и висячіе, даютъ головѣ весьма неуклюжій видъ. Въ ушахъ, вмѣсто серегъ, нѣкоторыя поселанки-католички носятъ только маленькія колечки, — иногда бронзовыя, рѣдко серебряныя. На шеѣ нѣкоторыя носятъ еще и бусы «пацарки» и кораллы. Въ-замѣнъ того, каждая женщина и дѣвица надѣваетъ на шею «коронку», «шкаплеры» и «крестикъ» (Korónka, szkaplerze i krzyżuk). Коронку (четки) во время отправленія молитвъ поселанки католическаго исповѣданія снимаютъ съ шеи и держатъ въ рукахъ, для счета по ней нѣкоторыхъ молитвъ. Коронка похожа на нитку грубыхъ стеклянныхъ или деревянныхъ бусъ темнаго цвѣта; каждая десятая буса нѣсколько больше другихъ и имѣетъ нарѣзки, для того, чтобъ различать четки пальцами, не

гляда на нихъ. Въ серединѣ шнура съ бусами находится небольшая бронзовая медаль, съ изображеніемъ Пресвятой Богородицы, держащей на рукахъ Спасителя. Если четки надѣты на шеѣ, то медаль находится на срединѣ груди. Сдѣланныхъ вновь или купленныхъ коронокъ не носятъ, пока ксѣндзъ не освятить ихъ въ костѣль.

Шкаплеры снимаются только при переимѣнѣ бѣлья и на время умыванья. Шкаплеры — не что иное, какъ два квадратныхъ кусочка сукна, темнаго цвѣта, шириною и длиною въ $\frac{3}{4}$ аршина, съ краями, вырѣзанными фестончиками; по срединѣ этихъ кусочковъ сукна, разноцвѣтнымъ шелкомъ и серебряными или золотыми нитками, вышиты латинскія буквы, означающія имена Спасителя и Пресвятой Богородицы. Оба кусочка сложены лицевыми сторонами, т.-е. тѣми, на которыхъ вышиты священныя буквы, а верхніе края ихъ, т.-е. тѣ, къ которымъ буквы обращены вершинами, пришиты одинъ къ другому; тутъ же прикрѣпляется къ нимъ ленточка, или тесемка, на которой они висятъ на шеѣ до середины груди.

Сарафановъ поселявки римско-католическаго исповѣданія вовсе не носятъ. Въ будни, дома, въ полѣ и въ мызѣ на работахъ, онѣ надѣваютъ только сверхъ рубашки (которой рукава уже, чѣмъ у православныхъ поселяпокъ) юпку холстинную, бѣлую или же перетканную, иногда на половину, шерстяными полосками — черными, синеватыми и красноватыми, какими случается. Верхнюю половину тѣла, отъ пояса, съ котораго надѣта юпка, до шеи, покрываетъ одна рубашка, съ длиннымъ воротомъ почти до пояса, такъ-что иногда видна бываетъ грудь.

Нарядная одежда женщинъ католическаго исповѣданія тѣмъ только отличается отъ будничной, что на верхнюю половину тѣла, прикрытую, какъ сказано, одною лишь рубашкою, надѣвается «шнуровка», похожая на курточку безъ рукавовъ, влущая только по поясъ, сшитая изъ сукна или изъ какой-нибудь бумажной или шелковой матеріи яркихъ цвѣтовъ; нарядная же юбка и рубашка бываютъ изъ тонкаго холста, чисто вымытаго. Сверхъ-того, принарядившись, женщины покрываются отъ плечей почти до самыхъ пятъ длинными кусками бѣлаго тонкаго холста (наподобіе шали), концы которыхъ перетканы красными или синими полосками и обши-

ты кружевами, вязаными изъ такихъ же нитокъ, изъ какихъ вытканъ холстъ.

Обувь католичекъ при нарядной одеждѣ разнится отъ обыкновенной тѣмъ, что онѣ вмѣсто сапоговъ нерѣдко обуваются въ башмаки и самодѣльные чулки, которыхъ православныя никогда не носятъ, кромѣ развѣ самыхъ богатыхъ, одѣвающихся по-купечески или по-мѣщански.

Какъ крестьяне, такъ и крестьянки римско-католическаго исповѣданія при нарядной одеждѣ всегда надѣваютъ шерстяныя узорчатыя перчатки, которыя рѣдко можно видѣть на православныхъ.

Одежда крестьянскихъ дѣвушекъ римско-католическаго исповѣданія разнится отъ одежды замужнихъ женщинъ тѣмъ, что первыя не носятъ «чапцовъ» съ обвязками; притомъ косы лежатъ у дѣвушекъ на плечахъ, а въ концы косъ при нарядномъ платьѣ бывають вплетены разноцвѣтныя ленты или кисти изъ бисера, какъ у православныхъ. Голову дѣвушки слегка покрываютъ небольшимъ платкомъ: въ будни—холщевымъ, а при нарядномъ платьѣ — бумажнымъ яркаго цвѣта, такъ, однако, что почти всѣ волосы видны; въ теплое же время, въ будни, подъ крышею и на вольномъ воздухѣ, если не печетъ солнце, онѣ ничѣмъ не покрываютъ головы. Весьма немногія, да и то только въ холодное время, покрываютъ плечи платками: въ будни — холщевыми, а при нарядномъ платьѣ — цвѣтными бумажными.

П и щ а.

По буднямъ крестьяне пекутъ хлѣбъ не изъ чистой ржаной муки, а обыкновенно изъ смѣшанной съ ячною, и даже съ овсяною, и прибавляютъ еще туда ржаныхъ мякинъ. Въ Дризенскомъ уѣздѣ вѣдятъ ржаной хлѣбъ, называемый *половою*. Половой хлѣбъ печется изъ муки, неочищенной и непросѣянной, смолотой изъ ржи невыѣянной и неочищенной отъ *послѣдовъ*, т.-е. мякны. Постныя будничныя *стравы*—кушанья—суть слѣдующія: щи, квашеные, моченые и сладкіе бураки, ботвинья, изъ ботвиньи холодики, горохъ, *крупеня* — жидкая кашка на водѣ съ солью, изъ ячмыхъ

или овсяныхъ крупъ, каша густая изъ разныхъ крупъ и изъ муки, *толченица*, или густая каша, приготовленная изъ варенаго и толченаго картофеля, *комы* (*), овсяный кисель, *кислуха* — похлебка, приготовляемая изъ квашенаго хлѣбнаго тѣста, апара, или *солодуха*, которую называютъ также и *варгеню*, т.—е. холодная похлѣбка, приготовляемая изъ ржаного солода (**), пареные квашеные капустные кочаны, сырая рѣлька, нарѣзанная пластиами и тертая съ квасомъ, а всего чаще вареный или печеный сухой картофель. Вообще крестьяне охотно ѣдятъ все кислое и соленое. Весною и лѣтомъ, при недостаткѣ хлѣба, бѣдные почти всегда ѣдятъ одно кушанье: если нѣтъ капусты — щи изъ щавеля, шнитки, крапивы, бобовника, дягиля и другихъ дикоростущихъ травъ, приправленныхъ небольшимъ количествомъ муки. Нѣкоторыя изъ исчисленныхъ кушаньевъ, смотря по достатку хозяина, приправляются коноплянымъ молокомъ и сушеною мелкою рыбою, обыкновенно же подаются безъ всякой приправы. Замѣтимъ также, что изъ всѣхъ названныхъ кушаньевъ въ одинъ день болѣе двухъ не готовится; развѣ иногда прибавятъ еще третье къ уживу. Но въ праздничные постные дни готовятъ, кромѣ исчисленныхъ блюдъ: *гушу* — густую кашу изъ обтоленаго ячменя, съ примѣсью гороха, и *мыльцо*, или *стульцы* — густую кашу изъ гороховой муки, застуженную и изрѣзанную въ кусочки. Оба эти кушанья приправляются постнымъ масломъ. Подаютъ также одну вареную сушеную мелкую рыбу, щи съ рыбой и, наконецъ, *толокно* — муку изъ обваренаго и поджаренаго въ печи овса, которая размѣшивается на холодной сырой соленой водѣ и дѣлается густою какъ самая крутая каша. Толокно иногда, хотя и рѣдко, подается вмѣсто похлебки, неизмѣнно холодное и составляетъ лакомое блюдо крестьянъ. Наконецъ, къ праздникамъ и къ пирушкамъ хлѣбъ пекутъ чище, иногда изъ одной ржаной муки. Такой хлѣбъ

(*) Любимое кушанье, которое готовятъ такъ: замѣшиваютъ овсяную или гороховую муку съ водою и солью въ твердое тѣсто и изъ него скатываютъ шарики, величиною въ куриное яйцо. Шарики эти варятъ въ водѣ, потомъ выкладываютъ въ посуду, обливаютъ молокомъ или саломъ и въ этомъ видѣ ѣдятъ (*Дризенск. уѣзда*).

(**) Въ Дризенскомъ уѣздѣ готовятъ также такъ называемую *колоску* — роль похлебки, которая варится изъ ржаной муки, съ примѣсью муки овсяной и, если есть, соли.

называется *ѣкакорами*, а жъзъ тѣста его пекутся пироги съ начинкою изъ картофеля и моркови съ крупамн.

По буднямъ, въ скоромные дни, подаются кушанья, описанныя нами выше, но приправленные мясомъ, саломъ (въ Дризенскомъ уѣздѣ приправа саломъ называется *окрасою*) и молокомъ; иногда пекутъ блины; въ праздничные же скоромные дни пироги начиняютъ также творогомъ и мясными потрохами, примѣшивая ко всѣмъ такимъ начинкамъ ячневыхъ или гречневыхъ крупъ. Иногда также эти пироги разрѣзываютъ на куски, поливаютъ ихъ масломъ и горячіе подаютъ на столъ. Пшеничные пироги пекутся только у самыхъ богатыхъ крестьянъ. Въ скоромные праздничные дни подаются тѣ же самыя кушанья, съ тою только разницею, что они обыкновенно приправляются мясомъ, масломъ и молокомъ. Кромѣ того, варится такъ-называемый *сцюдзиль* — холодное, приготовленное изъ коровьихъ, бараньихъ и свиныхъ ногъ и головъ, и *юшникъ* — кисловатая похлебка, приправленная гусиной или свиной кровью и кислымъ рассоломъ отъ бураковъ; мясо, вареное въ юшникѣ, заблаговременно вынимаютъ, обжариваютъ въ латкѣ и подаютъ особливо, въ видѣ жаркаго. Также поступаютъ съ мясомъ, которое варится въ кашницѣ. Скоромные «комы» варятъ съ начинкой, вкладывая внутрь каждаго по кусочку *солонины*, т.-е. свиного сала, которымъ на господскихъ кухняхъ шпекуютъ дичь. Такіе начиненные комы называются у нихъ: «комы съ *варабьями*». Сверхъ-того, подаютъ лишпцу, масло, сладкое и кислое молоко, творогъ (*), а для дорогаго гостя — и мель.

Должно замѣтить, что въ извѣстные праздники и поминальные дни въкоторыя изъ описанныхъ кушаньевъ никогда не подаются, другія, напротивъ, составляютъ непремѣнную

(*) Авторъ описанія мѣстныхъ Словянъ (Дризенскаго уѣзда) замѣчаетъ, что Бѣлоруссы очень пристрастны къ кислому молоку и сырамъ; если есть малѣйшая возможность, Бѣлоруссы держатъ нѣсколько коровъ и рѣдко когда пользуются отъ нихъ масломъ, а обыкновенно ѣдятъ то, что онѣ даютъ въ видѣ молока, сыра и творогу, который лѣтомъ составляетъ любимую пищу; также пьютъ часто сызоротку. Обыкновенное же питье Бѣлорусса составляетъ квасъ изъ ржаной муки. — Г. Редзевичъ, въ своихъ замѣткахъ о Витебской губерніи, говоритъ, что въ обыкновенные дни Бѣлоруссы ѣдятъ соленую ветчину. Но едва ли ее можно причислить къ ежедневной пищѣ.

принадлежность стола. Такъ, щей или капусты въ день похоронъ и въ поминальные дни, какъ въ постные, такъ и въ скоромные, не подадутъ ни за что; въ эти дни непременно должны быть на столѣ: рыба свѣжая или сушеная, кисель, гуща, комы и *куцья*, которая готовится такимъ образомъ: варятъ несмоло-тую пшеницу въ водѣ, потомъ воду сцѣживаютъ, а пшеницу подаютъ холодную съ медовою сытою, а если сыты нѣтъ, то съ коноплянымъ молокомъ. Всѣ эти постныя кушанья готовятся и въ Рождественскую каледу; въ каледу же передъ Новымъ годомъ, кромѣ обыкновенныхъ кушаньевъ, подается *куцья* съ свиною головою, которая ставится на столъ неразрѣзанная. О Рождествѣ и во всѣ Святки подаются *килбасы* — свиные кишки, начиненные свинымъ же мясомъ, съ прибавкой луку и соли. Въ Преображеніе Господне, 6 августа, называемое здѣсь *Спасомъ*, подается на столъ пареный зеленый горохъ въ стручьяхъ, бобы и новый или молодой картофель, а у кого есть, и яблоки.

Въ день Пасхи Христовой первыя кушанья, которыми крестьяне разгавливаются, суть слѣдующія: *яйца*, окрашенные луковой шелухою къ красноватый цвѣтъ, *пирогъ* и *сыръ*. Отправляясь въ этотъ день къ обѣднѣ, крестьяне носятъ эти кушанья съ собою въ церковь и тамъ освящаютъ. Яйца, окрашенные въ красную краску, служатъ больше для забавы: ихъ катаютъ и бьются ими въ—продолженіе всей ночи Свѣтлой недѣли и по праздникамъ, до Духова дня, а въ этотъ праздникъ окрашиваютъ яйца, березовыми листьями, въ желтую краску. На Свѣтлой недѣлѣ крестьяне, встрѣчаясь другъ съ другомъ, *стосуются*, т.-е. цалуются и обмѣниваются яйцами, говоря: «Христось воскресъ! Христось воскресъ! Христось воскресъ!» На это отвѣчаютъ «Вансцина воскресъ! Вансцина воскресъ! Вансцина воскресъ!»

Въ будни, лѣтомъ, крестьяне рѣдко ѣдятъ менѣе четырехъ разъ въ день, зимою же—обыкновенно три раза. Первая ѣда называется *сняданья*, вторая—*обѣдъ*, или *завтракъ*, третья—*падвячоракъ*, или *палудзинъ*, четвертая—*вѣчера*, то-есть ужинъ. Встаютъ крестьяне зимою и лѣтомъ не позже двухъ часовъ по-полуночи, и рабочій народъ немедленно отправляется на работу, а хозяйка затопляетъ печь и готовитъ кушанье, въ большихъ горшкахъ, на цѣлый день. Возвратясь съ работы, часу въ

пятомъ или шестомъ, крестьяне умываются, молятся передъ образомъ и садятся «снять», а хозяйка между-тѣмъ ставитъ на столъ кушанье. Обѣдъ, за которымъ подается то же самое кушанье, бываетъ часу въ десятомъ. «Полудинъ» бываетъ часу въ четвертомъ или въ пятомъ по-полудни, а «вечеря» — зимою часу въ шестомъ, лѣтомъ же иногда въ десятомъ и одиннадцатомъ. Для ужина часто привариваютъ кушанье. Въ праздники, если нѣтъ гостей, крестьяне ѣдятъ въ-продолженіе дня не болѣе двухъ разъ. Итти къ обѣднѣ поѣвши они считаютъ за грѣхъ; остающіеся въ это время дома тоже не ѣдятъ, пока другіе не возвратятся отъ обѣдни: поэтому въ праздники обѣдъ бываетъ не ранѣе двѣнадцати часовъ. Послѣ обѣда крестьяне по праздникамъ долго спятъ, и ужинаютъ, особенно зимою, часу въ пятомъ или шестомъ, послѣ чего опять ложатся и спятъ до утра. Но на пирушкахъ и въ праздники, когда бываютъ гости, крестьяне ѣдятъ обыкновенно три раза въ день. Если гости придутъ съ вечера и останется «стравъ» отъ ужина, то на утро подаются тѣ же самыя кушанья къ «снѣданью»; въ противномъ случаѣ хозяйка встаетъ часу въ первомъ, когда гости еще спятъ, и готовитъ стравъ на цѣлый день. Эти же кушанья подаются къ «снѣданью», которое бываетъ не позже седьмого часа; за обѣдъ садятся часовъ въ двѣнадцать; наконецъ, ужинаютъ часу въ восьмомъ вечера. При свадебныхъ пирушкахъ порядокъ этотъ измѣняется.

Пища поселянъ-католиковъ только тѣмъ различается отъ пищи поселянъ православнаго исповѣданія, что въ поминальный день, который католиками празднуется одинъ разъ въ году, именно на другой день послѣ праздника Всѣхъ Святыхъ, не требуется непременно къ столу рыба, какъ въ поминальные дни у православныхъ, и нѣтъ никакихъ особыхъ церемоній: обѣдъ бываетъ такой же, какъ и вообще по праздникамъ.

Обычаи привѣтствій и сидѣнія за столомъ.

Знакомые между собою крестьяне, встрѣтившись гдѣ-либо, на дорогѣ, въ корчмѣ или на ярмаркѣ, подаютъ другъ другу правую руку, при чемъ одинъ говоритъ другому: «какъ дѣлешь»

здоровъ?» а тотъ отвѣчаетъ; «помаленьку, какъ васъ Богъ милуецъ?» Мужчина и женщина привѣтствуютъ другъ друга только небольшимъ наклоненіемъ головы, при чемъ оба въ одно время говорятъ: «здоровинька!» Женщины послѣ наклоненія головъ и привѣтствія: «здоровинька!» цалуются между собою въ уста.

Незнакомый, входя въ избу, крестится и, поклонясь, говоритъ только: «здорово!» Гость, пришедшій на праздникъ либо на пирушку, или знакомый, пришедшій за какимъ дѣломъ, войдя въ избу, крестится на Св. иконы и, поклонясь прямо и по сторонамъ, подаетъ правую руку всѣмъ взрослымъ домашнимъ и знакомымъ изъ числа гостей, со словами: «какъ дзюжи здоровы?» Хозяинъ или хозяйка дома, а въ отсутствіе ихъ кто-либо изъ домашнихъ, отвѣчаетъ на это: «сидишь, Ивановичъ (называя по отчеству): буцъ зосцямъ!» Незнакомыя женщины поступаютъ въ такомъ случаѣ какъ незнакомые мужчины, а знакомыя, послѣ слова: «здоровинька», произнесеннаго съ поклономъ, цалуются съ женщинами.

Когда подвинутъ столъ отъ «посудъ» ближе къ божицѣ, накроютъ скатерть, положить на столъ хлѣбъ и поставятъ солонку съ солью, тогда хозяинъ или хозяйка, обращаясь къ гостямъ, говоритъ: «госци, раздывайцясъ и мейцъ руки!» Тутъ кто-нибудь изъ домашнихъ поливаетъ гостямъ изъ ковша на руки воду надъ лаханью и подаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ *ручкикъ*—полотенце—утирать руки. Потомъ гости и хозяинъ, ставъ противъ божицы и нѣсколько разъ перекрестясь съ поклонами, садятся за столъ. Хозяинъ начинаетъ тотчасъ затѣмъ потчивать гостей горѣлкою, и идутъ взаимныя привѣтствія: «буцъ здоровъ, Алексѣевичъ!» «пей на здоровья, Мацѣявичъ!» Между-тѣмъ хозяйка ставитъ на столъ кушанье. Первый, кто возьметъ въ эту минуту чарку съ горѣлкой, привѣтствуетъ хозяйку, которая привѣтствуетъ не пившаго еще гостя, выпиваетъ чарку и возвращаетъ ее для передачи поочередно изъ рукъ въ руки, до послѣдняго гостя.

Кушанья подаются на столъ въ такомъ порядкѣ: сперва масло, потомъ «сцюдэинъ», затѣмъ щи (впрочемъ, они рѣдко подаются на пирахъ); далѣе — «крупеня» — кашница; послѣ крупеня юшникъ. За этимъ слѣдуютъ обжаренныя мяса и разогрѣтые съ масломъ пироги; далѣе — каша и жареный картофель, а подъ ко-

печь, молоко и *яичня*, т.-е. яичница. Во время обѣда или ужина за каждымъ почти кушаньемъ пьютъ горьлку, съ развѣыми приговорками, смотря по блюду. Напримѣръ, принимаясь за гусиное мясо, говорятъ: «гусь плавалъ на вады, нада яво палиць.» Когда принимаются за баранье: «каба луччи авечки вались, пальёмъ-ка баранинку.» Къ кашѣ: «каша дужа зуста, нада палиць.» Къ яичницѣ: «си яешню, кабъ кури были кладки, нада палиць.» Такія же приговорки и за прочими кушаньями.

Сидятъ за столомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: прежде другихъ обыкновенно садятся за столъ мужчины, — старшіе подъ самую божницу или близъ нея; тутъ же съ нами и самъ хозяинъ, которой, сидя за столомъ, безпрестанно рѣжетъ хлѣбъ и пироги, такъ-что половина кусковъ остается нетронутыми. За ними слѣдуютъ младшіе; а на самомъ заднемъ концѣ садятся женщины; тѣ же изъ нихъ, которымъ за столомъ не помѣстится, ѣдятъ «въ посудахъ» на лавкѣ, даже у печки, на кровати, съ ребятами. Женщины потчуютъ и привѣтствуютъ всегда послѣ мужчинъ; отъ лучшихъ кушаньевъ, которыя готовятся въ меньшемъ количествѣ, имъ достаются одни остатки послѣ мужчинъ, и онѣ ими довольствуются, не вѣняя себѣ этого въ обиду. Тоже бываетъ и въ будни и безъ гостей. Только въ извѣстныхъ случаяхъ въкоторыя женщины пользуются за столомъ почетнѣйшими мѣстами, наравнѣ съ мужчинами, а именно: кума на крестинахъ, а на свадьбахъ — крестная мать новобрачныхъ или заступающая ея мѣсто, также новобрачная и сопровождающія ее во время брачныхъ церемоній. Замѣтимъ также, что когда крестьяне куда-либо отправляются, женщины всегда занимаютъ въ повозкахъ первый, выгоднѣйшій и почетнѣйшій мѣста.

Хозяйка или помогающая ей женщина непремѣнно кланяется при каждой подачѣ на столъ кушанья, мисы, тарелки, ножа, ложки и вообще всего, что нужно къ столу: поставитъ, напримѣръ, на столъ мису съ кушаньемъ и поклонится; подастъ «кововку» съ пивомъ или квасомъ и опять поклонится; положитъ ложку передъ вами, передъ другимъ, и такъ до послѣдняго, в каждому при этомъ непремѣнно поклонится.

Прислуживая у стола, хозяйка почти безпрестанно *принимаетъ* гостей ѣсть: «да ѣжчашь, ѣпща, — говоритъ хозяйка —

лорезія наши гостци! штошь вы ничаво ни ядзиця?» «Спасибя—возражають гости — мы и такъ ядзимъ.» «Да ѣшцашь больши!» — снова говоритъ хозяйка. «Да мы и такъ многа ядзимъ» — возражаютъ опять гости. «Не стыдзицясь, что многа ядзиця — продолжаетъ хозяйка — ѣшца на здоровья!» Гости ожидаютъ этой *принуки* и, хлѣбнувъ два, три или четыре раза, сдятъ какъ-будто поѣли. Когда же хозяйка станетъ повторять *принуку*, то они опять принимаются за то же кушанье, и опять, хлѣбнувъ или укусивъ нѣсколько разъ, ожидаютъ новой *принуки*. Такъ продолжается во весь обѣдъ или ужинъ.

Гдѣ хозяйка тщательно не принукаетъ гостей, тамъ молодые люди, а особенно женщины, стыдятся ѣсть безъ *принуки*, выходятъ изъ за-стола полуголодные и, возвратясь домой, на вопросъ: «ци добришь васъ тамъ частавали» (т.-е. потчивали?) отвѣчаютъ: «чесць та какъ чесць, была чаво паисць, да *принуки* на была.»

Мясо подается на столъ всегда большимъ кускомъ. Хозяинъ, положи его на деревянную или «поливаную» тарелку, еъ помощью ножа, раздробляетъ пальцами и тутъ же облизываетъ и пальцы и кости, засаливая тѣмъ всю свою бороду. Раздробленное мясо онъ или вываливаетъ въ похлебку, или ставитъ посередь стола. Каждый беретъ пальцами по одному и по два кусочка мяса и ѣсть, также облизывая пальцы. Когда ѣдятъ кушанье ложками, то каждый разъ, почерпнувъ изъ мисы и выхлебнувъ, облизываютъ ложку сначала съ одной стороны, а потомъ, поворотивъ ее, облизываютъ съ другой и кладутъ на столъ; прожевавъ и проглотивъ, опять берутъ ложку со стола и черпаютъ изъ мисы. Держать ложку въ рукѣ до слѣдующаго куса или черпанья, по мнѣнію крестьянъ, *стыдно*, т.-е. неприлично. Кто не выпускаетъ ложки изъ рукъ, считается обжорою. Надобно замѣтить, что за столомъ лѣвая рука такъ же поступаетъ съ хлѣбомъ, какъ правая еъ ложкою: хлѣбъ для каждаго куса берется лѣвою рукою со стола и опять кладется на столъ. Отъ такого способа ѣды, обѣды и ужинны при гостяхъ весьма продолжительны и длятся по нѣсколько часовъ. Очень часто случается, что гости, сидя за столомъ, дремятъ, а полуньяные и совсѣмъ спать, даже прихрапывая; но для гостей это считается извинительнымъ.

Столовый приборъ составляютъ лишь нѣсколько мисъ и двѣ или три тарелки, деревянныхъ, а чтобъ рѣзать мясо — красной глиняной поилы, и одинъ ножъ; только ложки подаются каждому.

Вставъ изъ-застола, всѣ обращаются къ Св. иконамъ, молятся и потомъ говорятъ хозяину, хозяйкѣ и всѣмъ домашнимъ: «спасибо за хлѣбъ за соль хазяину, хазяйки и всимъ сатрудникамъ.» Хозяинъ или хозяйка на это отзываются: «да вышь начаво нябли, мусиць галодвы?»

Крестьяне сдятъ за обѣдомъ или ужиномъ, безъ верхняго платья, въ однѣхъ рубашкахъ.

У поселянъ-католиковъ въ описанныхъ обычаяхъ замѣчаются слѣдующія отличія: 1) у католиковъ каждый посторонній человекъ, вошедшій къ кому-либо въ избу, не крестится, а вмѣсто этого говоритъ: «нехъ бендзя пахвалены Іезусъ Христусъ!» На эти слова хозяинъ или кто-либо изъ находящихся въ избѣ отвѣчаютъ: «на вѣки вѣковъ аманъ!» Даже православные, живущіе въ сосѣдствѣ католиковъ, прибывъ къ нимъ въ домъ, привѣтствуютъ ихъ тѣми же словами, которыми иногда — православными по неумѣнію, а католиками для сокращенія — произносятся такъ: привѣтствующими — «нехъ бендзе похвалены», а отвѣчающими — «на вѣки!» Послѣ этихъ словъ, подача другъ другу рукъ и разговоры — тѣже самыя, какъ и у православныхъ; только католики одинъ другаго рѣдко называютъ по отчеству; почетнѣйшимъ же лицамъ, заслуживающимъ особенное уваженіе, а именно: войтамъ (старостамъ, или волостнымъ головамъ) и богатѣйшимъ хозяевамъ, вмѣсто ты или вмѣсто называнія по отчеству, говорятъ: «Ваша», напримѣръ: «садзись Ваша, прашу Вашеца садзитца, будзишь госцямъ; газѣшь Ваша бывъ? Куды Ваша идзешъ?» и такъ далѣе. 2) У католиковъ, нѣкоторые, сажая гостей за столъ, для шутки, приговариваютъ: «проша сядаць, мамъ цо павядаць, фляшка разбилась, гарѣлка разлилась и нима чимъ трактаваць, а тымъ часамъ будзимъ наливаць!» 3) У католиковъ женщины пользуются большимъ почетомъ, чѣмъ у православныхъ: ихъ сажаютъ за столъ, смотря по достоинству, и въ передній конецъ и рядомъ съ ихъ мужьями, братьями, или отцами, оказывая имъ всѣ почести, наравнѣ съ мужчвинами. 4) У католиковъ, хозяйки, подавая на столъ ку-

шанье или приборъ, не кланяются, какъ у православныхъ; только ставя нѣкоторыя кушанья, особливо же «печѣнку» (жаркое), «ляшню» (лишвицу), онѣ кричатъ: «гарѣлки, гарѣлки — руки горяць!» (У православныхъ это приговариваютъ только подавая лишвицу во время свадебныхъ пировъ). Послѣ этого возгласа, хозяинъ обязанъ наливать всѣмъ гостямъ по чаркѣ горѣлки, которую получаетъ также и хозяйка. Сверхъ-того, хозяинъ, какъ и у православныхъ, отзывается иногда, что «нада палиць» какос-нибудь кушанье, особенно молоко, и потчуетъ при этомъ горѣлкою. 5) «Принука», т.-е. принужденіе гостей къ ѣдѣ, у католиковъ менѣе наблюдается, чѣмъ у православныхъ. Они только изрѣдка говорятъ: «ѣшчашь, ѣшча, госци, ня буцця голодны.» Возвратившагося изъ гостей не спрашиваютъ, какъ у православныхъ: «ци добришь тамъ частавали?» а говорятъ: «якъжашь ты вьянъ (хотя бы онъ и былъ трезвъ), якъжашь ты наѣвса, якъжашь ты ставъ товсци, атажъ ты и ни прайдзешь!» а онъ отвѣчаетъ: «и сыть и пьянъ, якъ самъ панъ!» Прочіе обычаи привѣтствій и сидѣнія за столомъ тѣ же самыя, какіе и у православныхъ.

Хресьбяны.

Обычаи при рожденіи и крещеніи дѣтей.

Когда родится младенецъ, то отецъ или, въ-отсутствіи его, кто-либо другой изъ семейства немедленно отправляется за повивальной бабкою и въ то же время старается достать хоть полъ-кружки горѣлки. Но иногда, если роды трудны, бабка приглашается и прежде. Повивальную бабку называютъ *бабкою*, или *бабушкою*, и этѣ бабушки не столько помогаютъ, сколько вредятъ *родихамъ*, потому-что совѣтуютъ имъ перелъ разрѣшеніемъ отъ бремени и послѣ него, для облегченія отъ болей, пить горѣлку, а на родиху, которая ослабѣетъ, льютъ холодную воду и дѣлаютъ съ нею другія вельности. Повивальная бабка непременно должна быть женщина пожилая, незамужняя или не живущая съ мужемъ и хорошаго поведенія; въ противномъ случаѣ ее считаютъ нечистою и недостойною быть бабкою. Видя, что къ господамъ привозятъ молодыхъ и замуженныхъ бабокъ, крестьяне крайне тому удивляются и

утверждаютъ, что онѣ не могутъ принимать младенцевъ, потому что сами нечисты.

Когда бабка обмоетъ новорожденнаго и окончатъ все свое дѣло, ее потчуютъ горѣлкою и какою-нибудь закускою или обѣдомъ. Затѣмъ, когда подойдетъ время крестить новорожденнаго, отецъ его, переговора съ женою, отправляется созывать кумовей, то-есть воспріемниковъ, и, прибывъ къ нимъ, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, говоритъ: «*Мая Катрина* (имя жены) *сламала нагу*», или скажетъ: «*разсыпалась*», или же: «*пріѣхала съ Риги, далъ Богъ сына*», или: «*дачку, такъ ни откажица влаци въ христіанскую вѣру.*» Тутъ же назначается и время, когда кумъ съ кумою должны прибыть крестить новорожденнаго. Кумъ, у котораго есть своя лошадь, пріѣзжаетъ въ повозкѣ, иногда вмѣстѣ съ кумою, если оба живутъ въ одной деревнѣ; а не то, кума къ назначенному времени приходитъ особо, пѣшкомъ. Кумовьевъ, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, сажаютъ за столъ и потчуютъ горѣлкою и закускою. Затѣмъ кумъ выходитъ на дворъ приготовить лошадь, а кума подходитъ къ матери новорожденнаго, которая передаетъ ей младенца и въ то же время кладетъ ей за правую пазуху завернутый въ платочекъ кусокъ хлѣба съ солью, для того, чтобы новорожденный во всю жизнь не терпѣлъ голода. Послѣ того кума выходитъ съ младенцемъ, садится въ повозку и вмѣстѣ съ кумомъ отправляется къ священнику. Если у воспріемника нѣтъ своей лошади, то ее даетъ отецъ новорожденнаго; а если священникъ живетъ близко, то воспріемники отправляются къ нему съ младенцемъ пѣшкомъ.

По совершеніи таинства Святаго крещенія, воспріемница надѣваетъ на младенца рубашку, повиваетъ его въ пеленки и обвязываетъ поясомъ. Рубашку, пеленки и поясъ кума даетъ отъ себя, въ видѣ подарка, кумѣ своей, матери новорожденнаго.

По возвращеніи отъ священника домой, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, объявляется нареченное младенцу имя, слѣдующими словами: «*пусть расцецъ здаровъ, валикъ и щасливъ Ванька*» или «*Дарка*» (имя младенца). Затѣмъ воспріемница подаетъ младенца матери, покрывая его кускомъ своего холста, аршина въ 1½ или два, и возвращаетъ при этомъ дан-

ный ей хлѣбъ съ солью, рубашку, целенин, и подсть; въ который младенецъ былъ возить матерью. Послѣ того «кумавьѣ», гости, если случатся, и все семейство садятся обѣдать. Когда всѣ сидящіе за столомъ выпьютъ по чаркѣ горѣлки, воспріемникъ беретъ бутылку съ горѣлкой и чарку, встаетъ изъ-за стола и подходитъ къ кумѣ, матери новорожденнаго, лежащей за зававѣсью; наливаетъ въ чарку вина и, проговоря: «буць здорова, кума!» вынимаетъ горѣлку, кладетъ въ чарку, смотря по достатку, грошъ или больше, до 10 к. серебромъ, наполняетъ чарку горѣлкой и подаетъ кумѣ, которая горѣлку выпиваетъ, вынимаетъ изъ чарки деньги и пустую чарку отдаетъ ему, а онъ ставитъ ее, вмѣстѣ съ бутылкою, на столъ и опять садится. Тотъ же обрядъ повторяется между воспріемницей и отцемъ новорожденнаго, который равнымъ образомъ беретъ себѣ деньги изъ чарки. Послѣ всѣхъ кушавцевъ повивальная бабка привозитъ на столъ изготовленную у себя дома мису каши, только разогрѣтой въ томъ дошѣ, гдѣ справляются крестины, накрываетъ эту мису другою мисою и ставитъ ее на столъ со словами: «прашу пакушайца маей каши; только перва выкупица яну: кто ня выкупиць, тотъ и мсць на будзѣ.» Сидящіе за столомъ отвѣчаютъ: «да нашто намъ, бабушка, выкунаць, кали мы слава Богу и даршавымъ сыты; кабы ты перва наставила, кали мсць хадѣлицы такъ можабъ и выкупили: а таперъ ня нада и дарашъ»; бабушка на это возражаетъ: «ону кали сыты, такъ хашъ прикушайца маей каши.» Тогда воспріемникъ и гости начинаютъ класть на мису, которой накрита каша, по грошу и по два. Когда всѣ положатъ, бабка беретъ деньги себѣ и раскрываетъ кашу, а хозяинъ говорить: «нада кашу палиць», и наливаетъ всѣмъ по чаркѣ горѣлки. Присутствующіе выпиваютъ горѣлку и ѣдятъ кашу, чѣмъ и оканчивается обѣденный столъ.

Вскорѣ послѣ того, когда воспріемники начнутъ собираться домой, хозяйка дома или ближайшая родственница матери новорожденнаго подаетъ отъ нея куму и кумѣ, каждому особо, *дары* — по шпрогу, завернутому въ кусокъ новаго полотна, отъ полутора до двухъ аршинъ, и завязанному шерстянымъ поясомъ. Простившись, словами: «вращайца! аставайцаць щасливы! пусь расцець щасливъ, здоровъ, и влиничъ Ванька» (имя новорожденнаго), воспріемники отираются

по домамъ, а подающая дары говоритъ имъ, при прощаньи: малая примица, на большая выбачайца (извините).»

Со дня родивъ въ теченіе цѣлой недѣли, мать новорожденного посѣщаютъ родственницы ея, пріятельницы и кумы. Кума, крестившая новорожденного, тоже навѣщаетъ ее спустя день, два или болѣе послѣ крестинъ. Дѣвушки хотя крестятъ дѣтей и бываютъ на крестинныхъ «учтахъ», однако не посѣщаютъ «родихъ», считая это неприличнымъ. Посѣщенія обыкновенно происходятъ послѣ крестинъ; но если крестины замядятся, то и прежде. Такія посѣщенія называются *навидами*. Идущая «въ навиды» беретъ съ собой пирогъ или кусокъ хлѣба съ солью и непременно мису какого-нибудь лакомого кушанья — *лишницы*, *сцюдзени* и даже каши съ масломъ. Пирогъ и мису съ кушаньемъ отдають въ руки самой «родихѣ», со словами: «малая примица, а на большая выбачайца.» Родиха ставитъ или кладетъ принесенное тутъ же возлѣ себя на кровати. Приносить *комы* не принято обычаемъ. Оттого, когда принесшая, на вопросъ *родихи*: «штошь тамъ?» скажетъ: «пирогъ да камы», то *родиха* съ нѣкоторымъ неудовольствиемъ возражаетъ: «пирогъ палажи падъ бокъ, а камы атдай сямь.» Пришедшую въ *навиды* обыкновенно угощаютъ обѣдомъ. Взаимность «навидъ» строго предписывается обычаемъ: если Катерина ходила въ навиды къ Маринѣ, то послѣдняя непременно должна итти въ навиды къ Катеринѣ, когда послѣдняя будетъ родихою. О женщинѣ, которая этого не исполняетъ, говорятъ: «яна багата, спясива и чванавата: насъ и знаць ня хочиць.»

Примѣчаніе. При вступленіи въ возмужалость никакихъ обрядовъ не соблюдается; только холостые мужчины и дѣвки начинаютъ съ этой поры одѣваться понаряднѣе.

У католяковъ воспріемники, отправляясь на крестины, берутъ съ собою разныя закуски, какъ-то: яблоки, яйца, пшенье маленькіе пирожки или баранки, — кто чтѣ можетъ; все это они кладутъ на тарелку, на которую ставятъ также чарку водки, съ деньгами, и подносятъ матери младенца, а послѣдняя, принявъ, возвращаетъ имъ тарелку, положивъ на нее свои такія же закуски. Это называется у нихъ «дарами».

Холстомъ же и поясами, какъ у православныхъ, кумовья-католики не дарятъ.

Должно также замѣтить, что у католиковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ женщины не ходятъ, какъ у православныхъ, въ «навиды» къ родихѣ; въ другихъ же, на другой или на третій день послѣ крестинъ, родители новорожденнаго угощаютъ своихъ кумовей «свѣданьемъ».

СВАДЬБА.

У православныхъ.

Первое сватовство. Когда придетъ время женить сына или родственника, хозяинъ, переговора съ женою и съ жемихомъ, какую ему дѣвку сватать, отправляется въ домъ невѣсты самъ или, вмѣсто его, упрошенный имъ родственникъ, либо сосѣдъ, иногда одинъ, иногда и съ товарищемъ; при этомъ въ товарищи или вмѣсто себя онъ выбираетъ такихъ, которые «посправчивѣе на басни». Эти *сваты*, если далеко, ѣдутъ къ невѣстѣ верхами, если же близко — идутъ пѣшкомъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, когда хозяинъ дома, догадываясь, зачѣмъ они прибыли, спросить: «штошь хорошилькава пачули (услышали)?», сваты отвѣчаютъ: «будзимъ сватами! въ цябя есць дачушка (или племянница, или внучка), а у насъ сынокъ; такъ хочимъ завести родню. Царства небесная радзицялямъ, милай Богъ сатрудникавъ, паси Богъ живатовъ, есць хлѣба и соли и живацинки. На гребуй (не пренебрегай), сватокъ, нами: атдай намъ сваю Марью (имя невѣсты); съиграимъ пирушку; давайца-тка руки!» — У крестьянъ есть обычай, когда въ чемъ состоится договоръ, подавать другъ другу правыя руки. Если хозяинъ съ хозяйкою, или отецъ и мать невѣсты, не намѣрены отказать наотрѣзъ, то отвѣчаютъ: «Да чимъ жа васъ, сватки, гребаваци! мы васъ ни чимъ ня гребуимъ; мы и самы ни нявѣць какія багатыри; аднака пагадзиця, руки даць шци вяльзя: нада пирябанць съ сямѣй да папытаць въ дѣвки, што дна, гарюша, скажиць? Миласци просимъ къ намъ въ чацьверкъ (или другой назначенный для того день).» Послѣ того сваты прощаются и уходятъ безъ всякаго потчиванія. Но если хозяева на предложеніе рѣши-

тельно несогласны, то говорят сватамъ: «Мы вась нягребуимъ, да тольки напрасна и ни валачицясь и ногъ ни тамца: мы сваей дзѣвнн сѣлнта (вышѣ) ни за наво ни дадимъ; пусь ища паработанцъ бацька съ маткай за хлѣбъ за соль.» Такой отвѣтъ выражаетъ совершенный отказъ.

Свадьбы бывають у крестьянъ обыкновенно осенью, въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, передъ Рождественскимъ постомъ, рѣдко въ другое время. Сваты ходятъ сватать очень рано, часу въ пятомъ по полуночи.

Второе сватовство, или первая запоины. Въ назначенный, какъ выше сказано, день, сваты отправляются сватать во второй разъ и при этомъ берутъ съ собою, смотря по тому, какъ велико семейство у *свата*, то-есть у отца невесты, одну или двѣ бутылки горѣлки. Прибывъ на мѣсто, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, они говорятъ: «Ну, штошь хорошава вздумали, сваты наши любимыя! дзавидцятка руки, мажидцясь Богу; будзимъ пиць гарѣлку.» Хозяинъ на это отвѣчаетъ: «Да ня што съ вамъ дзѣлаць, ни дакуль и вамъ валачицца, дай Богъ щаслива.» Съ этими словами хозяинъ, или отецъ, и мать невесты крестятся врьдъ образомъ и подаютъ сватамъ руки, а сваты подаютъ имъ, съ словами: «дай жа Богъ щаслика.» Послѣ того сваты и родители невесты распивають принесенную сватами горѣлку, потчуя все семейство, а *сваця* — хозяйка дома, или мать невесты — обвязываетъ опорожненныя бутылки узенькими шерстяными поясами, какими мужчины опоясываются по рубашкѣ. Это дѣлается въ знакъ того, что дѣло уже, такъ-сказать, связано и укрѣплено. Вмѣстѣ съ тѣмъ назначается день, когда сваты должны прибыть въ третій разъ на вторья *запоины*, и затѣмъ сваты, взявъ бутылки, обвязанныя поясами, немедленно уѣзжаютъ, безъ угощенія, какъ и въ первое сватовство.

Третье сватовство, или вторья запоины. Прибывъ въ третій разъ въ домъ невесты, по-прежнему съ бутылкою или двумя горѣлки, сваты потчуютъ ею все семейство, а для нихъ подается небольшая закуска. Бутылки, по опорожненію, точно также обвязываются поясами. Затѣмъ сваты и родители невесты уговариваются между собою о томъ, сколько со стороны жениха привезти горѣлки (отъ одного

до трехъ ведеръ, смотря по достатку), какой день назначить для послѣднихъ запоинъ, и что будетъ за невѣстою приданаго. Самое богатое приданое состоитъ изъ коровы, овцы, новой шубы, новаго кафтана, кромѣ нижняго обыкновеннаго и шаряднаго платья, о которомъ не бываетъ никакого уговора. Нѣкоторыя невѣсты такъ бѣдны, что шуба, кафтанъ и даже сапоги къ вѣнцу даются имъ отъ жениха. Но обыкновенно богатые женихи берутъ за себя богатыхъ невѣстъ, хотя и случается, что самыя бѣдныя невѣсты, отличающіяся красотою и проворствомъ, выходятъ замужъ за очень богатыхъ жениховъ; но, наоборотъ, т.-е., чтобы богатая невѣста шла за бѣдныхъ жениховъ, почти никогда не бываетъ. Въ заключеніе назначается день бракосочетанія. По окончаніи всѣхъ этихъ уговоровъ, сваты немедленно уѣзжаютъ.

Примѣчаніе. Невѣста до послѣднихъ запоинъ сватамъ не показывается; какъ только сваты приѣдутъ, она уходитъ въ испѣнку.

Четвертое сватовство, или третьи и послѣднія запоины. На третьи, послѣднія запоины ѣдутъ обыкновенно четверо: двое мужчинъ и двѣ женщины; а если ѣдутъ трое, то изъ нихъ двое мужчинъ и одна женщина. На эти запоины отправляются обыкновенно родители или ближайшіе родственники жениха. Они берутъ съ собою положенную уговоромъ горѣлку; сверхъ-того, штофа два горѣлки для запоинъ, бутылку горѣлки, разсыченной медомъ, а также пирогъ и сыръ для невѣсты.

По прибытіи сватовъ въ домъ невѣсты, хозяйнъ съ хозяйкою, или родители невѣсты, встрѣчаютъ ихъ обыкновенно на дворѣ, какъ дорогихъ гостей, и провожаютъ въ избу, съ словами: «Миласца просимъ, сваты наши любимыя, въ хату.» Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, сваты просятъ принять привезенную по договору горѣлку и ставятъ на столъ горѣлку для запоинъ и пирогъ съ сыромъ для невѣсты. Домашніе придвигаютъ столъ въ передній уголъ къ божницѣ, подаютъ сватамъ воду мыть руки и накрываютъ столъ скатерью, а хозяйка ставитъ на него кушанье. Тогда хозяйнъ съ сватами, перекрестясь передъ образомъ, садятся за столъ, при чемъ отецъ и мать жениха,

или заступающіе ихъ мѣсто, усаживаются на первомъ мѣстѣ, у божницы. Когда всѣ выпьютъ по чаркѣ горѣлки, отецъ жениха, или заступающій его мѣсто, спрашиваетъ: «штошь эта въ насъ такая? мы пьемъ горѣлку и ниведама за што и за каво!» Послѣ этихъ словъ одна изъ домашнихъ женщинъ приводитъ изъ исцѣпки невѣсту (которая во все это время остается какъ бы спрятана въ исцѣпкѣ) и подводитъ ее къ свату, которому она подаетъ руку и кланяется, а онъ подаетъ ей пирогъ и бутылку разсыченной медомъ горѣлки, и говоритъ: «ну, дачушка, таперь бацькинава хлѣба няшь, дай яму спашиба за хлѣбъ за соль, да и ѣшь хлѣбъшой и пей гарѣлку маю!» Сватья, или мать жениха, подаетъ невѣстѣ на тарелкѣ сыръ. Кто-нибудь изъ домашнихъ принимаетъ у невѣсты всѣ эти дары и уноситъ въ исцѣпку. Сватъ, между-тѣмъ, наливаетъ въ чарку горѣлки и, сказавъ невѣстѣ: «буць здорова, дачушка!» выпиваетъ, и кладетъ въ чарку отъ 10 до 50 копѣекъ серебромъ: потомъ наливаетъ на деньги горѣлку и подаетъ невѣстѣ, которая налитое выпиваетъ, беретъ деньги себѣ, чарку возвращаетъ свату и даритъ его небольшимъ носовымъ полотнянымъ платочкомъ, обвязаннымъ поясомъ. Такой же платокъ даритъ она и товарищу свата (который не кладетъ, однако, въ чарку денегъ), а сватѣ, или матери жениха, и прибывшей съ нею женщинѣ невѣста даритъ, каждой, по *рукаву*, т.-е. по куску полотна, аршина въ два, связанному узенькимъ поясомъ.

На *последнія запоины* обыкновенно собирается въ гости нѣсколько постороннихъ бабъ, которыя, какъ незванья, хотя и не обѣдаютъ, однако, угощаются горѣлкой. Послѣ обѣда, когда сваты подтвердятъ договоръ, заключенный на вторыхъ запоинахъ о времени брака, собравшіяся бабы начинаютъ пѣть во все горло, веселымъ голосомъ, и повторяя нѣсколько разъ, слѣдующую нѣсню:

Цара сватамъ да дому:
Сѣбли кони салому;
Дабралися да плоту,
Паламаюць заплѣту,
А за плотамъ стрякива,
Сватамъ нашимъ на пивѣ!

Затѣмъ сваты собираются домой. Послѣ обыкновеннаго прощанья, когда они выдутъ садиться на повозку, невѣста провожаетъ ихъ за ворота и подаетъ сватѣ *госцинецъ* для жениха — бѣлый платочекъ, въ которомъ завернуты яблоки или варенныя яйца; при этомъ невѣста говоритъ: «На, маманька или цѣтка (если она не мать жениха), связи отъ мяня гасциницъ Ивану Андреевичу!»

Въ сватовство и на всѣ запойны ѣздятъ непременно въ скромныя дни, чаще всего по четвергамъ и субботамъ.

Во все это время, свиданій жениха съ невѣстою вовсе не бываетъ, и потому часто случается, что оба становятся подъ вѣнецъ не зная и не видавъ прежде другъ друга. Вотъ почему холостыя «мальцы» и дѣвки стараются заблаговременно видаться между собою и узнавать, кто откуда, на деревенскихъ маленькихъ ярмонкахъ и во время праздниковъ въ церквахъ. Пока женили 16-лѣтнихъ мальцевъ и 14-лѣтнихъ дѣвокъ, выборъ невѣсты для жениха совершенно зависѣлъ отъ однихъ родителей; теперь же нерѣдко случается, что женихи не хотятъ вступать въ бракъ не видавъ невѣсты.

Послѣ первыхъ запойнъ, невѣста, по-возможности, нигде не отлучается изъ дому, какъ бы стыдѣясь постороннихъ людей, что просватана, и во все время отъ запойнъ до свадьбы занимается дома шитьемъ для будущаго мужа бѣлья и для себя «сорокъ» — головного убора, описаннаго выше.

Предбрачный день и вечерини у невѣсты. Наканунѣ брака, поутру, невѣста приглашаетъ къ себѣ въ *подружки* двухъ замужнихъ женщинъ и отъ двухъ до четырехъ дѣвицъ изъ родни и пріятельницъ, которыя собираются къ ней въ нарядныхъ платьяхъ. По прибытіи ихъ, невѣста тоже надѣваетъ нарядное платье. Та изъ подружекъ-женщинъ, которая лучше другихъ знаетъ пѣсни, употребительныя въ этомъ случаѣ, назначается *старшею подружкою*, или *заводницею*. Она должна, ходя съ невѣстою, *голосить* эти пѣсни плачевнымъ тономъ, во все горло, въ чемъ обыкновенно помогаетъ ей невѣста и плачетъ въ то же время. Если у невѣсты нѣтъ въ-живыхъ отца или матери, или обоихъ родителей, то она называется «сиротою», и ея голошеніе должно отличаться отъ голошенія подружекъ; она должна голосить какъ-будто на похоронахъ или на могилѣ родителей —

по-лэртвецки. Такая невѣста, голоса, называетъ себя не *гарюша маладзѣшинька*, а *гарюша сарацинушка*.

Подружекъ въ означенный день угощаютъ обѣдомъ, послѣ котораго онѣ уходятъ съ невѣстою въ испѣнку (призбицу) и готовятъ кѣ голошенію: надѣваютъ шубы и кафтаны и накидываютъ на плечи платки, а невѣста, сверхъ того, и голову покрываетъ другимъ распущеннымъ платкомъ. Въ это время отецъ и мать невѣсты должны находиться въ избѣ. *Подружки*-женщины ставятъ невѣсту между собою и какъ бы поддерживаютъ ее, а остальные *подружки* становятся позади. Въ такомъ порядкѣ онѣ идутъ изъ испѣнки въ избу. Здѣсь невѣста обращается къ отцу, кланяется ему въ ноги и, вмѣстѣ съ подружками, голоситъ такъ:

Насвѣтъ мой кармилицъ, роднай бацюшка,
Затапи свачу воску ярава!

Отецъ зажигаетъ свѣчу передъ образомъ.

Въ это время невѣста, придерживаемая за руки подружками, непрерывно кладетъ передъ образомъ земные поклоны; потомъ, обратясь опять къ отцу, кланяется ему и продолжаетъ:

Насвѣтъ мой кармилицъ, роднай бацюшка!
Нирыйми свачу воску ярава,
Намалилася я Госпаду Богу;
Бласлави мяня, роднай бацюшка,
Бласлави мяня, гарюшу маладзѣшиньку!

Отецъ гаситъ тогда свѣчу. Потомъ подружки съ невѣстою обращаются къ матери, которой невѣста тоже кладетъ земные поклоны, и голошеніе продолжается:

Насвѣтъ мая родная матушка!
Съ кимъ вы эту думушку сдумали,
Што прадумали, прададали
Мяня, гарюшу маладзѣшиньку?
Сдася вы на виннаю чарачку,
Сдася вы на ласкавыя басинки,
Ни дали мнѣ спадняца на скары наги,
Нидали мнѣ абратца зума-разуму,
Нидали мнѣ спазнатца съ краснымъ дзѣвушкамъ.
Насвѣтъ мая родная матушка,
Бласлави мяня, гарюшу маладзѣшиньку!

Потомъ невѣста обращается къ каждому родственнику и члену семейства и даже къ постороннему лицу, если случится, называя по родству, дялюшкою, тетушкою, братомъ, сестрицею и т. п., а постороннихъ, смотря по лѣтамъ, — дялюшкою, братцемъ, — кладетъ каждому по три земныхъ поклона и голосить, вмѣстѣ съ подружками :

Насвѣтъ мой роднай дялдинка,
Бласлави мяня, гарюшу маладзёшиньку!

Затѣмъ невѣста съ подружками обращается вообще ко всему собранію:

Блаславиця и праспиця, вся людзи добрыя,
На вся на чатыри старонупки!

Съ этими словами онѣ выходятъ изъ избы голосить въ полѣ и продолжаютъ :

Пахалзиць, пауляць, па красаватца.
Насвѣтъ май сѣни, сѣни новыи,
Пирякладзинки дубовыи,
Крилечки, часты кладзинки!
Насвѣтъ май улушки широкіи!
Я любила тутъ хадзиць, красаватца,
Часаць сваю буйную галованьку,
Заплятаць русую косаньку,
Складаць на галаву залатой вянокъ.
Насвѣтъ май сястрицы, милы подружки,
Низалавайцясь на гарюшу маладзёшиньку!
Палвадзиця галасочки гульчощаньки,
Пускайця гулы ва сыры бары,
Атгаласачки па закрайшкамъ!
Пушай май гулы пауляютца,
Пушай мая краса на красуетца!

Повторивъ такимъ образомъ это голошеніе нѣсколько разъ, ходя по полю, отправляются въ другую деревню, если нужно пригласить кого-либо изъ родственниковъ на свадьбу. Последнихъ обыкновенно зоветъ невѣста, сопровождаемая подружками и съ голошеніемъ. Возвращаясь домой съ поля или послѣ зазыванія гостей, голосять :

Насвѣтъ май сястрицы, милы подружки!
Сколька мы няшолши вароцнися,
Аттуль всё павецирѣя холадная,
Клыча, гая маяу буйную галованьку.

Савивая са галовки залатой вянокъ,
Выбивая са касы русы шалкаву кистку,
Нававая на заловку наволюшку,
На рацивоа сардзечушка ваанобушку;
Адна каса руса, да двѣ волюшки,
Давѣ касы русы, булзя адна волюшка,
И тая волюшка навольная.
Насвѣтъ маи сястрицы, милы подружки!
Идзница вы циханѣханька,
Стунайца слядочки часцѣханька,
Наливайца слядочки гарачимъ слязамъ,
Пакрывавайца слядочки влоу кручинушкой!
Ци нясудзя Богъ ици тутъ маму бацюшки;
Какъ ступя въ слядокъ — слядокъ праваалитца,
Гарачія слѣзы разальютца въ ёмъ,
Юнъ вадумая пра гарюшу маладзѣшиньку.
Ни княгиня тутъ ишла, ни баарыня,
Тутъ ишла гарюша маладзѣшинька
Са сваимъ сястрицамъ, милымъ подружкамъ.
Нахадзицяся маи скары ножиньки
Па сваёй радзимай па старонушки,
У сваю кармилица родна бацюшки!
Мнѣ нямножанька хадзиць, красаватца,
Адзинь дзянѣчикъ малѣшинькай,
Адзинь часочикъ карацѣшинькай.
Насвѣтъ мая родная маманька!
Атапри сваё спяклястая акошачка,
Палладзи ва чистая ва полюшка,
Ни бѣлая бярэзушка шатайтся,
Ни шалковыя лясця асыпаютца;
Тутъ шатайтца гарюша маладзѣшинька,
А асыпаютца гарачія слѣзы,
Яна шатайтца гарюша маладзѣшинька,
Са сваимъ сястрицамъ милымъ подружкамъ.

Подходя съ этими словами къ дому, продолжаютъ :

Насвѣтъ маи улушки широкіи!
Ахци! тутъ въ гарюши цахожана,
Бязъ той бизъ таски бязъ кручинушки,
Бязъ слѣзъ, бязъ слязнова рыданья,
Бязъ цажолава, бязъ цашкава вадыханья.

Подходя къ дверямъ избы, голосятъ :

Насвѣтъ мая родная маманька!

Атаври сваю горницу високаю,
Пи тамн мяна, гарюшу маладзёшынку,
Притаплюсь я ва чужихъ ва людзяхъ,
Ва чужова няроднава бацюшки,
Ва чужой няроднай матушки.

Тогда имъ отворають дверь, а онѣ продолжаютъ :

Спасиба, мая родная матушка,
Что атперла сваю горницу високаю!
Спасиба, мая родная маманька,
Што ни тамна гарюшу маладзёшынку!

При этихъ словахъ невѣста кладетъ земные поклоны матери, и продолжается голошеніе :

Спраси мяна, кармилица радна маманька,
Гдзѣ я хадзила, гдзѣ я гуляла?
Зазывала сванхъ дарагихъ гасцей
На сваю смиренную бяѣдушку!
Ци вси май госци сабраліся,
Ци вси май пріяцли слицеліся.
Насвѣтъ мая родная маманька,
Абхваці мяна за буйную галованьку!

Мать съ невѣстою обнимаются и плачутъ, громко рыдая, а голошеніе продолжается :

Атъ чаво мая галовка разгарѣлася,
Ряцивова сардзечка вжахнулася,
Май бѣлыя ручки апустилися,
Май скорыя ножки падламилися,
Мая буйная галовка прикланілася?

Послѣ этихъ словъ обращаются къ отцу; невѣста кладетъ ему земные поклоны, и продолжается голошеніе :

Насвѣтъ мой кармилицъ радвой бацюшна!
Спавядзи мнѣ бяѣду харашоханьку,
Кабъ добрыя людзи ни смяліся,
Приближенныя сусѣдзи дзиваваліся!

Также обращаются потомъ къ родственникамъ, и кланяясь каждому, голосятъ :

Насвѣтъ мая родная цѣтанька!
(сестрица или невѣстка),

Бласлави гарюшу маладзёшынку,
Вѣ чужія людзи пайця, къ чужому бацюшки,
Къ чужому бацюшки, къ чужой матушки.

Проголосивъ такимъ-образомъ всѣмъ роднымъ, неvěста и подружки уходятъ въ исцѣпку, сбрасываютъ тамъ верхнее платье и забавляются разговорами.

Отправляясь голосить въ поле, неvěста беретъ съ собою данные ей сватами на послѣднихъ запоянѣхъ пироги, сыръ и «сычаную» горьлку, прибавляя и отцовской горьлки. Ходя по полю, онѣ садятся едѣ-нибудь за горою или въ оврагѣ и тамъ пьютъ и ѣдятъ, непремѣнно закусывая горьлку чеснокомъ, для направленія голоса, отчего, при разговорѣ съ ними, отъ нихъ несетъ нестерпимую воню. Женщины и дѣвки, голосящія и поющія на свадебныхъ пирахъ, охрипаютъ иногда недѣли на двѣ, до такой степени, что совсѣмъ теряютъ голосъ.

Выйдя съ подружками въ поле голосить, неvěста, если нужно, идетъ съ ними въ то мѣсто, откуда слѣдуетъ ей звать гостей на свадьбу. Не доходя съ полверсты, онѣ голосятъ то же, что и при выходѣ изъ дому, а подходя къ дверямъ — слѣдующее :

Насвѣтъ мая родная цѣтанька!
(или сестрица)
Атаври свою горницу высокую!
Ни тамъ мана, зарюшу маладѣшничку;
Натамлюсь я ва чужихъ людяхъ,
Ва чужова бацюшки.

Тогда вызываемая отворяетъ дверь, а неvěста съ подружками входитъ въ избу и продолжаетъ :

Спасиба, мая родная цѣтанька.
Что атвѣрла свою горницу высокую;
Бластави зарюшу маладѣшничку,
Въ чужія люди и въ чужому бацюшки!

При этихъ словахъ неvěста кладетъ земные поклоны, а тѣ, кому она кланяется, надѣляютъ ее: мужчины — деньгами, грошемъ, или двумя, или болѣе — до пяти, а женщины — кускомъ полотна, или тоже деньгами. За каждымъ надѣломъ, пришедшія голосать :

Спасиба за надѣлы за великія,
За злата, за серибра.
Я ия етава, зарюша, дабиваюся —
Дабиваюся блаславенья сарадвенья.

Когда кончатся надѣлы, гомосить :

Прихалзица къ маму бапошки въ блядлушку,
А ка мѣт, къ маладзѣшанькай, ва смиреннюю.
Вы нябуцьця списивы, бупцьця ласкавы;
У мяня нѣту дзивацци братовъ,
У мяня нѣту дзивацци пасловъ,
У мяня адзинъ тольки братка салавейка,
И тотъ холзиць въ таски, ва кручннушки,
Пашибши сваю буйную галовку
И шашибши сваи бѣлыя ручки.

Съ этимъ голошеніемъ, повтораемымъ неоднократно, невеста и подружки выходятъ изъ избы и продолжаютъ годосить то же самое, что при выходѣ изъ своего дома, пока не отойдутъ отъ деревни по-крайней-мѣрѣ съ полтъ-верста.

Если помѣщикъ или помѣщица живутъ не далѣе 20 верствъ отъ деревни, гдѣ отдается замужъ невеста, то она заходитъ въ мызу, напередъ къ помѣщику, а потомъ къ дворовымъ людямъ, съ тѣми же причитаньями, называя помѣщика — «бабриномъ», или «панамъ вальможнымъ», а помѣщицу — «сударанію вальможную». Господа надѣляютъ невесту деньгами отъ 10 до 50 копѣекъ серебромъ и кусками (обрѣзками) бумагой или шелковой матеріи, на сороки, также булкою хлѣба съ солью; сверхъ-того, они потчуютъ невесту и подружекъ ея горѣлкою.

Для свадебнаго пира, или *блясды*, хозяинъ выбираетъ двухъ человекъ изъ сосѣдей или родственниковъ въ *дружки*. *Дружка большій* на свадебномъ пиру у невесты и у жениха есть уполномоченный устроитель всѣхъ свадебныхъ обрядовъ; а *меньшой дружка* играетъ роль его помощника и обязанъ рѣзать за столомъ хлѣбъ и черпать изъ ведра горѣлку чаркою. Оба дружка, какъ невесты, такъ и жениха, обязаны также ѣздить съ ними въ церковь къ вѣнцу, а дружки жениха послѣ вѣнца должны отпрапляться за невестою въ домъ ея родителей. Сверхъ-того, на свадебномъ пиру должны выходить крестный отецъ и крестная мать жениха и невесты или заступающіе ихъ мѣсто. Крестные отцы только зажигаютъ и гасятъ свѣчи передъ образомъ, а крестныя матери находятся безотлучно при вступающихъ въ бракъ до окончанія всѣхъ свадебныхъ церемоній. Наконецъ, со стороны жениха ивѣн-

раются два брата : *большой и меньшей*. Они или действительно братья жениха, или посторонние, преимущественно родственники, и заступают мѣсто братьевъ. Большой братъ, при каждомъ поклонѣ жениха (которые повторяются безпрерывно), снимаетъ съ него шапку и, приподнявъ, держитъ надъ его головою; меньшей братъ служитъ старшему товарищемъ. Оба неотлучно находятся при женихѣ — большой братъ съ лѣвой стороны, а меньшей съ правой. Во время свадьбы столъ становится посреди избы, противъ двери, у лавки передней стѣны, концами въ боковыя стѣны; изъ божницы вынимается образъ и прикрѣпляется къ передней стѣнѣ, противъ самой середины стола.

Когда невѣста уйдетъ съ подружками въ исцѣнку, столъ въ избѣ покрываютъ скатерью, ставятъ на него хлѣбъ и соль и перожную тарелку, а крестный отецъ зажигаетъ передъ образомъ свѣчу. Послѣ этихъ приготовленій, крестная мать и передъ нею большой дружка, съ плетью въ рукѣ, идутъ въ исцѣнку. Тамъ дружка беретъ большую подружку за правую руку. Большая подружка беретъ невѣсту за руку и обѣ вмѣстѣ идутъ за дружкомъ, а съ ними и остальные подружки. Идя, поютъ:

Посвѣтъ мой большой дружка,
И вѣрная моя служилка!
Ни бари яма за правую ручанку,
Ни дамай манхъ залатыхъ пярсвѣвъ,
Ни вядзи яма за дубовой столъ,
Атпусци яма пагуляць
На широкую на улушку.

Войдя въ избу, дружка ударяетъ рукояткою плети въ потолокъ избы и кричитъ какъ можно громче: «Въ сѣмъ пйру, въ сѣмъ даму, въ снхъ былакаминныхъ палатахъ на дая прашу, просиць княгиня маладая, и ваша дочь любезная Кацярина Иванавна (имя и отчество невѣсты): есць тутъ баццошна радной, Иванъ Андрѣевичъ (имя отца невѣсты), съ жаной свайей любезнай, радной матушкой Андай, Патровнай (имя матери невѣсты)? набуцьца снаснвы, будьца ласкавы! прихадзнца, баславица и за дубовой столъ дасадзнца!» Послѣ этихъ словъ къ невѣстѣ подходятъ ея родители, а она кланяется имъ въ ноги. Затѣмъ та-

кимъ же порядкомъ дружка вызываетъ всѣхъ родственниковъ, по старшинству, а послѣ нихъ — гостей, каждаго порознь, присовокупляя при каждомъ вызовѣ приведенныя выше слова и называя дялюшекъ, братцевъ или гостя дорогого имени и отчеству. Невѣста кладетъ каждому изъ нихъ земные поклоны, а они говорятъ: «Богъ баславидь, дай Богъ щастлива што задумали.»

Окончивъ вызовы, дружка заходитъ за столъ съ правой стороны, становится на лавкѣ и кричитъ: «падайца мнѣ друбу!» выворачиваетъ ее вверхъ шерстью и кладетъ на лавкѣ, противъ образа, гдѣ должна сидѣть невѣста, и кричитъ: «Шуба ни банца шуму. Ци нѣтъ въ ей блохъ; нада выгнаць.» Потомъ ударяетъ по ней два раза плетью крестъ-на-крестъ и, сѣвъ на нее, показываетъ видъ, будто этого мѣста не хочетъ уступить никому. Тогда отецъ невѣсты потчуетъ его горьлкой и проситъ уступить. Дружка встаетъ и вводитъ за столъ невѣсту, которая садится на шубу, а подлѣ нея усаживаются съ одной стороны крестная мать, а съ другой — подружки. Между-тѣмъ приносятъ на столъ ведро съ горьлкой и чарку, Дружка вызываетъ хозяина или отца невѣсты по имени и отчеству, и, когда послѣдній къ нему подойдетъ, меньшей дружка черпаетъ изъ ведра горьлку чаркою, обмакивая туда и свои черные пальцы, и подаетъ большому дружкѣ, который, взявъ чарку, говоритъ хозяину: «буць здаровъ, Иванъ Андруевичъ! любилн гасцей сазваць, любицишь вакармиць и напанць. Мы тацерь будзимъ парядки сваи завадзиць; а на ващия станимъ глядзѣць!» Съ этими словами онъ выпиваетъ чарку и отдаетъ меньшему дружкѣ; послѣдній, почерпнувъ вино, подаетъ хозяину, который, выпивъ, возвращаетъ чарку меньшему дружкѣ. Въ это время подружки, сидя за столомъ, голосятъ:

Пришанися, мой роднай татавьяка,
Съ кармилицай роднай маманьцай;
Пришанися къ дубову стагу,
Баславиця мяня, гарюшу маладзѣшиньку!

Во время этого голошенья большой дружка опять ударяетъ плетью о мерекладину потолка и во все горло вызываетъ всѣхъ, начиная съ родителей: «Въ сѣмъ пиру, въ сѣмъ дому, въ сихъ билакаминныхъ палатахъ, ня я прашу, про-

сидя княгиня маладая; а ваша дочь любезная (имя и отчество); есць тутъ бацюшка радной (имя и отчество), съ женой своей любезной, родной матушкой (имя и отчество)? ня буцьця списивы, буцьця ласкавы, прихазниця, блаславица и надзляниця.» Съ этими словами подходить къ столу отецъ съ матерью и надѣляютъ невѣсту деньгами, отъ 5 до 10 коп. сер., бросая ихъ въ порожнюю тарелку, поставленную противъ невѣсты; а меньшей дружка, черная изъ ведра, подаетъ каждому надѣлившему по чаркѣ вина. Подружки голосять:

Спасиба, роднай бацюшка,
Съ кармилицай маманькай,
За надаѣлы за вяликія,
За влата, за серибра,
Я ня этава, гарюша, дабиваюся:
Дабиваюсь блаславенья сарадаеня,
Каба была съ чимъ пайца,
Въ чужія людзи прицьца.

Это голошеніе повторяется за каждымъ вызовомъ и надѣловъ, съ тою только разницею, что вмѣсто словъ: «спасиба, роднай бацюшка, съ кармилицай матушкой», голосять: «роднай дялюшка», или: «роднай братецъ и сестрица», называя кого какъ слѣдуетъ. Вызвавъ всѣхъ извѣстныхъ, дружка подъ-конецъ кричить: «Въ сѣмъ пиру, въ сѣмъ дому, въ сѣхъ билакаминныхъ палатахъ, ня я прашу, просиць княгиня маладая (имя и отчество): выхадзиця надзяляць вси закутнички-запечнички! хто винадзѣлиця, въ дарогу паѣзниця — конь пристаниця, съ жѣнкай спаць лягидь — пуци ня станиця.» Каждый, кто при этомъ находится, хотя бы изъ одного любопытства, обязанъ подойти къ столу и бросить грошъ или сколько можетъ, а меньшей дружка подаетъ за то каждому надѣлившему по чаркѣ горѣлки.

По окончаніи всѣхъ вызововъ и надѣловъ, подають на столъ кушанья. Подружки, крестная мать, дружки, крестный отецъ и — если мѣсто позволяетъ — кто-нибудь изъ почетнѣйшихъ гостей пьютъ горѣлку, усаживаются и ужинають. Невѣста ничего не ѣсть, а только, сидя, непрерывно кланяется; подружки же, послѣ каждого кушанья, голосять:

Спасиба, роднай бацюшка,
Съ кармилицай роднай маманькай,

За ѣством сахарныя,

За напиткы сладкія!

Во время ужина, бабы, собравшіяся на свадьбу въ гости или пришедшія только посмотрѣть, поютъ дружкѣ во все горло, самымъ веселымъ голосомъ, слѣдующую пѣсню :

Можна ця спросиць,

Можна папытаць :

Кая въ ця, дружинька,

Кая въ ця большая?

• Въ мяня, свѣтъ дружинька,

Въ мяня, свѣтъ, большая,

Микита Нахомавичъ,

На любви названъ

И въ части пасажанъ.

Галава кудрявая,

Барада шалковая,

На ёмъ великъ кафтанъ,

Щечи абламила;

На ножкахъ сапожки,

Въ Масквы купляны;

Нихто на сапожки,

Цаны ни наложа, —

Пакладаца пѣнушку,

Яво малада жена

Авдоця Мацьѣвна.

Самъ жа ты, дружинька,

Нашъ пахваллса :

• Жѣначки, лябѣдки,

Пойця пѣсинки :

Я люблю въ миру сидѣць,

Люблю пѣсинъ слушаць,

Всихъ падарю :

И павиць, и игриць,

И маладыхъ маладзиць;

Есць у мяня залата казна,

Хашь ни мая — маво бацюшки

Я для васъ, жоначки,

Распичатываю :

Адну гривну на мыла,

Другую на бѣлила,

Третьцю на румянила.

Послѣ этой пѣсни дружка беретъ чарку, кладетъ въ нее денегъ, грошъ или два, и, почерпнувъ горѣлки, подаетъ поющимъ, а тѣ, принявъ, выпиваютъ, деньги берутъ себѣ и продолжаютъ пѣть :

Дай Божа, дружинька,
И жаниць и даваць;
Сына жаниць
Са лабра каня,
Дочь выдаваць
Съ высака циряма.

Эта пѣсня поется за столомъ и послѣ брака, у невѣсты и у жениха : пропѣтая сперва дружкѣ, она повторяется потомъ нѣсколько разъ и крестному отцу, братьямъ и прочимъ родственникамъ и гостямъ, при чемъ каждый называется по имени и отчеству : «бацюшка хреснай» или «дзядзюшка любимай.» Каждый, кому пропоютъ эту пѣсню, долженъ платить грошъ или два. Сверхъ-того, при свадебныхъ столахъ поются еще разныя пѣсни, помѣщенные ниже. За нихъ также платитъ тотъ, кому онѣ поются.

По окончаніи ужина дружка выводитъ невѣсту изъ-за стола и опять вызываетъ родителей прежнимъ порядкомъ. Невѣста, въ знакъ благодарности за ужинъ, кладетъ родителямъ земные поклоны, а подружки голосятъ :

Спасиба, роднай бацюшка.
Съ кармилицай роднай матушкой
За яствы сахарныя.
За напитки сладкіе.

Затѣмъ подружки съ невѣстою уходятъ въ исцѣпку, гдѣ ей даютъ ужинать особливо. А въ избѣ въ это время сажаютъ за ужинъ остальныхъ гостей и пьютъ горѣлку и пиво. Незваные гости, т.-е. бабы, не салившіяся ужинать, а пришедшія только посмотреть, «кричатъ» пѣсни какъ и во время перваго стола; а большой, полупьяный дружка чванится, ходя по избѣ, и ведетъ съ ними разныя, не совсѣмъ приличные споры и разговоры. Между-тѣмъ невѣста укладывается въ исцѣпкѣ съ пятью подружками возвращаются въ избу и пляшутъ тамъ подъ скрипку или дуду, однѣ, и съ мужчинами, и съ женщинами, домашними и пришедшими въ гости, попивая горѣлку и пиво. Тѣ же музыканты, съ скрипкою, или дудою, или съ обѣими вмѣстѣ

подыгрываютъ голошенію, когда невѣсту ведутъ къ столу и надѣляютъ. Послѣ ужина гостей и послѣ плясокъ, верѣдко продолжающихся до 3 и даже до 5 часовъ утра, наносятъ въ избу соломы, и всѣ, какъ кому случится, укладываются спать. Этимъ оканчивается пиръ на вечеринахъ въ предбрачный день. Только хозяйкѣ и домашнимъ бабамъ некогда спать: онѣ тотчасъ послѣ пира принимаются готовить кушанья къ слѣдующему дню.

Обряды, соблюдаемые въ день брака у невѣсты. Въ день свадьбы, невѣста и подружки, проснувшись, умываются, одѣваются въ нарядное платье и, перекрестясь нѣсколько разъ въ избѣ передъ образами, подходятъ къ матери невѣсты и начинаютъ голосить :

Насвѣтъ мая родная маманька!
Ци спалась табѣ асеняня ночушка? —
Мнѣ, зарюши, ночушка на спалася:
Я думала пра чужую дальнюю старовушку,
Пра чужова няроднава бацюшку,
Пра чужую няродную матушку.
Какъ будзя владзиць чужому бацюшки,
Какъ будзя владзиць чужой матушки,
Ци паходушкой, ци работушкой,
Ци ласкавымъ басинкамъ?
Насвѣтъ, мая дзидитка милая,
Дажись въ вичару спаць пазнѣханька,
Прибирай работушку скарѣханька,
Вставай паутру ранѣханька,
Идзи на работушку выслѣханька:
Ты владзишь чужому няроднаму бацюшки,
Ты владзишь чужой няроднай матушки.

Съ послѣдними словами выходятъ на дворъ и продолжаютъ голосить :

Насвѣтъ май сѣни, сѣни новыи,
Пирякладзинки дубовыи,
Насвѣтъ май улушки широкіи!
Я любила тутъ хадзиць, красаватца,
Чисаць сваю буйную галованьку,
Запятаць русую косаньку,
Складцаць на галаву залатой вянокъ.

Затѣмъ, повторяя голошеніе, идутъ по «гувнищу» и около всѣхъ строеній. Потомъ возвращаются въ исцѣпку — расплетать невѣстѣ косу. Тогда входятъ въ исцѣпку большой дружка, велитъ поставить квашню (посуда, въ которой заквашиваютъ для хлѣба тѣсто), беретъ шубу, кладетъ ее на квашню и, посадивъ на нее невѣсту, велитъ снять съ правой ноги сапогъ, въ который кладетъ деньги, грошъ или болѣе до 10 коп. сер., завернутыя въ овечью шерсть, укладывая ихъ такъ, чтобы онѣ лежали подъ посланной въ сапогъ соломой подъ самою нитюю. Когда невѣста снова надѣнетъ сапогъ, дружка беретъ ее за правую руку, вводитъ съ расплетенною косою въ избу, вмѣстѣ съ подружками, которыя, вмѣстѣ съ невѣстою обращаясь къ отцу, голосятъ :

Насвѣтъ мой роднай бацюшка!

Пачашица маю буйную галовушку,

Я, гарюша маладзѣшанька, сяводни заспалася,

Мая буйная галованька вячосана.

Съ этими словами невѣста кланяется родителямъ въ ноги. Между-тѣмъ квашня ставится въ сѣняхъ, и къ ней подводятъ невѣсту; дружка беретъ шубу, выворачиваетъ ее, кладетъ на квашню, ударяетъ по ней два раза плетью крестъ-на-крестъ и сажаетъ на нее невѣсту, которой ставятъ на полоть тарелку со щеткою. Затѣмъ большой дружка кладетъ въ тарелку деньги, грошъ и болѣе до 5 копеекъ серебромъ; беретъ щетку и, проведя ею по волосамъ невѣсты, вызываетъ, такимъ же порядкомъ, какъ наканунѣ — при надѣлахъ, чесать голову молодой княгинѣ. Тогда каждый, подойдя и положивъ въ тарелку грошъ или два, тоже проводитъ щеткою по головѣ невѣсты, а подружки голосятъ :

«Спасибя за надзѣлы» и прочее, какъ при надѣлахъ за столомъ.

По окончаніи чесанія косы, подружки голосятъ :

Запляцица маю касу русую,

Замкница маю касу русу,

Дзвивяци замкамъ,

Кабъ ни наѣхали Татары,

Кабъ ни распляли

Маю русую косавьку

И ня снйлибъ съ мяня

Маю дзѣвичью красату.

Послѣ того дружка беретъ невѣсту за правую руку и вводитъ въ избу, а за нею идутъ и подружки. Дружка опять, такимъ же порядкомъ, какъ прежде, вызываетъ родителей, родственниковъ и почетнѣйшихъ гостей благословлять невѣсту, которая должна каждому положить по три земныхъ поклона. Кому она кланяется, тотъ говорить: «Богъ благовиди, што задумали; дай Богъ щастлива», а подружки во все это время голосять:

Насвѣтъ мой роднай бацюшка,
Благовиди шля, зарюшу маладѣшывку!

И такъ далѣе, называя каждого по имени, отчеству и родству.

Затѣмъ дружка сажаетъ невѣсту за столъ, съ тѣми же обрядами, какъ ваканувѣ, и вызываетъ родителей слѣдующими словами: «Радзимай бацюшка и радзимая матушка! умѣли вазрасциць, вазкармиць, вазпавиць, умѣйдяшь танерь за дубовой столъ засадиць, ка Божай церкви атпусциць.» Послѣ этихъ словъ отецъ и мать подходят и, воткнувъ въ пирогъ цѣлковый или полтинникъ, подаютъ невѣстѣ, говоря: «надзяляемъ цябя, дзицитка, хлѣбамъ и солю, златамъ и серебрамъ.» На это невѣста привстаетъ и принимаетъ надѣлъ съ поклонами. До прибытія жениха, пирогъ и всѣ надѣльные деньги сберегаетъ крестная мать, а послѣ того пирогъ отдается свекрови; деньги же, послѣ *солоткихъ розжекъ*, новобрачная беретъ къ себѣ.

Затѣмъ дружка вызываетъ самъ себя слѣдующими словами: «Дружка, вѣрная слушка, лёккая ношка, скорая пасылка, крутая поговорка!» и надѣляетъ невѣсту денгами отъ 5 до 10 коп. сер.; далѣе вызываетъ онъ крестнаго отца, такимъ образомъ: «Есть ли въ нашей княгини маладой бацюшка хрянной, мужикъ часной, Петра Васильевичъ?» На эти слова крестный отецъ встаетъ и также надѣляетъ. Потомъ дружка вызываетъ крестную мать: «Есть ли въ нашей княгини маладой матушка хрянная, женщина часная, Марья Власьевна!» Послѣдняя также надѣляетъ невѣсту нѣсколькими грошами денегъ и кускомъ холста аршина въ 2. Потомъ дружка вызываетъ всѣхъ подружекъ, родственниковъ и гостей, каждого порознь, по имени и отчеству, и послѣ каждого вызова ударяетъ рукояткою плети о перекладину потолка. Мужчины на-

дѣляютъ деньгами отъ гроша до 5 коп. сер., а женщины—большою частію холстомъ. Наконецъ дружка кричитъ: «Гости званія, бранія, Богомъ данія! ня всякаго па имени, всякаго па паклову, съ кута да печки, да ядзинава чалавѣчка! прихадзица, надзялиця; ня я прашу, просиць княгиня маладая (называя ее по имени и отчеству)!» Во все это время подружки голосять:

Спасиба за надѣлы за вяликія,
За злата, за серибра.
Я ня этава, зарюша, дабиваюся.
Дабиваюсь баславенья сарадзенья,
Каба была съ чимъ пайци,
Въ чужыя людзи прици.

При этихъ надѣлахъ, какъ и наканунѣ вечеромъ, стоитъ на столѣ ведро горѣлки, и меньшей дружка, черная, водноситъ каждому надѣлившему по чаркѣ. Когда надѣлы кончатся, подають на столѣ стравы, и всѣ сидящіе за столомъ снѣдають, кромѣ невѣсты, которая должна вѣнчаться, какъ и вездѣ, натопакъ. Сидя за столомъ, невѣста, какъ и на вечеринахъ, при подачѣ каждой стравы кланяется.

По окончаніи снѣданья, дружка выводитъ невѣсту изъ-за стола, а съ нею выходятъ и подружки,—потомъ подводитъ ее къ родителямъ, которымъ она кладетъ земные поклоны, а они ее обвиняють и вмѣстѣ съ нею плачуть и рыдають. Подружки въ это время голосять:

Насвѣтъ мой бацюшка-каршилиць!
Насвѣтъ мая маманька-каршилица!
Прасцица, баславица,
Въ домъ Божій апусцица!

Затѣмъ дружка, невѣста и всѣ окружающіе ее обращаются къ образу и молятся. Послѣ того дружка кланяется на всѣ стороны и говоритъ: «Закутники, запечниини! выхадзица, баславица, надзялиця; хто ни надѣля въ дорогу паѣдзя — конь пристаня; съ жонкай спаць ляга — пуци ня станя!»

Потомъ дружка, невѣста и подружки, выходя и кланяясь всѣ вмѣстѣ, говорятъ: «Прасцица, вси людзи добрыя», а дружка кричитъ: «Домъ свящонай, миръ хрящонай! прасцица, баславица.» При этомъ собравшіяся бабы поють веселымъ голосомъ слѣдующую пѣсню:

Баслави, свѣтъ бацюшка,
Ка Божай церкви пайци,
На залогъ вянокъ стаць:
Ношки подибнутца;
Серца ужахвитца
Златъ хрѣсть цалаваць.

Съ этими словами невѣста садится въ повозку, покрытая однимъ платкомъ по плечамъ, а другимъ — по головѣ, такъ что лица ея не видно. Бабы же продолжаютъ пѣть:

Съ Богомъ, съ Богомъ, азитятка,
Са Христомъ, мила чада;
Давно цябя тамъ жадаюць,
Давно цябя дажидаюць.
Свѣчи ясны затапили,
Въ званы завзавили.

Тогда уѣзжаютъ въ церковь, невѣста — въ повозкѣ или въ парныхъ саняхъ, съ крестною матерью, и при нихъ *вазила* (кучеръ), а крестный отецъ, съ подружкою или двумя — въ одной или въ двухъ повозкахъ, обыкновенно запряженныхъ парю лошадей, дружки же — верхами.

Когда поѣздъ отправится въ церковь, оставшіеся гости снѣдаютъ, пьютъ въ-продолженіе стола горѣлку и пиво, а бабы, не сидящія за столомъ, поютъ разныя застольныя пѣсни. По окончаніи «снѣданнаго» стола пляшутъ подъ скрипку или подъ дуду. Замѣтить должно, что въ это время, до возвращенія невѣсты отъ вѣнца, не бываетъ никакихъ церемоній и угощеній, хотя бы невѣста возвратилась очень поздно вечеромъ.

Невѣста, покрытая по плечамъ и по головѣ платками, съ расплетенною косою и съ распущенными волосами, входитъ въ церковь въ сопровожденіи крестной матери и подружекъ; позади ихъ идутъ крестный отецъ и дружка, а вазила остается при лошадяхъ. Къ вѣнцу подводитъ невѣсту крестная мать. По совершеніи таинства, крестная мать жениха, выходя изъ церкви вслѣдъ за молодыми, бросаетъ въ нихъ ячменными зернами. По выходѣ изъ церкви всѣ *попѣжале*, т.-е. тѣ, которые ѣдутъ съ невѣстою или съ женихомъ къ вѣнцу и отъ вѣнца, а съ ними женихъ, рядомъ съ невѣстою, заходятъ, если близко, въ корчму или же къ кому-нибудь изъ ближайшихъ жителей и тамъ пьютъ горѣлку, «перехватываютъ» и пирос-

говъ и разныхъ мясъ, нарочно для того взятыхъ изъ дому. Затѣмъ, послѣ записки брака у священника, крестная мать невѣсты отъ ея имени повязываетъ невѣстинныхъ и жениховыхъ дружекъ (всего числомъ четырехъ) обыкновенными узенькими шерстяными поясами либо кусками полотна (*). Тогда всѣ другъ съ другомъ прощаются, а новобрачная целуетъ своего мужа, и выѣзжаютъ. Невѣста, съ своими *попѣзжальми*, ѣдетъ въ домъ своихъ родителей, а женихъ, съ своими, слѣдуетъ за нею туда же, оставаясь нѣсколько позади. Если домъ жениховыхъ родителей въ весьма недалекомъ разстояніи отъ церкви, то женихъ заѣзжаетъ къ себѣ; но въ этомъ случаѣ пріемъ жениха не сопровождается никакими обрядами: покормятъ только лошадей и немедленно отправляются въ домъ невѣсты, такъ чтобъ прибыть туда вечеромъ, когда уже стемнѣетъ и въ избахъ начинаютъ зажигать огонь; ибо есть обычай прежде этого времени ни за что не впускать жениха на дворъ невѣсты; если женихъ раньше подѣдетъ къ деревнѣ, гдѣ живетъ невѣста, то онъ долженъ остановиться въ корчмѣ, а если нѣтъ вблизи корчмы, то стоитъ въ полѣ, хотя бы въ то время лилъ дождь.

Когда, во время переѣздовъ свадебъ, то-есть жениха или невѣсты, или обонхъ вмѣстѣ, къ вѣнцу или отъ вѣнца, или изъ дому молодой въ домъ жениха, случится ѣхать черезъ

(*) Въ другихъ мѣстахъ Себежскаго уѣзда, молодою, по совершеніи бракосочетанія, приводятъ въ избу къ священнику, дячку и т. п. Тамъ, послѣ поклоновъ на всѣ стороны хозяевамъ и другимъ присутствующимъ, женщины отводятъ молодую въ конурку или за завѣсу и убираютъ ей голову по-женски. Заплетя ей косы и обернувъ вокругъ головы, женшинымъ спрашиваютъ у молодого или у дружка: «что на голову?» На этотъ вопросъ новобрачный обязанъ положить своей жемъ на голову сколько-нибудь денегъ, которыя накрываются повоемъ на голоевѣ, и затѣмъ покрываютъ голову платкомъ. Передъ тѣмъ, какъ положить деньги, молодой легко касается полою волосъ своей жены и «сполшиваетъ» ихъ, какъ бы показывая тѣмъ, что для нея время шегольства прошло, и что отнынѣ, за недосугомъ по хозяйству, ей придется ходить и съ вчесанной головой. Когда голову молодой уберутъ по-женски, новобрачный целуетъ ее. Если въ это время посторонній кто-нибудь успеетъ поцеловать молодую прежде мужа, то всѣ смѣются надъ его простотой и неловкостью. Въ околодкѣ, описанномъ Анимиелі, обряды, сопровождающіе повязываніе головы молодой, совершаются на другой день послѣ брака, въ такъ-называемые «солоткіе рожки». См. ниже.

какое-нибудь селеніе или близъ него, то нерѣдко выбѣгаютъ на дорогу человекъ три или четыре и заграждаютъ проѣздъ жердью или чѣмъ-нибудь другимъ, или же раскладываютъ на дорогѣ небольшой огонь. Въ такомъ случаѣ дружка наливаютъ заграждающимъ дорогу по чаркѣ горѣлки, а крестная мать молодой или новобрачнаго бросаетъ въ нихъ съ повозки *орьхами*, величиною съ волошскіе, которые для этого именно пекутся изъ ржаной или ячменной муки, и нѣсколько подслащаются медовою сѣткою. Послѣ того проѣздъ дѣлается свободнымъ.

Дружки, при переѣздахъ, всегда имѣютъ при себѣ горѣлку; оттого рѣдко можно ихъ видѣть въ это время трезвыми.

Когда молодая возвратится изъ церкви въ домъ своихъ родителей, ее встрѣчаютъ и окружаютъ *подружки*, съ которыми она входитъ въ избу и кланяется родителямъ въ ноги; при этомъ подружки, такимъ же печальнымъ голосомъ, какъ и до брака, голосають:

Спраси, кармилица—маманька,
Гдѣ я хадзила, гуляла.
Я хадзила ка Божай церкви,
Станавилася на залотъ вянокъ;
Мои ношки падламились,
Бѣлы ручки апустились,
Ряцивоа сярзачка ужахнула,
Буйная головка прикланилась.

Затѣмъ братъ молодой, или заступающій его мѣсто, снимаетъ съ головы ея платокъ и накрываетъ имъ свою голову, а она остается съ обнаженною головою и растрепанными волосами. Тотъ же братъ беретъ послѣ того тарелку, кладетъ на нее перевязку и ленты—весь дѣвичій головной уборъ, ставитъ съ ними тарелку на свою голову и уходитъ на дворъ. Молодая, съ подружками, гонится за нимъ, голоса:

Насѣтъ мой братка салавейка,
Атдай мою красу дѣвичью:
Моя краса табѣ ня пристала!

Съ этими словами, догнавъ брата, молодая кланяется ему въ ноги, а онъ беретъ тарелку съ головы, дѣлаетъ видъ, что хочетъ отдать ей, и потомъ опять ставитъ на голову и ухо-

дить съ двора. Молодая возвращается съ подружками въ избу и, подойдя къ матери, вмѣстѣ съ ними, голосить :

Насвѣтъ мая родная маманька!
Выйдзи на широкую удушку,
Пабрани сваю сына, маю брата;
Пусть ёнъ атдасць маю красу дзѣвичью:
Мая краса яму ни пристала!

Потомъ, поклонившись матери, опять уходитъ съ подружками на дворъ и тамъ вмѣстѣ съ ними голосить :

Вярнися, мой братка салавейка,
Атдай маю красу дзѣвичью.... и т. д.

Братъ оборачивается при этомъ къ молодой; она кланяется ему въ ноги, а онъ опять уходитъ со двора; молодая опять возвращается въ избу къ матери, и это повторяется до четырехъ разъ, пока братъ не сходитъ въ поле съ дѣвичьимъ головнымъ уборомъ сестры на четыре стороны — востокъ, югъ, западъ и сѣверъ. Послѣ четвертаго раза братъ отдастъ молодой платокъ и головной уборъ съ тарелкою; она, принявъ и поклонившись брату въ ноги, ходитъ съ подружками по двору и по гувнишу, голося :

Насвѣтъ мая сястрицы, милы подружки!
Куды мнѣ дзѣпе сваю красу дзѣвичью?
На дароги пасадзиць — людзи стопчуць,
Въ залёныхъ лугахъ пасадзиць — кони ходзюць,
Въ агародзи пасадзиць — кури выкаплюць.
Въ саду пасадзиць — дзѣвки выщиплюць.

При этомъ невѣста обнимаетъ одну изъ дѣвцъ-подружекъ, и обѣ голосять :

Насвѣтъ мая сястрица, мила подружка!
Вазьми маю красу дзѣвичью:
Ты будзишь жиць въ роднава бацюшки,
Ты будзишь жиць въ роднай матушки;
Наси маю красу дзѣвичью,
Ни кидай маю красу въ чорную грязь!

Послѣ того невѣста кланяется подружкѣ въ ноги, обнимаетъ всѣхъ прочихъ подружекъ поочередно и тоже кланяется имъ въ ноги, а онѣ вмѣстѣ съ нею плачутъ и рыдаютъ. Надобно знать, что плачутъ и рыдаютъ онѣ не для виду только, а отъ чистаго сердца, проливая слезы такъ, что постороннему человѣку, смотря на нихъ, нельзя не прослезиться.

Къ этому времени подѣзжаетъ къ деревнѣ женихъ. Увидѣвъ его, онѣ какъ можно скорѣе возвращаются въ избы и усаживаются тамъ въ посудахъ, противъ печи, за другой, меньшей столъ, который только на этотъ разъ тамъ и ставится.

При этомъ говорятъ:

Налятаица стада варягиня,
Разабьюци наши стада залубиня.
Насѣтъ мой роднай бацюшка!
Ни злавайся на ихны басни:
Ихны, басни учоны,
На ихъ кафаны пазычоны,
Въ ихъ кони даставны,
Возжи крадинны,
Сани занимны.

Позже молодежь, подѣхавъ къ воротамъ, останавливаются; а большой дружка стучитъ въ ворота. Когда дружка молодой ихъ отворить, дружка молодого спрашиваетъ: «ци няможна намъ тутъ абгрѣтца? Ци есць въ этомъ даму хозяйнѣ ци бацюшка, ци матушка, ци дружка, вѣрная служка, леникая ношка, скорая пасылка, крутая паговорка?» Дружка молодой на это возражаетъ: «какія вы людзи?, куды дѣлци?, гдѣ вы были? чаво вы сочица? можа, вы какіѣ разбойники, аладѣвѣ ци есць у васъ видъ?» На это дружка молодого отвѣчаетъ: «мы людзи падарожныи, въ насъ виду нѣтъ; мы заблудзили, мы выыздили по злѣнымъ лугамъ, на сырѣмъ барамъ; мы выыздили ваши три паля: а ржаница и яравница и выихали на папаръ, а съ папару и къ вамъ папали.» Дружка новобрачнѣной спрашиваетъ: «а зачимъ вы къ намъ папали?» Дружка молодого отвѣчаетъ: «Намъ есць тутъ дѣла; мы дѣлку взяли на взяли, а касу ей растрядали, и што яна тутъ, намъ сказали.» Дружка молодой говорить: «Найдзеца, найдзеца, братцы, ляца тутъ; тольки цижало дастацъ, и дужа цижало; ня знаю, какы даставица. Наша княгиня маладая хадзила гуляцъ па лясамъ, па лугамъ, па синю-мору, астровамъ, и чаво дагуляла? влать ключи пацярала. Таперь пошла ключовъ сачицъ. Такъ вотъ, пріяцили, вамъ приходзитца время праствацъ.» На это дружка новобрачнѣной возражаетъ: «ета, пріяцили, твая сказка, нашнѣ дзяламъ ни павязка. Нашъ князь маладой ни гуляцъ, съвадилъ въ зорадъ, шѣлку накуццалъ, съ шѣлку сяцей навязалъ: въ

ения моря пакдааль; тамъ блу шуку бязъ пайкаль, шуки сердца разрывагъ, златы ключи вышывагъ. Ключи княгинины внасть.» Дружка молодой отвѣчаетъ: «Ну, такъ и княгиня будва внасть.» За этими словами дружка новобрачного беретъ бутылку горѣлки и начинаетъ потчивать дружку молодой и всѣхъ его почетнѣйшихъ товарищей. Между-тѣмъ поѣзжалые вѣзжаютъ съ новобрачнымъ на дворъ, и выносятъ изъ избы бутылку горѣлки дружкѣ молодой княгини, который тоже потчуетъ дружку молодого и всѣхъ его поѣзжалыхъ. Послѣ потчиваній вводятъ молодого; со всѣми поѣзжалыми, въ избу, гдѣ онъ, ставъ передъ образомъ, молится; а подружки съ новобрачной въ послѣдній разъ голосятъ печальнымъ голосомъ.

Между тѣмъ дружка жениховъ, обратясь къ подружкамъ, говоритъ: «мы звнали свою нявѣсту маладую княгиню; агда-вайци-тка яну намъ!» Подружки отвѣчаютъ: «ѡка, брациць, такъ скоро и взялъ! бязъ выкуна ни дадимъ.» Тогда дружка беретъ привезенную съ собою бутылку горѣлки и, попотчивавъ изъ нея подружекъ, опять проситъ выдать невѣсту. Подружки отвѣчаютъ: «Ваша нявѣста молодая княгиня ня такъ дашава, капъ выкупиць за чарку гарѣлки. Пашивили-тка машней да патриси-тка залатой казной.» Затѣмъ дружка даетъ имъ деньги, торгуясь и прибавляя понемногу; окончательно денегъ дается отъ 10 до 20 коп. сер. Получивъ деньги, большая подружка выдаетъ молодую ея отцу, который подводитъ ее къ новобрачному, своему зятю, и говоритъ: «даю табѣ, зять, жѣнку ни кривую — прямую; дай льну — пытай рубахи; дай ржи — пытай кагоръ. Даю табѣ косць — хошь глажи, хошь въ илредъ палажи.» За этимъ оба новобрачные кланяются отцу и матери въ ноги, а дружка вводитъ ихъ за столъ. Въ это время всѣ находящіеся въ избѣ, даже недоросли, кричатъ на подружекъ: «а што, баарки! гуляли да пили, да и молодую княгиню прапили; таперь свиней пасци! свиней пасци!» Послѣдній слова они повторяютъ по нѣскольку разъ. А подружки подсакиваютъ, между-тѣмъ, на лавкѣ, на которой сидѣли, и кричатъ, также по нѣскольку разъ: «мы князи абшивили; старой бабай падали!»

Посадивъ молодого съ новобрачною за столъ, за который садятся и всѣ поѣзжалые жениха и невѣсты (а еслд еств

мѣсто — и почетвѣйшіе гости, кромѣ *болрокъ* — подружек); дружка невѣстинъ, съ такими же церемоніями, какъ и при отпирвленіи невѣсты къ вѣнцу, вызываетъ всѣхъ, начиная отъ родителей, надѣлать и благословлять новобрачныхъ; только вмѣсто словъ: «ня я прашу, просиць княгиня маладая», онъ говоритъ: «ня я прашу, просиць князь маладой (имя и отчество) са сваёю княгинію маладою (имя и отчество).» Надѣляющимъ также подается по чаркѣ горѣлки, почерпнутой изъ ведра. По окончаніи надѣловъ, дружки и всѣ сидящіе за столомъ, попивая горѣлку, ужинаютъ; одни новобрачные ничего не ѣдятъ и только за каждую подачею кушанья на столъ кланяются. Въ-продолженіе ужина, когда хозяйка, или мать невѣсты, неся съ печи къ столу мису съ яичницей, скажетъ: «ахци какжа жарка яешня — руки спалила!», крестная мать новобрачной выбрасываетъ на нее изъ-за стола поясъ. За ужиномъ непримѣтно подносятъ дружкѣ невѣсты рубашку для жениха, а дружка привязываетъ ее къ рукояткѣ плети, поднимаетъ выше головы и кричитъ: «какая этой рубашки цана?» Цѣну назначаютъ гости, какъ кому разсудится, а крестная мать жениха откупаетъ ее деньгами отъ 15 до 25 коп. серебромъ, которыя отдаются матеря новобрачной. Въ-продолженіе ужина, дружка невѣстинъ, прикушавъ яичницу и хвали, что она очень смачна, дразнить новобрачныхъ, по-совывая къ нимъ яичницу и прося ѣсть; если женихъ, не зная этого обряда, захочетъ ѣсть, то дружка отдергиваетъ яичницу къ себѣ, и надъ женихомъ смѣются, что онъ до нея лакомъ. За оплошность новобрачнаго крестная мать невѣсты обязана выбросить хозяйкѣ другой поясъ.

По окончаніи ужина, когда встаютъ изъ-за стола, дружка невѣстинъ вводитъ молодыхъ въ исцѣпку, и они тамъ ужинаютъ, а въ избѣ между-тѣмъ даютъ ужинать тѣмъ гостямъ, которые не помѣстились за первымъ столомъ.

Во время ужиновъ, бабы, не сидящія за столомъ, поютъ застольныя пѣсни, а кто-либо изъ мужчинъ, женщинъ и дѣвухекъ пляшутъ подъ скрипку или подъ дуду.

Послѣ ужина, дружка вводитъ молодыхъ изъ исцѣпки въ избу и сажаетъ за столъ. Тогда отецъ и мать новобрачной надѣляютъ ихъ образомъ, они же кланяются родителямъ въ ноги; затѣмъ дружка новобрачнаго выводитъ ихъ на дворъ.

Между-тѣмъ выносить кубель новобрачной съ ея вещами; на кубель садится дружка молодой и просить всѣхъ одѣвнть его: крестная мать жениха откупаетъ кубель за 15 или 25 коп. сер., которыя отдаются матери новобрачной. Послѣ того кубель ставятъ на повозку, и при немъ садятся «вазила» и крестная мать молодой; послѣдняя же, т.-е. новобрачная, садится въ одну повозку съ мужемъ. Въ то же время усаживаются въ повозки всѣ поѣзжалые жениха и уѣзжаютъ къ нему въ домъ, а собравшіяся бабы поютъ веселымъ громкимъ голосомъ, повторяя по нѣскольку разъ, слѣдующія пѣсни:

1.

Съ Богомъ, съ Богомъ, дзицатка,
Са Христомъ, милая чала!
Давно цябя тамъ жадаюць,
Давно цяби дажадаюць!
Свѣчи ясны затапили,
Бѣлай церимъ асвадили.

2.

Яадка на бару расла,
Другая на другой стараны.
Яадка съ яадкой сакапилися,
Кирила съ Кацюшай салюбилися (имева новобрачныхъ);
Кирила Кацюшу
Сталъ спрашиваць:
«Душа мая, гдѣ ты была?»
Я была, Кирилка, душа мая,
Въ твоемъ виляномъ саду. —
• Кацюша душа,
Что ты дѣлала?»
Кирилка душа,
Брала ягоды. —
• Кацюша душа,
На чтожь ты брала?»
Душа мая Кирилка,
Тваму бацюшки,
Душа мая Кирилка,
Твоей матушки. —

У нѣкоторыхъ православныхъ поселянъ описываемаго мною околодка есть слѣдующій обычай: когда новобрачный

съ новобрачною приѣдутъ отъ вѣнца въ домъ родителей новобрачнаго, то послѣдній, вставъ съ телѣги, обязанъ, зайдя позади ея, обхватить новобрачную и приподнять; тогда она выльзаетъ изъ телѣги. Если новобрачная дородна, а телѣга, на которой она приѣхала, высока, сама же новобрачная не захочетъ приподняться, то иногда новобрачному тяжело приходится приподнять свою жену, иногда даже и невозможно. Въ такомъ случаѣ дружка или кто-нибудь изъ поѣзжалыхъ, видя, какъ новобрачный понапраспу трудится, кричитъ на новобрачную: «атажъ ты яво сарнешь, апусцилась и сядзишь «какъ присмолиная; цабя такую и всимъ мирамъ ни падни-«мижь.» Тогда новобрачная, какъ-будто бы съ помощью мужа, приподнимается и выльзаетъ изъ телѣги. Въ-продолженіе этой церемоніи, находящіяся при томъ гости и прочіе пришедшіе поглазѣтъ на свадьбу, особенно мужчины, смѣются и острятъ; одинъ говоритъ: «да ету карову и въ пицарыхъ ни паднимижь!» Другой: «ишь сядзиць какъ присмолиная!» Третій: «сколько, братъ (къ новобрачному), ни крячки, ни пыши, а видаць, што гораду ня взяць, кали самъ ня сласца.» Женщины по этому обстоятельству заключаютъ о будущихъ отношеніяхъ новобрачныхъ между собою: если мужъ подымаетъ молодую, то значитъ, что «верхъ будзиць мужиковъ», и что она во всю жизнь «будзиць слушаць и баятца мужика», т.-е. мужа; а если не подниметь, то предсказываютъ, что «верхъ будзиць жонкинъ», и что «ня жонка мужика, а мужикъ жонку будзя слушаць и баятца.»

Предбрачный день, или вечерини у жениха. Вечеромъ, когда уже зажгутъ въ избѣ огонь, женихъ, въ сопровожденіи двухъ братьевъ, подводится дружкой къ родителямъ. Дружка, точно такимъ же порядкомъ и съ такими же церемоніями, какъ на вечеринахъ у невѣсты, вызываетъ всѣхъ по старшинству благословлять; благословляющимъ женихъ кланяется въ ноги, а старшій братъ его, стоящій съ лѣвой стороны, за каждымъ поклономъ снимаетъ съ него шапку, держитъ надъ головою и потомъ опять ее надѣваетъ. Женихъ и братья бываютъ при этомъ случаѣ покрыты по плечамъ платками, а женихъ; сверхъ-того, непременно въ шапкѣ, которую, въ случаѣ поклоновъ, снимаетъ братъ; по

передъ столомъ шапка снимается на все время стола и кладется подъ божницу.

По окончаніи вызововъ къ благословенію, дружка сажаетъ жениха съ братьями за столъ и вызываетъ къ надѣламъ такимъ же порядкомъ и съ такими же обрядами, какъ и у невѣсты. Надѣльные деньги также бросаютъ на поставленную предъ женихомъ тарелку, а женихъ за каждымъ надѣломъ, сидя, кланяется; меньшей же дружка, почерпнувъ изъ ведра чарку горѣлки, подаетъ надѣляющимъ. За этимъ же столомъ сидятъ крестные отецъ и мать жениха. Надѣляютъ жениховъ одними только деньгами, отъ гроша до 10 коп. сер. По окончаніи надѣловъ, если есть мѣсто, сажаютъ за столъ почетнѣйшихъ гостей, подаютъ кушанья и ужинаютъ, попивая горѣлку; только женихъ ничего не ѣстъ и за каждою подачею стравы кланяется.

Послѣ ужина, дружка выводитъ жениха изъ-за стола и такимъ же порядкомъ, какъ у невѣсты, перекрестясь и поклонясь передъ образомъ, вмѣстѣ со всѣми сидѣвшими за столомъ, вызываетъ родителей, которымъ женихъ, въ благодарность за ужинъ, кланяется въ ноги; потомъ выводитъ въ сѣни жениха, который одинъ идетъ въ испѣлку ужинать, а въ избѣ подаютъ ужинъ для остальныхъ гостей. Въ продолженіе этихъ ужиновъ пляшутъ подъ скрипку или дуду и поютъ такія же пѣсни, какъ и у невѣсты. Разница вечеринъ жениха отъ вечеринъ невѣсты состоитъ развѣ только въ томъ, что у жениха не бываетъ тѣхъ громкихъ печальныхъ голошеній, которыя на вечеринахъ невѣсты до-крайности утомительны для слуха.

Обряды, соблюдаемые въ день брака у жениха. Вставъ рано, женихъ одѣвается въ испѣкъ въ то платьѣ, въ которомъ долженъ ѣхать къ вѣнцу, а именно: не-смотря даже на теплое время, надѣваетъ шубу и кафтанъ и по плечамъ покрывается платкомъ. Въ испѣлку приходитъ также дружка, сажаетъ жениха на квашню, велитъ ему снять съ правой ноги сапогъ и кладетъ туда, такъ же, какъ и у невѣсты, нѣсколько денегъ, завернутыхъ въ овечью шерсть; потомъ, когда сапогъ съ деньгами будетъ опять надѣтъ, дружка вводитъ жениха въ избу и, вмѣстѣ съ нимъ перекрестясь предъ образомъ, вызываетъ родителей и родственниковъ благословлять. Обря-

ды соблюдаютъ при этомъ тѣ же, что и у невѣсты. Потомъ дружка сажаетъ жениха за столъ и опитъ, такъ же, какъ у невѣсты, вызываетъ къ надѣламъ; каждому надѣвшему меньшей дружка подастъ по чарѣ горѣлки, черная изъ ведра, — а женихъ кланяется. Когда надѣлы кончатся, подають на столъ хушавья, и всѣ сидящіе за столомъ, особенно поѣзжалые, сѣдають; не ѣсть одинъ лишь женихъ, которому, какъ и вездѣ, слѣдуетъ вѣчаться натошакъ: онъ только кланяется за подачею каждой стравы.

По окончаніи свѣданія, дружка выводитъ жениха изъ-за стола и, перекрестясь предъ образомъ, обращается къ родителямъ и родственникамъ, вызываетъ ихъ принять благодареніе за хлѣбъ, за соль, проситъ благословенія и прощается; при этомъ женихъ кланяется родителямъ въ ноги. Послѣ того поѣзжалые, кланяясь на всѣ стороны, выходятъ на дворъ; все это происходитъ точно такъ же, какъ и у невѣсты. Собранныя бабы также поютъ пѣсню: «Бласлави, свѣтъ бабюшка, на Божай церкви вайди», и проч. Потомъ садятся въ повозки или сани: дружки — верхами, женихъ — съ братьями, и наконецъ прочіе поѣзжалые. Иногда, впрочемъ, женихъ съ братомъ ѣдутъ также верхами. При выѣздѣ ихъ, какъ и у невѣсты, поютъ пѣсню: «съ Богомъ, съ Богомъ, дзницатка, съ Христомъ; мила чада», и проч.

По прибытіи къ церкви, женихъ входитъ въ нее, такъ же, какъ и невѣста, въ сопровожденіи братьевъ и крестной матери, а позади ихъ идутъ крестный отецъ и дружка: къ вѣнцу подводитъ также крестная мать. Объ остальномъ, что происходитъ по совершеніи брака до возвращенія въ домъ невѣсты и до выѣзда оттуда съ нею въ домъ родителей новобрачнаго, мы уже говорили.

Какъ только молодой съ новобрачною вѣдетъ на свой дворъ, передъ крыльцомъ, если грязно, немедленно настилаютъ солону; родители новобрачнаго, освѣщая путь нѣсколькими зажженными лучинами, выходятъ къ нимъ на встрѣчу: отецъ въ обыкновенномъ платьѣ, а мать — въ вывернутой вверхъ шерстью шубѣ и въ такой же вывернутой вверхъ шерстью мужской зимней шапкѣ, подшитой овчинами. На вопросъ ихъ: «ци всё щаслива, ци всё харашо?», дружка отвѣчаетъ: «Слава Богу, всё щаслива и всё харашо; привѣзь вамъ князей

маладыхъ и добрыхъ и здаровыхъ.» Съ этими словами начинаютъ пить горѣлку, которую ваялъ съ собою отецъ, выходя для встрѣни; новобрачные кланяются родителямъ въ ноги; мать молодого мѣняется съ новобрачною пирогами, то-есть подаетъ ей небольшой пирожокъ, завернутый въ овечью шерсть, а новобрачная подаетъ ей такой же пирожокъ безъ шерсти; являвъ пирожокъ, мать новобрачной обхватываетъ свою дочь и говоритъ: «ну-тка, дачушка, наборимся: ци дзюжей ты мяня?» Молодая также обхватываетъ ее; обѣ показываютъ видъ, будто борятся, а гости между собою спорятъ: одни кричатъ: «наша взяла!» а другіе: «нѣтъ, наша взяла!» Въ это время дружка, видя странно одѣтую мать новобрачнаго, показываетъ удивленіе и, какъ бы пугаясь, говоритъ постороннимъ людямъ: «я етакой змян ищи съ роду нявидзидь; что тутъ будзясъ ей дзѣлаць!»; а крестныя матери новобрачныхъ, имѣя въ рукахъ по пирогу, поднимаютъ ихъ какъ можно выше и обѣ по нѣскольку разъ кричатъ: «Мой выше! мой выше!»; потомъ кладутъ пироги одинъ на другой: снизу пирогъ новобрачной, сверху — молодого; и подаютъ ихъ матери новобрачнаго, которая, взявъ пироги, входитъ вмѣстѣ съ отцомъ въ сѣни и затворяетъ за собою дверь на зашедку. Между-тѣмъ бабы, собравшіяся уже на дворъ, при вѣздѣ новобрачныхъ поютъ слѣдующія пѣсни:

1.

Ня была вѣтру навѣла,
Ня была дождю намачила,
Ня была тасцѣй панаѣхали,
Пріѣхаль Кирилка съ сваей княгивюшкой.
Выходи, бацюшка, на улушку,
Пираймай мяня, малодчика:
Привезъ табѣ слугу вѣрную,
Сабѣ жану маладую.»

2.

Сакалы, сакалы,
Гавѣшь вы бывали
Да кавожь вы видали?
Мы видали, видали
Сѣру вутку на мари.
Чавоць вы, сакалы,

Къ сабѣ яну ня взяли?

• Мы взяць яну ня взяли,
Сиза перья абарвали. •

Баяри, баяри,

Гдѣшь вы бывали?

• Далёка мы бывали,
Видли красну дѣвку,
Красну дѣвку въ циряму. •

Чавошь вы яну ня взяли?

• Мы взяць яну ня взяли,
Касу растряпали,
Па плячамъ распускали. •

3.

Паступай-ка, няжошка,

Паступай-ка, драчошка!

Ня виѣшь, няжошка,

Ня виѣшь, драчошка,

Ни талочь, ни малочь,

Па виѣшь, драчошка,

Ни по ваду хадзиць;

Въ насъ жа, няжошка,

Вѣдры пжалыя

И карамыслы кривыя;

Въ насъ жа, няжошка,

Жорны пжалыя,

Жорны пжалыя,

Мяльвы кривыя.

Дружка, вила, что дверь затворили на ващелку, крестить ее рукояткою плети, со словами: «Будзьца мила-сливы, ня буцьца спясивы, буцьца ласковы, примица пириначаваць.» Тогда отецъ новобрачнаго, отворивъ дверь, крестятъ рукою всѣхъ поѣзжалыхъ, а дружка беретъ за руку новобрачнаго, который держитъ также за руку свою молодую жену и вводитъ ихъ избу. Въ эту минуту крестная мать молодого опѣшать войти прежде всѣхъ въ избу, и новобрачная, входя туда, кидаетъ на печь поясъ. Тогда крестная мать новобрачнаго бросаетъ изъ избы, на встрѣчу входящимъ, по нѣскольку иригоршней ячменю, смѣшаннаго съ хмѣлемъ, а крестная мать молодой дѣлаетъ то же самое сзади, въ спину входящимъ, такъ-что многимъ онѣ засоряютъ глаза; при этомъ входятъ всѣ

остальные поѣзжалые. Войдя въ избу, всѣ крестятся предъ образомъ, а новобрачные кладутъ при этомъ земные поклоны.

Тогда дружка снова вызываетъ родителей, крестныхъ матерей и отцовъ и родственниковъ, каждаго порознь, съ такими же обрядами, какъ у невѣсты, благословить молодыхъ князей; сажаетъ точно также послѣднихъ за столъ на вывернутую шубу, ударяетъ по ней два раза крестъ-на-крестъ плетью, со словами: «шуба ни баитца шуму; ца нѣтъ въ ей блохъ? нада выгнаць!», потомъ вызываетъ, начиная съ родителей, всѣхъ по старшинству, надѣлать новобрачныхъ; при этомъ родители жениха также надѣляютъ молодыхъ пирогомъ, воткнувъ туда полтинникъ или цѣлковый, а новобрачные, привставъ оба вмѣстѣ, принимаютъ пирогъ и кланяются; затѣмъ надѣляютъ ихъ прочіе, и каждому надѣлившему кускомъ полотна или грошемъ подается почерпнутая изъ ведра чарка горѣлки, а новобрачные кланяются. По окончаніи надѣловъ, когда подаются на столъ стравы, и хозяйка, подавая яичницу, скажетъ, что обожгла руки, крестная мать новобрачной, такъ же, какъ и въ домѣ ея родителей, выбрасываетъ хозяйкѣ поясъ, и дружка, такимъ же порядкомъ, какъ у новобрачной, дразнить новобрачнаго яичницей. Молодые, какъ и у новобрачной, сидя за столомъ, ничего не ѣдятъ и только кланяются при подачѣ каждаго кушанья. По окончаніи ужина, дружка выводитъ новобрачныхъ изъ-за стола и, перекрестясь передъ образомъ вмѣстѣ съ ними, вызываетъ родителей; а молодые трижды кланяются имъ въ ноги; потомъ идутъ въ сопровожденіи дружки въ исцѣпку, гдѣ онъ сажаетъ ихъ ужинать и затѣмъ возвращается въ избу; когда же дадутъ знать, что новобрачные поужинали, дружка идетъ въ исцѣпку, вводитъ ихъ оттуда въ избу и креститъ при этомъ двери въ исцѣпкѣ и набѣ рукояткою плети. Новобрачные же, войдя въ избу, перекрестясь и поклонясь передъ образомъ, кланяются въ ноги, по вызову дружки, родителямъ и ближайшимъ родственникамъ.

Послѣ того дружка провожаетъ молодыхъ къ постели, которая обыкновенно готовится въ особомъ какомъ-нибудь чуланчикѣ, въ амбарѣ или въ сѣняхъ амбара, называемыхъ приклепью, иногда же въ овчарникѣ — небольшомъ хлѣвѣ, гдѣ стоятъ овцы.

Когда дружка съ новобрачными идетъ къ постели, за ними слѣдуетъ все собраніе—смотришь, «какъ будзя дружка маладыхъ спадъ складаць.» Подойдя къ постели, дружка пробуетъ ее руками, говоря: «ци мякка пасцель паслана?» и самъ на нее ложится, а новобрачная между-тѣмъ снимаетъ у мужа сапоги и вынимаетъ изъ одного положенныя туда дружкомъ, утромъ, передъ выѣздомъ къ вѣнцу, деньги, завернутыя въ овечью шерсть; потомъ сдѣваетъ свои сапоги и тоже вынимаетъ деньги. Дружка, между-тѣмъ, лежа на постели, кричитъ: «ахци, какъ мякка, хараша пасцель! каму яна ни слажана, а я самъ буду на ей спадъ.» При этихъ словахъ новобрачная бросаетъ ему поясъ, а онъ его принимаетъ и встаетъ съ постели. Тогда на постель ложится новобрачная и зоветъ къ себѣ мужа: «Кирила Мацьвѣвичъ, хадзи ка мнѣ спадъ!» Новобрачный тоже ложится, и когда онъ покроются, дружка, ударяя по новобрачнымъ три раза плетью, кричитъ: «гладзицяжъ, цалуйцясь, крѣпка абнимайцясь; кали я завтра найду васъ ни абнявшись, такъ на эта будзя.» Затѣмъ, затворивъ дверь спальни, всѣ возвращаются въ избу, поютъ, пляшутъ и ложатся тоже спать.

Солоткіе рожки, или утро послѣ брака. На другой день послѣ брака, утромъ, новобрачные не должны вставать сами. Къ нимъ идетъ дружка, и за нимъ все собраніе — «паднимаць молодыхъ», которыхъ съ этой минуты уже не называютъ *молодыми князьями*, а просто *молодыми*, новобрачную же — *молодухою*. Дружка, отворивъ спальню, ударяетъ три раза плетью по молодымъ, крича: «ци абнявшись вы спали? Что вы такъ долга спица? Вы привыкница и всё такъ долга спадъ! пара вставаць! вставайця!» Съ этими словами молодые встаютъ и одѣваются, а дружка вводитъ ихъ въ сѣни избы, гдѣ кто-либо изъ домашнихъ подаетъ имъ воду умыться и утиральникъ. Умываясь, стараются всплеснуть водой одинъ другому на ноги, и кому изъ нихъ удастся это сдѣлать прежде, за тѣмъ, по примѣтѣ, и останется старшинство, то-есть, если мужъ обольетъ ноги женѣ, то она будетъ его бояться, а если обольетъ прежде жена, то мужъ будетъ ей бояться.

Между-тѣмъ станятъ тутъ же въ сѣняхъ квашню. Дружка беретъ шубу, выворачиваетъ ее и, положи на квашню, уда-

рлетъ по ней крестъ-на-крестъ два раза плетью и самъ на нее садится. Тогда крестная мать новобрачной обвязываетъ его черезъ плечо поясомъ, а онъ, вставъ, сажаетъ на квашню молодую и, снявъ съ ея головы платокъ, говоритъ: «хтошь будзи таперь маладухи галаву клычиць?» При этихъ словахъ мужъ ея, стоящій тутъ же возлѣ, беретъ въ руку полу своего жафтана, третъ ею по головѣ жены, и тогда уже какія-нибудь двѣ женщины, находящіяся тутъ же, заплетаютъ ей косы. Вслѣдъ затѣмъ мужъ кладетъ ей на голову деньги, отъ 10 до 50 коп. сер., которыя покрываются обыкновеннымъ уборомъ замужнихъ женщинъ. Это называется: *повязывать маладуху*. Во время повязыванія, женщины и дѣвушки поютъ слѣдующія двѣ пѣсни:

1.

Въ нядзѣлю марозъ былъ,
Въ павядзѣлакъ иній цалъ,
На Кирилину (имя новобрачнаго) каморку,
На Кацюшину (имя новобрачной) заловку.
Растапися, баинка,
Разгарися, каменка,
Растужися, Кацюша,
Па сваей старонки,
И па роднай мамки,
И па своей касы русай.
Ня гарка гаряць калинка,
На пылка пылиць малянка,
Ня жалка плачиць Кацюша,
Ня жаль ёй, ня жаль матушки.

2.

Кто рано въ цырмю бурчиць?
Маладой Кирилка жану учиць:
Жана мая любезная,
Паслушай, што я табѣ скажу:
Есць въ мяня роднай бацюшка,
Есць въ мяня родная матушка;
Сцяли мы пасцельку мякошынька,
Кладзи вгалавья круцѣшынька,
А мы добраму моладцу милѣшынька.
Будвишь бацюшки съ матушкой
Ты вѣрная служавачка,

А нѣ, добрану молодцу,
Люба малада жена.

Послѣ повязыванія головы, молодые берутъ ведро пива и бутылку горѣлки и, въ сопровожденіи дружки, входятъ въ избу и ставятъ на столъ пиво и горѣлку; молодая кладетъ при этомъ на пиво поясъ, покрываетъ кускомъ полотна, аршина въ 2 или 3, а крестная ея мать ставитъ закуску, состоящую изъ яблокъ либо яицъ, — потомъ крестятся и кладутъ по нѣскольку поклоновъ передъ образомъ. Затѣмъ дружка вызываетъ всѣхъ, начиная съ родителей, по имени и отчеству—«баславляць и научаць маладыхъ.» Родители подходятъ къ столу, при которомъ съ умысломъ еще не убрана солома, служившая гостямъ постелью, и садятся на скамью. Молодые, поклонясь имъ въ ноги, лежатъ, пока отецъ не окончитъ поученія, состоящаго въ слѣдующемъ: Богъ васъ баславиць! живиця харашенька, адзинъ другога любиця и жааейця, старшихъ паважайця; и ты, дачушка (къ молодухѣ), паша избу, шумки за акно ни выкидывай, а кладзи яну ки мѣсту; я, даждавшисъ Св. Пятра, сбиру талаку и самъ шумку вывязу.» Слова: не выкидывай за окно шумы, то-есть сору, значать: что въ домѣ дѣлается, того другимъ не рассказывай, и не ябедничай. Окончивъ поученіе, родители поднимаютъ молодыхъ, говоря имъ: «встаньця, дзѣтки, баславиць васъ Гасподзь Богъ»; когда же они встанутъ, то родители цадаются съ ними. Затѣмъ, по вызову дружки, подходятъ всѣ родственники и почетнѣйшіе гости, садятся на ту же скамью, на то мѣсто; гдѣ сидѣли родители, попарно, то-есть по два, кто съ женою, кто съ сестрою, а когда не выходитъ пары мужчины съ женщиною, то садятся двое мужчинъ или двѣ женщины. Молодые должны передъ каждою такою парою, поклонясь, лежать въ ногахъ, пока одинъ изъ сидящихъ не окончитъ поученія, подобнаго родительскому, и пока не скажетъ: *встаньця! Богъ васъ баславиць.* Всѣ поучающіе и благословляющіе имѣютъ право, по окончаніи поученія, подаловать молодуху.

По окончаніи поученій, дружка вводитъ молодыхъ за столъ, накрытый скатертью, на которомъ лежатъ хлѣбъ и соль и принесенныя молодыми горѣлка, пиво и закуска. Лишь только молодые усладутся, свекровь, опять одѣвши въ вывернутыя

вверхъ шерстью шубу и шапку, какъ при встрѣчѣ; и навязавъ нѣсколько ключей на рукоятку плети или на какую-нибудь палку, поднимаетъ ключи вверхъ, брентить ими и вскакиваетъ на ту лавку, на которой сидятъ молодые. Это значитъ «выганияць молодыхъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, что они не такъ распорядились своими питьями и закусками, что все зависитъ отъ ея воли, что она старшая въ хатѣ, и что невестка обязана ее почитать, бояться и «глядѣць съ ея рукъ». Едва свекровь вскочить съ ключами на лавку, молодые какъ можно скорѣе выскакиваютъ изъ-за стола другою стороною, иногда даже чрезъ столъ. Послѣ того дружка проводитъ новобрачныхъ въ исцѣнку, гдѣ они остаются снѣдать, а самъ возвращается въ избу. Тутъ хозяйинъ сажаетъ его за столъ, вмѣстѣ съ прочими гостями, пить и закусывать принесенное молодыми. Между-тѣмъ свекровь беретъ къ себѣ полотно и поясъ, положенные на пиво, и подаетъ на столъ кушанье. Всѣ ѣдятъ, попивая горѣлку и пиво, и это называется *салоткіе рожки*. Кому случится быть за столомъ на этомъ пиру или только пить тамъ въ это время горѣлку, и у него спросятъ, гдѣ онъ былъ или пилъ, то онъ отвѣчаетъ: «на салотнихъ рожкахъ.»

Послѣ салоткихъ рожекъ, молодые, поспѣдавъ, приходятъ изъ исцѣпки въ избу. Тогда дружка беретъ со стола какую-нибудь порожнюю посуду и ставитъ ее въ печь, говоря: «таперъ ня нада; пусъ гаряць.» Молодуха покрываетъ посуду кускомъ полотна, а свекровь беретъ его себѣ и ставитъ посуду на мѣсто. Затѣмъ одна изъ домашнихъ женщинъ беретъ вѣнникъ и говоритъ: «надабъ ба падпахачъ избу, да вѣнникъ развязавшись.» Молодуха бросаетъ на вѣнникъ поясъ. Послѣ того другая женщина, обратясь къ молодой и взявъ ведро, говоритъ: «нада схадзиць за водой, да пачѣпки ня крѣпки.» Молодуха идетъ съ ней по воду и бросаетъ ей на ведро поясъ. Наконецъ, та же или другая женщина отзывается, что нужно сходить дать скоту корму: молодуха идетъ съ нею и, войдя въ овчарникъ, бросаетъ тамъ поясъ.

За этими церемоніями начинается пляска. Сперва дружка беретъ молодуху и, поплясавъ нѣсколько съ нею, получаетъ за то въ подарокъ кусокъ полотна или поясъ. Вслѣдъ затѣмъ

свекровь просить родственников и почетнейших гостей, каждого порознь, поплясать съ молодухою, и каждый поплясавшій съ нею получаетъ подарокъ. Подарки эти раздаетъ свекровь. Они состоятъ обыкновенно изъ куска полотна, аршина въ 2, или изъ узенькаго шерстянаго пояса. Новобрачная привозитъ подарки съ собою и отдаетъ свекрови, для даренія кому слѣдуетъ, по ея усмотрѣнію. Когда же молодуха перепляшетъ со всѣми тѣми, кого свекровь о томъ просила, тогда всѣ пляшутъ уже безъ подарковъ, и съ молодухою и съ прочими, кто съ кѣмъ желаетъ; поютъ пѣсни и наконецъ потчуютъ гостей обѣдомъ, за который вмѣстѣ съ ними садятся и молодые. Послѣ обѣда гости развѣзжаются, чѣмъ свадебный пиръ и оканчивается.

Примѣчанія. 1-е. На свадебныхъ пирахъ почитаются гостями только приглашенные, «званье.» По обычаю, всѣ званые гости, хотя бы нѣсколько особъ изъ одного семейства, обязаны, идя на свадьбу, принести съ собою, каждый, по крайней-мѣрѣ по пирогу, вѣсомъ фунтовъ въ шесть (см. статью о пищѣ крестьянъ); тѣ, которые позажиточнѣе, приносятъ иногда, сверхъ пироговъ, гусей и мяса, четверть баранины или окорокъ свинины. Приглашающіе гостей на свадьбу между-прочимъ говорятъ: «ня буцъца спясивы, буцъца ласкавы! ня буцъца ласы, насыца съ сабой и хлѣба и мяса.» Эти «гостинцы» отдаются хозяинѣ, съ словами: «Малая примица, а набольшая выба-чайца.» Званымъ гостямъ, когда они уѣзжаютъ или уходятъ, дается каждому не менѣе полвилога гостинца. Не званыхъ же гостей и не принесшихъ гостинцевъ очень рѣдко сажаютъ за столъ; они довольствуются только чаркою горѣлка, иногда только тою, которую имъ почерпнуть изъ ведра за то, что они надѣлятъ невѣсту или жениха грошемъ; потому-то эти гости, когда идутъ на свадьбу, обыкновенно говорятъ: «идзѣмъ на свадьбу глазъ вуки исць», то-есть только насытить глаза.

2-е. Во время свадебныхъ обрядовъ, какъ передъ бракомъ, такъ и послѣ брака, когда сажаютъ за столъ невѣсту или жениха, или обомъ вмѣстѣ, и когда они приходятъ креститься и кланяться передъ образомъ, невремѣнно

должна передъ вѣною теплиться восковая свѣча. Передъ бракомъ, и у невѣсты и у жениха, теплится по одной свѣчѣ; а послѣ брака, когда приходятъ къ образу и садятся за столомъ оба молодые, теплится двѣ свѣчи.

3-е. Одна или двѣ скрипки или скрипка съ дулою составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ брачныхъ церемоній: онѣ встрѣчаютъ и провожаютъ жениха и невѣсту, даже до самыхъ дверей церкви, и отъ нихъ до дома новобрачныхъ. Если погода хороша, то скрипачъ, сидя въ повозкѣ позади ѣдущихъ къ вѣнцу или отъ вѣнца, безпрестанно пилятъ смычкомъ по струнамъ, когда ѣдутъ къ вѣнцу—прощальные пѣсни, а отъ вѣнца—встрѣчныя.

4-е. Если у жениха или у невѣсты нѣтъ отца или матери, или они круглыя сироты, и нѣтъ ни отчима, ни мачихи, которые бы могли заступитъ ихъ мѣсто, то мѣсто отца заступаетъ хозяинъ, а мѣсто матери—хозяйка того дома, въ которомъ живутъ невѣста либо женихъ.

5-е. Описанная нами полная свадьба, со всѣми обрядами, бываетъ только у достаточнѣйшихъ крестьянъ; свадьбы крестьянъ посредственнаго состоянія и бѣдныхъ различаются отъ описанной тѣмъ, что у невѣсты и у жениха не бываетъ вечерницъ, и новобрачная, послѣ брака, прямо изъ церкви, не заѣзжая къ своимъ родителямъ, ѣдетъ, вмѣстѣ съ мужемъ, къ нему въ домъ. Притомъ у бѣдныхъ къ свадьбѣ не варятъ пива; мѣсто его заступаетъ обыкновенный квасъ.

6-е. Когда новобрачная въ первый разъ идетъ въ баню, то въ каменку, то-есть въ печь, бросаетъ грошъ или копейку, и когда въ первый разъ идетъ по воду къ колодезю, озеру или рѣкѣ, то также бросаетъ туда грошъ, для того, чтобы ей во всемъ счастливилось.

7-е. Зѣвшіе крестьяне чрезвычайно суевѣрны. Особенно о приключеніяхъ, бывающихъ на свадьбахъ, они рассказываютъ много нелѣпостей, съ полною увѣренностію, что эти приключенія дѣйствительно случались и впредь могутъ случаться. Они увѣряютъ, что есть люди, *дарожиты* и *голоситы*, которые, будучи на свадьбахъ и нѣмѣ

какое-нибудь зло на хозяина дома, или же на новобрачныхъ, либо на дружку, оборачиваютъ ихъ, а иногда всѣхъ свадебныхъ поѣзжидыхъ, въ волковъ, и эти волки, *оборотни*, бываютъ самые опасные для людей, потому что, бывши сами людьми, они уже ихъ такъ не боятся, какъ настоящіе волки. Рассказываютъ также, что люди, знающіе ворожбу, присутствуя на свадьбахъ, напускаютъ на дружекъ сонъ, такъ-что они не могутъ дѣйствовать; что, во время переѣзда съ новобрачными къ родителямъ молодого, весь поѣздъ, дѣйствіемъ ворожбы, подвергается разнымъ приключеніямъ, которыя останавливаютъ поѣздъ: напримѣръ, вдругъ, неизвѣстно отчего, станутъ лошади, и никакими средствами нельзя ихъ заставить идти; либо увидятъ, что ѣздъ препятствуется потеря колеса; а между-тѣмъ случайно встрѣтившійся съ поѣздами человекъ, видя, что колеса всѣ цѣлы, и вѣтъ никакихъ препятствій, увѣряетъ ихъ въ томъ, — и затѣмъ свадьба безостановочно продолжаетъ путь, какъ-будто бы отъ глазъ посторонняго человека ворожба потеряла свою силу. Бываютъ также, по рассказамъ крестьянъ, случаи, что на встрѣчу ѣдущей свадьбѣ скачетъ по дорогѣ вѣнникъ, отчего поѣздъ останавливается, и дружка, если самъ не знаетъ ворожбы, приходитъ въ недоумѣніе, а знающій ворожбу вдругъ закричитъ: «пима сосны да въ коринь!», и съ этими словами вѣнникъ исчезнетъ изъ глазъ, и свадьба продолжаетъ путь. Крестьяне много рассказываютъ вѣдностей, слѣпо вѣря, что все это можетъ случаться. Навѣрное извѣстно только то, что, на свадьбахъ, крестьяне, особенно дружки, подмѣшиваютъ что-то въ горѣлку, такъ-что выпившій поднесенную имъ чарку подвергается неспособнымъ болѣзненнымъ припадкамъ, для излеченія которыхъ обыкновенно прибѣгаютъ также къ ворожбитамъ, а они иногда вылечиваютъ, иногда же отказываются отъ леченія, говоря, что наущенная болѣзнь превышаетъ ихъ знанія. Такіе больные, нерѣдко мучась полгода или годъ, умираютъ. Болѣзни эти, вѣроятно, происходятъ оттого, что зломыслящіе люди, подавая чарку горѣлки, всыпаютъ въ нее непримѣтно что-нибудь ядовитое.

Извѣстно также, что свадьбы ѣздятъ всегда по ночамъ, и притомъ пьяныя, и потому онѣ подвергаются въ дорогѣ частымъ приключеніямъ и остановкамъ, которыя, по мнѣнію крестьянъ, происходятъ отъ ворожбы.

На свадебныхъ пирахъ, во время стола, поются слѣдующія пѣсни :

1.

Кака свива моря цвѣточки свѣюць,
Кака стала князи баари свѣѣмъ;
На томъ, на сѣмъ все шапачки пуховыя,
А на большамъ дружиньки саболя;
Саболю вѣтрамъ вѣя — ни развѣя,
А дажомъ моча — ни размоча.

2.

Ахъ, вы мои сѣни, сѣни новыи маи!
Пириходы частыи, скорыи!
Миѣ па сѣнюшкамъ ня хаживаць,
Сваляа дружка ня важиваць;
А хашъ ня важиваць, да ня сказываць.
Я пускала сакала са правава рукава,
Са правава, са лѣвава, са бумажнава;
Ты ляци, саколъ, высако, далако,
На радзиму старану, къ маму бацюшки.

3.

На дужку дѣвѣки гуляи,
Разгуливали.
Адна дѣвка цвѣтокъ рве.
Другаа вянокъ вѣе.
И за рѣчкай дружокъ,
И за быстрай дружокъ,
Черивъ рѣчку мастокъ,
Черивъ быстру мастокъ;
Калинъ мастокъ абламылся,
Дружокъ въ ваду ввалился
И въ вады стайць,
А сударушка падбязала,

За ручиньку падзяржала,
Сь вады вонь вяла;
А другая падскічыла,
Цвѣтна плацьца паднасла,
Звіла ва лясокъ,
Падъ ракітавай кустокъ,
Солнашкі прагляяя,
Цвѣтна плаційка абвяяя,
И мы пайдзёмъ дамой.
Ни лайшолши да дварца,
Цалавала маладца,
И распрачалася:
— Ты прасци, прасци, милая,
Сударушка дараган!
Ни забудзь мяня.
— Калі я цябя забуду,
На свѣци жиць ня буду
И заразь я ваіру. —
— Варацися ты, Кацѣша:
За табой маіхъ два гроша —
Ци ни пара мнѣ атдаць.
Ни атдашь ты маіхъ дзенякъ,
Палюблю я сяміхъ дзѣвакъ —
Табѣ будзя жаль.
Варацилася Кацѣша,
Падала яму два гроша —
Люби мяня апяць.

4.
На салочку зяляночку
Паюць дробныя пташкі,
Чтобы звала маладзенька
Пра пташкіны пѣсни,
Написала бь тыи пѣсни
На бѣлу бумагу,
Ябь паслала тыи пѣсни
Ка милому другу;
Ци пазволишь, другъ сярдзешнай,
Харашо хадзіці,
Аднаво любіці?
Ни хадзі, мая надзежда,
Ва пирь, ва бистду,

Ни садзись, мая надзежда,
Працинь халастова.
Халастой глазами праводзя,
Всё съ-ума выводзя,
Съ нами на нагу ступая,
Всё вонь высылая.
Прашу, прашу, другъ сардзешнай,
На начь на хвацэру,
На мякку пасцельку,
На крутое вьзгаловья,
Маладцу на здаровья.

5.

Нонѣча кури пѣли питунамъ,
Чужи жонки завладали мужикамъ.
И вазьму я мужа за чуприну
И палажу яво палъ лавку:
«Ляжи, шельма, тутъ,
Пакуль набду кнутъ»,
И я кнута ни нашла,
И я мужа ня била.
Мужь миѣ пакарился
И въ ноги пакланился:
«И спасиба жена,
Что ня била мяня!»

6.

Надъ райкой, надъ быстрай.
Станць калынка.
Никто ей ни дастая,
Ни бизъ чаяна, ни бизъ вясла,
Ни бизъ крутова биражка.
Атавался марозъ,
Что я дастану цябя
И бизъ чаяна, и бизъ вясла,
И бизъ крутова биражка.
Хвалилася Кацѣша (имя невѣсты),
Что ни вазмешь ты мяня,
Ни бизъ пива, ни бизъ мѣду,
Ни бизъ нискава павлона.
«Ни хвалися, Кацѣша!
Дастану я цябя

И бязь пива, и бязь мѣду,
И бязь нискава паклону*.

7.

Купалася дзязьчина
И плѣскалася.
Бирягиса, дзязьчина,
Бирягиса, любчина!
Сама самой ни хадзи,
Въ астравочить ни впадзи,
Въ астравочку тамъ залесся,
Къ биряжочку ни прибесся.

8.

Ни сядзи, бацюшка, ва лавици
Снаражай, бацюшка, бясьдушку
Мнѣ, добраму моладцу.
• Мая дзиза! табѣ снаражана,
Дзѣвиць варей пива сварина,
Дзязьтая зылана вина выкурина. •
Ни сядзи, маманька, ва лавицы:
Снаражай, маманька, бясьдушку.
• Дзиза маё милая! табѣ сваражана,
Дзѣвиць пячей хлѣба спечина,
Дзязьтая всѣ рлжаниковъ* (пироговъ),
Ни сядзи, Кацѣша (имя невѣсты), раздумайся!
На вси юсци твай сабралися:
Нѣтъ твоёй родной маманьки,
Пашли пасловъ па маманьку.
Паслалъ пасолъ нискай паклонъ, —
Нискай паклонъ да сырой зямли.

Если невѣста сирота, то поется еще слѣдующая пѣсня :

9.

Дубровушка зеленая!
Да штошь въ цябя дубья многа,
Дубья многа, зялешава виводнава,
Некаму пашумѣць,
Дубровушку взвислиць?
Бацякъ многа, а роднава ни воднава,
Къ стагу ни приходзяць,
Блаславенья ни приносяць.

Если женихъ сирота, то поется слѣдующая пѣсня :

10.

Штошь ъты кони
Па дугамъ папушаны,
Сирябромъ папутаны,
Шолкамъ памузаны?
Еты кони Кирилки сиротини;
Патдзя ёнь жанитца
Въ чужую сторону,
Въ чужую старонну,
Сабѣ па женну,
Татки па служанку.

Вотъ еще нѣсколько свадебныхъ пѣсень, доставленныхъ изъ Леппельскаго уѣзда :

Пѣсня свахи боярнамъ.

Псицы баярки, псицы!
Созаць якъ лисицы:
Ни гарблочки ни пьюць,
Ни пѣсень ня пляць.

Къ молодой.

Чаму ты, Аудотка, ни плакала,
Якъ цабѣ молодую заручали,
Золотыя парціонки мяняли,
Горкой гарблкой запивали,
Солодкимъ перничкомъ (пряничкомъ) закусывали?

Свахи поютъ, когда женихъ въѣзжаетъ на дворъ къ невестѣ.

Наѣхаа госьци
Съ чужой волосци
Повинь дворъ. 2.
• Угадай, мая Настухна,
Который твой? • 2.
— Што на хаму сивыжь,
Да у жупанѣ синимъ,
Свякроу мой;
Што жонь заравелькій,
Да самъ маладзенькій.

Дзеверь мой ;
А што у ватласть
На конику пляще —
Вотъ гета мой. — 3.

Когда принимаютъ молодыя.

Курки подъ печь лезуць.
«Да ня бойдися, курки!»
Ня много васъ нады :
Семь, семь на вичеру,
Восьмѣя на плячю (жаркое),
Дзевятай на снѣданье,
Дзесятая на одвѣджане,
Гуску на закуску,
Милицку на затычку.

Послъсвадебный визитъ, или переземки. Послъ обѣда, въ тотъ же день когда были солоткіе рожки, то-есть на завтра послѣ брака, иногда же и чрезъ недѣлю, новобрачный, взявъ съ собою бутылку горѣлки, ѣдетъ къ родителямъ молодой своей жены звать ихъ къ себѣ въ гости. Прибывъ туда, онъ ставитъ бутылку съ горѣлкою на столъ и, прекрестясь передъ образомъ, кланяется въ ноги тестю и тещѣ, потомъ всему семейству, каждому порознь, отдавая по три поклона. Послъ поклоновъ, онъ проситъ тестя съ тещею прибыть къ нему въ гости, и при этомъ объявляетъ, сколько именно особъ родители велѣли ему звать изъ ихъ дома: трехъ, четырехъ, или болѣе (обыкновенно болѣе шести не ѣздятъ). Затѣмъ, молодого зятя сажаютъ за столъ, пьютъ, привезенную имъ горѣлку и потчуютъ его чѣмъ Богъ послалъ. Немедленно послѣ того, новобрачный уѣзжаетъ, и въ слѣдъ за нимъ, а иногда и вмѣстѣ съ нимъ, ѣдутъ къ нему на ночь, обыкновенно вечеромъ поздно, и упомянутые званые гости, т.-е. тесть съ тещею и ихъ товарищи. Они берутъ съ собою, такъ же какъ и на свадебный пиръ, по крайней-мѣрѣ по пирогу на каждого.

Когда тесть съ тещею придутъ въ домъ зятя, дочь-шур, молодуха, ставъ рядомъ съ мужемъ, вмѣстѣ съ нимъ кланяется имъ въ ноги, обнимъ по три раза. За симъ нѣтъ ужь

никакихъ церемоній: тестя и тещу встрѣчаютъ; потчуютъ и провожаютъ какъ обыкновенныхъ почетнѣйшихъ гостей и при отъѣздѣ ихъ даютъ имъ также пироги. Это первое послѣ брака угощеніе тестя съ тещею называется *перезысками*. На перезыскахъ непремѣнный обычай, чтобъ гости, то-есть тесть съ тещею, ночевали у зятя, или три, или одну, но не двѣ или четыре noci.

Послѣсвадебные отзѣвки. Послѣ *перезысковъ*, не дажѣ, какъ черезъ недѣлю, новобрачный съ молодоухою, съ своими родителями и съ нѣсколькими лицами изъ ихъ семейства, должны побывать въ гостяхъ у родителей новобрачной: это посѣщеніе называется *отзѣвками*. Зовутъ на отзѣвки или на перезыскахъ, или же, послѣ нихъ, нарочно посылаютъ для того кого-нибудь изъ дому. На отзѣвкахъ гости ночуютъ также или одну, или три, но не двѣ или четыре noci. Особыхъ обрядовъ на отзѣвкахъ никакихъ не соблюдается.

Примѣчаніе 1. Въ крестьянскомъ быту самыя значительныя издержки суть свадебныя. Къ нимъ крестьяне не только готовятъ впередъ года за два или за три, но иногда и послѣ свадьбы, въ теченіе года и болѣе, уплачиваютъ долги, сдѣланные на покрытіе свадебныхъ расходовъ.

Примѣчаніе 2. На свадьбѣ вдовца со вдовою не бываетъ никакихъ обрядовъ, слѣдовательно такая свадьба не вводитъ въ значительные расходы. Такіе женихи и невѣсты, помолясь предъ образомъ, безъ гостей, отправляются въ церковь къ вѣнцу и, возвратясь изъ церкви, принимаются безъ всякихъ обрядовъ и излишнихъ расходовъ; но если женится вдовецъ на дѣвушкѣ или вдова выходитъ замужъ за холостяга, то соблюдаютъ только обряды, изстари принятые для холостяга или для дѣвушки; въ отношеніи же къ вдовцу или вдовѣ они опускаются.

У католиковъ.

Послѣ римско-католическаго исповѣданія свадьбы большею частію называютъ «вясельемъ». У нихъ сватовство раздѣляется не на четыре разряда, какъ у православныхъ, а толь-

ко на три, именно: первое сватовство, второе сватовство, или «заявки», и третье сватовство, или «заручины», то-есть обручение. Первое и второе сватовство католиковъ съ первымъ и вторымъ сватовствомъ православныхъ никакой замѣтной разницы не имѣютъ. Третье же, послѣднее сватовство — заручины: — у католиковъ происходитъ совершенно иначе, чѣмъ у православныхъ, а именно:

Въ назначенный при второмъ сватовствѣ день для заручинъ, женихъ самъ, съ родителями или, если ихъ нѣтъ, съ заступающими ихъ мѣсто, и съ сватомъ прѣзжаетъ подвѣчеръ въ домъ невѣсты, которая въ это время находится «съ боярками» въ пещепкѣ. Завидѣвъ подѣзжающихъ сватовъ, невѣста съ боярками начинаютъ голосить:

Прихадзи, мая маманька-кармилица!

Прихадзи къ маму столику близѣшнью!

Прибаси азата, серибра на мнѣ!

Мнѣ на дорага тваѣ азата, серибра:

Мнѣ дорожи твае басловенїца!

За этими словами приходитъ мать невѣсты. Послѣдняя, кланяясь матери въ ноги, голосить съ подружками:

Баслави, мая маманька-кармилица,

Баслави мяня, маладзѣшньюку,

Чи я табѣ, маманька, наздакучила,

Мая кармилица маманька,

Што мяня равѣшанька замужъ атаешъ?

Чаму навчила маладзѣшньюку

Чужимъ таткамъ угадзиць,

Чужимъ мамкамъ уладзиць,

Чи паходухной, чи работухной?

На это мать говоритъ: «маѣ дзитухно, маѣ дарагое, будзъ всякаму паслушна, будзъ всякаму пакорна, ранненька вставай, познненька лажись!», крестить невѣсту и уходитъ. Потомъ приходитъ отецъ невѣсты, которому она также точно кланяется и голосить, приговаривая, вмѣсто слова: «маманька — татанька». Отецъ, перекрестя невѣсту и сказавъ: «дай Богъ шаслива!», уходитъ въ пѣбу. Затѣмъ невѣста ходитъ по

исцѣпкѣ и по сѣнямъ и, голоса: «баславица мня, маладзѣ-
шницку!», кланяется всѣмъ въ полѣ-полеа. (У католиковъ
земные поклонны дѣлаются только однимъ родителямъ или за-
ступающимъ ихъ мѣсто.) Между-тѣмъ, сватовъ, прибывшихъ
на «заручины», встрѣчаютъ какъ дорогихъ гостей, вводятъ
въ избу, принимаютъ отъ нихъ привезенную, по договору, го-
рѣлку, и накрываютъ столъ, на который сваты кладутъ два
сыра и два пирога и ставятъ двѣ бутылки горѣлки. Когда же
сборы кончатся, отецъ и мать невѣсты придуть отъ нея изъ
исцѣпки въ хату и гости, прибывшіе на заручины, тоже собе-
рутся въ хату, а свать начнетъ потчивать своею горѣлкою и
закускою, то-есть пирогомъ и сыромъ, — тогда находящійся
туть же «накосникъ» (такъ называется мужчина, нарочно на-
бранный вмѣсто брата невѣсты, — изъ дѣйствительныхъ
братьевъ, если есть, или изъ ближайшихъ родственниковъ),
выступя на средину хаты, говоритъ гостямъ: «госци званыи,
браныи! баславица сястру въ хату ввасци!» На это они от-
вѣчаютъ: «няхай Богъ баславицы!» «Накосникъ» уходитъ
тогда въ исцѣпку къ невѣстѣ, безъ всякой церемоніи, беретъ
последнюю за руку и вводитъ въ хату, гдѣ она «витається»
(дѣлаетъ привѣтствіе) склоненіемъ головы и подачею руки съ
прибывшими будущимъ свекромъ и свекровью, а также и съ
сватомъ; къ жениху же не подходитъ, будто бы не замѣчая,
что онъ тутъ же находится. Затѣмъ гости шутятъ, говоря:
«Агеся! каго бѣ нада дѣрва за всихъ заглядзѣць и пацала-
ваць, таго и ни забачила!» Послѣ привѣтствій, родители же-
ниха подають невѣстѣ, изъ числа поставленныхъ ими на
столъ, одну бутылку горѣлки, одинъ сыръ и одинъ пи-
рогъ, говоря: «ета вазми, а набольшая сама зараблай, рана
вставай, а ни засыпайся!» Невѣста, принявъ эти подарки,
уходитъ съ боярками въ исцѣпку, гдѣ ихъ и потчуетъ всѣмъ
этимъ. По выходѣ невѣсты изъ хаты, ставятъ на столъ ку-
шанье, приносятъ еще горѣлки и пива и потчуютъ сватовъ и
всѣхъ гостей ужиномъ; только женихъ, сидя за столомъ, ни-
чего не ѣстъ. Послѣ ужина, невѣста, въ сопровожденіи боя-
рокъ и матери, держащей въ рукѣ тарелку съ «хусткою»
(платкомъ) и поясомъ, подходитъ къ жениху, и мать подаетъ
ему тарелку съ подаркамъ, а женихъ, взявъ ихъ къ себѣ,

кладеть на тарелку въ подарокъ невѣстѣ деньги, отъ 25 коп. сер. до цѣлковаго. Принимаетъ деньги мать. Послѣ окончательнаго совершенія такимъ-образомъ «заручивъ», женихъ съ невѣстою и боярками немедленно отправляются въ исцѣнку ужинать; гости же, находящіеся въ хатѣ, въ-продолженіи ужина женихъ и невѣсты, ведутъ между собою разговоръ. Поужинавъ, женихъ съ невѣстою и боярками идутъ, въ сопровожденіи музыки (скрипки либо дуды), изъ исцѣнки въ хату, и тутъ начинается такъ-называемое у крестьянъ «гулянья», состоящее въ томъ, что сперва пропляшетъ женихъ съ невѣстою, а потомъ всѣ гости, кому съ кѣмъ вздумается. У католиковъ, какъ и у православныхъ, однѣ женщины, или одни мужчины между собою не пляшутъ; у нихъ женщины всегда пляшутъ съ мужчинами. Эта пляска, или «гулянья», при потчиваніи горѣлкою и пивомъ, продолжается иногда всю ночь до разсвѣта.

Послѣ «заручивъ», то-есть съ той минуты, когда женихъ приметъ отъ невѣсты поданные ему матерью ея платокъ и поясъ, и, въ-замѣнъ того, положить на тарелку для невѣсты деньги, — оба, женихъ и невѣста, становятся у здѣшнихъ поселенъ католиковъ какъ бы супругами, какъ-будто бы они уже были обвѣнчаны, съ тою только разницею, что до вѣнца невѣста должна жить у своихъ родителей. Съ этихъ норъ жениха называютъ «молодымъ», а невѣсту — «молодухою», т.-е. новобрачными, или новоженцами. Поэтому женихъ съ невѣстою недолго присутствуютъ на пиру «заручивъ». У невѣсты обыкновенно бываетъ приготовлена постель въ амбарѣ либо въ какомъ-либо чуланѣ, и молодые сами-собою, никѣмъ не-сопровождаемые, непримѣтно уходятъ влвоемъ и встаютъ на утро также сами собою, безъ участія постороннихъ лицъ.

Съ самаго дня «заручивъ» до наступленія брака, женихъ старается каждую ночь для по-крайней мѣрѣ какъ можно чаще бывать въ домѣ родителей невѣсты; приносить съ собою гостинцы для «молодухи» — яблоки и т. п., и если прибудеть рано свечера, то мать невѣсты нерѣдко потчуетъ его въ спальнѣ невѣсты какою-нибудь лакомою закускою — личницею и т. п., строго внушая ему и дочери своей правила нравственности и цѣломудрія.

На эти ночлеги женихи обыкновенно отправляются послѣ ужина пѣшкомъ, а если невѣста живетъ версть за пять и дальѣе, то верхомъ на лошади. Женихъ, не рачительно выполняющій эти предбрачные визиты, подвергается упрекамъ. О немъ бабы говорятъ: «каки юнъ цяперъ лянница часта прихадзиць къ сваей нявѣсты, такъ послѣ шлюбу (вѣнца), можа, на яну и глядзѣць ни захоча; видаць по всаму, што ни будзя ни любинь, ни жалѣць.»

У зажиточнѣйшихъ поселянъ совершеніе брака послѣ «заручинъ» откладывается на довольно продолжительное время, иногда на нѣсколько недѣль, даже до полгода и дальѣе. Послѣдствіемъ того бываетъ, что внушенія матери верѣдко остаются безъ дѣйствія, и хотя это не ставится въ порокъ, однако, подаетъ поводъ къ насмѣшкамъ. Съ особеннымъ презрѣніемъ отзываются объ описанныхъ обычаяхъ православные поселяне. Они говорятъ: «ета савсимъ биззаконна и стыдна и грѣшна и смѣшна».

Предбрачный день, или вечерини у невѣсты. Наканунѣ того дня, когда быть браку, ввечеру, женихъ, въ сопровожденіи двухъ «маршалковъ», «кубельника», «вазилы», «свата» и «свашки» (*), пріѣзжаетъ къ невѣстѣ; тутъ ихъ встрѣчаютъ и угощаютъ какъ обыкновенныхъ гостей, безъ всякихъ особыхъ обрядовъ. Тамъ же бываютъ гости, приглашенные со стороны невѣсты, и всѣ гуляютъ почти всю ночь, какъ и на заручинахъ, съ тою только разницею, что женихъ съ невѣстою обыкновенно бываютъ того дня у исповѣди и святаго причастія, и потому жениху не дозволяется проводить эту ночь въ домѣ родителей невѣсты. Невѣста ложится спать съ боярками.

Обряды, соблюдаемые въ день брака у невѣсты. Рано утромъ, послѣ вечеринъ, то-есть въ день брака, невѣста съ подружками, лишь только проснутся, начинаетъ голосить:

Вставьця, маи милыи падружки!

Мы заспалися, запазнилися!

(*) Маршалки то же, что у православныхъ дружки; кубельникомъ называется тотъ, кто везетъ кубель и прочее приланое; вазила — кучеръ жениха, какъ и у православныхъ; сватъ — тотъ, кто сваталъ невѣсту; въ свашки выбирается женщина изъ почетнѣйшихъ родственницъ невѣсты.

Чи спалася вамъ гета цѣмвая ночка?
А мнѣ ня спалася, малалѣшанькай,
Мнѣ сны снилися викарысныя :
Мнѣ снилася чужа дальная старонка,
Мнѣ снилася няроднай татка, няродна мамка!

Послѣ этихъ словъ, невѣста съ подружками идетъ въ хату
и тамъ голосить :

Пазволь, мой татухна роднинкай,
Пазволь, мая мамухна родная,
Пазвольца буйнаю галаву часаць,
Пазвольца русаю касу вплятаць!
Я дасюль, маладзѣшненька, ни давалялася,
Я дасюль ни давалялася, ни пыталася.

Затѣмъ отецъ и мать, перекрестивъ невѣсту, говорятъ:
«дай Богъ щаслива!», а невѣста голосить :

Спасиба, мой татанька роднинкай!
Спасиба, мая мамухна родная!
Што пазволили буйную галаву часаць,
Што пазволили русую касу вплятаць.

Съ этими словами невѣста кланяется родителямъ въ ноги
и уходитъ съ боярками въ исцѣнку, гдѣ ее сажаютъ, какъ у
православныхъ, на квашню, чешутъ ей голову и пришили-
ваютъ нѣсколько цвѣтовъ, приготовленныхъ изъ разноцвѣт-
ныхъ лентъ; головы не покрываютъ болѣе ничѣмъ и все опи-
санное дѣлаютъ безъ всякихъ особыхъ обрядовъ. Въ этомъ
уборѣ невѣста становится и подъ вѣнецъ.

По окончаніи чесанія головы, передъ отправленіемъ невѣ-
сты къ вѣнцу, ее сажаютъ за столъ, вмѣстѣ съ женихомъ.
При этомъ голосать :

Баслави, мой татухна роднинкай!
Баслави, мая мамухна—кармилица!

Въ это время родители невѣсты надѣляютъ молодыхъ, то-
естъ невѣсту и жениха, пирогомъ съ воткнутыми въ него
деньгами. Послѣ родителей надѣляютъ ихъ крестные отецъ и

мать невѣсты, если же ихъ нѣтъ, то заступающіе ихъ мѣсто, а потомъ и всѣ родственники и гости, — мужчины деньгами, а женщины болѣею частію холстомъ и поясами, и, какъ у православныхъ, каждый надѣлившій получаетъ отъ маршалковъ по чаркѣ горѣлки, которую иногда черпаютъ изъ ведра, а иногда наливаютъ изъ бутылокъ либо изъ глиняныхъ кувшиновъ. У католиковъ, «маршалки» не вызываютъ, какъ у православныхъ, къ надѣламъ каждого поименно, и женихъ съ невѣстою не именуется молодыми князьями, а только однажды, послѣ надѣла родителей, говорятъ: «просимъ надзаяць маладыхъ», которыхъ они иногда называютъ: «панъ млоды, пани млода, панови млодзи.» Каждый желающій надѣлить подходитъ къ столу и кладетъ на поставленную предъ молодыми тарелку деньги либо полотно. Между-тѣмъ, сидящихъ за этимъ столомъ гостей, принадлежащихъ болѣею частію къ «дружинѣ» (такъ называются у католиковъ поѣзжалые, состоящіе, какъ уже сказано, изъ двухъ маршалковъ, кубельника, вазилы, свата и свашки), потчуютъ завтракомъ; только молодые, какъ и у православныхъ, ничего не ѣдятъ.

По окончаніи стола и когда придетъ время отпустить молодыхъ къ вѣнцу, присутствующія при этомъ женщины начинаютъ пѣть, повторяя по нѣскольку разъ слѣдующее :

Карися татухны низинька, въ вожухну,
А мамухны да сырой зямли.

При этихъ словахъ, молодые кланяются въ ноги родителямъ невѣсты, а потомъ, поклонясь въ полъ-нояса на всѣ стороны, уѣзжаютъ въ «касцѣль» къ вѣнцу.

Предбрачный день, или вечерины у жениха. Въ этотъ день у поселянъ-католиковъ нѣтъ никакихъ особенныхъ обрядовъ; гостей, собравшихся на свадьбу, потчуютъ подвечеръ какъ обыкновенныхъ гостей. Женихъ, съ своею «дружиною» (поѣзжалыми), уѣзжаетъ на вечерины къ невѣстѣ, откуда, на-утро, отправляется къ вѣнцу; у бѣднѣйшихъ крестьянъ и у невѣсты въ этотъ день или вечеръ тоже не бываетъ никакихъ церемоній; у нихъ и невѣста и женихъ отправляются къ вѣнцу прямо изъ своихъ домовъ и соединяются уже по прибытіи къ «касцѣлу».

Обряды, соблюдаемые въ день брака у жениха! Молодые послѣ вѣнца не заѣзжаютъ, какъ у православныхъ, въ домъ невѣсты, а прямо отправляются въ домъ жениха, и, какъ только туда придутъ, женщины, тамъ находящіяся, поютъ слѣдующее :

Выйди, мамухна шадрива!

Пириими вавѣстку шасливаю!

Выйди, мамухна гарбата!

Пириими вавѣстку багатую!

Затѣмъ входитъ мать новобрачнаго съ пирогомъ и бутылкою «сыченой» (подслащенной медомъ горѣлки). Новобрачные, поклонясь ей и потомъ отцу въ ноги, угощаются тутъ же этой горѣлкой и безъ всякихъ особыхъ обрядовъ вводятся въ избу, какъ обыкновенные гости. Послѣ того, новобрачныхъ и «дружицу» (поѣзжалыхъ), то-есть тѣхъ, которые ѣздили съ новобрачными къ вѣнцу, а также и всѣхъ, прибывшихъ на «выселя» (свадьбу) гостей, сажаютъ за столъ обѣдать. Во время стола, такъ же, какъ и у православныхъ, новобрачныхъ надѣляютъ и надѣляющихъ потчуютъ горѣлкой, а собравшіяся бабы поютъ слѣдующія пѣсни :

1.

Наша Агатка (имя новобрачной) хоць ниваличка — разумна!

Всмиъ сваточкамъ па ручничку дарила,

А старшаму свату чѣрную атнимку (*) вбила;

Вси сваточки ручничками махаюць,

А старшай сватъ чѣрную атнимку хаваиць.

Наша Агатка хоць ниваличка — разумна!

Всмиъ сваточкамъ па коннику дарила,

А старшаму свату сляную кабылу вбила.

Вси сваточки на конникахъ гарцююць,

А старшай сватъ съ сляной кабылой гарюиць!

2.

Надкосничикъ питушокъ!

Чаго рава приляцѣвъ?

Ци пидь, ци ѣсьць захацѣвъ?

• Ни пидь, ни ѣсьць ни хачу. —

(*) *Отнимкою* называется тряпка, которою хозяйка, чтобъ не обжечь рукъ, беретъ изъ печи горячіе горшки съ кушаньемъ.

Са сестрою наскачу.

Дайцашь яму пшоннай своецъ,

Нахай клюецъ якъ вирабей,

Нахай паецъ якъ салавей.

3.

Свашка пташачка, Ёдзя, плакала.

• Сястрица родная, чаго плачишь? •

— Брацитка родинкай, чиравикъ нѣту.

• Сястрица родная, сабѣяваыя. •

Свашачка пташачка, Ёдзя, плакала.

• Сястрица родная, чаго плачишь? •

— Брацитка родинкай шубы нѣту.

• Сястрица родная, съ крамы куплю. •

Свашачка пташачка, Ёдзя, плакала.

• Сястрица родная, чаго плачишь? •

— Брацитка родинкай, платочка нѣту.

• Сястрица родная, съ крамы куплю. •

Послѣ обѣда начинается пляска подъ скрипку или дуду, потѣшваніе пивомъ и горѣлкою, потомъ ужинъ. Такъ пируютъ за полночь. Новобрачные же, видя за столомъ въ избѣ, ничего не ѣдятъ; ихъ отводятъ ѣсть, такъ же, какъ и у православныхъ, въ исцѣпку, но въ спальню ихъ никто не провожаетъ. Не дождавшись окончанія пира, они заблаговременно сами, одни, безъ всякихъ особыхъ обрядовъ, уходятъ къ постели и ложатся спать какъ на «заручинахъ».

Солоткіе розжки, или утро послѣ брака. На утро послѣ брака, всѣ гости идутъ со скрипкою или дудою къ мѣсту, гдѣ спятъ молодые, будить ихъ. При этомъ маршалокъ несетъ бутылку сыченой горѣлки, а женщина того же дома — воду, новобрачнымъ умываться. Войдя въ спальню, маршалокъ кричитъ: «вара вставаць! што вы такъ довга спиця? вы привыкница и всё такъ спаць.» Молодые, обыкновенно уже заблаговременно одѣтые, поспѣшно умываются; новобрачная бросаетъ кусокъ холста или поясъ женщины, принесшей воду, а маршалокъ начинаетъ пить горѣлку, привѣтствуя новобрачныхъ, а потомъ и почетнѣйшихъ лицъ, тутъ находящихся. Выпивъ изъ бутылки горѣлку, всѣ входятъ въ избу, гдѣ усаживаются за столъ сѣдять (завтра-

каты), и всѣхъ, кто случится, потчуютъ горѣлкою, но уже не сыченою.

Послѣ снѣданья, новобрачную сажаютъ на квашню, на которой положена вывернутая вверхъ шерстью шуба, и надѣваютъ ей на голову женскій уборъ, а находящіяся при томъ бабы поютъ слѣдующія пѣсни :

1.

Шли дѣвки вѣнки вѣць,
А маладуха чапцы шницъ;
Шли дѣвки давиваць,
А маладуха дашиваць.
Идуць дѣвки съ вѣнечкамъ,
А маладуха съ чапечкамъ.
Идуць дѣвки хваляся,
А маладуха таяся.

2.

Вьюць халлушку
На Андрушкину (имя новобрачнаго) жанушку!
(Повторяется нѣсколько разъ.)

3.

Ляницъ гусахна черизъ клетухну (амбаръ),
Няси вѣспюхны маей мамухны,
Што я хараша пришла,
Хараша, пригажа,
Хараша, пригажа,
Краснай дѣввицей.

4.

Жаль, жаль, мая маманька, мнѣ цябя,
Засталася вся рутанька въ цябя;
Вставай жа, мая маманька, раненька,
Паливай маю рутаньку часценка;
Ни паливай маей рутаньки вадою —
Паливай маю рутаньку сытою;
Атъ вадзицы мая рутанька жалцѣвць,
Атъ саты мая рутанька зияленецъ.

5.

Ишла бярёзушка па дароги, гримѣла,
Я маладзёшненька капала чирназемъ

И сѣла чѣрнай маѣ.
Врадзились мачинки залатыи,
Мачинки залатыи, жолтай цвѣтъ,
Залёная рутанька, жолтай цвѣтъ,
Да штожь маво милага долга нѣтъ?
Чижь я яму хустаньки ни дала?
Чижь я яму вяночка ни спяла?
Дала, дала хустаньку въ семь шалковъ,
Дала, дала вяночикъ въ семь цвѣтковъ.

Все это происходитъ просто, безъ всякихъ особыхъ обрядовъ и называется, какъ у православныхъ, «солоткими рожками».

Общія замѣчанія о свадьбахъ поселянъ римско-католическаго исповѣданія. 1-е. Послѣсвадебныя «перезывки и отзывки» у католиковъ производятся такимъ же порядкомъ, какъ и у православныхъ.

2-е. Послѣ вѣнца новобрачный не заѣзжаетъ въ домъ молодой, какъ у православныхъ; изъ костѣла новобрачная отправляется съ молодымъ прямо къ нему въ домъ, на его повозкѣ.

3-е. У поселянъ-католиковъ въ одеждахъ жениха и невѣсты, отправляющихся къ вѣнцу, не должно быть ничего металлическаго — ни желѣзнаго, ни мѣднаго (о серебрѣ, такъ какъ его нѣтъ, нѣтъ и помину), и потому, передъ наступленіемъ брака, съ того платья и обуви, въ которыя молодые одѣваются къ вѣнцу, все металлическое — пуговицы, крючки, въ сапогахъ и черевикахъ гвозди, и тому подобное, на этотъ разъ выпарывается или отрѣзывается, и опять пришивается или прикрѣпляется уже послѣ совершенія брака.

Описанное здѣсь относится только къ поселянамъ-католикамъ, находящимся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ православными описаннаго иною околка. Въ другихъ мѣстахъ здѣшней губерніи поселяне-католики замѣтно разнятся въ своихъ обычаяхъ.

Въ Дризенскомъ и смежныхъ ему мѣстахъ, верстъ за 50 и за 100 отъ насъ, у поселянъ-католиковъ, которыхъ здѣшніе православные обыкновенно называютъ «Поляками», обращается особенное вниманіе на то, совершился ли бракъ благо-

получно, или нѣтъ. На утро послѣ брака, или въ день, называемый «солоткими рожками», маршалокъ съ матерью новобрачнаго и почетнѣйшею пожилою женщиною, изъ гостей, въ присутствіи собравшейся на свадьбу толпы мужчинъ и бабъ, идутъ будить, или, какъ они говорятъ, «паднимаць маладыхъ». Если бракъ совершился благополучно, то маршалокъ новобрачной, повѣся рубашку на рукоятку плети, поднимаетъ ее выше головы и кричитъ: «хвала!», и тогда бываетъ самое роскошное и радушное угощеніе для дружины (поѣзжалыхъ) и для всѣхъ гостей, такъ-что, по ихъ выраженію, «въ пирагахъ и въ мяси хашь спи, а въ гарѣлки и въ пиви хашь мейся якъ въ ряки съ рання (съ утра) да начи.» Въ противномъ случаѣ, всѣмъ поѣзжалымъ новобрачной надѣвають лошадиные хомуты, потчуютъ ихъ недолго, и при этомъ все подается на испорченныхъ вещахъ: напримѣръ, скатерть на столѣ стелется старая, изорванная; чарки, миски, тарелки и вся столовая принадлежность ставится попорченная, съ выбитыми краями, и т. под. Въ другихъ мѣстахъ соблюдаются при этомъ другіе обычаи.

Все это я слышалъ отъ православныхъ поселянъ описываемаго мною околodka.

Хлутуры. (*)

У крестьянъ православныхъ, когда замѣтятъ, что больной близокъ къ смерти, немедленно надѣвають на него чистое бѣлье, переносятъ его съ кровати на лавку, кладутъ головою къ божницѣ, зажигаютъ прелъ образомъ свѣчу, и все семейство собирается вокругъ больного и стоитъ предъ нимъ, крестясь и кланясь, въ ожиданіи кончины. Съ наступленіемъ смерти, мать, жена, дѣти и родственники женскаго пола, стоя надъ усопшимъ, голосятъ во все горло, всплескивая руками и приговаривая, что кому прилетѣть на мысль. Такъ, напримѣръ, дочь по родителяхъ голоситъ: «Мой татанька».... или: «мая маманька кармилица! кинула мяня сирацинушку и бязъзаступную и горькую.» Жена по мужѣ: «Салавейка мой кармилиць, ягодка мая наливная! асталась я одна съ

(*) Такъ называются похороны въ Дризенскомъ уѣздѣ.

сиротками! не къ каму мнѣ будзя пришанутца, не съ книгъ мнѣ будзя пабаиць.» Также голосять и прочія родственницы, живущія въ семействѣ, и женщины, пришедшія изъ другихъ домовъ и деревень. Между-тѣмъ посылають въ церковь деньги зvonить по усоншемъ, готовятъ воду и, немедленно обмывъ трупъ, надѣвають на умершаго рубашку, порты и балахонъ, на голову—колпакъ, а ноги обуваютъ въ сшитые изъ стараго бѣлья чулки и лапти. Въ такомъ видѣ кладутъ умершаго опять подъ божницею, затѣмъ передъ образомъ свѣчу. Когда гробъ готовъ, кладутъ въ него усоншаго и переносятъ въ сѣни, гдѣ ставятъ на скамьяхъ или на какихъ-нибудь подмосткахъ, головою къ избѣ, а надъ головою вѣшаютъ на стѣнѣ образъ и зажигаютъ передъ нимъ свѣчу. У крестьянъ недостаточнѣе дьячекъ читаетъ псалтырь днемъ и ночью, до прибытія священника.

Когда священникъ отпоеть надъ усоншимъ молитвы, его сажаютъ съ прочими гостями за столъ обѣдать; за обѣдомъ пьютъ горѣлку, а изъ кушаній сперва подается *куцья*, потомъ *рыба*, хотя бы и въ скоромной день, далѣе — кисель и комы, а уже затѣмъ прочія кушанья. Не помѣстившихся за первымъ столомъ сажаютъ послѣ, и продолжаютъ такъ, пока не накормятъ всѣхъ пришедшихъ.

Тотчасъ послѣ обѣда священникъ отпѣваетъ надъ усоншимъ молитвы къ выносу; потомъ гробъ выносятъ на повозку, или же родственники несутъ до самаго кладбища на себѣ, при обыкновенномъ церковномъ обрядѣ, съ крестомъ, херувимами и звономъ. Въ это время родственницы умершаго поднимають ужасный вой, голосять и рыдаютъ; нѣкоторые ближайшіе родственники, прощаясь съ усоншимъ, цалуютъ его въ уста; прочіе цалуютъ только крестъ, положенный на усоншемъ, или на гробѣ, если онъ закрытъ.

По прибытіи на кладбище, священникъ отпѣваетъ надлежащія молитвы; гробъ съ усоншимъ опускается въ яму, зарывается, и всѣ находящіеся при этомъ бросаютъ въ яму по горсти земли. Въ эту минуту, родственницы также поднимають ужасный вой, голоса и рыдая; мужчины же ни при выносѣ, ни при опусканіи въ землю не голосять, а только плачуть. Затѣмъ потчуютъ кутьею, сперва священника и церков-

но-служителей, потомъ пьютъ и ѣдятъ родственники и, если доставеть, и всѣ присутствующіе, — и всѣ возвращаются по домамъ, чѣмъ погребальная церемонія и оканчивается.

Примѣчанія. 1-е. На похороны не приглашаютъ гостей; только ближайшимъ родственникамъ даютъ знать, въ какой именно день будетъ погребеніе. Но, въ замѣнъ того, есть обычай, всѣхъ, кто бы ни прибылъ на похороны, хотя бы и вовсе незнакомый, сажать за столъ и кормить, особенно же нищихъ; потому-то на похороны собирается гостей несравненно болѣе, чѣмъ на всѣ крестьянскія пирушки, особенно у досточтѣннѣйшихъ.

2-е. Въ день похоронъ, каждый приходящій долженъ, подойдя къ усопшему, перекреститься, поцаловать лежащій на немъ крестъ и положить грошъ или небольшую восковую свѣчу; деньги и свѣчи послѣ отдаются въ церковь. Родственники усопшаго, которымъ дано знать о времени погребенія, всегда приносятъ или привозятъ съ собою мису *куцы* и *какоры* (булочки, вѣсомъ отъ 4 до 6 фунтовъ), — послѣднихъ каждый по-крайней-мѣрѣ по одной; когда же они возвращаются домой, имъ также даютъ *какоры*, которыя, по прибытіи домой, они роздаютъ не бывшимъ на похоронахъ; а тѣ, ѣдя, говорятъ: «Памяни Госпади въ чарстви нябеснахъ Ивана» (имя умершаго).

3-е. Крестьяне, не имѣя никакого понятія о мнимыхъ смертяхъ, по-возможности спѣшатъ похоронить покойника, особенно въ теплос время.

Крестьяне спѣшатъ погребсти умершихъ и потому еще, что пока тѣло лежитъ въ жилищѣ, они не занимаются работами, а сверхъ-того и съ тою цѣлю, чтобы не такъ далеко разнеслась вѣсть о времени погребенія, и менѣе было бы гостей, которыхъ, особенно въ весеннее время, такъ много собирается, что ихъ накормить и напоить бываетъ нечѣмъ.

Похороны поселянъ-католиковъ отличаются слѣдующимъ:

1) католики не жгутъ свѣчей предъ образомъ; самые только богатые, иногда, взявъ свѣчу изъ «костела» (церкви), за извѣстную плату, зажигаютъ ее передъ усопшимъ, сами же никогда свѣчь восковыхъ, подобно православнымъ, не готовятъ и не держатъ ихъ въ домѣ. 2) Такъ-какъ у католиковъ многіе мужчины и женщины умѣютъ читать по молит-

венникамъ, то и есть у нихъ обычай собираться грамотнымъ въ домъ, гдѣ находится усопшій, и тамъ читать и пѣть разныя молитвы. 3) Приходящіе на похороны или провѣдать покойнаго не приносятъ съ собою ни свѣчь, ни денегъ, какъ у православныхъ.

Дзяды. (*)

Особливья поминки по умершихъ родителяхъ, по отцѣ или матери, бываютъ очень рѣдко, и то только у самыхъ достаточныхъ крестьянъ. На такія поминки приглашаются священникъ съ церковнослужителями и ближайшіе родственники; прочіе, незваные гости и нищіе, собираются точно такъ же, какъ на похороны, и всѣхъ ихъ кормятъ и поятъ горѣлкою и пивомъ.

Священникъ, прибывъ, обыкновенно къ обѣденному времени, немедленно отпѣваетъ панихиду въ избѣ передъ образомъ съ зажженными восковыми свѣчами. Въ это время родственницы поминаемаго голосятъ во все горло, такъ же, какъ и на похоронахъ.

Послѣ панихиды, сажаютъ священника и гостей за столъ обѣдать, подавая горѣлку, пиво и точно такія же кушанья и такимъ же порядкомъ, какъ и на похоронахъ; послѣ обѣда сажаютъ не помѣстившихся за первымъ столомъ, и такъ продолжаютъ, пока не накормятъ всѣхъ пришедшихъ. Послѣ обѣда священникъ и гости разъѣзжаются по домамъ.

На такія поминки, точно такъ же, какъ и на похороны, званые гости приносятъ кутью и каторы, которыя и имъ даются точно также при отъѣздѣ.

Обыкновенныя поминки, безъ священника и гостей, справляются однимъ только семействомъ. Каждый хозяинъ празднуетъ ихъ четыре раза въ году. Поминальные дни суть:

1) Суббота передъ мясопустною недѣлею. Крестьяне называютъ ее *толстою субботою* (**), потому-что въ этотъ день готовится болѣе кушанья, чѣмъ въ прочіе поминальные дни.

2) Вторникъ на второй недѣлѣ послѣ Св. Пасхи.

(*) Такъ называются поминки въ Дризенскомъ уѣздѣ.

(**) Въ Лепельскомъ уѣздѣ—*мясные дяды*.

3) Суббота передъ недѣлю Пятидесятницы, или Св. Троицы.

4) *Дмитровская суббота* ⁽¹⁾, т.-е. послѣдняя суббота передъ днемъ Св. Димитрія, 26 октября.

За недѣлю или равнѣ предъ означенными поминальными днями, крестьяне заказываютъ обѣды и панихиды за упокой своихъ усопшихъ родственниковъ.

Во время панихидъ заказавшей ее полагаетъ священнику *поминальницу* — маленькую книжечку въ $\frac{1}{16}$ долю листа, въ которой записываются имена умершихъ; такія книжки есть въ каждомъ семействѣ. Священникъ, во время службы, читаетъ по ней имена умершихъ.

Сверхъ-того, въ субботу передъ Троицынымъ днемъ, послѣ полудня, крестьяне, со всѣмъ почти семействомъ, отправляются на свои *могилки* (кладбище), оставляя въ домѣ только малыхъ и дряхлыхъ, и берутъ съ собою горѣлку, кутью, кароры и рыбу. Тотчасъ по прибытіи на кладбище, старшая въ семействѣ женщина «опахиваетъ» (обметаётъ) нарочно для того приготовленнымъ вѣнникомъ то мѣсто, гдѣ похоронены родственники или предки, прокачиваетъ по могиламъ яйцомъ ⁽²⁾, отдаетъ это яйцо нищимъ и при этомъ, вмѣстѣ съ прочими женщинами того же семейства, во все горло голоситъ, приговаривая что придетъ на мысль, какъ на похоронахъ. На эти кладбища прѣзжаетъ священникъ, служитъ панихиды для каждаго изъ усопшихъ особо, на томъ мѣстѣ, гдѣ кто скороуменъ, поминая пѣзъ поданной ему книжечки имена умершихъ предковъ.

Послѣ того, каждое семейство садятся тутъ же на кладбище, пьютъ горѣлку, закусываютъ кутьею и прочимъ ⁽³⁾ и приговариваютъ: «Памяни Госпади радицелей въ чарствѣ небесномъ». Послѣ того уходятъ съ кладбища, при чемъ женщины опять голосятъ.

По домамъ въ означенные поминальные дни готовятъ въ большомъ количествѣ и лучшія кушанья, какъ въ праздничные дни; пьютъ горѣлку и подаютъ на столъ сперва

⁽¹⁾ Въ Леппельскомъ уѣздѣ — *дяды Замитровы*.

⁽²⁾ Въ Леппельскомъ уѣздѣ катаютъ по могиламъ красныя яйца вообще во всѣ поминальные дни.

⁽³⁾ Въ Дриазовскомъ уѣздѣ на могилахъ ѣдятъ гречневую кашу.

кутью и рыбу. Во время обѣда на окнѣ вывѣшиваютъ полотенце.

Хотя такіе столы бываютъ обыкновенно обѣденные, около полудня, и во-всякомъ-случаѣ не позже 1-го или 2-го часа по полудни, однако въ каждый поминальный день они имѣютъ особыя названія, — а именно: столъ въ субботу передъ мясопустною недѣлею называется: «*палудзникъ на радзицилляхъ*»; во вторникъ на второй недѣлѣ послѣ Св. Пасхи «*спиданье на радзицилляхъ*»; въ субботу передъ Св. Троицею — «*абнды на радзицилляхъ*»; въ Дмитровскую субботу — «*вечера на радзицилляхъ*».

Садясь за столъ, зажигаютъ свѣчи передъ образомъ, крестятся, молятся, кланяются и не гасятъ свѣчей передъ образомъ, пока за столомъ не выпьютъ горѣлки и не съѣдятъ кутьи.

Послѣ стола крестятся, дѣлаютъ поклонъ какъ обыкновенно, и опять говорятъ: «Памяни Госпаdzi радзицилей въ царствіи нябеснамъ.»

Въ поминальные дни послѣобѣденное время считается праздникомъ, и крестьяне у себя въ домѣ не работаютъ.

У католиковъ поминки бываютъ только одинъ разъ въ году, именно 2 ноября, на другой день праздника Всѣхъ Святыхъ, въ такъ-называемый «дзень задушнай». Въ этотъ день они отправляются въ костѣлы, гдѣ отправляется печальное богослуженіе, на языкѣ крестьянъ — «жалобная набаженства». Если при костѣлѣ есть богадѣльни для бѣдныхъ, то и туда приносятъ въ этотъ день хлѣбъ и разныя мяса. Возвратясь изъ костѣла, каждый обѣдаетъ у себя дома, безъ всякихъ особыхъ церемоній; только кушанья въ этотъ день приготавливаются лучшія, праздничныя, и за столомъ бываетъ горѣлка.

ОБЫЧАИ ПРИ ОСОБЫХЪ ЖИТЕЙСКИХЪ СЛУЧАЯХЪ.

Въ случаѣ *пожаровъ*, — особенно, если вѣтеръ дуетъ отъ огня къ строенію, спѣшатъ вынести образъ и, обойдя съ нимъ противъ солнца три раза около всего строенія, становятся съ нимъ въ той сторонѣ поля, гдѣ нѣтъ строеній, прося про-себя Бога, чтобъ онъ умилосердился и отвернулъ вѣтеръ

въ ту сторону. На томъ мѣстѣ, гдѣ строеніе, всячески избѣгаютъ строятся вновь.

Въ-случаѣ *болѣзни*, просятъ совѣтовъ и *зелья* (лекарства) въ господскихъ домахъ, даютъ обѣты по выздоровленіи идти въ отдаленныя мѣста молиться Богу и служить молебны, назначая для этого именно какой-нибудь праздникъ. Также нерѣдко прибѣгаютъ въ болѣзняхъ къ ворожбитамъ и ворожеямъ. Эти шарлатаны шепчутъ извѣстныя имъ слова надъ хлѣбомъ, солью, горѣлкою и водою, и даютъ больнымъ, вмѣсто лекарства, съѣсть либо выпить, не принося тѣмъ, сколько извѣстно, никакой пользы, особенно въ болѣзняхъ внутреннихъ. Замѣчательно, однако, что эти же шарлатаны иногда пользуются съ успѣхомъ, именно въ-случаѣ укушенія змѣи — шептаньями, т.-е. заговорами. И хотя извѣстно, что въ нашемъ краѣ нѣтъ такихъ змѣй, которыхъ укушеніе было бы смертоносно, однако крестьяне не хотятъ этому вѣрить, и въ такихъ случаяхъ всегда прибѣгаютъ къ ворожбитамъ, знающимъ, какъ они говорятъ, «*загавариваць пухлину.*» Нѣкоторые ворожбиты лечатъ даже отъ водобоязни, не только людей, но даже собакъ и разный скотъ: они какъ-то нашептываютъ на хлѣбъ, которой потомъ даютъ съѣсть укушеннымъ; но если болѣзнь уже развилась, то лечитъ они не берутся. Наконецъ, ворожбиты приглашаются «загавариваць кровь», т.-е. отъ сильнаго кровоточенія изъ ранъ или по другимъ причинамъ; но помогаютъ ли они — навѣрное не знаю.

Въ день Св. Георгія, 23 апрѣля, собирается все крестьянское семейство и молится передъ образомъ съ зажженною свѣчею; потомъ хозяинъ, взявъ мису съ ячменемъ и положенными на ячмень нѣсколькими яйцами, беретъ образъ съ зажженною свѣчею, ставитъ его въ мису, беретъ мису въ лѣвую руку, а въ правую—косу, которой косятъ траву. Такъ выходитъ онъ со всѣмъ семействомъ къ хлѣвамъ, на задворокъ. Когда весь скотъ, т.-е. лошади, коровы, овцы, козы, свиньи и даже гуси, будутъ выгнаны на задворокъ въ одно мѣсто, тогда хозяинъ, перекрестясь и держа образъ въ мисѣ и косу, и волоча конецъ послѣдней по землѣ, обходитъ противъ солнца три раза вокругъ скота, послѣ чего выгоняетъ его въ поле. Когда же изъ деревни весь скотъ будетъ

выгнать въ поле, то кто-нибудь изъ мужчинъ беретъ образъ и, прійдя туда, гдѣ скотъ пасется, обходитъ вокругъ него противъ солнца также три раза. Яйца, находящіяся въ мисѣ, отдаются потомъ въ богадѣльню или нищимъ, а ячмень употребляется самими крестьянами въ пищу. Въ день Св. Троицы пастухи сплетаютъ изъ березовыхъ сучьевъ вѣнки, надѣваютъ ихъ на шею и рога дойныхъ коровъ и такъ пригоняютъ ихъ въ полдень домой. (*)

Въ-случаѣ повсемѣстнаго неурожая крестьяне ничего особеннаго не предпринимаютъ, а говорятъ только: «сагрѣшили Госпаду Богу: далъ Богъ слѣзца худоя!» Если случится неурожай у одного изъ сосѣдей, отъ рѣдкаго посѣва или отъ посѣва худыми, испорченными сушкою сѣмянками, то приписываютъ это, какъ и болѣзнь скота, силѣ ворожбитства.

Крестьяне прибѣгаютъ иногда къ ворожбѣ Цыганокъ, которыя выманиваютъ у нихъ иногда весьма значительныя вознагражденія. Чтобы предсказать крестьянамъ будущность, Цыганки заставляютъ ихъ смотрѣть въ ведро, наполненное водою, которая, вѣроятно, отъ какой-нибудь примѣси, въ глазахъ крестьянъ постепенно начинаетъ краснѣть. Цыганки, увѣряя, что вода обращается въ кровь, предсказываютъ могущія случиться съ крестьянами несчастія, увѣряя притомъ, что онѣ отъ этихъ бѣдъ могутъ ихъ избавить такими-то способами (обыкновенно шептаньемъ надъ разными одеждами, переходами изъ строенія въ строеніе и вокругъ нихъ и т. п.), — если крестьяне дадутъ за это надлежащее вознагражденіе, наприм. за избавленіе отъ такого-то несчастія столько-то денегъ, а отъ такого-то — столько-то холста, или такое-то платье, и т. д. Если крестьяне, особливо женщины, согласятся на это, то Цыганки, чтобы еще больше ихъ увѣрить, что отъ всѣхъ предсказанныхъ несчастій онѣ могутъ ихъ избавить, опять заставляютъ ихъ смотрѣть въ ту же покраснѣвшую воду, которая, вѣроятно, тоже отъ какой-нибудь примѣси, начинаетъ въ глазахъ крестьянъ постепенно бѣлѣть. Такими и тому подобными недѣлостями Цыганки иногда до-того одурачиваютъ крестьянъ, что онѣ изъ одного семейства вывозятъ по нѣскольку рубашекъ, по нѣскольку аршинъ полотна, разныхъ крупъ,

(*) Въ селѣ Вербилонѣ, Себежскаго уѣзда, такіе вѣнки остаются на коровахъ и день и два.

маса, масла и даже болѣе рубля серебромъ денегъ. Впрочемъ, такіе легковѣрные крестьяне съ каждымъ годомъ переводятся.

Занятія крестьянъ.

Единственное занятіе крестьянъ есть хлѣбопашество: промысловъ, рукодѣлій и ремеслъ у нихъ нѣтъ никакихъ; правда, есть портные и сапожники, но они шьютъ одежду и обувь только для мѣстныхъ крестьянъ; есть колесники и кузнецы, но они дѣлаютъ простыя колеса, куютъ лемеша и подковываютъ лошадей только для мѣстныхъ жителей; косы же, сѣрны и топоры обыкновенно покупаются готовые.

Промышленность состоитъ въ томъ развѣ только, что многіе крестьяне ежегодно идутъ на лѣто въ заработки на кирпичные и известковые заводы близъ Петербурга, на желѣзную дорогу и на шоссе; но эта промышленность, если только можно назвать ее промышленностію, какъ я убѣдился въ продолженіе почти 30-лѣтняго управленія имѣніемъ, болѣе вредна, чѣмъ полезна крестьянамъ; это доказывается тѣмъ, что не только хорошаго, но даже посредственнаго состоянія крестьяне никогда не посылаютъ работниковъ въ отдаленныя мѣста на лѣто въ заработки, а если такому хозяину и случится, прельстясь задаткомъ и увѣреніями подрядчика въ полученіи остальныхъ денегъ, послать въ заработки, то онъ уже на другой годъ не посылаетъ, потому-что удовлетворяется, что, не имѣя въ теченіе лѣта работника, драгоцѣннаго въ это время въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, онъ, разными упущеніями по хозяйству, столько причинилъ себѣ убытка, что не въ состояніи покрыть потери заработанными деньгами. Сверхъ-того известно, что у крестьянъ, отправляющихся въ заработки, портится нравственность: они привыкаютъ къ роскоши въ пищѣ, къ шегольству, къ пьянству и пріобрѣтаютъ другія порочныя наклонности, и потому изъ тѣхъ, которые нѣсколько лѣтъ сряду ходили въ заработки, рѣдко попадается добрый хозяинъ, вѣрный мужъ и прилежный пахарь.

Тѣ, которые не ходятъ въ заработки въ дальныя мѣста, идутъ съ начала весны, полъ конецъ осени и зимою, когда земледѣльческихъ работъ не такъ много, поблизости, въ соб-

ственный и соседние уездные города, также къ достаточнымъ крестьянамъ и мѣщанамъ, живущимъ въ уѣздѣ, плотничать, пилить дрова и тесъ, трепать и чесать ленъ, приготовляемый къ отправленію въ Ригу. Эти заработки хотя и незначительны, но весьма полезны, потому-что нравственность крестьянъ не портится, не дѣлается упущеній по хозяйству и есть прибыль уже въ томъ, что работникъ, въ свободное время отъ полевыхъ занятій, не ѣстъ хлѣба дома.

Другое занятіе или промыселъ — это производство льна; но и оно, въ хозяйственномъ отношеніи, болѣе вредно, чѣмъ полезно, по слѣдующимъ причинамъ:

1) Всѣ здѣшніе крестьяне вообще, какъ бѣдные, такъ и средняго состоянія, нуждаются въ продовольствіи хлѣбомъ. Это происходитъ отъ недостатка пахатной земли, отъ несвоевременной и худой запашки, отъ весьма малаго удобренія ея навозомъ и отъ неулучшенія пахатной земли на низкихъ мѣстахъ прорытіемъ канавъ, а сѣнокосовъ — очисткою и обсушкою. Между-тѣмъ ленъ отнимаетъ у хозяина значительный кусокъ земли, истощаетъ ее болѣе всѣхъ колосовыхъ хлѣбовъ и не оставляетъ по себѣ никакого корма, а по воздѣлыванію, въ-сравненіи съ хлѣбами, требуетъ почти вдвое больше времени и трудовъ, и тѣмъ отвлекаетъ хозяина отъ улучшенія запашки и сѣнокосовъ. Уходъ за льномъ требуетъ особеннаго знанія и не терпитъ ни малѣйшихъ упущеній, особенно же уборка льна съ поля, моченіе и разстилка его. Оттого нерѣдко случается, что, когда приходится въ одно время многія работы по хозяйству, то хозяинъ, при всемъ знаніи и дѣятельности, теряетъ половину цѣны льна или долженъ для него жертвовать другими предметами, еще болѣе цѣнными.

2) У насъ обыкновенныя хозяйства — трехъ-польныя; и хотя яровое поле, съ котораго снятъ ленъ, одинъ годъ отдыхаетъ подъ паромъ, въ другой снимается съ него озимый хлѣбъ и уже въ третій приходитъ очередь опять сѣять на немъ яровые хлѣба, однако, сѣять ленъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ посѣянъ въ минувшую очередь, никакъ нельзя: ленъ любитъ перемѣну, и если посѣять его на прежней землѣ, то онъ совершенно пропадетъ; если же поблагодарятъ его росту весна и лѣто, то онъ не будетъ имѣть хо-

рошаго волокна и будетъ, по выраженію крестьянъ, *голимъ*; а если волокно будетъ и хорошо, то ленъ будетъ малъ ростомъ, и притомъ рѣдокъ и травливъ. Потому и принято за правило сѣять ленъ по-крайней-мѣрѣ по снятіи двухъ озимыхъ и двухъ яровыхъ хлѣбовъ, и притомъ только на лучшей и средней землѣ, такъ-что у каждаго хозяина найдется по самой малой мѣрѣ четвертая часть земли, совершенно неспособной къ посѣву льна; слѣдовательно, крестьянинъ, имѣющій четыре десятины пахатной земли въ одномъ полѣ, т.-е. высѣвающій 4 четверти озимаго хлѣба и ежегодно льна $\frac{1}{2}$ четверти, или засѣвающій имъ почти цѣлую десятину, въ-теченіе 9 лѣтъ истощитъ льномъ всю лучшую и среднюю землю во всѣхъ трехъ поляхъ. Полосу, на которой былъ сѣянъ ленъ, обыкновенно болѣе прочихъ уваживаютъ, и при всемъ томъ хлѣба съ ней получается менѣе. Когда замѣтишь полосу, на которой рожь или яровой хлѣбъ похилѣе, чѣмъ на другихъ, и спросишь крестьянина, отчего это, не отъ недостатка ли навозу, то онъ отвѣдитъ: «вѣтъ, бацюшка, навозу-то не жалѣя клалъ, да тутъ былъ сѣянъ ленъ!»

3) По здѣшнимъ землямъ, полъ-четверти льнянаго сѣмени, въ обыкновенный урожай, не даетъ болѣе 6 пудовъ льну, начисто вытрепаннаго, цѣною на мѣстѣ не съ большимъ на 10 руб. сер. Но на пространствѣ земли, занимаемомъ полъ-четвертью льнянаго сѣмени, ячменю станетъ четверть, а овса двѣ-четверти; при обыкновенномъ урожаѣ ячмень родится самъ-шесть а овесъ до самъ-четверта; слѣдовательно, если половина этого пространства земли, какъ обыкновенно водится, будетъ засѣяна ячменемъ, а другая овсомъ, то вмѣсто 6 пудовъ льну, оцѣненнаго въ 10 руб., крестьянинъ получитъ, сверхъ сѣмянъ, ячменя $2\frac{1}{2}$ и овса 3 четверти; полагая перваго четверть въ 3, а послѣдняго въ 2 рубли, получимъ всего 13 руб. 50 коп. Сѣмя же льняное продается очень рѣдко, какъ потому, что его намочачиваютъ немного больше, чѣмъ въ $1\frac{1}{2}$ раза противъ сѣмянъ, такъ и потому, что ему случается года два сряду совершенно пропадать, почему его и берегутъ на сѣмена. Изъ этого расчета выходитъ, что за одинъ только хлѣбъ получается болѣе прибыли, чѣмъ за ленъ; но если оцѣнить кормъ, т.-е. солому, драгоценную въ хозяйствѣ, и взять въ расчетъ истощеніе поля и излиш-

нюю работу, отвлекающую хозяина отъ улучшения занашекъ и сѣнокосовъ, то нельзя не убѣдиться, что льняная промышленность здѣсь болѣе вредна, чѣмъ полезна.

Хорошіе, разсудительные старики-хозяева убѣждены, что производство льна есть очевидный вредъ для хлѣбопашества; но вотъ какъ они объ этомъ отзываются: лѣтъ за сорокъ тому назадъ, у насъ льну сѣяли понемногу — на четырехъ-десятинномъ участіи озимаго высѣва не болѣе одного четверика, и онъ тогда былъ дешевъ: за пудъ платили не дороже 2 руб. 50 коп. ассигнаціями. Между-тѣмъ, вдругъ открылись большія требованія на ленъ, и цѣны ему возрасли до невѣроятности, такъ-что за пудъ начали платить до 5 рублей серебромъ. А какъ въ то время земли не столько еще были истощены, то ленъ родился добротнѣе и изобильнѣе; и какъ притомъ не требовалось особенной чистоты въ выдѣлкѣ льна трепломъ и щеткою, то всѣ находили очень выгоднымъ сѣять льну какъ можно болѣе, и на этотъ предметъ исключительно обратили всю свою дѣятельность и надежды. Воздѣлываніе льну отъ этого съ каждымъ годомъ возрастало и наконецъ обратилось въ необходимость, такъ-что крестьянинъ, не посѣявъ льну, не предвидѣлъ средствъ уплатить подати; даже многіе помѣщики уплату податей и оброковъ стали требовать не деньгами, а взносомъ извѣстнаго количества льну. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ продолжается и до сихъ поръ. Словомъ сказать, воздѣлываніе льна замѣнило всѣ промыслы, всѣ другія средства выручать деньги; обогащеніе же въ то время нѣкоторыхъ крестьянъ отъ посѣвовъ и перекупки льну совершенно устранило занятія какими-либо другими промыслами и оборотами; и хотя, въ послѣдствіи, годъ отъ году цѣны на ленъ начали упадать, земли истощались, льну стало родиться меньше и онъ выходилъ худшаго качества, да и очистка волокна стала требовать, противъ прежняго, вдвое больше работы, такъ-что хозяева видятъ уже не пользу, а убытокъ отъ воздѣлыванія льна, — несмотря на все это, однако, льняная промышленность обратилась въ привычку, и крестьянину невозможно вдругъ бросить этотъ промыселъ и принятъ за какой-либо другой. Онъ думаетъ: если я не посѣю льну, гдѣ мнѣ взять денегъ? гдѣ мнѣ взять соли? На возраженія, что вмѣсто льну

можно продать хлѣбъ, онъ отвѣчаетъ : хлѣба у насъ родится немного, онъ нуженъ для себя, съ нимъ не разстанешься; будетъ его побольше — побольше будешь и употреблять, и самъ не примѣтишь, какъ израсходуешь, а льну-то не съѣшь : продашь — купишь лемеша, косу, топоръ и прочее, и тогда спокойнѣе станешь ожидать новой жатвы.

Зажиточные хозяева, то-есть тѣ, которые всегда имѣютъ въ запасѣ отъ 50 до 100 рублей серебромъ денегъ и проживаютъ старымъ хлѣбомъ до совершенной уборки съ полей новаго, вовсе не сѣютъ льну на своемъ полѣ или сѣютъ очень мало. У зажиточныхъ хозяевъ весь денежный оборотъ состоитъ въ посѣвѣ льна на земляхъ ихъ сосѣдебняковъ, которые, въ слѣдствіе того, что богатые дѣлаютъ имъ разныя ссуды, не могутъ имъ въ томъ отказать.

Вотъ еще причина, почему чрезмѣрное производство льна считается у крестьянъ необходимостію : каждый средняго состоянія крестьянинъ (хотя и нуждающийся въ продовольствіи хлѣбомъ), живущій верстъ за 300 отъ г. Риги, самъ везетъ туда свой ленъ для продажи и для покупки соли, утверждая, что это одно средство снабжать себя солью, тогда какъ все это клонится къ большому его раззоренію. Страсть ѣздить въ Ригу такъ усилилась, что если крестьянинъ имѣетъ пять пудовъ льну, то онъ ужъ непременно доставляетъ его туда самъ. Привозя такое малое количество своего товара въ Ригу, онъ, не-смотря на недостатокъ хлѣба и корма для скота, непременно долженъ взять съ собою четверть овса, пудовъ около пяти сѣна, до двухъ пудовъ хорошаго ржанаго хлѣба и нѣсколько крупъ, муки и мяса (свинины), чего, при домашней бережливости, съ прибавкою огородныхъ овощей и капусты, на такое время достаточно было бы для троихъ. Возвращаясь назадъ, онъ долженъ прикупить $\frac{1}{2}$ четверти овса и около пяти пудовъ сѣна; во всю поѣздку туда и обратно, которая иногда продолжается до трехъ недѣль, онъ каждый день, если ѣдетъ вино умѣренно, пропиваетъ до 10 коп. сер. Сочтемъ эти издержки и прибавимъ къ тому еще, что онъ издеретъ сани, стоящія по малой мѣрѣ 75 коп. сер., что притомъ потерпитъ его лошаля и вся упряжь, — и мы легко убѣдимся, что и въ этомъ случаѣ ленъ доставляетъ крестьянину только мнимую пользу. Правда, онъ привезетъ изъ Риги пудовъ 16

соли, половину которой продавъ дома, можетъ взять барыша до 3 руб. серебромъ; но этого мало на всѣ дорожныя расходы, и если даже ленъ очень хорошо продается въ Ригѣ, то и въ такомъ случаѣ отъ него нѣтъ почти никакого выигрыша. Но мелкимъ продавцамъ рѣдко удается сбыть ленъ счастливо: ихъ товаръ очень бракують и провѣшиваютъ (отвѣсятъ вѣрно, да не заплатятъ за все, засчитывая за содержаніе его съ лошадыю въ теченіе однихъ или двохъ сутокъ; это крестьяне и называютъ *провѣсомъ*); а потому частенько случается, что за пять или за шесть пудовъ льну крестьянинъ привезетъ изъ Риги пудовъ 8 соли, да цѣлковыхъ 4 денегъ, да и все тутъ. Однако, эта неудача не отнимаетъ у него охоты и на будущій годъ ѣхать въ Ригу. Надобно замѣтить, что крестьяне во время этой поѣздки роскошно ѣдятъ и попиваютъ горѣлку, что не мало придаетъ имъ охоты навѣщать Ригу, гдѣ ихъ также поятъ и кормятъ и роскошно и радушно.

Впрочемъ, вообще говоря, здѣшніе крестьяне неспособны ни къ какимъ промысламъ: нѣтъ въ нихъ къ тому ни надлежащей смѣтливости, ни охоты; всѣ свои надежды и въ пропитаніи и въ оплатѣ податей они полагаютъ на *матушку соху и кормилицу землю*, какъ будто бы они были рождены исключительно для земледѣлія. Если имъ скажешь, что ихъ сосѣди, при такихъ же хозяйственныхъ средствахъ, какъ и они, дѣлая разные обороты торговлею и извозами, несравненно лучше ихъ живутъ, то они отвѣчаютъ: «гдѣ намъ за ними гнаться! они много чего знаютъ, далеко бывають; а мы гдѣ бывали? что мы видали? погонимся за большимъ, да потеряемъ и малое. Лучше держаться матушки сохи да кормилицы земли и жить какъ жили наши дѣды и прадѣды.»

Хлѣбопашество не только у здѣшнихъ крестьянъ, но и у помѣщиковъ—обыкновенно трехъ-польное. Орудія земледѣльческія суть: одноконная соха, деревянная борона, коса, серпъ и топоръ; для выдѣлки льну—обыкновенныя деревянные мялки и трепалки. Все старинное: нововведеній по земледѣльческому хозяйству нѣтъ еще никакихъ.

ПОСТЫ, ПРАЗДНИКИ И НАРОДНОЕ ВЕСЕЛЬЕ.

Соблюдаемые у здѣшнихъ поселянъ праздники суть слѣдующіе :

	У ПРАВОСЛАВНЫХЪ :	У КАТОЛИКОВЪ :
Января 1.	Новый годъ.	Новы рокъ.
	6. Богоявленіе Господне.	Кщенья.
Февраля 3.	Стрѣтеніе Господне.	Грашницы
Марта 25.	Благовѣщеніе Пресв. Бог.	Звятаваня Найсвѣтшай Панны.
Апрѣля 23.	Великомуч. Георгія.	<i>Не празднують.</i>
Мая 8.	Апост. Іоанна Богосл.	<i>Не празднують.</i>
	9. Святаго Николая.	<i>Не празднують.</i>
Іюня 24.	Рождество Претечи.	Яна.
	29. Апост. Петра и Павла.	Пѣтра.
Іюля 20.	Свят. Прор. Іліи.	<i>Не празднують.</i>
Августа 6.	Преображеніе Господне.	<i>Не празднують.</i>
	15. Успеніе Пресв. Богород.	Внебавзенца Найсвѣтшай Маріи Панны.
	29. Усѣкновеніе главы Претечи.	<i>Не празднують.</i>
Сентября 8.	Рождество Богородицы.	Нарадзена Найсвѣтшай Панны.
	14. Воздвиженіе Креста.	<i>Не празднують.</i>
Октября 1.	Покровъ Богородицы.	Праздникъ этотъ празднують въ первую недѣлю, т.-е. въ первое воскресенье послѣ Покрова, и называютъ его: <i>Нядзеля Ражапцова.</i>
Ноября 1.	<i>Не празднують.</i>	Всѣхъ Святыхъ.
	8. Архистр. Михаила.	<i>Не празднують.</i>
	21. Введеніе Пресв. Богородицы.	<i>Не празднують.</i>
Декабра 6.	Николая Чудотворца.	<i>Не празднують.</i>
	8. <i>Не празднують.</i>	Непакалія паченца Найсвѣтшай Маріи Панны.
	9. Зачатіе Св. Анны.	<i>Не празднують.</i>
	25. Рождество Госп. Іис. Хр. Три дня.	Нарадзена Христуса. Три дня.

П О Д В И Ж Н Ы Е П Р А З Д Н И К И :

Пасха Христова.

Три дня.

Вознесение Господне.

Святой Троицы, или сошествіе

Святаго Духа. •Троица. •

Три дня.

Десятый Четвертокъ послѣ Пасхи, въ

память воссоединенія Уніи— Девятникъ •.

Крестьяне, бывшіе изстари православны-

ми, въ этотъ день ходятъ въ церковь, но

работаютъ; воссоединенные же изъ Уніи

даже не работаютъ.

Вельканецъ.

Три дня.

Внебавстанпена Паисе.

Зелёне свѣтци.

Два дня.

Боже цало.

Сверхъ означенныхъ дней, празднуются у православныхъ еще двѣ пятницы: одна—на другой день послѣ девятаго четверга послѣ Пасхи, называемая также *девятникомъ*, а другая—передъ праздникомъ пророка Ильи, которая называется *Ильинскою*. Крестьяне считаютъ за грѣхъ въ эти пятницы пахать и боронить. Женщины вообще по пятницамъ не работаютъ, но занимаются всѣми другими работами.

«Васкресенья» православныхъ празднуются у и католиковъ и называются «иудзѣлями».

ПОСТЫ И ПРАЗДНИКИ, СОПРОВОЖДАЕМЫЕ ОСОБЕННЫМИ ОБЫЧАЯМИ И ПОВѢРЬЯМИ. (*)

Филипповъ постъ. Дни постные у крестьянъ мало чѣмъ отличаются отъ скоромныхъ по пищѣ: сельди и свѣжая рыба, сваренная въ водѣ, безъ приправъ, во всякое время составляютъ лакомое, роскошное кушанье поселянъ. Конецъ мясопуста ничѣмъ не отличается отъ начала и конца поста. Крестьянинъ (да и панъ другой) можетъ въ половинѣ мясопуста смѣло похвалиться, что онъ щиро постится. Такой постъ называется «ни-даждками». Во время поста заботятся о томъ, чтобъ заготовить побольше «скором-

(*) Эта статья заимствована изъ описанія священника села Влжича-Шарпинскаго, Ленинскаго уѣзда, Г. Клодницкаго.

наго къ мѣсавиду»; поэтому въ концѣ Филиппова пост-
быютъ обыкновенно свиней, солятъ сало, коптятъ окоа
рока, дѣлаютъ колбасы; въ Великій и Петровъ постъ соби-
раютъ молоко, дѣлаютъ сыры, масла, и все это съѣдаютъ въ
двѣ недѣли мясоѣда или даже скорѣе.

Нашъ народъ въ дальній путь не ѣздитъ. Поэтому, во весь
Филипповъ постъ, деревенскія лошади, за исключеніемъ путе-
шествій на базаръ съ сѣномъ, соломою, дровами, битыми по-
росятами и свиньями, наслаждаются совершеннымъ спокой-
ствіемъ. Сѣна въ эту пору бываетъ еще много, слѣдовательно
лошади бываютъ хорошо накормлены. Крестьяне встаютъ
очень рано—«абъ першимъ питуху», часу въ первомъ или во
второмъ полуночи, отправляются на токъ, если хлѣбъ еще не
обмолоченъ, или жнутъ, треплютъ и чешутъ ленъ и пеньку,
или же одни щепаютъ дома лучину и мелютъ въ жернахъ
муку, а остальные толкутъ и дерутъ крупы или плетутъ
лапти. Топятъ печь часу въ третьемъ и четвертомъ; часу въ
девятомъ обѣдаютъ и расходятся: одни—на пригонъ (*), другіе
ѣдутъ въ лѣсъ рубить дрова, а часть остается для домашней
работы.

Женщины во весь этотъ постъ прядутъ, почему и есть
поговорка: «што у Пилипууку спрадзѣшь, то у Вялікій постъ
сатчѣшь». Въ полдень обыкновенно всѣ полуднуютъ, а въ
сумерки ужинаютъ и ложатся спать. Такое распределеніе
дня соблюдается во всю зиму, и даже лѣтомъ. Въ Филипповъ
постъ женщины, сидя за прядками, поютъ калядныя пѣсни. (**)
Вотъ нѣсколько:

(*) Каждый членъ крестьянскаго семейства долженъ у насъ отслу-
жить за себя помѣщику 3 дня пригову въ недѣлю; за то нѣтъ не пла-
тить помѣщику подушныя, рекрутныя и проч. Пригоны продолжаются
цѣлый годъ, исключая праздниковъ, которые идутъ въ расчетъ.
Въ другихъ мѣстахъ нашего округа платятъ законовное число денегъ
и отслуживаютъ по 2 дня пригона. На пригонъ крестьяне приносятъ съ
собою свои сѣстные припасы.

(**) Ихъ теперь немного, — крестьянки помнятъ ихъ отрывками, немо-
гя лишь знать по нѣскольку цѣлыхъ пѣсень. Эти пѣсни, какъ кажется,
большою частію, восходятъ къ тому времени, когда польскіе магнаты
приобрѣли мѣстна въ Бѣлоруссіи.

У чыстамъ полі да вялікъ авідсь пардсь,

А у томъ аусъ бѣлый камінь,

На тымъ камні зьміі дажіць, —

Зьміі дажіць сипучая.

— А ты-жъ ба шду, сличный паніць, Кузібмачка,

Хацѣу тую зьмію забіць!...

Таа зьміі прагаварила:

• Ня би мнѣ, сличный паніць Кузібмачка!

• Скажу табѣ три радасьци, три карысьди:

• Першая радасьць — цябѣ Богъ завѣць,

• Другая радасьць — цябѣ кароль завѣць,

• Трѣція радасьць — цябѣ панъ завѣць, —

• Ой Богъ завѣць — долю даѣць,

• Король завѣць — дачку даѣць,

• Панъ завѣць — каня даѣць;

• Богъ долю даѣць, щасьліу будзіншъ,

• Кароль дачку даѣць — дыкъ жиць будзіншъ.

Послѣ каждаго стиха прышвають: «*А зяліоний садъ вишніосый!*»

Бдуць, бдуць калідки,

А у савачкахъ приданки.

Приданачка Тапанка,

Принядзила сужаньку (суженаго)

На варанымъ коніку,

На малюванымъ возочку.

За каждымъ стихомъ поюць: «*каліда!*»

Бхала каліда съ Палацка —

У маливанінькімъ вазочку,

На вараненькімъ каміодчку;

Забхала къ Василю на дворъ:

• Василь, падари каляду!

— Ци пшаницай? • Нихачу!.

• Хачу вѣчнага падарку дзѣвачки!»

24 декабра вельма мало занимаются работами; дозволяются только приготовленія къ наступающему празднику. Съ утра до вечера рубяць дрова, чыстятъ и моють избы и моются въ баняхъ. Лишь только стемнѣло, всѣ воздерживаются отъ брани и стараются угодить другъ другу; приносятъ сѣна, разстилають его по столу, покрыв-

ваютъ бѣлою скатерью (это представляетъ ясли, въ которыхъ родился Спаситель) и ставятъ на нее кутью. Затѣмъ всѣ члены семейства молятся, стоя предъ иконою, а хозяинъ читаетъ вслухъ молитвы. По окончаніи молитвы, всѣ чинно, въ бѣломъ платьѣ, садятся за столъ и ѣдятъ сперва кутью (заправленную медомъ или олеемъ). Тутъ хозяинъ или кто-нибудь другой ставитъ иногда ложку кутьи на окно, приговаривая: *«марозъ, марозъ, хадзи куцьцю псыци!»* Главныя кушанья за этимъ ужиномъ суть кутья и блины.

25, 26 и 27 декабря. Народъ ходитъ дома и въ церковь въ лучшей одеждѣ и усердно молится. Кушанья, усвоенныя этому празднику преимущественно предъ прочими, суть: колбасы, праженина (соусъ, въ которомъ варятъ колбасы). Отъ обѣда до ужина щелкаютъ орѣхи и играютъ ими въ *«цаты»*; рассказываютъ басни и предлагаютъ другъ другу загадки.

Кривыя сичары. Они продолжаются съ 27 декабря по 7 января. Не только въ эти вечера, но и во всѣ дни отъ Рождества до Богоявленія — «Кщенья», женщины не прядутъ, стараются даже и не шить ничего; мужчины же не подчиняются уставамъ этихъ вечеровъ: они по-прежнему не перестаютъ запасаться нужными орудіями къ лѣту. Дѣвушки каждый день, какъ станетъ смеркаться, сходятся куда-нибудь въ одинъ домъ, куда приходятъ и холостые мужчины, шутятъ, играютъ въ какія-нибудь игры, преимущественно въ *«жгутки»* (*), рассказываютъ басни и предлагаютъ другъ другу загадки. Иногда выѣшиваются въ эти собранія молодежи и пожилые; тогда игры, басни и загадки переходятъ въ назидательныя замѣчанія и бесѣды: старики вспоминаютъ о прошедшемъ и выводятъ оттуда примѣры и поученія для юношей.

На канунъ Нового года. Моются въ баняхъ и варятъ кутью. Къ этому дню задолго запасаются лучшими кушаньями.

(*) Эта игра состоитъ въ слѣдующемъ: избираютъ мать, которая садится на лавкѣ и должна каждому, которому суждено будетъ положить голову на ея колѣни, закрыть глаза. Затѣмъ кто-нибудь изъ стоящихъ лицемъ къ маткѣ бьетъ сверченнымъ платкомъ или полотенцемъ наклоненнаго, который, по первому удару, долженъ отгадать, кто его билъ, и если не отгадаетъ, то долженъ опять наклониться. Такъ продолжается, пока онъ не отгадаетъ и бившій его не сѣвнеть.

ни, почему обѣды и ужины въ это время часто превышаютъ состояніе хозяевъ. На столѣ являются лучшіе блины, кутя, колбасы и «сыцподвишь», вмѣстѣ съ другими обыкновенными кушаньями.

Новый годъ. Въ этотъ день всѣ стараются быть въ церкви, воздерживаются отъ брани и непріятностей, одѣваются въ лучшія платья и употребляютъ лучшую пищу. Все это дѣлаютъ въ надеждѣ, что весь годъ будутъ жить какъ въ первый день.

Замѣчаютъ, что въ этотъ день — «дзѣвъ умѣ побольшійу на гусиную лапку». Причина сравненія прибыли дня вотъ какая: любознательные хозяева засѣкаютъ на стѣнѣ край послѣдняго луча заходящаго солнца и перваго восходящаго; солнце, поднимаясь выше на небосклонѣ, восходя и заходя поздиѣе или ранѣе противъ того дня, когда сдѣланы были замѣтки, подвигаетъ взадъ или впередъ и края лучей своихъ, надающихъ на стѣну; а какъ замѣтки дѣлаются въ самый кратчайшій день, т.-е. 10 декабря, то къ 1 января, день, безъ сомнѣнія, уже значительно увеличится, солнце зайдетъ не на томъ уже мѣстѣ, гдѣ заходило прежде, и лучъ его, падавшій краемъ на замѣтку, подвинется далѣе; небольшое пространство этого передвиженія лучей, будучи длиною, приблизительно, въ гусиную лапку, и подало поводъ къ упомянутому сравненію.

На канунѣ Богоявленія Господня держатъ постъ, во многихъ семействахъ, цѣлые сутки, болѣею же частію до вкушенія освященной въ этотъ же день воды. Ужинъ бываетъ постный, нерѣдко изъ одного кушанья. Въ этотъ день мѣломъ дѣлаютъ по надверіямъ и стѣнамъ домовъ кресты.

Этотъ день, еслибъ и не былъ постный, никогда не могъ бы сравняться изобиліемъ кушаній съ кануномъ Нового года, потому-что болѣшая часть припасовъ, заготовленныхъ къ мясоѣду, уже бываетъ съѣдена, а большіе остатки ея должно еще сохранить для встрѣчи будущихъ праздниковъ, въ особенности мясныхъ заговинъ и Дзядовъ. Конецъ продолжительнаго поста и дни разрѣшенія на мясо рѣзко различаются между собою пищею; но конецъ мясоѣда, напротивъ, незамѣтно сливается съ постомъ; виною, безспорно — неумѣренность въ первые дни мясоѣда и неразсчетливость крестьянъ.

Въ околодѣ, описанномъ г. Анимелле, дни отъ Рождества

Христова до крещенья называются *Святками*, а вечера въ эти дни — *Святими вечерами*. Въ эти дни, какъ только начнетъ смеркаться и по угламъ избы темнѣть, крестьяне гоцорятъ: «ужа чаряцы на угламъ! Кадайца работу.» Въ Святые вечера крестьяне ничего не работаютъ; мужчины, женщины и дѣвки собираются изъ нѣсколькихъ домовъ въ одинъ, на *игрища*: поютъ пѣсни, играютъ на скрипкѣ или дудѣ, пляшутъ, играютъ въ *ласточки* (*), мужчины одѣваются въ вывернутыя вверхъ шерстью шубы, представляя разныя жуковія чучелы, и заставляя тѣмъ смѣяться. Если же находятся близко корчмы, то крестьяне чаще и охотнѣе собираются на *игрища* туда; здѣсь собираются и старики. При имени чорѣлки и жваа, тѣ же игры, пляски и забавы кажутся тамъ еще пріятнѣе: тутъ парни (по-леппельски — *двациюки*) укаживаютъ за дѣвушками; происходятъ любовныя свиданія, и всё куралосягъ почти всю ночь. Въ послѣдній день Святковъ, т. е. въ Крещенье, бываютъ самыя большія собранія на игрищахъ: въ Леппельскомъ уѣздѣ тутъ сходятся до 100 человекъ и великій готовъ отдать послѣднюю копейку на водку.

Богоявленіе Господне. Кто въ этотъ день съ утра первый идетъ къ колодецу за водою, тотъ долженъ влить туда оставшуюся отъ вчерашняго дня освященную воду и поставить у колодца одинъ или три крестика, сдѣланныхъ изъ лучины. Большая часть православныхъ не вѣдаютъ въ этотъ день ничего до освященія воды въ рѣкѣ и, тогчасъ по освященіи, набираютъ въ сосуды освященную воду, пьютъ ее радостно и разносятъ по домамъ. Многіе хранятъ освященную эту воду во весь годъ, окропляютъ ею домъ и хлѣвъ. Кушаній особенныхъ для этого праздника нѣтъ.

Срѣтеніе Господне. Въ этотъ день каждый хозяинъ освящаетъ для себя свѣчу (восковую) и хранитъ ее въ анбарѣ. Эту свѣчу носятъ на поля, когда сѣютъ и начинаютъ жать. Немедленно послѣ освященія этой свѣчи, подмалвиваютъ ея крестообразно на головѣ волосы; въ случаѣ чьей-либо смерти, въ самую минуту кончины, даютъ ее въ руки умирающему.

(*) То же, что игра въ жгутки; бьютъ лучиною или чѣмъ-либо другимъ не твердымъ.

Мясные запусы (заговинь). Во всѣ запусы ѣдятъ болѣе и лучше обыкновеннаго. Въ насмѣшку, Бѣлоруссамъ говорятъ, будто они въ день заговинъ обвязываютъ брюхо лыкомъ и ѣдятъ до тѣхъ поръ, пока оно не порвется.

О *Масляницѣ* — катаются на маленькихъ саночкахъ и хоть разъ въ недѣлю ѣдятъ блины. Кушанья заправляютъ молокомъ и масломъ.

Масляные запусы отличаются отъ мясныхъ только молочною заправою кушаній.

Въ мѣстности, описанной г. Анимелле, молодые мужчины, молодухи, дѣвки и недоросли во время Масляницы по вечерамъ катаются съ пригорковъ по снѣгу на такъ-называемыхъ «лядзянкахъ» — кускахъ льду, въ которыхъ вырублены мѣста для сидѣнья и спереди привязана веревочка, за которую сидящій держится, а съѣхавъ внизъ тащитъ лядзянку на гору, чтобъ опять скатиться. Иногда на гору встаскиваютъ обыкновенныя сани, въ которыя садятся по 10 и болѣе человекъ, и такъ катаются съ горъ, съ крикомъ и хохотомъ. Въ послѣдній день Сырной недѣли, т.-е. въ Сыропустное Воскресенье, вечеромъ, по корчмамъ бываютъ такія же игрища, какъ на Святкахъ.

Въ *Великій постъ* пища бываетъ скудная.

Въ этотъ постъ женщины ткуть кросны, а мужчины занимаются различными работами. Съ третьей недѣли Великаго поста народъ приходитъ въ церковь говѣть и исповѣдаться.

Въ *Великій Четвертокъ* моются въ банѣ до разсвѣта, обливаютъ лошадей холодною водою, купаютъ ихъ, а нѣкоторые даже и сами кушаются, до разсвѣта же, въ рѣкахъ, для очищенія и предохраненія себя отъ болѣзней тѣлесныхъ; также освящаютъ соль, а нѣкоторые и сало. Освященную въ этотъ день соль употребляютъ, въ видѣ лекарства, въ болѣзняхъ животныхъ, давая пить ее растворенною въ водѣ, а саломъ намазываютъ руки, когда сѣютъ ранній ячмень, для того, чтобы его не клевали воробьи. Многіе, поужинавъ въ Четвертокъ, не ѣдятъ ничего до Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Въ *Великую Субботу*, какъ православные, такъ и католики, тотчасъ послѣ сумерекъ, стекаются въ церкви, мно-

гіе съ зажженными пуками лучины, для освѣщенія пути ; спать въ эту ночь почитается за грѣхъ.

Благовѣщенье. Праздникъ этотъ крестьяне считаютъ самымъ большимъ послѣ Пасхи праздникомъ въ году: «*гэта святая самая большая — у ягд дайжа (даже) а крукъ (воронъ) гниздѣ ня дѣлаиць*». Всѣ усердно разбирають освящаемыя въ этотъ день просфоры и, принесши домой, привязываютъ къ «свидлкамъ», въ которыя сыплютъ зерна когда сѣють, и носятъ на нивы во время засѣванія.

Вяликъ-дзень, вялика-дня — тридневный праздникъ Воскресенія Христова: воскресенье, понедѣльникъ, вторникъ. Въ эти дни земледѣльцы оставляють всѣ свои занятія.

Въ воскресенье, по окончаніи литургіи, священники освѣщаютъ приносимыя прихожанами яствы, которыя послѣ того называются «*свѣнцонимъ*». Въ Бѣлоруссіи въ обыкновеніи напекать множество яствъ, и чѣмъ болѣе столовъ заставлено ими, тѣмъ болѣе уважаются хозяинъ и хозяйка. Всѣ блюда «свѣнцонаго» бывають украшены зелеными стеблями брусники (*vaccinium vitis idaea*). Въ первый день праздника рѣдко гдѣ варять кушанье, а болѣею частию ѣдятъ свѣнцоное, приготовленное съ субботы. Всѣ три дня праздника поселяне проводятъ въ посѣщенія знакомыхъ, въ потчиваніи и въ катаньи яицъ. Вечеромъ, когда уже совершенно стемнѣеть и большая часть жителей ляжетъ спать, по деревнямъ ходять «валачобники», составляющіе хоръ изъ 6, 7 и болѣе лицъ; они останавливаются передъ окнами извѣстныхъ домовъ: «начинальникъ» (запѣвало) запѣваетъ, а «памагальники» и скрипачи пособляютъ ему пѣть, припѣвая за каждымъ стихомъ: «Христось васкресь, сынъ Божій.»

По окончаніи пѣнія говорятъ всѣ вмѣстѣ, трижды: *Христось васкрось*, и, какъ водится, по просьбѣ хозяина, входятъ въ хату.

Пѣсня, о которой мы говорили, поется хозяевамъ жена-тымъ; для холостыхъ есть другая пѣсня, которую поють также. Вотъ она:

Сьличный паничъ, панъ Василька!
Устань рана, умыйся бѣла!
Пачаші галдуку гладюсинька,
Надзѣнь кашульку бялюсиньку,

Надвізь штюпки гарматовые,
Панчюшачки бляювые,
А бодики кавловає,
Надвізь сукню соятовую,
Падпаяшы пояс залочавый,
Надвізь шапку парловую,
Вазьми ключі сталіовые, —
Идзі у стайню у муруваную:
Выбірць сабѣ дні коніка,
Ой коніка найлучшага,
Найлучшага, варянога,
А сядзѣнца залатога,
А уздѣчачку сярэбраную, а падпружачку саятоваю.
Вазьми хартоу бляюсинькихъ,
Вазьми стральбу мичавую,
Вазьми шаблю сталіовую.
Сьлічный панічъ, панъ Васілька!
А вѣзь жа у чіста поля, —
У чіста поля палявѣци,
Палявѣци, дѣлі шукѣци. У чіста поля чысьцѣсинька,
Ляціць саядлѣ ясьцѣсьнікій.
Сьлічный панічъ, панъ Васілька!
Хартоу пусьці, ни длуцьці,
Шабляй вахні, ни дамахні...
• Сьлічный панічъ, панъ Васілька!
• На бі-жъ мянѣ, а я табѣ,
• А я-жъ табѣ прыгаджуся.
• Ой къ рѣчынцѣ, ой къ быстранькей,
• А яжъ цябѣ пірапладую,
• Твайхъ сватѣу піравяду
«Чірѣзъ тую чірѣзъ рѣчку,
• А у чаунѣчку у маліванінькімъ,
• А вясѣльцы паагачаные.
• Ой тамъ жа за рѣкамі, за быстрымі,
«Слічна панѣнка, крулідва найяснѣйшая.
• Сьлічный панічъ, панъ Васілька, круль найяснѣйшій!
• Ой тамъ-жа вы пастаілі,
• Заручінькі падзіржаілі,
• Залаты персьні памінілі.»
Сьлічный панічъ, панъ Васілька!
Жыві здарѣу, дыні будзь багѣтъ
И съ татўлькай и съ матўлькай...

Начиная съ этого праздника поють на поляхъ и въ домѣ, «великоднныя» пѣсни до Вознесенія Господня, до Сочествія Св. Духа и даже до начала жатвы. Вотъ одна изъ нихъ:

Юсьць у лѣзи криничинька халаднà;
А у казàка дзлучи́нница аладà;
Юсьць у лѣси кліонъ дзирáвый рѣзна, —
Хѣлазиць казàкъ да дзлучи́ны пѣзна:
• Дзлучи́нница сухѣтанька ма́й;
• Прашу́ цябѣ, ни хадзи ты ка мнѣ;
• Бѣдзиць с'лава на цябѣ и на ягнѣ. •
— Я тыѣ с'лавы ни баю́ся;
Якъ любила, такъ люблю́ся! • —
«Дзѣванька сухѣтанька ма́й!
• Ци бѣдзишь ты па мнѣ тужиць.
• Якъ я найлѹ у вѣйска служиць?»
— Мнѣ ба́чицца, што я ни плачу,
За сьлизàми сьвѣта я ни ба́чу!
Мнѣ ба́чицца, што я ни тужу́ся,
Атѣ вѣтру я мѣлада валю́ся! —

Всѣ такого рода пѣсни поють только женщины.

Юрья (Великомученикъ Георгій). Въ этотъ день выгоняютъ скотъ на паству освященною вербою. Пастухи раскладываютъ на полѣ огонь, варятъ съ саломъ яичню, которая издавна есть одно изъ любимыхъ кушаньевъ нашихъ поселянъ, такъ-что кого желаютъ угостить получше, тому подають волку, медъ и яичню. Это кушанье ѣдятъ въ Юрьевъ день почти всѣ хозяева, за обѣдомъ.

Въ этотъ праздникъ пастухи и дѣвицы поють на полѣ и дома слѣдующія пѣсни:

У чистамъ поди ста́дланька,
У ста́длынцы карчманька,
У карчманьце кравáтунька,
На кравáци сьлична панѣнка, панна Гáнна;
У іѣ стайць три мѣлайцы, усѣ три маладѣе:
Пѣрвы́й маладзѣць — панъ Сымѣнка,
Другѣ́й маладзѣць — панъ Халимѣнка,
Трѣ́цьцй маладзѣць — пая́-Милья́ннка;
Сымѣнка стайць прѣци рѹчакъ,
Халимѣнка стайць прѣци галбуки,
Милья́ннка стайць прѣци нѣжакъ;
Сымѣнка стайць зѣ зяляны́мъ вынѣмъ,

Халимівка съ шдннимъ пиратомъ.
Мильянька стаць въ гѣркаи гарѣлкай;
Сымѣвка кѣжць: Санвулька, скѣшай майгѣ зилнѣ вина!
Халимѣвка кѣжць; скѣшай майгѣ шдннага пиратѣ!
Мильянька кѣжць: скѣшай майгѣ гѣркаи гарѣлки!
Ина кѣжць: ать усихъ пица — пѣнай быца,
Усихъ любѣца — виживѣй быца!
Пиць на пиць зилнѣ вина,
Любиць ни любѣць малѣдога Сымѣвки!

За каждыиъ стихомъ припѣвають: «а зяліоний садъ вш-
ниовий!»

Эту пѣсню поють, впрочемъ, и въ другіе дни.

9 мая конюхи въ первый разъ выѣзжаютъ на ночлегъ и всю ночь въ полѣ, у огнища, пьютъ водку, веселятся и ѣдятъ личню. Впрочемъ, обычай этотъ теперь уже исчезаетъ и на ночлегъ ѣздить гораздо прежде этого дня.

Наканунѣ 23 июня у насъ давно уже не разводять ночью огней и не поють купальныхъ пѣсенъ.

Въ погостѣ Вяжищахъ купальскій обрядъ въ послѣдній разъ (лѣтъ пять тому назадъ) совершался слѣдующимъ образомъ: дѣвицы хороводомъ ходили объ сумеркахъ вдоль улицы по деревнѣ и пѣли:

Кто выйдѣць на трауку на зялідную,
На вулицу на ширѣкую —
Нихай ляжць калѣдаю дубѣваю,
А лѣтки ягѣ карчѣуишъ нихай лижѣць.

Потомъ, съ тою же пѣсней, ушли въ поле и, помѣстившись между зеленой ржи на лугу, изъ расчепленныхъ колесъ и дощечекъ домашнихъ сосудовъ развели огнище, пили водку и ѣли складчиной все принесенное каждой изъ дому. При этомъ пѣлись слѣдующія пѣсни:

Зялідная дубѣванька, чаму ни шумѣла.

Ни шумѣла, ни зилнѣла?

• Якъ-жа мяѣ ни шумѣць, ни зилнѣць:

Были вѣтры на цѣхѣн, были дажды на дрѣбные.

(Обращаясь къ которой-нибудь изъ дѣвиць:)

Хадѣсачка чаму-жъ ты ни плакала?

• А якъ жа мяѣ ни плакаць:

• Были сватѣ далѣдкіи, нимаючыме, —

- Мой татўлка ня аткаўывау, ды прикаўывау :
- • Придвй свѣтку у субѣтку!
- У субѣтку зъ гарѣлачкай, а у-нядзѣлку на дзѣвачку!»

Дзѣ-жъ ты была Купалачка!
• У тваймъ садку, Иваничка,
• Красачки рѣла, Иваничка.
— Наштѣ табѣ красачки Купалачка?
• Вяжйськимъ дѣукамъ, Иваничка,
• Явы зѣмужъ пѣйдуць, Иваничка!»

А у гарѣдзи калина,
На калини вязюла,
Ни кукѣиць, прѣуду кѣжиць:
• Ой Богъ теѣ дау нявѣстуньцы (женъ сыновей)
• У каторай дзвварѣду (братъевъ мужа) многа,
• Дзвварѣы ѣдуць игрѣючы,
• Нявѣстка ѣдзиць гулѣючы.
А у гарѣдзи калина
На калини вязюла,
Ни кукѣиць, прѣуду кѣжиць:
• У каторай нявѣстки залѣвакъ (сестеръ мужа) многа,
• Залѣуки ѣдуць гулѣючы,
• Нявѣстка ѣдзиць рыгѣючы!»

Дождавшись восхода солнца, которое, по мнѣнiю поселянъ, въ этотъ день играетъ (мечется во всѣ стороны), онѣ разошлись по домамъ.

Вотъ посты и праздники, съ сопровождающими ихъ обычаями, въ настоящее время. Старики говорятъ, что прежде всякiй праздникъ, всякiй день, даже шагъ, сопровождался какимъ-нибудь обыкновениемъ. Нѣкоторые изъ этихъ обыкновений нынѣ уже не существуютъ. Такъ, напримѣръ, недостатокъ корма для скота вывелъ уже изъ употребленiя обыкновенiе выгонять коровъ и овецъ первый разъ въ день Св. Побѣдоносца Георгiя, а лошадей на ночлегъ — въ день Св. Николая Чудотворца (9 мая). Такой недостатокъ корма происходитъ отъ неурожаевъ, неурожай — отъ неудобренiя земли, а не удобряютъ землю потому, что имѣютъ мало скота, въ-особенности лошадей. «На што мнѣ кони, на што мнѣ коровы, на што мнѣ што, калѣ я адзiнцъ якъ палиць у хацѣ!» говорятъ крестьяне;

и, въ-самомъ-дѣлѣ, во всемъ нашемъ приходѣ нѣтъ дома, гдѣ бы было болѣе четырехъ мужчинъ, а много есть и такихъ, гдѣ только и есть, что мужъ и жена.

Жниво и талюки.

Жниво. Жито (рожь) у насъ сѣютъ начиная со дня Успенія по день Рождества Пресвятыя Богородицы, а жать начинаютъ смотря по спѣлости, болѣшею частію со дня Пророка Иліи. Многие, по недостатку хлѣба, жнутъ даже не зрѣлый хлѣбъ и не во-время.

Зажинать идетъ сама хозяйка, съ хлѣбомъ, солью и сыромъ. Первый нажатый ею снопъ она приноситъ домой и ставитъ на нѣсколько времени на куть у божницы. Снопъ этотъ обмолачиваютъ въ-послѣдствіи отдѣльно; зерна его приносятъ, для освященія, въ церковь, въ день Преображенія Господня или въ Великій Четвертокъ, и потомъ мѣшаютъ ихъ съ житомъ, которымъ засѣваютъ поля. Женщины, работая на поляхъ, поютъ слѣдующія пѣсни:

Чиразъ боръ зиланѣнкій бяжыць конь варанѣнкій,
А за нимъ у пагоню нашъ Микитка,
Пиралъ нимъ сустрѣчанька маладая дзѣванька.
— А дзѣванька, душа май! пирайми кані майго!
Кані майго вараного, — мині князя маладога;
Кані майго плясьнивага, — мині князя щасливага. —
• Ой радабъ я пираници, ды баюся айца-й маці!
• Ой радабъ улавици, — будуць людзи гаварици!
— А ня бойся никога, апрочъ Госпада Бѣга, мині князя маладога!

Зицѣли вѣлиньки калѣ ницай лѣзачки,
Ой па-воли (тиховько) вѣлиньки (голубкі) калѣ ницай лѣзачки.
— Ни аблавиця суччинна, ни абабиця лисційка! —
Смазѣли павѣнкі кадѣ маладѣй Халѣски;
Ни аблавиця зѣлата, ни абабиця сѣрабра;
А зѣлата — то тѣткина, а сѣрабра — то мамкина!

Казіаа малыва! ня стѣй надъ вадѣй, ня раунуйся са мной;
Было табѣ раунавацца, якъ я была у татулькы.
Никъ я была у татулькы, блѣтѣй твайго цвѣту цвѣтайд,
Чирванѣй твайхъ агадакъ была;

Астаўся стэблям надобрану чылідзінку:
Уаду мянэ лэв вышывку, ссушыў мянэ якъ ліпывку,
Ліпывку у балодци, а былинку у гародан,
Ліпывку падлупліоною, а былинку падкашоною

Я у горы ни радашлася, ка мнѣ гора прицацілася,
А я зъ гора ды-й за-мужъ зайшла:
Я думала, мнѣ палышавць,
Маіо гора паменьшавць;
А мнѣ за мужамъ пагоршала,
Маіо гора пабольшала.
Мой татунька салавѣюнька!
Мая матулька пирасіюлачка!
Защитацця манэ удовушкай,
А пабѣднаю галовушкай;
Пастаўца мнѣ кельницю, —
А кельницю проци ельничку,
Прочи бѣйнаѣ дарожачки,
Прочи бѣлаѣ барозачки,
Гдзѣ купчики звыжжajúцца,
Мянэ моладу пытаюцца:
• А дзѣ-жъ тая дзѣвѣнца,
• Дзѣ-жъ тая красная,
• Што тонкая, высѣкая,
• Што бѣлая, руманая?•

Дожи́нки. На дожи́нки приглашаютъ въ толоку женщинъ,
и рѣдко гдѣ дожинають безъ приглашенныхъ. По окончаніи
жатвы, плетутъ на полѣ вѣнокъ изъ молосьевъ и приносятъ
въ домъ къ хозяевамъ, съ слѣдующею пѣсню:

Зяліонъ боръ, зяліонъ надъ усіми барами, —
Славідонъ нашъ панъ, славідонъ надъ усіми паньами.
Занто жъ іонъ славідонъ?—ідонъ три войски звалю!

Есть и другія дожиночныя пѣсни. Всѣ онѣ, обыкновенно,
поются нѣсколькими женщинами, изъ которыхъ одна несетъ
вѣнокъ.

Хозяинъ, завидѣвъ жней, выходитъ къ нимъ на встрѣчу съ
хлѣбомъ-солью, за порогъ сѣней, и ожидаетъ на крыльцѣ, а
иногда и въ сѣняхъ. Если хозяинъ замедлитъ или его нѣтъ
дома, жней ожидаютъ его, или же когѣ-нибудь изъ членовъ
семейства, на томъ же мѣстѣ, и не войдутъ въ хату, пока не

отдадутъ вѣнка. Старшая, отборная жней несетъ вѣнокъ на головѣ отъ самаго поля; она же должна и плестъ его. Послѣ пѣсни, она надѣваетъ вѣнокъ на голову хозяина, который потчуетъ ее и другихъ жней водкою, а на закуску подаютъ имъ хлѣбъ съ солью, иногда же сыръ и пирогъ. Получивъ вѣнокъ, хозяйева даютъ старшей жней деньги (копеекъ десять серебр.), послѣ чего просятъ жней въ избу, гдѣ столы уже накрыты бѣлыми скатертями и поставлена водка. Жней, въ одномъ нижнемъ платьѣ, садятся за столы по лѣтамъ и состоянію, и иногда шутя обращаются къ хозяйкѣ съ вопросомъ: «*гаспадыня цыцѣра, ци гатбѣа вячѣра?*» Пока подаютъ и переменяютъ кушанья, жней пьютъ водку и поютъ пѣсни; вотъ одна изъ нихъ:

Панѣчикъ, панѣчикъ!
Савилі ны ванѣчикъ
На салодзінскій мадѣчикъ;
А мы жнѣи на гѣрые —
Дайца намъ хоць гѣрніе (водки);
А мы жнѣи на пышвые —
Дайца намъ хоць зъ вишнями!

Послѣ ужина, жней благодарятъ и расходятся до домамъ; но гдѣ есть музыканты, тамъ онѣ остаются до-поздна плясать, пѣть и пить.

Талѣки. Талѣки бываютъ двухъ родовъ: мужскія и женскія. На талѣку свечера приглашаетъ сосѣдей самъ хозяинъ или его повѣренный, который выхваляетъ будущую талѣку, общаетъ до-сыта водки и хорошихъ кушаньевъ. На-утро, тотчасъ послѣ зари, званые сходятся и принимаются, послѣ порядочнаго глотка водки и закуски, за дѣло, на которое призваны. Созываютъ въ талѣку женщинъ для жатвы и выбора льну, а мужчинъ — для косьбы и вывозки навоза. Мужская талѣка отличается отъ женской только тѣмъ, что мужчины болѣе пьютъ водки и не поютъ пѣсенъ, а работу сопровождаютъ разговорами, воспоминаніями, рассказами т. п. Вотъ одинъ изъ такихъ рассказовъ, слышанный мною:

«Вотъ якъ быу гѣта ув-аднагѣ айцѣ сынъ, удалецъ быу, якъ-то кажуць, зъ уралзѣнья; рѣзуму хоць іѣнъ быу и ни письменный, али у насъ у дзясціѣхъ гѣдульки ни найдзись; за усѣмъ тымъ быу крутъ и стацінъ; ящѣ скажу: удалецъ

іонъ быу!... Самъ бацька яго дзівіўся удачы; ну, а геды-
кимъ, братъ, ни па-наську, — ня-укўрнай хаци жиць! — Па-
пращаўся іонъ зъ бацькамъ, дый пашоу у бѣлыі свѣтъ доли
искаць. Добрыі чилавѣкъ, братцы, ня будзиць доуга валачиц-
ца — у сакаму надабинъ: іонъ пристау къ аднаму пану на услу-
гу. Доуга іонъ жыу у яго и увѣрыуса якъ найлѣпшы: золата
кўчама ляжиць бувала укўргъ яго, а іонъ идзѣць и ни глѣ-
ниць; а яно, братцы, гѣта и нашаму брату пакўса хоць стѣра-
му! Злучиь, што яго бацька вольный быу и быу ужд при
сьмѣрци — прислау за имъ; выхацьу панъ пускаць гѣлакага
чаловѣка: можа и навѣрница, дўмау іонъ; али зылитуваўся
у гѣтыкимъ рѣзи — пусьциу... Бацька ужд ладзїуса къ смѣр-
ци, якъ сынъ прїѣхау, и, наваўши яго къ сабѣ, першъ лѣ-
кувау яму за яго чїстай правадзѣнныя, а пусьма: «знаю, ка-
жиць, «сынѣокъ», што пѣуня и нацїродъ низаустѣдзишь мянѣ
на тымъ свѣци, пирѣдъ Бѣгамъ — будзишь жыць такъ, якъ
да-гѣтуль жыу. Али вѣтъ....»

— «Ну, рибѣты! ѣдзиць падвѣда, а тамъ другѣя и трѣцїя,
барыциса за вїлы!» Павозьняки (ребятишки, которые водятъ
лошадей съ навозомъ) стали вводить одинъ за другимъ лоша-
дей съ порожними колѣсами (телѣгами) въ хлѣвъ, гдѣ гово-
рившїй и слушавшїе бросились накладывать навозъ. «Ну, зъ
Бѣгамъ, малыцы.»

Али вѣтъ што я табѣ яцо скажу: гдѣѣбъ и кали-бъ ты ня
быу, пра самамъ цїльнымъ антарѣси, ни апуцай Имшы свя-
тѣя.

Гѣта сказау іонъ и Бѣгу душў атлау. Сынъ наплакау, па-
хавѣу бацьку и узноу вярнуься къ пану, и упярѣдъ бувала Имшы
ни апускау, а цяпѣрь и цѣрквы ни рѣзу ни прамивѣць — хоць
адны пацїры зайдзиць згаварїць съ сухрўхай, кали кала иѣ
(церкви) близка ѣдзиць... И видна Богъ пражывѣу у имъ; панъ
такъ палюбиу яго! Али, братцы, злая сїда заусїоды процї
дѣбраци. Шѣльмы завїсьники нагаварїли на яго пѣну,
якъ быццямъ-то іонъ и злѣдзїй, и пѣяница, и разбѣйникъ —
хѣчиць пѣна забїиць. Спужѣуса панъ, дўманъ — нада сїабѣ атъ
сьмѣрци збѣвиць; вѣтъ іонъ и придўмау: напїсау картачку
къ майсьциру у Гўту, гѣта шклѣная хвѣбрика, штѣбъ цадауцу
у-в-агонь ськїннуць. Картачку адлау іонъ гѣтаму удальцў да-
ставиць жива (скорѣй) у Гўту; тамъ яму, дўманъ и юкъ.

Гэта усіо дэбілася ціха, у-ва-дворы ніхто, абъ гэтымъ, апрічы пана, визнаў ня вѣдау. Паѣхау удалецъ, малясь Богу.

— «Ну вотъ пять хурманакъ! Рибаты, ну разамъ!... Панжджайця вямбцьки!»

— Уѣхау іонъ у палавіну дароги, да Гуты было миль 5-ць — відзиць — цѣрка атчїнина, дай зайці! зачинѣлася Имшѣ; іонъ помниць бацькина слѣва: ни паѣхау отъ Службы зъ Божжага дому... Бидѣ, — панъ яго саразить быу, — молицца іонъ-маладзецъ Богу, ды-й думайць: спазнѣюся я съ картачкай у Гуту, дыкъ панъ якъ скажиць гайдукѣмъ сваймъ аддаубасяць мянѣ нагайкамѣ, дыкъ и духъ вонъ!... Али нягѣ панъ мнѣ милѣй Бога, милѣй бацьки? — Нипаѣду пакулъ на щѣнюць (затворять) цѣркву! Тольки іонъ пираксьціўся, хропъ на парогъ адзїнъ сѣмый любїмый и багатый панвськїй гайдукъ. — «Штѣ ты тутъ, братъ, стаїшь?» кажиць іонъ къ удалцу. «Богу малюся! А ты, братъ, кудѣ гѣта вѣбрауся?» «Ѣду у Гуту». «На, братъ, зъвзасї гѣту картачку!» Тотъ згробъ лѣ, дыї палляцу піючї. А гѣта іонъ (гайдукъ), званїца, ѣхау — завїсьвїнкъ глядзѣць якъ бѣдуць кидѣць удалца тагѣ; яму панъ сказау, што бѣдзиць зъ удалцомъ, али нисказау, штѣ у кѣрци писана; гайдукъ гѣтый и пану назваздау, али панъ аткрѣу яму штѣ бѣдзиць зъ удалцомъ тады тольки, якъ выслау яго у Гуту... Прїѣхау гайдукъ зъ радасьцю, аддау картачку маїсьциру, и жаждѣць ци ск. ра той прїѣдзиць; ажъ тутъ яго схвацїли, ни дали слѣва прамѣвиць и кидзѣль у Гуту: гайдукъ па-тѣль-тагѣ и быу!»

Простой народъ страстно любитъ слушать рассказы и ихъ у насъ не мало. Имъ посвящены преимущественно кривые вечера, но крестьяне такъ скрытны, что рѣдко случится подслушать ихъ. Еще труднѣе выпытать у нихъ пѣсни; я выписалъ только нѣкоторые; но много есть гораздо лучше.

Въ мѣстности, описанной г. Анимелле, крестьяне возятъ у себя навозъ всегда *талоками*, т.-е. попеременно, сначала у одного, потомъ у другаго, собираются по нѣскольку семействъ въ одинъ домъ, и работа производится здѣсь общими силами. На талокахъ готовятъ лучшія кушанья, и не только во время стола пьютъ горѣлку, но даже послѣ очистки навоза изъ каждаго клѣва приносится

туда рабочимъ по чаркѣ горѣлки. Подъ вечеръ, когда уже вся работа окончена, опять пьютъ горѣлку, и женщины поютъ разныя пѣсни, при чемъ мужчины женщинъ и женщины мужчинъ обливаютъ водою изъ полнаго ведра, а нѣкоторыхъ втаскиваютъ или сталкиваютъ даже въ лужи и пруды; при этомъ кричатъ, смѣются, хохочутъ, особенно, если удастся женщинѣ порядочно вымочить или втолкнуть въ лужу мужчину. Это дѣлается для того, чтобъ на будущій годъ лучше родился хлѣбъ.

Главныя и самыя пріятныя для крестьянъ увеселенія суть деревенскія ярмонки — *кормаша*, которыхъ въ теченіе года, въ мѣстности, описываемой г. Анимелле, бываетъ до 10 и болѣе, и на которыя пріѣзжаютъ верстъ за 20 и далѣе. Ярмонки обыкновенно бываютъ тамъ, гдѣ есть церкви или часовенки. Духовенство утромъ служитъ въ нихъ обѣдни или молебны, на которые стекается и половина посѣтителей ярмонки. По окончаніи молебствія, часу въ 11 до полудня, ярмонки бываютъ въ полномъ развалѣ: хозяева покупаютъ тутъ колеса, желѣзо, топоры, косы, серпы, лыки на лапти, рѣшоты, досчаны, ведры и прочую хозяйственную посуду; покупаютъ и вымѣниваютъ у кожевниковъ выдѣланную кожи на сырыя или продаютъ имъ послѣднія; также покупаютъ и мѣняютъ лошадей. Женщины покупаютъ себѣ наряды: ситцы, платки, тесемки, кораллы, бисеръ и прочее. Между-тѣмъ музыканты (если только ихъ можно такъ назвать), въ корчмѣ, въ столодѣ (сарай при корчмѣ для кормленія лошадей проезжихъ) и въ нѣсколькихъ мѣстахъ на дворѣ у корчмы играютъ на скрипкахъ и дудахъ; къ нимъ подходятъ молодые мужчины, женщины и дѣвки и, платя за игру яблокомъ, яйцомъ или грошемъ, пляшутъ. Другіе *зыблются* — качаются — на такъ-называемыхъ *зыбкахъ* (*). Нѣкоторые, сидя на зыбкѣ, поютъ пѣсни; другіе же, собравшись толпою передъ качелями, смотрятъ на качающихся и также поютъ. Холостые высматриваютъ при этомъ невѣсть, а дѣвушки — жениховъ; матери

(*) На двухъ столбахъ, вкопанныхъ въ землю, лежатъ валъ, въ который съ обонхъ концовъ продѣто по двѣ жерди; къ этимъ жердямъ прикрѣплены четыре висячихъ лавочки, на которыя садятся по два человека. Стоящіе при зыбкѣ, взявъ жерди за концы, вертятъ ихъ, поднимая вверхъ и опуская внизъ.

также стараются примѣтить своихъ будущей зятевей и невѣстокъ и распрашиваютъ о ихъ поведеніи и качествахъ. Вообще ньютъ горѣлку, пиво, медъ и потчуютъ ими другъ друга; покупаютъ разныя закуски, какъ-то: яблоки, огурцы, печеную и вареную рыбу, калачи, коврижки и проч. Тутъ же парни ухаживаютъ за дѣвушками, и мазначаются свиданія. Но, при этомъ, пріятнѣйшемъ для крестьянъ препровожденіи времени, при этой суматохѣ, продолжающейся до самой ночи, никогда не обходится безъ непріятностей: одни подерутся, другаго обкрадутъ, третій, пьяный, растеряется, четвертаго пьянаго такъ толкнуть оглоблею въ спину, что онъ и черезъ полгода не забудетъ привѣтствія, и проч.

По воскресеньямъ и другимъ праздникамъ, мужчины, которые постарѣе, особенно хозяева, собираются въ ближайшія корчмы и; разсуждая между собою о томъ и другомъ, прѣсѣживаютъ тамъ до ночи. На этотъ случай есть у нихъ и поговорка; если, напр., кто, собираясь итти въ корчму, скажетъ: «вада схадзиць на часокъ въ карчму», то ему возражаютъ: «пайдзешъ на часокъ, а прасядзишь да начи; виць въ карчмы смалыны лавки: какъ сядзишь такъ и прилипнишь.» Зимомъ, молодыя женщины поютъ пѣсни, а мужчины по улицамъ гоняютъ *шалыгу* (*). По вечерамъ, въ зимнее время, иногда собираются по нѣскольку мужчинъ и женщинъ въ одну избу, поютъ, играютъ на скрипкѣ либо на дудѣ, и пляшутъ.

Въ лѣтнее время, въ праздники, по деревнямъ почти нѣтъ никакихъ забавъ. Женщины или, вмѣсто своихъ дѣтей-недорослей, насутъ скотъ, или ходятъ въ лѣсъ собирать ягоды или грибы, или гребутъ и просушиваютъ сѣно. Только мужчины, находясь въ праздникъ обыкновенно на пастбищѣ съ лошадьми, играютъ тамъ иногда въ карты,—весьма немногіе за деньги, и то тайно, чтобы о томъ не узнали, потому-что это у нихъ теперь считается за немалый порокъ; но лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ картежная игра, особенно на деньги, была,

---

(*) *Шалыга* не что иное, какъ неуклюже сплетенный изъ лучины шаръ, величиною почти съ человѣчью голову. Въ эту игру играютъ такъ: съ двухъ противоположныхъ сторонъ становятся по нѣскольку человекъ, держа въ рукахъ по палкѣ; одни къ другимъ бросаютъ шалыгу, подбивая и подхватывая палками; тѣ, которые дальше прогоняютъ ее, торжествуютъ, крича: «ваша вада! ци ня стыдна вамъ?»

говорять, лучшей забавой; даже старики хозяева играли и иногда проигрывали не только всѣ деньги, но даже быка или корову. У рижскихъ купцовъ было заведено всѣхъ пріѣзжающихъ къ нимъ крестьянъ со льномъ непременно дарить картами; тогда нѣкоторые, не доѣхавъ и до дому, проигрывали въ карты всю свою выручку. Но вотъ уже слишкомъ 20 лѣтъ, какъ этотъ пагубный обычай дарить крестьянъ картами запрещенъ, и съ тѣхъ поръ, по недостатку картъ, которыя можно достать только у разносчиковъ-жидовъ, и то за дорогую цѣну, картежная игра у крестьянъ почти совершенно выходитъ изъ моды. Зато игра на деньги между дворовыми людьми, лакеями, кучерами и прочими стала лучшей и единственною забавою, особенно въ то время, когда гости собираются у помѣщиковъ.

Издавна заведено въ каждой деревнѣ или въ нѣсколькихъ вмѣстѣ праздновать ежегодно одинъ *избранный* праздникъ: это называемая *праздничная*, по празднику, въ который справляется. Эти праздничныя справляются почти три дня. Гости — родственники и пріатели изъ другихъ деревень, гдѣ въ этотъ день нѣтъ праздничной, собираются съ вечера накануне самаго праздника и расходятся, переночевавъ двѣ ночи. Для праздничныхъ варятъ пиво, берутъ по нѣскольку ведеръ горѣлки и стараются угощать какъ можно лучше, при чемъ поютъ пѣсни и пляшутъ подъ скрипки и дуды. Гости приносятъ съ собою пироги; которые имъ также даются при возвращеніи ихъ домой. На такіе праздники пріѣзжаютъ священники и церковные причетники и служатъ въ каждой хатѣ молебны. Если праздничныя случатся весною или осенью, пока рожь еще не велика (напр., весною — 9 мая, а осенью — 8 сентября), то священникъ, отслуживъ по домамъ молебны, выходитъ отъ всей деревни въ поле на рожь или озимь, и тамъ служитъ на ней молебенъ. Лѣтомъ, когда рожь уже созрѣетъ и начнутъ печь изъ нея хлѣбъ, крестьяне, избравъ какой-нибудь скоромный день, варятъ кашу изъ круцъ новой ржи, приготовляютъ при этомъ и другія праздничныя мясныя кушанья и, созвавъ нѣсколькихъ родственниковъ и сосѣдей, даютъ обѣдъ или ужинъ, попивая при томъ горѣлку въ честь новаго хлѣба.

Когда зовутъ на эту пирушку, обыкновенно говорятъ: «ми-ласци просимъ къ намъ сяводня на *новую кашу*.»

Подобныя пирушки бываютъ и при освященіи новыхъ избъ, съ тою только разницею, что въ послѣднемъ случаѣ приглашается и священникъ. Эти пирушки называются *вясёлками*.

Переходя жить въ новую избу, крестьяне, собравшись всѣмъ семействомъ къ порогу ея, пускаютъ туда напередъ кошку и пѣтуха, потомъ, взявъ бохонъ (булку) хлѣба, бросаютъ его изъ-за порога, чтобы онъ прокатился по избѣ; затѣмъ входятъ въ избу хозяинъ съ хозяйкою, а за ними — все семейство, ставятъ на мѣсто образъ, и, затепливъ передъ нимъ свѣчу, говорятъ: «Госпаdzi, баслави, дай-жа, Божа, пажиць и въ щасци и въ радасци.» Если бохонъ хлѣба, катившійся по полу, сядетъ такъ, какъ онъ сидѣлъ въ печи, т.-е. нижнею коркою внизъ, то это предвѣщаетъ веселую жизнь; если же бохонъ ляжетъ внизъ верхнею коркою, то это общаетъ печали, — особенно предвидится частая смертность въ семействѣ. Также знаменуетъ благополучіе, если пѣтухъ запоетъ какъ только его впустить въ избу.

На пирушку «вясёлки», даваемую по переходѣ на житье во вновь выстроенныя избы, крестьяне сзываютъ гостей изъ родственникововъ и почетнѣйшихъ сосѣдей и, по просьбѣ хозяина, приѣзжаетъ священникъ съ дьячкомъ, для освященія новой избы. По прибытіи священника, затепляется передъ образомъ свѣча. Послѣ того священникъ съ дьячкомъ начинаютъ пѣть молитвы для освященія избы. По окончаніи священнаго обряда, затепленную передъ образомъ свѣчу гасятъ.

На эту пирушку прибываютъ обыкновенно въ гости хозяева и хозяйки дома. Хозяинъ-гость приноситъ съ собою деньги (отъ 5 до 25 коп. сер.), пирогъ, соль (горсти двѣ или три) и ржи или ячменю отъ 6 до 12 гарнцевъ. Деньги онъ бросаетъ, входя въ избу, на печь, пирогъ и соль кладетъ на столъ, а рожь или ячмень — на лавку; все это хозяинъ новаго жилья тотчасъ же принимаетъ и уноситъ въ «всѣпку» или въ амбаръ. Хозяйка-гостья приноситъ овечью шерсть (отъ $\frac{1}{4}$ до 1 фунта) и мису гречневыхъ крупъ либо ячныхъ отъ 1 до 2 гарнцевъ. Шерсть бросаетъ она, входя въ избу, на печь, а крупу ставитъ на лавку; все это принимаетъ хозяйка новаго

живля и уносить въ исцѣпку. Нѣкоторые, сверхъ-того, приносятъ еще живыхъ куръ и гусей, которыхъ выпускаютъ при входѣ въ избу.

На эти пирушки гости большею частію приглашаются къ вечеру и угощаются однимъ только ужиномъ. Богатѣйшіе же крестьяне начинаютъ пировать съ обѣда; гости у нихъ обѣдаютъ и ужинаютъ, а нѣкоторые и ночуютъ и даже утромъ на другой день едятъ. Главная статья угощенія — горѣлка. Если ея было довольно, то возвратившіеся съ пирушки говорятъ: «слава Богу! всяѣлки были весилы! горѣлкой хашь залейся»; въ противномъ случаѣ они отзываются такъ: «какіе тамъ всяѣлки, кали не считая была вся-летца! Па чарки, па другой выпили, и горѣлка вся.»

Такія же пирушки даютъ и тѣ крестьяне, которые отдѣляются отъ семейства (сынъ отъ отца или братъ отъ брата, и т. под.) и селятся въ той или въ другой деревнѣ «на свай новыя хазійства.» Эти новые хозяева, если случится переходить и въ старую избу, въ которой уже были жильцы, при входѣ туда на житье соблюдаютъ тѣ же самые обряды, какіе бывають при входѣ въ новую избу; только священникъ не приглашается для освященія. Новымъ хозяевамъ гости приносятъ болѣе подарковъ деньгами, шерстью и проч., чѣмъ переходящимъ въ новыя избы.

Бываетъ также родъ праздника или забавы въ тотъ вечеръ, или, лучше сказать, въ ту ночь, когда въ первый разъ весною выѣзжаютъ въ поле съ лошадьми на ночлегъ. Выѣзжающіе съ лошадьми на пастбище соединяются изъ нѣсколькихъ домовъ въ одну бесѣду; въ ихъ числѣ обыкновенно бываетъ скрипачъ или дударь. Собравшись, они берутъ съ собою горѣлку, яйца и мясо и приглашаютъ къ себѣ въ поле мужичвъ, остающихся въ домѣ. Прибывъ съ лошадьми въ поле на мѣсто ночлега, они раскладываютъ огонь, пекутъ личицу, пьютъ горѣлку, ѣдятъ, поютъ пѣсни, пляшутъ подъ скрипку или дуду и пируютъ такъ во всю ночь.

Примѣчаніе. Музыкальныя орудія у здѣшнихъ крестьянъ состоятъ только изъ *скрипки и дуды*. *Скрипки* — точно такого же вида и устройства, какъ у настоящихъ музыкантовъ и бывають фабричной работы и собственного издѣлія крестьянъ. *Дуда* — духовой музыкальный инструментъ,

обыкновенно собственнаго издѣлія играющаго, есть не что иное, какъ сшитый изъ кожи продолговатый пузырь, величиною съ самаго большаго гуся и почти съ такою же, какъ у гуся, шею, въ которую укрѣпится верхнимъ концемъ *желейка* — небольшая (вершковъ въ 6 въ длину) дудочка, съ загнутымъ широкимъ отверстиемъ внизу, на-подобіе табачной курительной трубки съ чубукомъ; въ другомъ концѣ пузыря, т.-е. тамъ, гдѣ у гуся хвостъ, укрѣплена дудка — *раговня* — весьма большаго размѣра, длиною въ аршинъ и толщиною въ руку; тамъ же, гдѣ у гуся спина, прикрѣплена къ пузырю маленькая дудочка вершка въ три длиною и въ палецъ толщиною, называемая *саплемъ*. Принимаясь играть на дудѣ, музыкантъ беретъ пузырь подъ мышку лѣвой руки и, надувая его посредствомъ *сапла*, вмѣстѣ съ тѣмъ беретъ въ обѣ руки желейку и производитъ тоны, перебирая пальцами по находящимся въ ней дырочкамъ, которыхъ числомъ семь; *раговня же* виситъ у него между ногъ или лежитъ на колѣняхъ и безпрестанно реветъ вмѣсто баса. Дуда представляетъ то удобство, что играющему не надобно дуть: безостановочно, надувъ однажды пузырь, онъ послѣ только слегка подбавляетъ туда духу, пожимая пузырь рукою, такъ, что, не прерывая игры, можетъ проговорить нѣсколько словъ.

У крестьянъ-католиковъ скрипки менѣе въ употребленіи, чѣмъ у православныхъ; чаще у нихъ встрѣчаются дуды. Послѣднія иногда разнятся у католиковъ тѣмъ, что вмѣсто «раговни» имѣютъ три «сапла», независимо отъ того, который служитъ для надуванья. Такія дуды называются «муцьянками».

Примѣрный расчетъ жизненныхъ средствъ крестьянскаго семейства.

Возьмемъ семейство средней зажиточности, въ которомъ находится 6 мужскаго и столько же женскаго пола душъ, въ томъ числѣ половина взрослые рабочіе, а остальные — недоросли отъ 15 лѣтъ до 1 года, — семейство, которое имѣетъ отъ 3 до 4 лошадей, отъ 6 до 10 коровъ и столько же овецъ, отъ 3 до 6

свиней и отъ 4 до 6 гусей и столько же куръ. Такое семейство обыкновенно высѣваетъ на пахатной землѣ, при трехъ-польномъ хозяйствѣ: ржи — 4 четв., ячменю — 1 четв. 2 четверика, овса — 4 четв., гороху — 3 четверика, льну — 4 четверика. На усадебной землѣ, т.-е. въ огородахъ, такое семейство высѣваетъ: ячменю — 2 четверика, бобовъ — 4 гарнца, картофелю — 3 четв. Сверхъ-того, такое семейство съѣтъ свеклу, рѣпу, брюкву, морковь, рѣдьку и садить капусту; послѣ картофеля капуста и свекла обыкновенно занимаютъ самое большое пространство огорода; прочія же огородныя овощи сѣются въ маломъ количествѣ. Гречиху не каждый сѣетъ, а конопли сѣютъ очень не много, только для пеньки на веревки для упряжи; потому гречиха и конопля въ расчетъ не входятъ. При средственномъ урожаѣ рожь бываетъ сама-5, ячмень въ полѣ самъ-6, а въ городѣ самъ-12, овесъ самъ-4, горохъ самъ-7, бобъ самъ-10, картофель самъ-6. (*) Слѣдовательно, чистой прибыли семейство получить: ржи—16 четв., ячменю съ поля — 6 четв. 2 четверика, изъ огорода — 2 четв. 6 четвериковъ, овса — 12 четв., гороху — 2 четв. 2 четверика, бобовъ—4 четверика 4 гарнца, картофелю—15 четвертей, но, считая его по достоинству и по питательности противъ зерновыхъ хлѣбовъ въ $\frac{1}{3}$ долю — 5 четвертей. Всего хлѣба 44 четверти 6 четвериковъ 4 гарн. Сверхъ-того, готовится до 100 и болѣе ведеръ квашеной капусты, которую рубятъ почти на половину съ свеклою, а иногда прибавляютъ къ ней и рѣпу.

Здѣшніе крестьяне привыкли примѣшивать въ хлѣбъ мякину; хлѣбу служатъ значительнымъ подспорьемъ капуста и прочія огородныя овощи. Принимая все это въ соображеніе и полагая всѣхъ означенныхъ смѣшанныхъ хлѣбовъ и картофелю круглымъ числомъ по 1 четверку и по 4 гарнца въ мѣсяцъ на каждую душу, выйдетъ, что семейство,

---

(*) При такомъ урожаѣ, у нѣсколькихъ хозяевъ въ низинѣ, въ-сложности, рожь бываетъ не болѣе, какъ сама-3-тя, ячмень самъ-3 $\frac{1}{2}$, прочіе хлѣба тоже съ соответственными уменьшеніями, потому-что у болѣе части хозяевъ на такомъ же участкѣ земли, вмѣсто показаннаго числа скота, бываетъ только отъ 1 до 2 лошадей, отъ 1 до 3 коровъ и такъ далѣе. У такихъ хозяевъ отъ несвоевременныхъ запашекъ и неудобренія земель урожай бываетъ почти въ половину хуже.

состоящее изъ 12 душъ, потребить въ годъ: на ежедневное пропитаніе 27 четв., на ссынку въ сельскій запасный магазинъ 1 четв. 1 четверикъ, на талоки и праздники по случаю свадебъ и похоронъ, на поларки и на пропой — 4 четв. 5 четвериковъ 4 гарнца, всего 32. четв. 6 четвериковъ 4 гарнца. Затѣмъ остается разнаго хлѣба 12 четв. Этотъ остальной хлѣбъ поступаетъ въ продажу, для покрытія денежныхъ расходовъ.

Приходъ денегъ. За 12 четвертей остающагося за расходомъ хлѣба, по 2 руб. 50 коп. сер. за четверть, получится 30 руб. сер.; за 5 пудовъ выдѣланнаго льна, по 2 руб. сер. за пудъ, — 10 руб.; за льняное сѣмя, котораго при здѣшнемъ способѣ добыванія больше не бываетъ какъ самъ-1¹/₂, много самъ-другъ, и которое цѣнится не выше рубля серебромъ за четверикъ, при не постоянной продажѣ, 2 руб. сер.; за продажу незначительной части огородныхъ овощей 2 руб.; отъ заработка осенью и зимою пилкою дровъ, выдѣлкою льна, дѣлавіемъ колесъ, саней, ручныхъ жернововъ или же продажою въ увѣзанный городъ дровъ и продажою сѣна—16 руб. Всего 60 руб. серебромъ.

Расходъ денегъ. Въ число казенныхъ водатей и земскаго сбора уплачивается помѣщику — 12 руб. сер.; на содержаніе сельскаго православнаго духовенства, на устройство для него жилыхъ строеній, на починку приходской церкви и содержаніе при ней карауловъ — 1 руб.; на наемъ квартиръ для становыхъ приставовъ и лошадей для ихъ разъѣздовъ 50 к.; на желѣзо для лемешей и на ремонтъ прочихъ земледѣльческихъ желѣзныхъ орудій 3 руб.; на ремонтъ колесъ и саней 3 руб.; на ремонтъ разной деревянной посуды, какъ-то: ведеръ, рѣшотъ и прочаго, 1 руб.; на покупку лыкъ для обуви, на покупку и вымѣвъ выдѣланныхъ кожъ на сырыя, также на обувь, рукавицы и упряжь—2 руб.; на разные дорожные расходы при посылкахъ мызными управленіями съ домашними продуктами, для продажи ихъ въ городахъ и мѣстечкахъ, 1 руб.; на ремонтъ 3 лошадей, 3 руб.; на 8 пудовъ соли, по 1 руб. или по 75 коп. сер. за пудъ, 7 руб. 50 коп.; на нюхательный табакъ (который у насъ нюхаетъ почти половина жителей; курятъ же весьма немногіе) 1 руб.; на посѣщеніе корчемъ и ярмонокъ

2 руб.; на 15 ведеръ горѣлки (*), по рублю сер. за ведро, 15 руб. сер. Всего 53 руб. Вычитая этотъ денежный расходъ изъ прихода (60 руб. сер.), получимъ въ остаткѣ 7 руб. сер.

Одежда въ расчетъ не полагается, потому-что она производится дома. Покупаются нѣкоторыя только нарядныя вещи, какъ-то: для мужчинъ—шапки, шляпы и кушаки, а для женщинъ—ситцевыя и китайчатые сарафаны, сороки, платки, серьги, бисеръ и прочія мелочи; но всѣ эти вещи какъ мужчинами, такъ и женщинами приобретаются не на хозяйскія деньги, т.-е. не изъ хатной собственности, а каждымъ для себя изъ своей «собины»; равнымъ-образомъ и издержки корчемныя и ярмочныя на пьянство, лакомство и т. п. покрываются семьянами также изъ «собинъ». *Собина*, то-есть *отдѣльная собственность каждаго семьянина*, приобретается слѣдующимъ образомъ: каждый семьянинъ старается ежегодно заарендовать у бѣднѣйшихъ хозяевъ, или, гдѣ есть, вспахать на пустомъ мѣстѣ небольшой клочекъ земли и засеять на немъ отъ 3 до 8 гарнцевъ льну, изъ котораго онъ и приготовляетъ для себя холстъ на бѣлье и другое платье; остальной ленъ продаютъ на собину. Въ зимнее время мужчины (которые умѣютъ) дѣлаютъ ложки, ведры, шьютъ шапки, сапоги, рукавицы, дѣлаютъ для грубыхъ холстовъ берды и

(*) Чтобы означенное количество горячаго вина не могло съ перваго взгляда показаться преувеличеннымъ, представляю подробный счетъ потребления этого напитка въ продолженіе года.

Для праздника Нового года 2 кружки, для мясныхъ заговень 2 кружки, для сырныхъ заговень 2 кружки, для четырехъ поминальныхъ дней въ году, на каждый по 2 кружки—8 кружекъ, для Пасхи 4 кружки, для розговень на Св. Петра и Павла 2 кружки, для каши изъ новаго хлѣба 2 кружки, для пожинноу ржи 2 кружки, для пожинноу яровыхъ хлѣбовъ 2 кружки, для Филипповыхъ заговень 2 кружки, для избраннаго праздника 5 ведеръ, на крестины, свадьбы и похороны: на свадьбу выходитъ до 10, на похороны до 3 ведеръ; такъ-какъ они бывають не ежегодно, то приблизительно полагается въ годъ 3 ведра; для навозной талоки 1 ведро; на талоку для доставки изъ лѣса бревенъ и на обкладку какой-либо хоромины 1 ведро; на выѣздъ въ городъ Ригу со львомъ и возвращеніе оттуда—6 кружекъ; на барыши при мѣнѣ, продажѣ либо покупкѣ лошади или другой какой вещи 4 кружки; весною, для выѣзда въ первый разъ съ лошадьми на ночлегъ въ поле—2 кружки; на угощеніе сапожниковъ, портныхъ и прочихъ мастеровыхъ, а также и на потчиванье гостей, заѣзжающихъ случайно, 1 ведро. Всего 16 ведеръ въ годъ.

прочія мелочи—также въ пользу *собини*; а которые не имѣютъ означенныхъ промысловъ, тѣ ходятъ въ заработки, какъ выше сказано, «для хаты», т-е. для хозяина, и стараются тамъ побольше заработать, чтобъ можно было отложить изъ заработанныхъ денегъ и себѣ на собину. Женщины въ зимнее время въ пользу собины прядутъ и ткутъ по найму священникамъ, дячкамъ, мѣщанамъ, дворовымъ людемъ и богатымъ крестьянамъ.

Умственные и нравственные способности и образование.

Здѣшніе крестьяне держатся, такъ-сказать, только одной сохи и все свое благосостояніе основываютъ на одномъ хлѣбопашествѣ. Не занимаясь ни извозами, ни торговыми оборотами, и слѣдовательно, нигдѣ не бывая, они съ перваго взгляда кажутся очень простыми и глупыми; но они могли бы быть и понятливы и смѣтливы, въ чемъ можно несомнѣнно удостовѣриться изъ слѣдующаго:

Какой-нибудь деревенскій олухъ, взятый въ господскій дворъ для прислуги барину, побывавъ съ нимъ нѣсколько разъ въ Петербургѣ, года чрезъ три и даже черезъ два дѣлается уже совершенно не тѣмъ «мальцемъ»: въ немъ видны и смѣтливость и понятливость. Все это развивается въ немъ въ весьма короткое время.

Изъ такихъ же олуховъ, отдаваемыхъ въ обученіе мастерамъ въ Петербургъ, выходятъ отличные слесари, кузнецы, столяры, колесники, портные, сапожники и другіе мастеровые.

Отданные въ рекруты выходятъ въ фельдфебели, въ музыканты, кларнетисты; а жены ихъ, поживъ года два-три по паспорту въ Петербургѣ, такъ переищаются, что когда онѣ возвратятся домой, то не хочется вѣрить своимъ глазамъ, что это тѣ же самыя женщины: онѣ дѣлаются расторопны и въ обхожденіи и въ разговорахъ.

Въ тѣхъ, которые ходятъ сряду по нѣскольку лѣтъ въ заработки подъ Петербургомъ, также появляется болѣе расторопности, смѣтливости и прозорливости; жаль только, что у нихъ тамъ портится нравственность и вмѣстѣ съ тѣмъ по-

степенно исчезаетъ привязанность къ сельской жизни и охота къ сельскимъ хозяйственнымъ занятіямъ.

Наконецъ, смѣтливость и понятливость здѣшнихъ крестьянъ доказываются еще тѣмъ, что между ними много порядочныхъ плотниковъ и кузнецовъ—самоучекъ. Понадаются также и самоучки грамотъ, хотя и очень рѣдко—едва ли одинъ мужчина изъ двухсотъ. Эти грамоты могутъ только что-нибудь прочесть и кое-какъ подписаться; они обучаются не дома (ибо здѣсь нѣтъ для этого ни заведеній, ни мастеровъ), а случайно, болѣею частію будучи въ заработкахъ въ Петербургѣ и въ Ригѣ. У насъ въ мѣстѣи было два такихъ грамотыя. Грамотныхъ женщинъ вовсе нѣтъ. Бываютъ также грамотные изъ дворовыхъ людей, умѣющіе прочесть и подписаться, — по очень рѣдко.

Поселяне-католики, взятые для прислуги въ господскіе дома и бывающіе по нѣскольку лѣтъ въ большихъ городахъ, не такъ скоро привыкаютъ говорить хорошо по-русски, какъ православные, и вообще нѣтъ у нихъ той, такъ-сказать, молодецкой поворотливости и проворства, какія у православныхъ немедленно развиваются въ подобныхъ случаяхъ.

Изъ поселянъ римско-католическаго исповѣданія многіе мужчины и женщины умѣютъ читать по молитвенникамъ, писаннымъ на польскомъ языкѣ. Чтенію этому обучаются они другъ отъ друга, а нѣкоторые, живущіе вблизи отъ приходскихъ костеловъ — отъ дьячковъ и другихъ церковныхъ прислужниковъ. Впрочемъ, это преимущество нисколько не возвышаетъ ихъ умственныхъ и нравственныхъ способностей въ сравненіи съ православными, ибо у послѣднихъ, при совершенной безграмотности, во всѣхъ дѣлахъ житейскихъ замѣтно болѣе прозорливости, смѣтливости и молодцоватости.

Пороки.

Главнѣйшіе пороки здѣшнихъ крестьянъ суть слѣдующіе:

- 1) Пьянство, происходящее, по моему мнѣнію, отъ дешевизны горячаго вина.
- 2) Мелкое воровство, а именно: кража разнаго хлѣба, льна и даже огородныхъ овощей у своихъ помѣщиковъ во время уборки, молотбы и очистки, также кража крестьянами друга

у друга разныхъ земледѣльческихъ желѣзныхъ орудій, платя и холста во время бѣльня и просушки послѣ мытья. Главная причина этого мелкаго воровства есть пьянство.

3) Зависть. Этотъ порокъ существуетъ между ними въ высочайшей степени. Если крестьянинъ видитъ, что у сосѣда лучше выросъ хлѣбъ, лучше ведется скоть и т. под., то онъ съ искреннею досадою разговариваетъ о томъ съ своими домашними и желаетъ всячески, только бѣ въ-тайнѣ, повредить такому сосѣду. Известно также, что каждый крестьянинъ, особенно изъ достаточныхъ, вспахивая свою полосу прежде своего сосѣда, захватываетъ къ ней непременно двѣ или одну, а нельзя, то хоть полъ-борозды; отъ этого нерѣдко случатся, что у однихъ хозяевъ полосы равнаго участка уже, чѣмъ у прочихъ. Богатые, производя запашку ранѣе и прибавляя только по полъ-борозды въ годъ отъ сосѣдняго поля, черезъ нѣсколько лѣтъ непримѣтнымъ образомъ значительно увеличиваютъ свою полосу; бѣдные хотя и видятъ это, но, прибѣгая въ нуждѣ къ богатымъ и занимая у нихъ по неволѣ, не хотятъ съ ними ссориться. Зависть, кажется, у нихъ происходитъ и отъ недостатка хорошей унавоженной пахатной земли, ибо худшія унавоженныя полосы не захватываются такимъ образомъ никогда.

Въ порокахъ католиковъ и православныхъ существуетъ та только разница, что у первыхъ болѣе развито волокитство. Между православными дурное поведеніе дѣвицъ почитается крайне-унизительнымъ и навлекаетъ большое пренебреженіе, такъ что такія дѣвушки иногда до старости не выходятъ замужъ, а если и выходятъ, то за какого-нибудь бѣдняка либо старика-вдовца, съ которыми, безъ того, и не подумали бы вступить въ бракъ. Напротивъ, у поселенъ-католиковъ дурное поведеніе дѣвушекъ не навлекаетъ на нихъ большого презрѣнія и почти нисколько не препятствуетъ имъ выйти замужъ по своему состоянію и по наклонности.

Добрыя качества.

Здѣшніе крестьяне набожны. Эта черта выражается въ томъ, что они твердо и постоянно соблюдаютъ посты, не только предписанныя церковію, но и по собственному желанію;

напримѣръ, въ Богородицкій и Великій посты, по средамъ и пятницамъ, они ѣдятъ только по одному разу, а нѣкоторые семейства не ѣдятъ скоромнаго во всю недѣлю, т.-е. 6 дней, передъ днемъ Покрова Пресвятой Богородицы. Постъ у нихъ — великое дѣло, и если кто изъ крестьянъ, по ошибкѣ или по какому другому случаю, въ постный день хоть дотронется зыкомъ до чего-нибудь скоромнаго, то говоритъ: «сагрѣшилъ Госпаду Богу: душу апагавилъ.» Въ каждый праздникъ у нихъ утромъ затеняется восковая свѣча передъ образомъ, и все семейство, собравшись, молится около получаса, безпрестанно крестясь и кладя поклоны. Они твердо вѣрятъ въ Бога и въ то, что послѣ смерти душа будетъ отвѣчать и мучиться за грѣхи. Гостепріимство и благотворительность здѣшнихъ крестьянъ выражаются въ томъ, что они никогда не отказываютъ дорожнымъ людямъ въ пріютѣ, также принимаютъ на ночлегъ нашихъ, кормятъ ихъ и даютъ милостину зерновымъ хлѣбомъ, холстомъ, платьемъ, яйцами и деньгами. Нищіе пользуются отъ нихъ милостивною также и у церквей и на ярмонкахъ и поютъ дающимъ за упокой усопшихъ душъ и за здоровье и благополучіе живущихъ такъ-называемые *стихи*.

Къ добрымъ качествамъ здѣшнихъ крестьянъ должно отнести ихъ безпредѣльную любовь и преданность къ Государю «Бѣлому Царю, земному Богу». Они въ полной увѣренности полагаются на Его защиту и отеческую къ нимъ любовь. Когда не видать, какъ случилось въ декабрѣ мѣсяцѣ 1849 года, на горизонтѣ *утренней зарюнки* — яркой звѣзды, восходящей передъ разсвѣтомъ съ юго-восточной стороны, то убѣждены, что въ эту пору Царя нѣтъ дома.

Поселяне-католики отличаются еще большею набожностію. Они (особенно женской полъ) чаще ходятъ въ костѣлы; многіе въ костѣлѣ поютъ и читаютъ молитвы по книжкамъ. Но набожность крестьянъ и крестьянокъ римско-католическаго исповѣданія болѣе наружная, что доказывается уже не вполне одобрительнымъ поведеніемъ ихъ женщинъ, а особливо дѣвушекъ, хотя при людяхъ онѣ несносно молчаливы, стыдливы, застѣнчивы и скромны.

Суеврія.

Примѣты.

Объ огонь. Поселяне, мужчины и женщины, особенно вожилые хозяева и хозяйки, гасятъ горящую лучину или свѣчи съ особеннымъ благоговѣніемъ, а именно: задуваютъ губами или затискиваютъ пальцами и ладонью (имѣя отъ работы толстую кожу, они не чувствуютъ обжоги, особенно въ зимнее время) и бережно кладутъ погашенный огарокъ на свое мѣсто. Загасить огонь какъ-нибудь, т.-е. ударить огарокъ лучины объ полъ или затоптать ногою и т. под., считается большимъ грѣхомъ, за который на этомъ свѣтѣ огонь, будучи непріязненнымъ для небрежнаго гасителя, можетъ слѣзть у него пожаръ.

Многіе поселяне въ праздники, особенно въ заговинны и въ розговинны, ни за что не дають огня сосѣдямъ, такъ-что иному, если нѣтъ кремня или огнива, приходится иногда бѣгать за огнемъ версты за три и далѣе. Нѣкоторые и въ будни не охотно дають огонь или дають не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы взятый въ горшокъ жаръ (горящіе уголья) по разведеніи огня въ домѣ, былъ немедленно возвращенъ, хотя бы погаснѣй. А чтобъ взявшій огонь непременно это выполнилъ, берутъ отъ него въ залогъ какое-нибудь верхнее платье, съ-тѣмъ, что если уголья не будутъ въ тотъ же день возвращены, то платье остается собственностію ссудившаго огонь.

Въ тотъ день, когда у крестьянина «талока», онъ ни подъ какимъ предлогомъ не дастъ никому огня; да никто, какъ бы нужно ни было, и не пойдетъ за огнемъ въ ту избу, гдѣ талока.

Весною, когда начинаютъ орать поле, три дня сряду вечеромъ не вздувають и не зажигаютъ огня, стараюсь засвѣтло поужинать и улечься спать.

Послѣднія двѣ примѣты соблюдаются съ тою цѣлью, чтобы скотъ, а особливо свиньи, не потравили лѣтомъ хлѣба къ полѣ. Крестьяне утверждаютъ, что у того, кто никогда не отказываетъ сосѣду въ огнѣ, хлѣбъ въ полѣ всегда бываетъ потравленъ, такъ-что хотя бы его полоса была самая задняя,

скотина, для поживы, перейдетъ туда чрезъ нѣсколько сосѣднихъ полей, не тропувъ ихъ. Этой примѣтѣ они слѣдно вѣрятъ, подтверждая ее въ доказательство живыми примѣрами.

Если въ сырныя заговины огарокъ лучины упадетъ изъ «свѣтца» на поле и тотчасъ же погаснетъ, то это, по мнѣнію крестьянъ, предвѣщаетъ, что въ-теченіе того года въ этомъ домѣ будетъ мертвецъ. То же примѣчается, когда огарокъ лучины упадетъ съ «свѣтца» и воткнется въ поле стойма и будетъ горѣть, — въ какой бы день это ни случилось.

О хлѣбѣ. Если бохонъ хлѣба внутри раздвоенъ, или, какъ говорятъ крестьяне, «раздваивши», то примѣчаютъ: если онъ раздвоенъ поперекъ, значитъ, что въ этомъ домѣ, въ-теченіе года, кто-нибудь изъ домашнихъ отдѣлится; или совершеннѣйша дѣвка выйдетъ замужъ; если же бохонъ хлѣба раздвоенъ вдоль, то ожидаютъ смерти кого-либо изъ домашнихъ. Длину и поперечникъ бохона опредѣляютъ по длинѣ и поперечнику печи, въ которой онъ испеченъ.

Когда изъ новой ржи въ первый разъ пекутъ хлѣбъ, то, начиная мѣсить тѣсто и садить бохоны въ печь, запрещаютъ въ ту пору всякому, кто бы въ избѣ ни былъ, выхолить изъ нея; въ противномъ случаѣ, во весь тотъ годъ не будетъ спорины въ хлѣбѣ.

О волосахъ. Остриженные волосы всегда кладутся въ лавки; а когда надѣты сапоги или что-нибудь другое, или на ногахъ ничего нѣтъ, то волосы затыкаются въ щели, находящіяся въ стѣнѣ избы. Утверждаютъ, что жечь или бросить куда ни попало остриженные волосы — не должно, и что если чьи волосы попадутся птичкѣ на гнѣздо, у того непременно будетъ болѣть голова или окажется «калтунъ» (польская болѣзнь).

О лошадяхъ. Если сосунъ на пастбищѣ вечеромъ, на закатѣ солнца, играетъ, т.-е. бѣгаетъ, подскакиваетъ и подпрыгиваетъ, то его непременно съѣстъ волкъ въ-теченіе того года. Если же онъ играетъ поутру, при восхожденіи солнца, то будетъ хорошо расти и уцѣлѣетъ отъ водковъ.

Если у хозяйши не ведутся лошади, т.-е. часто издыхаютъ, калечатся и бывають худы, то, по мнѣнію крестьянъ, это происходитъ оттого, что лошади не по двору, т.-е. не гнѣ-

дыя или не ровныя, какія у него ведутся; что «дворовикъ» (домовой) его ихъ не любитъ и по ночамъ ѣздитъ на нихъ въ хлѣвъ. Хозяева утверждаютъ, что они сами неоднократно видали своихъ лошадей въ хлѣвъ вспотѣвшими и измученными ѣздою «дворовика», не понимая, что лошади отъ худаго корма и отъ изнуренія работою впадаютъ въ такое болѣзненное состояніе, что дѣйствительно, находясь ночью въ хлѣвъ, бываютъ покрыты потомъ. Суевѣріе это такъ вкоренено, что самыя хорошія хозяева, покупая лошадь, непремѣнно стараются выбрать съ шерстью, какая у нихъ въ домѣ ведется, хотя бы и пришлось заплатить дороже; другой же масти, будь она и лучше и дешевле, не покупаютъ. Если у кого не ведутся лошади никакой масти, то думаютъ, что хлѣвъ, въ которомъ стоятъ лошади, не на мѣстѣ поставленъ. Выстроить хозяинъ другой хлѣвъ или перенесетъ на другое мѣсто, а лошади все-таки не ведутся, — опять говорятъ, что хлѣвъ не на мѣстѣ поставленъ; а что главная причина неблагополучія съ лошадьми—излишнее ихъ изнуреніе, худой кормъ и нерадивый присмотръ,—этого крестьяне или не понимаютъ, или, можетъ-быть, не хотятъ понимать.

Совѣтуютъ также, чтобъ имѣть жирныхъ лошадей, класть на хлѣвъ, въ которомъ онѣ стоятъ, кусокъ дерева, разбитаго громомъ.

О коровахъ. У нѣкоторыхъ хозяевъ коровы бываютъ несравненно молочнѣе, чѣмъ у ихъ сосѣдей. Одни приписываютъ это дѣйствию ворожбы, посредствомъ которой переводится молоко у сосѣднихъ коровъ; другіе же говорятъ, что есть трава, корень которой если дать съѣсть коровѣ, то молоко будетъ у ней чрезвычайно изобильно; только рѣдко кто знаетъ эту благодѣтельную траву, и притомъ корень ея очень длиненъ, такъ-что выкопать его цѣлкомъ весьма трудно и рѣдко кому удастся; а нужно чтобы корень непремѣнно былъ выкопанъ цѣлкомъ, ибо если оторвется его хоть немного, то не только молока у коровы не прибудетъ, но его станетъ еще меньше, или, по выраженію крестьянъ, «зарвецъ савсимъ малако.»

Говорятъ, что нѣкоторыя хозяйки, желая, изъ зависти, уменьшить молоко у коровъ сосѣдки, во время пастьбы скота, тайно, такъ, чтобъ никто не видалъ, подкадываютъ изъ-за горки

или изъ кустарниковъ къ сосѣднимъ коровамъ, надаиваютъ изъ нихъ нѣсколько молока и выливаютъ его на калену, имѣющую, какъ извѣстно, весьма горькія ягоды.

О строемъ льст. Валежникъ, по-здѣшнему «полежатокъ», крестьяне вообще весьма неохотно употребляютъ на строеніе. Они утверждаютъ, что, живя въ «хоромахъ», построенныхъ изъ «полежатка», нельзя ожидать никакого счастья, и что въ тѣхъ хлѣвахъ, гдѣ находится хоть одно бревно полежатка, скотъ, а особливо лошади, не будетъ водиться.

О поспѣвѣ ржи. При началіи поспѣва, крестьянинъ, выходя въ первый разъ въ поле съ сѣменами ржи, всячески старается, чтобы, пока онъ не дойдетъ до своей полосы и не начнетъ сѣять, его не настигъ сосѣдъ, идущій для той же надобности; если же сосѣдъ его настигнетъ до началія сѣва, то у настигнутого будетъ совершенный неурожай. Чтобы избавиться отъ такого несчастія, настигнутый или первовышедшій вдругъ переобувается, переворачиваетъ онучи задомъ впередъ, такъ, чтобы то мѣсто онучь, которымъ прикрывалась пята, окутывало пальцы, — и тогда начинаетъ сѣять. Другіе же въ подобномъ случаѣ сыплютъ въ сѣвалку, сверхъ ржи, три горсти земли и тогда уже начинаютъ сѣять, шепча про-себя, чтобы у сосѣда, которой шелъ вслѣдъ за нимъ, ростки ржи пробивались внизъ, а корни вверхъ, и такимъ-образомъ все зло, долженствовавшее случиться съ его рожью, обратилось на рожь идущаго вслѣдъ за нимъ сосѣда. Последній способъ отвращенія отъ себя зла, съ-тѣмъ, чтобы оно перешло къ другому, считается грѣхомъ, и, какъ рассказываютъ крестьяне, рѣдко кто къ нему прибѣгаетъ.

Объ овсѣ. Крестьяне имѣютъ поговорку: «нали на Ягорья морозъ, тады и на гары вырастиць авесъ». Этому предсказанію она вѣрятъ; я же хотя и считаю его за суевѣріе, однако замѣтилъ, что 1849 году дѣйствительно такъ случилось. 23 апрѣля былъ морозъ, и у насъ во всей округности былъ урожай овса, даже на самыхъ пустыхъ и гористыхъ мѣстахъ, и вышелъ такой изобильный и соломою и умолотомъ. какого здѣсь не запомнятъ. Причиною такого изобильнаго урожая было очень дождливое лѣто, которое благопріятствовало только одному овсу да еще нѣсколько льну; прочіе же всѣ хлѣба

и сѣнокосъ отъ дождей и бурь потеряли почти столько же; сколько въ 1844 году, который крестьяне называютъ мокрьмъ и голоднымъ. Рожь ужьномъ вышла хороша, но умолотомъ— плоха и зерномъ легковѣсна. Ячмень ростомъ былъ посредственный, но бурями и дождями его переломало почти до послѣдняго стебля, такъ-что трудно было его жать и много колосевъ осталось въ полѣ. Горохъ, гдѣ не совѣмъ вымокъ, тамъ во все лѣто и росъ и цвѣлъ; стебли его, лежащіе на землѣ, сгнили, а недозрѣлые стручья попортило морозомъ. Гречиха вся совѣмъ пропала. Сверхъ-того, въ этотъ годъ крайне запоздали уборкою яровыхъ хлѣбовъ, а сноповъ не могли досушиться, такъ-что у многихъ хозяевъ, спѣшившихъ класть ихъ въ «пуни» (сарай), яровой хлѣбъ въ снопахъ согрѣлся и встлѣлъ, особливо ячмень. Ростъ травъ, вслѣдствіе холодной весны, былъ очень скудный, да и тѣхъ не могли скосять во-время, за дождями; луги около рѣчекъ, почти не тронутые косою, остались всѣ подъ водой, такъ-что у многихъ хозяевъ сѣна не собрано и третьей части противъ обыкновенной пропорціи, а собранное было самаго дурнаго качества, обнесенное иломъ на пнѣ или сгноенное дождемъ послѣ косыбы.

О спль. Въ тотъ день, когда въ первый разъ положено привести или привезено сѣно домой съ сѣнокоса, крестьяне ничего и ни за что не дадутъ изъ дому: ни денегъ, ни вещей, ни займы, ни въ подарокъ, ни на продажу, кромѣ развѣ въ видѣ милостыни нищимъ. Это дѣлается для того, чтобы сѣно было споро.

О беременныхъ женщинахъ. Поселяне слѣпо вѣрятъ, что если беременная женщина будетъ чего-нибудь просить, напримеръ денегъ, либо какой вещи, или чего съѣдомаго, а ей того не дадутъ, то, въ непродолжительномъ времени, у того, кого она просила и кто не удовлетворилъ ея просьбы, мыши или крысы изгрызутъ одежду. А потому, кто не хочетъ или не можетъ удовлетворить просьбы беременной женщины, чтобъ уцѣлѣть отъ нападенія мышей, долженъ, когда она отъ него будетъ отходить, непримѣтно бросить вслѣдъ за нею или на нее чтонибудь — уголекъ, земли или какой-нибудь соръ.

О скотѣ и птицѣ, выбывающихъ изъ дома. Отдавая какую-нибудь скотину: корову, теленка, козу, овцу и проч., а также птицъ — гуся или курицу, покупщику или кому въ подарокъ, крестьяне непримѣтно вырываютъ у скотины нѣсколько шерсти, а у птицъ — перышко, бросаютъ вырванное тутъ же подъ ноги и шепчутъ или думаютъ про-себя: «маѣ при мнѣ асталась». Это дѣлаютъ для того, чтобы скотъ и домашнія птицы лучше велись, и утверждаютъ, что если отдавать ихъ изъ дома просто, не вырывая шерсти и перьевъ и не шепча этихъ словъ, то не только не будутъ скотъ и птицы хорошо вестись, но даже можетъ немедленно послѣдовать въ нихъ значительная убыль.

Между поселянами одной деревушки сосѣду у сосѣда не рѣдко случается брать для завода скотину и домашнюю птицу, на примѣръ: теленка, овцу, свинью, гусей, куръ и проч. Приобрѣтеніе этого скота и птицъ для завода дѣлается только обмѣномъ на какую-нибудь вещь, преимущественно на какую-нибудь другую скотину или птицу; на примѣръ, вымѣниваютъ овцу на теленка, поросенка на ягненка, гуся на поросенка, и наоборотъ, какъ кому придется. Покупкою же для завода не приобретаютъ, утверждая, что скотъ и птица, купленные на деньги, не ведутся. При отдачѣ такимъ образомъ изъ дома скота и птицъ для завода, сверхъ выдергиванія шерсти и перышекъ, соблюдаютъ слѣдующее: сосѣду, котораго селитьба или строеніе находится, какъ крестьяне выражаются, «подъ горой», т.-е. хотя нѣсколько ниже, ни за что не даютъ скотины или птицы для завода, хотя бы онъ давалъ за нихъ вчетверо. Утверждаютъ, что если «падеорній вазмець у горнява, то тады съ гары падъ гару всё пиракоцитца», т.-е. у давшаго и заводу не останется, «я заводу коринь вонъ»; для взявшаго же это очень выгодно. Напротивъ, хозяева, живущіе ниже, охотно ссужаютъ своихъ сосѣдей, живущихъ выше. Въ слѣдствіе этого, живущіе ниже, въ случаѣ надобности, должны иногда доставать скотъ и птицъ для завода изъ очень отдаленныхъ деревень.

Повальныхъ скотскихъ падежей у насъ не случалось; но если у кого не ведется скотъ, то обыкновенно утверждаютъ, что или на дурномъ мѣстѣ построены хлѣвы, или есть въ сосѣдствѣ зломыслящіе люди, которые ворожбитскими способами

причиняють имъ это зло; если же лошади не велутся, то сверхъ этихъ причинъ предполагають, что на ихъ лошадяхъ по ночамъ ѣздитъ въ хлѣвѣ *домовой*. Никакими убѣжденіями и доводами нельзя вразумить крестьянъ, что этого быть не можетъ. Также, если коровы немолочны или, отъ какихъ-либо внутреннихъ болѣзней, молоко не имѣетъ надлежащаго качества, или въ немъ есть примѣсь крови, то крестьяне приписываютъ это ворожбѣ непріязненныхъ, зломыслящихъ людей, и увѣрены, что есть такія *чаровницы*, которыя оборачиваются въ кошекъ и ходятъ по ночамъ доить чужихъ коровъ. Если въ скотскомъ кормѣ, сѣнѣ или соломѣ крестьяне найдутъ кость или кусокъ мяса отъ падали, занесенные, вѣроятно, собаками, то утверждаютъ, что это подброшено злоумышленными людьми, съ-тѣмъ, чтобъ у нихъ не велся скотъ. Во всѣхъ изложенныхъ случаяхъ прибѣгаютъ обыкновенно къ ворожбитамъ и ворожеямъ, которые ходятъ по хлѣвамъ, шепчутъ про-себя какія-то слова и, увѣривъ, что послѣ того все зло прекратится и наступитъ благополучіе, берутъ ни за что иногда довольно значительную плату. А если въ скотскомъ корму, какъ сказано, найдена будетъ кость или кусокъ мяса отъ падали, то ворожбиту беретъ ихъ, вбавляетъ въ ступицу стараго колеса и, закупоривъ ее съ обѣихъ сторонъ, относитъ въ болото и тамъ зарываетъ въ землю.

Урюкъ, или зглаженіе.

Поселяне, особенно женщины, слѣпо вѣрятъ, что есть люди, которые, если, смотря на что, подивится, порадуются или позавидуютъ, то уже тамъ добру не бывать; если, напримеръ, такой человѣкъ будетъ смотрѣть на чей-нибудь скотъ или домашнія птицы и подивится или позавидуетъ, что много ихъ или что они хороши, жирны и т. под., то уже безъ «упадку» (убыли) не обойдется. И для людей такой человѣкъ, по мнѣнію крестьянъ, также бываетъ вреденъ. Говорятъ, что если онъ, смотря на кого, подивится силѣ, проворству или красотѣ и проч., то отъ этого внезапно приключится болѣзнь. Известно, что болѣзненнымъ припадкамъ чаще подвергаются женщины и малолѣтнія дѣти: по мнѣнію крестьянъ, именно съ женщинами и ребятами чаще, чѣмъ съ мужчинами, приклю-

чаются «уриюки». Спросите о больномъ, чѣмъ онъ болѣнъ, вамъ отвѣтятъ: «уриюки взяли», или скажутъ: «съ уриюкъ такъ и крошиць и ламаиць всяво». А причины болѣзни обыкновенно самыя естественныя—отъ неваренія желудка или, еще чаще, отъ простуды.

Потому-то, если кто станетъ хвалить красоту женщины или ребенка, либо дивиться ихъ силѣ, проворству и т. под., то женщины, чтобъ спастись отъ «уриюка», возражаютъ: «какавы тваи глаза»? А къ кому менѣе имѣютъ почтенія, тому прямо скажутъ: «соль табѣ въ глаза»; нѣкоторыя же и такъ говорятъ: «соль табѣ въ глаза, галавня въ зубы, гаршокъ мижи щѣкъ, палѣна мижи калѣвна!»

Не пой курица пѣтухомъ.

Если курица запоетъ пѣтухомъ, то это, по мнѣнію крестьянъ, предвѣщаетъ смерть или какое другое несчастье въ томъ семействѣ, которому принадлежитъ курица. Для избѣжанія бѣды, крестьянинъ, въ то же мгновеніе, какъ только курица пропоетъ пѣтухомъ, говоритъ: «Арѣлъ цябя вбей, на свою галаву! Вотъ я съ тобой разбюруся!» Сказавъ это, онъ беретъ курицу и, положивъ ее на полъ возлѣ лавки, поставленной у стѣны, которая противоположна дверямъ, головой къ стѣнѣ, а хвостомъ къ двери, начинаетъ мѣрять полъ избы, переворачивая курицу черезъ голову и хвостъ до порога двери, и если курица придется головою на порогъ, то тутъ же топоромъ отрубаетъ ей голову, говоря: «я казалъ, што на свою галаву; вотъ и булзя крупеня» (супъ); если же при переворачиваніи курица придется къ порогу хвостомъ, то отрубаетъ ей только не много перьевъ въ хвостѣ и выпускаетъ на волю.

Поговорки.

Абдаень, навой, накарми, тады и работы пытай.

(Работники приговариваютъ хозяевамъ.)

Адзинъ и въ каши прападаешъ.

(Когда заставляютъ одного дѣлать то, что надлежитъ дѣлать нѣсколькимъ.)

Адзинъ съ сошкой, а семира съ ложкой.

(У кого много дѣтей недорослей, а работниковъ только онъ одинъ.)

* А ни вухомъ ни владзецъ. (*)

Багатъ Богъ миласцюю.

(Такъ воаражаютъ достаточные, когда бѣдные упрекнутъ ихъ богатствомъ.)

Багатому и чортъ въ кашу масломъ кидая.

Баишь какъ попъ, а слушаць нечива.

* Баючися ваука у дѣсь нийци.

Богъ царьѣль и намъ вадѣль.

Братъ брату сусѣль.

(Дружба между братьями верѣдко превращается во вражду)

Бязъ падмазки ни далѣка праѣдзишь.

Ва всякой хаты па печки, а въ другой и дзвѣ.

(Кто на своихъ домашнихъ жалуется или говорить, что ему дурно жить.)

Ванька, пѣй сула! — Да жарка. — Такъ дуй! — Да, добри дупъ, калн дадупъ.

(Кто показываетъ, что хочетъ дать или попотчивать, а въ самомъ дѣлѣ вовсе того не желаетъ.)

Винаградамъ въ сердца,

Сахарямъ въ душу.

Миды мяданъ,

Никауу ня дамъ.

Эта зелья въ зимку ня мерзны, въ лѣтку ня кисны;

Натаща выпьшишь — ня пушн.

На хлѣбъ выпьшишь — всё лихоя патуша.

(Приговорка при питѣ горѣлки на пирушкахъ и въ корчмахъ.)

Восниъ кажиць: ражу, а вясна кажа: ящи я пагляжу:

(Кто осенью хвалитъ постынную рожь.)

Вси бабры дабры, одна выдра дурная.

(Когда одна баба ссорится съ другими.)

Всяво ни пирыняць што па вады плыве.

(Кто безпокоится, что на его счетъ сплетничаютъ.)

Всякай Цыганъ сваю кабылу хваля.

Выши лба глаза ня дѣвуць.

(Кто противится волѣ начальника.)

Въ вайну налгутца, а въ моръ намрутца.

(Кто рассказываетъ что-либо невѣроятное.)

Вѣкъ сжиць ня мѣхъ сшиць.

* Гадъ у радъ.

Гадъ пакатанца скапника, тамъ астанитца шарсцинка.

(Никакое дѣло безъ расходовъ не обойдется.)

Гадъ ядучъ, тулы илви, а гадъ лверутца, аттуль вхадзи.

Гадъ цѣсна, тамъ чесна; въ циснаты людзи живуць, а въ абыды не.

Горя всяво навуча.

Госць гасцю ня радъ, а хазиныъ абанимъ.

(Если у скупого или недостаточнаго хозяина недостатокъ въ горѣлкѣ)

(*) Пословицы, передъ которыми стоитъ звѣздочка, доставлены изъ Лепельскаго уѣзда.

Дарма и кнутамъ ни сякуць.

(Кто хочеть достать что-либо даромъ.)

Дзенги любюць шотъ, а хлѣбъ мѣру.

* Дзива, што у караля жонка хараша.

Добрыи дзѣлы далѣка слынуць, а дурнымъ яще дальши.

Дровы бизъ палъ жогі нитаряць.

(Если посторонній начнетъ преувеличивать важность вины.)

За аднаво битава даюць двухъ нябитыхъ.

(Въ похвалу научившимся грамотѣ или мастерству)

* Затакаюся якъ цицарукъ.

(Кто говоритъ съ другими, не обращая вниманія на то, что говорятъ ему.)

* И воукъ сытъ и козы цѣлы.

Кабъ ня фжа да ни адзѣжа, такъ ба и апохъ дежа.

(Человѣкъ долженъ всегда трудиться.)

Какая баба сама, такая бабы слава.

Какъ пастидъ, такъ и жини.

Какъ пьянъ, такъ капитанъ, а праспитца, такъ и свинымъ боитца. Пьянаму и козы въ золаци и моря па калѣна и неба съ авчинку.

Кали будуць биць, такъ ня будуць вѣшаць.

Кали середзина пауна, канцы играюць (въ Дризенскомъ уѣздѣ).

Кали станишь пиць да лна, такъ ни видаць дабра.

* Кали узався за гужъ, ни кажи, што ни люжъ.

Каму па каму, а мнѣ два камы.

Каню ня вѣрь въ дароги, а жонки дома.

Кинь назадъ, найдзешъ въ пиряду.

(Сдѣланное добро когда-нибудь принесетъ пользу)

Кольки ни круци, ни вярци, а придзе уярци.

* Крукомъ наса ня дастаць.

(Кто гордится.)

Кали хочишь вѣдаць, што дома дзѣитца, схадзи въ людаи да папытай.

* Ліостачками (лестью) душу вынимаецъ.

Мужикю (мужу) спяно (ляжку), всё пакажи, а пра всё ни кажи.

Мужикъ жонку любя здаровую, а братъ сястру — багатую.

Мужикъ багатъ — яму дабро, сабака касмать — яму цяпло.

На абухи рожь малодя.

(О чрезвычайно скупыхъ.)

На волка памозка, а мядзвѣць съ паднадуску бярецъ.

(Кто подъ личиною добродѣтели частенько дѣлаеть зло.)

* На вусъ матаецъ.

(Старается, чтобы его не поняли.)

На пажари харомъ ни расписываюць.

(Расписывать — обозначать стѣны топоромъ, что дѣлается въ случаѣ перестройки хоромины, чтобы видѣть порядокъ, въ какомъ складены бревна.)

Начная вукучка дзѣнную ширикую.

- Ни одной печки хлѣбъ ѣдинъ.
Ни винавать и Богъ, кали самъ плохъ
Ни всяво свѣту, что въ акнѣ.
Ни пирыскачивши рѣчки, ни кажи, что *юма!*
* Ни рыба, ни мяса.
Ни хто ни вѣдая, какъ хто абѣдая.
Ни видѣвши зорькава, ни видаць и слаткава.
Ни вѣрь ты ни чужимъ рѣчамъ, ни своимъ глазямъ: павѣрь
ты маёй совисци
(Говорятъ мужчины о женщинахъ, когда онѣ оправ-
дываются въ невѣрности.)
Ни въ пару абѣдъ, кали своёй ложки нѣтъ.
Ни красна изба угламъ — красна пирогамаъ
Ни мѣла баба хлапотъ — купила парасятъ.
* Ня плюй у воду: призвицца напитокца.
Па шляхоцку папаламъ клѣцку (комъ), а въ мужицкамъ счѣ-
ти, па три клѣчки въ роци
(Когда кому дають мало горѣлки, а ему хотѣлось бы
выпить больше.)
Падъ ляжачую валоду и вада ни бяжиць.
Пакуль жирнай конь схудая, а худой и сдохня.
* Пакуль солнце узойдзець, роса вочи выгѣсць.
Правда кривду пиряможа
(*Кривда* упогребляется и въ смыслѣ обиды и въ смы-
слѣ лжи — Поговорка эта значить: кто посту-
паетъ справедливо, тотъ всегда будетъ счастливѣе,
чѣмъ поступающій неправильно.)
Правду валки сѣли.
(Рѣдко гдѣ можно видѣть правду.)
Прася ни напитокца, а и дадуць, ни залитца.
(Если не потчуютъ, то не годится самому просить.)
Пьяница праспитца, а дуракъ ни коли.
Рта людаямъ ни завяжишь.
Свиньи ни да парасятъ, кали самую на агонь вядуць.
Свяциль ба мяня свяцегъ мѣсиць, а звѣзды и коламъ пра-
вду.
(Говорятъ хозяйки, при ссорѣ съ семействомъ, когда
вполнѣ надѣются на любовь мужей, а также под-
чиненные, ссорясь съ равными себѣ, когда увѣре-
ны, что за нихъ вступятся начальники.)
Съ дзюжимъ ни барись, а съ багатымъ ни судзись.
Съ миру па нитки, голаму рубашка.
Спиряжонава и Богъ спирягець.
Сытай галоднаму ни пагадая.
Сяводни и въ кошки пирогъ.
(Въ большіе праздники и въ дни заговинъ или роз-
говинъ.)
Тады зягѣза куй, кали жарка.
Умираць сабирайся, а азгароду гарадзи.
* Улѣзъ у неретъ (вершу), ни у задъ, ни у передъ.
* Хаваецца якъ сабака адъ мухъ.
Хаць дзѣшава, да гнила, а дорага, да мила.

- * Хоць яму козь на галавѣ чаши.
Хто дароги пытае, тотъ ня блудяе.
Хто съ Богами, съ тымъ и Богъ.
Чимъ ни зави, тольки хлѣбамъ карми.
Чиибъ бычки ни скакали, были бѣ наши цялятки.
Што вложа хамъ, таво ня выйма и паяъ.
(Не должно драться, хотя бы и въ правомъ дѣлѣ,
потому — что если и случится послѣ драки быть
оправданнымъ, то все же остается боль отъ по-
боевъ или увѣчье.)
Ета тольки цвѣтъ, а глядки будуць.
Яво вяздѣ полна какъ дурнова пива.
(Кто любитъ всюду вмѣшиваться или приходитъ туда,
гдѣ его вовсе не нужно.)
* Якъ переначуешь, такъ большъ почуешь.

Особенности общественнаго быта. (*)

Во всякихъ важнѣйшихъ происшествiяхъ или надобно-
стяхъ и при введенiи чего-либо новаго по хозяйственной ча-
сти, крестьяне собираются на *мирсiя сходки* (схадзки), на ко-
торыхъ имъ объясняютъ новыя предположенiя, перемѣны и
надобности и идетъ сужденiе о сборахъ денегъ, разбираются
споры между крестьянами и т. п. Сверхъ-того, съ разрѣшенiя
помѣщика, избираются три или четыре старыхъ, зажиточ-
ныхъ, хорошихъ и честныхъ хозяевъ, которые называются
мужами (старшинами), и къ нимъ нѣсколько помощниковъ.
Этимъ лицамъ поручается смотрѣнiе за волостiю и всѣми
крестьянами, исполненiе мирскихъ приговоровъ, надзоръ за
нравственностiю крестьянъ, ихъ веденiемъ хозяйства и до-
машняго управления, понужденiе вносить деньги или подати,
надзоръ за наполненiемъ общественнаго магазина хлѣбомъ и
т. п. Кромѣ того, *дворовое управленiе*, имѣя непосредствен-
ную власть надъ крестьянами, окончательно разбираетъ всѣ
дѣла и опредѣляетъ наказанiя за ссоры и тяжбы крестьянъ
между собою, за проступки ихъ, и рѣшаетъ дѣла, которыхъ
они сами собою рѣшить не могутъ. По случаю отдачи рекрутъ,
крестьяне, посредствомъ мужей и двороваго управленiя, дѣ-
лаютъ раскладку денегъ между хозяевами или по хатамъ и на-
значають, кого отдать въ рекруты.

(*) Почерпнуто изъ свѣдѣнiй по Дризенскому уѣзду.

Г. Родзевичъ говоритъ , что у Бѣлоруссовъ братья дѣлятъ между собою доставшееся имъ имущество бѣольшую частью на ровныя части. Дочерямъ выдѣляется въ приданое одно лишь движимое имущество.

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ И ПАМЯТНИКИ.

Въ округѣ, описанномъ г. Анимелле, въ имѣніяхъ помѣщицы Павловичевой, близъ селенія Каменца , на небольшой горѣ, подлѣ небольшого озера, находится старинное кладбище , на которомъ не хоронятъ уже лѣтъ 70 ; но признаки кладбища еще видны , по вырываемымъ тамъ костямъ , по впадинамъ и по валяющимся деревенскимъ надгробнымъ камнямъ , имѣющимъ отчасти изображеніе креста. Объ этомъ кладбищѣ крестьяне рассказываютъ слѣдующее : «При етѣхъ магилкахъ славно была монастырь съ церковью и съ званицай : этакъ монастырь и церковь вмѣстѣ съ людьмъ правалились скрость землю, а званица асталась ; а послѣ и званицу сарвала вихромъ и званы вкацались въ возира. И званы еты на Христовадня, на всюношную звонюць въ возири; и была тоя, што на бириау этава возира нахадзили васкавыи свѣчки , прибитыи съ возира къ беригу валамъ, и еты свѣчки тыи, съ каторымъ правалился монастырь.»

Въ томъ же имѣніи помѣщицы Павловичевой, Каменцѣ, версты въ полуторѣ, въ небольшомъ лѣсу, у перекрестка двухъ небольшихъ дорогъ , находятся курганы, вышиною до одного аршина и болѣе, пространствомъ до 400 квадратныхъ сажень. Эти курганы продолговаты, одинъ отъ другаго не далѣе трехъ сажень; на нихъ растутъ сосны, изъ которыхъ нѣкоторыя толщиною до 6 вершковъ въ отрубѣ пня ; кромѣ того, на курганахъ находятся старыя большіе смолистые пни , — можетъ быть, остатки деревъ, которыя росли слишкомъ сто лѣтъ. Въ прошломъ году, одинъ крестьянинъ рассказывалъ , что, вырывая на тѣхъ курганахъ смолистый пень для гонки смолы, онъ напалъ на человѣческой оставъ такого большаго роста, что, примѣняя найденныя кости къ себѣ, онъ нашелъ ихъ гораздо больше, чѣмъ какія могутъ быть теперь у самыхъ рослыхъ людей. Но самъ г. Анимелле въ

справедливости его словъ удостовѣриться не имѣлъ случая. Разрывъ самъ четыре кургана до основанія, онъ ничего замѣчательнаго въ нихъ не нашель; только въ каждомъ изъ нихъ изрѣдка попадались уголья, а въ одномъ, слишкомъ на аршинъ глубины — простой глиняной горшечекъ, емкостію до двухъ кружекъ; но въ немъ ничего не найдено, кромѣ песчаной земли, въ которой онъ лежалъ. Нѣкоторые говорятъ, что находили человѣческія кости, маленькіе колокольчики, желѣзныя пряжки и стеклянныя бисерины, но самъ онъ этого не видалъ.

О курганахъ нѣтъ въ народѣ никакихъ разсказовъ.

Подлѣ кургановъ, саженьхъ въ пяти, у дорожки, лежитъ дикій камень, продолговатый и плоскій, длиною аршина въ полтора, толщиною въ поперечникъ съ одной стороны до 8, а съ другой 6 вершковъ, называемый крестьянами *пльстунюмъ*. Крестьяне съ незапамятныхъ временъ кладутъ на него деньги, холсты, поясы и проч., приходя для подобныхъ приношеній иногда верстъ за 50 и далѣе. Каждый изъ ближайшихъ жителей, проходя мимо этого камня, считаетъ долгомъ взять эти приношенія и при первомъ случаѣ доставить въ церковь. Крестьяне разсказываютъ объ этомъ камнѣ слѣдующее: «Была вайна; прахадзила войска и еналась за красной чеснай дзявицай. Дзявица тая, вблагая отъ войска, сказала: лучшибъ я камнямъ па землі каталась, чимъ имъ на насмишку дасталась, и, эта сказавши, дзявица тая въ етатъ *пльстунюмъ* каминь абварнулась.»

Не болѣе 15 лѣтъ тому назадъ, увѣренность въ необыкновенномъ значеніи упомянутаго камня еще болѣе усилилась отъ слѣдующаго происшествія: одинъ мелкопомѣстный, достаточный помѣщикъ, и притомъ отлично воспитанный, римскаго исповѣданія, имѣлъ въ арендномъ содержаніи имѣніе версты за три отъ того камня и, издѣваясь надъ суетвріемъ крестьянъ, велѣлъ привести этотъ камень къ себѣ въ мызу и положить подъ порогъ амбара, вмѣсто ступени, гдѣ онъ и пролежалъ лѣтъ пять. Между-тѣмъ, со времени взятія камня, помѣщикъ самъ и жена его подвергались различнымъ болѣзнямъ и неудачамъ во всѣхъ предпріятіяхъ и оборотахъ; въ короткое время изъ порядочнаго состоянія помѣщикъ дошелъ до совершенной нищеты; наконецъ, увидавъ что-то

30%.

во снѣ и полагая, что причина всѣхъ тѣхъ несчастій — на-смѣшка надъ камнемъ, онъ прислалъ нарочно людей изъ Невельскаго уѣзда, гдѣ имѣлъ тогда жительство, верстѣ за 100, положить тотъ камень опять на мѣсто.

Въ $\frac{1}{4}$ версты отъ Езерищенской церкви, Городецкаго уѣзда, къ сѣверу, на Езерищенскомъ озерѣ, находится островѣ, вмѣщающій 10 десятинъ земли и называемый *Городищемъ*. Дѣйствительно, здѣсь примѣтны слѣды искусства. Въ срединѣ острова есть возвышенность въ 50 сажень длины и ширины и въ 5 саж. вышины, огражденная валомъ изъ камня, кирпича и земли; снаружи вала слѣланъ былъ вокругъ ровъ, шириною и глубиною въ 2 сажени; оставленъ одинъ только свободный въѣздъ; примѣтно, были ворота; равнина, въ срединѣ плаца, низменна. По рассказамъ крестьянъ, это мѣсто, вѣроятно, было крѣпостью, маленькимъ городкомъ и мѣстомъ жительства, въ-старину, какого-то небольшого князька, отчего нынѣ и лежащее вблизи селеніе называется *Мстечкомъ*. Нынѣ островъ почти весь занятъ земледѣльствомъ.

Въ двухъ верстахъ отъ той же Езерищенской церкви къ югу, есть Езерищенскій замокъ, бывшій прежде мѣстомъ жительства графа Салогуба, потомъ, временно, принца Виртембергскаго; нынѣ же онъ въ развалинахъ; названъ *замкомъ*, вѣроятно, потому, что окруженъ съ трехъ сторонъ, съ востока, юга и запада, водами двухъ рѣкъ и озера. Примѣчательнаго въ немъ нѣтъ ничего.

Наконецъ, въ одной верстѣ отъ той же Езерищенской церкви, къ востоку, на церковной землѣ, на продолговатомъ въ 10 сажень мысѣ, оканчивающемся къ озеру пирамидою, стоятъ два конусообразные кургана, вышиною въ 3, шириною въ 4 сажени. Когда, кѣмъ и для чего они слѣланы, нѣтъ преданія.

843848

GN2
R78
v.2

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

